

ДЕТЕКТИВ: НОВЫЙ УРОВЕНЬ

ЖЕНА МОЕГО МУЖА

ДЖЕЙН КОРРИ

Annotation

Выйдя замуж за талантливого художника Эда Макдональда, молодой адвокат Лили начала новую жизнь... И, кажется, ничто не сможет омрачить их счастливый брак. По соседству с супружеской парой живет хорошенькая девочка-итальянка Карла, за которой Лили присматривает, пока ее мать пропадает на работе. Карле всего девять, но она уже хорошо знает, что значит хранить чужие секреты... А потом жизнь надолго разведет их – пройдет двенадцать лет, прежде чем Лили и Карла снова встретятся и поймут: им обоим есть что скрывать и, стоит раскрыться хотя бы одной из тайн их прошлого, последствия будут непредсказуемы...

- [Джейн Корри](#)
 -
 -
 - [Пролог](#)
 -
 - [Часть первая. Пятнадцать лет назад](#)
 - [Глава 1. Лили](#)
 - [Глава 2. Карла](#)
 - [Глава 3. Лили](#)
 - [Глава 4. Карла](#)
 - [Глава 5. Лили](#)
 - [Глава 6. Карла](#)
 - [Глава 7. Лили](#)
 - [Глава 8. Карла](#)
 - [Глава 9. Лили](#)
 - [Глава 10. Карла](#)
 - [Глава 11. Лили](#)
 - [Глава 12. Карла](#)
 - [Глава 13. Лили](#)
 - [Глава 14. Карла](#)
 - [Глава 15. Лили](#)
 - [Глава 16. Карла](#)
 - [Глава 17. Лили](#)
 - [Глава 18. Карла](#)
 - [Глава 19. Лили](#)

- [Глава 20. Карла](#)
- [Глава 21. Лили](#)
- [Глава 22. Карла](#)
- [Глава 23. Лили](#)
- [Часть вторая. Двенадцать лет спустя](#)
 -
 - [Глава 24. Карла](#)
 - [Глава 25. Лили](#)
 - [Глава 26. Карла](#)
 - [Глава 27. Лили](#)
 - [Глава 28. Карла](#)
 - [Глава 29. Лили](#)
 - [Глава 30. Карла](#)
 - [Глава 31. Лили](#)
 - [Глава 32. Карла](#)
 - [Глава 33. Лили](#)
 - [Глава 34. Карла](#)
 - [Глава 35. Лили](#)
 - [Глава 36. Карла](#)
 - [Глава 37. Лили](#)
 - [Глава 38. Карла](#)
 - [Глава 39. Лили](#)
 - [Глава 40. Карла](#)
 - [Глава 41. Лили](#)
 - [Глава 42. Карла](#)
 - [Глава 43. Лили](#)
 - [Глава 44. Карла](#)
 - [Глава 45. Лили](#)
 - [Глава 46. Карла](#)
 - [Глава 47. Лили](#)
 - [Глава 48. Карла](#)
 - [Глава 49. Лили](#)
 - [Глава 50. Карла](#)
 - [Глава 51. Лили](#)
 - [Глава 52. Карла](#)
 - [Глава 53. Лили](#)
 - [Глава 54. Карла](#)
 - [Глава 55. Лили](#)
 - [Глава 56. Карла](#)

- [Глава 57. Лили](#)
 - [Глава 58. Карла](#)
 - [Глава 59. Лили](#)
 - [Глава 60. Карла](#)
 - [Глава 61. Лили](#)
 - [Глава 62. Карла](#)
 - [Глава 63. Лили](#)
 - [Глава 64. Лили](#)
 - [Эпилог](#)
 - [Выражение признательности](#)
 - [От автора](#)
 - [notes](#)
 - [1](#)
 - [2](#)
 - [3](#)
 - [4](#)
 - [5](#)
 - [6](#)
 - [7](#)
 - [8](#)
 - [9](#)
 - [10](#)
 - [11](#)
 - [12](#)
 - [13](#)
 - [14](#)
 - [15](#)
 - [16](#)
 - [17](#)
 - [18](#)
 - [19](#)
 - [20](#)
 - [21](#)
 - [22](#)
 - [23](#)
 - [24](#)
-

Джейн Корри

Жена моего мужа

Jane Corry
My Husband's Wife

© Jane Corry, 2016

© Перевод О. Мышакова, 2017

© Издание на русском языке AST Publishers, 2018

* * *

Посвящаю эту книгу моему замечательному второму мужу Шону. Ни одного мгновения печали! Ты не только умеешь меня развлечь, но и оставляешь мне пространство для творчества.

Посвящаю книгу и своим прекрасным детям, которые вдохновляют меня каждый день.

Пролог

Высверк металла. Оглушительный грохот в ушах.

– Сейчас пять часов, и в эфире выпуск новостей...

Радиоприемник весело тараторит с соснового комода, заставленного фотографиями (отпуск, выпускной, свадьба). Рядом – красивое голубое с розовым блюдо и недопитая бутылка «Джека Дэниэлса» за поздравительной открыткой.

Голова болит невыносимо. Правое запястье тоже. Очень больно в груди – и очень много крови.

Я лежу, скорчившись, на полу – холод черной сланцевой плитки немного приглушает боль. Меня трясет.

На стене надо мной – картина с изображенным на ней оштукатуренным итальянским домиком, который очень украшают вьющиеся пурпурные бугенвиллеи. Память о медовом месяце.

Может ли брак закончиться убийством, даже если он уже мертв?

Эта картина будет последним, что я увижу, но сейчас мысленно я заново переживаю свою жизнь.

Значит, правду говорят об умирании: прошлое возвращается, чтобы уйти с тобой.

«Дейли телеграф», вторник, 20 октября 2015 г.

Художник Эд Макдональд найден зарезанным в собственном доме. Полагают, что...

Часть первая. Пятнадцать лет назад

Глава 1. Лили

Сентябрь 2000 года

– Нервничаешь? – спросил Эд, насыпая в тарелки наши любимые рисовые «Криспис».

Обычно я ем их с удовольствием – без молока, хрустящими (ребенком я любовалась маленькими эльфами на пачке, и чары до сих пор не развеялись). Но сегодня у меня что-то нет аппетита.

– Нервничаю? – с нажимом переспросила я, застегивая жемчужные сережки перед маленьким зеркалом над раковиной. Квартирка у нас тесная, приходится искать компромиссы.

Я едва не добавила: «Отчего бы это?» Из-за первого дня семейной жизни (в новое тысячелетие – в новом статусе)? Или потому, что надо было тщательнее выбирать квартиру, а не соглашаться на эту, в захудалом районе Клэпхема, где сосед напротив пьяница, а комнаты настолько тесные, что моя тональная основа «Риммель» (мягкий бежевый) и два тюбика губной помады (бледно-розовой и рубиново-красной) соседствуют с чайными ложками в ящике для столовых приборов?

Или оттого, что сегодня я возвращаюсь на работу после медового месяца в Италии? Неделя на Сицилии – бутылки марсалы, жаренные на гриле сардины и вдоволь сыра пекорино (отель оплатила бабушка Эда).

Или я нервничаю из-за всего сразу?

Вообще-то, я люблю свою работу. До недавнего времени я специализировалась на трудовом законодательстве: помогала незаконно уволенным, особенно женщинам, защищала жертв несправедливости. Это мое. Я собиралась стать социальным работником, как отец, но благодаря энтузиазму преподавателя профориентации в школе и, скажем так, ряду событий в собственной жизни оказалась в этой сфере. Новоиспеченный юрист двадцати пяти лет от роду на минимальном окладе, сражающийся с пуговицей на поясе темно-синей юбки. В нашем бюро ярко одеваются только секретарши. Нарядный адвокат – это неправильный посыл. Так мне объяснили, когда я только начинала работать. В юриспруденции можно сделать блестящую карьеру, но кое в чем она немыслимо консервативна.

– Мы переводим вас на уголовные дела, – сообщил мне начальник (видимо, в качестве свадебного подарка). – Мы считаем, что вы справитесь.

И сейчас, в первый рабочий день после медового месяца, я собираюсь в тюрьму. У меня свидание с человеком, который отбывает срок за

убийство. Я никогда не была в тюрьме – и никогда не хотела там побывать. Это чуждый мне мир. Тюрьма для тех, кто совершил противоправные деяния, а я сразу возвращаю даже лишнюю сдачу за «Космополитен».

Эд что-то выводит в альбоме, чуть склонив голову влево, делает наброски, положив альбом рядом с тарелкой хлопьев. Мой муж всегда рисует. Этим он меня и привлек.

– В рекламе, – сказал он, уныло пожав плечами, когда я спросила, где он работает. – В креативном отделе. Когда-нибудь я стану настоящим художником, а это так, халтурка, чтобы оплачивать счета.

Мне импонируют люди с четкой целью в жизни, но дело в том, что, когда Эд рисует, он забывает даже, на какой он планете. Вот и сейчас он забыл, что задал мне вопрос. Мне вдруг стало важно на него ответить.

– Нервничаю? Нисколько.

Эд кивнул, но я не уверена, что он меня слышал. Когда на него накатывает вдохновение, до остального ему дела нет. Даже до моего очевидного вранья.

Отчего бы, думала я, тронув мужа за левую руку с новеньким обручальным кольцом, не сказать ему правды? Отчего не поделиться с близким человеком, что мне дурно от страха и все время хочется в туалет, хотя я только что там была? Неужели лучше притворяться, что наша неделя вдали от всего мира еще не закончилась, несмотря на сувениры вроде красивого голубого с розовым блюда, которое Эд сейчас подробно срисовывает?

Или это оттого, что я отчаянно храбрюсь перед сегодняшней встречей? По моей спине пробежал холодок, когда я брызнула на запястья купленными в дьюти-фри «Шанель № 5» (подарок Эда, на который он потратил один из своих дорожных чеков). В прошлом месяце адвокат из конкурирующей фирмы получил несколько ножевых ранений в грудь (были задеты оба легких) во время встречи с клиентом в Уондсуэрте. Всякое бывает.

– Давай быстрее, – сказала я. От волнения мой голос прозвучал резче обычного. – Мы так оба опоздаем.

Эд нехотя поднялся с расшатанного стула, оставшегося от прежних жильцов. Мой новоиспеченный супруг долговяз, тощ и ходит, точно извиняясь, будто на самом деле предпочел бы находиться в другом месте. В детстве волосы у него были золотистые, как у меня («Как только мы тебя увидели, сразу поняли: у нас родилась Лили», – любит повторять мама), но с возрастом потемнели и стали рыжеватыми. А еще у него толстые пальцы, совсем не похожие на пальцы великого художника, которым он мечтает

стать.

Каждому нужно мечтать. Девушкам с именем Лили полагается быть красивыми и стройными. Если смотреть сверху, то я вполне соответствую – благодаря светлым от природы волосам и, как великодушно говорила покойная бабушка, «элегантной лебединой шее». Но ниже вместо стройного «стебля» – детская пухлость. Что бы я ни делала, размер одежды у меня в лучшем случае остается шестнадцатым^[1]. Я знаю, что на этом не надо заикливаться. Эд говорит, я такая, какая есть. Он не хотел сказать ничего плохого (надеюсь), но эта полнота меня бесит. Всегда бесила.

Направляясь к двери, я мельком взглянула на стопку поздравительных открыток возле проигрывателя Эда. Мистер и миссис Эд Макдональд. Я не воспринимаю эту фамилию как свою. Миссис Эд Макдональд. Лили Макдональд.

Я долго старалась научиться красиво расписываться, пропуская «и» через «М», но моя новая подпись все равно недостаточно изящна – имя не сочетается с фамилией. Надеюсь, это не дурной знак.

На каждую открытку предстоит написать письмо с благодарностью и отправить до конца недели. Если мама чему-то меня научила, так это вежливости.

Одна из открыток была подписана особенно вычурно, экстравагантными вытянутыми загогулинами, да еще бирюзовой пастой.

– Давина раньше была моей девушкой, – объяснил Эд, прежде чем она заявила на нашу помолвку. – Но теперь мы просто друзья.

Я вспомнила Давину с ее лошадиным смехом и искусно уложенными темно-рыжими локонами, делавшими ее похожей на модели прерафаэлитов. Давина, организатор мероприятий из «Ивентс», куда ходят все «приличные девушки». Давина, которая при знакомстве чуть прищурила свои фиалковые глаза, словно гадая, зачем Эд связался с этой толстой дылдой с взъерошенными волосами, которую я вижу в зеркале каждый день.

Могут ли мужчина и женщина остаться просто друзьями, если отношения закончились? Письмо своей предшественницы я решила оставить напоследок. Эд женился на мне, а не на ней, напомнила я себе.

Теплая рука мужа стиснула мою, будто он чувствовал: мне нужна поддержка.

– Все будет хорошо, вот увидишь.

Мне показалось, что он говорит о нашем браке, и лишь через секунду я поняла – речь о моем дебюте в уголовном праве. О Джо Томасе.

– Спасибо.

Я была благодарна Эду за то, что его не обманула моя бравада. Но при этом мне почему-то стало неудобно.

Мы вместе закрыли дверь и дважды подергали за ручку, потому что для нас все это было ново и непривычно, и быстро пошли по коридору к выходу. Открылась соседняя дверь, и в коридор вместе со своей мамой вышла маленькая девочка с блестящими темными волосами, собранными в длинный хвост. Я их уже видела, но на мое «здравствуйте» соседки не отвечали. Мать и дочь имели оливково-смуглую кожу и двигались плавно и грациозно, будто плыли.

Выйдя из подъезда в холодное осеннее утро, мы вчетвером направились в одну сторону, но мать с дочкой оказались впереди, потому что Эд что-то рисовал на ходу. Соседки казались копиями друг друга, с той лишь разницей, что на мамаше была чересчур короткая черная юбка, а девочка, которая из-за чего-то капризничала, была одета в темно-синюю школьную форму. «Когда у нас с Эдом будут дети, – подумала я, – мы научим их не ныть на улице».

Я совсем продрогла, когда мы подошли к остановке: бледное осеннее солнце очень отличалось от зноя медового месяца, но еще больше меня удручала мысль, что сейчас нам придется расстаться. После проведенной вдвоем недели перспектива на восемь часов остаться без мужа пугала.

Были причины для расстройств. Совсем недавно я казалась независимой и вполне довольствовалась собственным обществом, но с той минуты, как Эд заговорил со мной на вечеринке (всего полгода назад!), я чувствовала себя сильнее – и одновременно уязвимее.

Мы молчали. Я собиралась с духом перед неизбежным. Мой автобус идет в одну сторону, его – в другую. Эд направляется в рекламную фирму, где целыми днями придумывает слоганы, чтобы заставить людей покупать ненужные вещи. А я еду в тюрьму – в своем темно-синем костюме и со своим загаром.

– Страх будет только до входа, – сказал муж (я была уверена, что мне никогда в жизни не придется произнести это слово!) и поцеловал меня в губы. Поцелуй оставил вкус рисовых хлопьев и терпкой зубной пасты, к которой я никак не привыкну. – Как войдешь, так сразу и пройдет.

– Я знаю, – ответила я.

Эд побрел на остановку напротив, не отрывая взгляда от дуба на углу: глаз художника зорко подмечал оттенки и форму.

Две лжи. Две маленькие невинные лжи, чтобы утешить друг друга. Большая ложь начинается с пустяка, из лучших побуждений. А потом она разрастается и выходит из-под контроля.

Глава 2. Карла

– Ну почему? – ныла Карла, повисая на маминой руке в попытке остановить неотвратимое приближение к школе. – Почему мне обязательно нужно туда идти?

Если как следует покапризничать, мать может сдаться, – так уже было на прошлой неделе. Правда, тогда были ее именины, и мать была мягче обычного: дни рождения, именины, Рождество и Пасха всегда трогали ее до глубины души.

– Как летит время! – причитала тогда мать со своим сильным, густым акцентом, так отличавшим ее от других матерей. – Девять с половиной лет без твоего отца! Девять долгих лет!

Карла, сколько себя помнила, знала, что папа в раю, с ангелами, потому что нарушил обещание, когда она родилась. Однажды Карла спросила, какое это было обещание.

– Такое, которое, раз нарушив, обратно не вернешь, – фыркнула мама.

Как та красивая голубая чашка с позолоченной ручкой, подумала Карла, которую она уронила неделю назад, вызвавшись вытирать вымытую посуду. Мама плакала, потому что чашка была из Италии.

Жаль, что папа с ангелами. Но зато у нее есть мама! Однажды дядя в автобусе принял их за сестер, чем насмешил маму.

– Он мне просто льстил, – сказала она, покраснев, но вечером разрешила Карле дольше не ложиться спать. И Карла усвоила: когда мама счастлива, у нее можно что-нибудь выпросить.

Просить можно и тогда, когда мама грустная. Вот как сейчас, в начале нового века, про который им рассказывали в школе.

Всю четверть Карла мечтала о пенале-гусенице из мягкого пушистого материала, как у всех в классе. Может, тогда ее перестанут дразнить. Отличаться плохо. Плохо быть меньше всех в классе («Пигалица!» – этого странного слова не было в детском словаре, который Карла уговорила маму купить в магазине подержанных вещей на углу улицы). Плохо иметь густые черные брови («Волосатая-полосатая!»). Плохо называться не похожими на другие именем и фамилией.

Карла Каволетти. Одноклассники дразнили ее Спаголетти. Волосатая Карла Спаголетти!

– Почему нельзя сегодня остаться дома? – ныла Карла, чуть не прибавив «у нас» – а не в том, итальянском, о котором мама постоянно

говорила и которого она, Карла, никогда не видела.

Мама замедлила шаг, когда соседка с золотистыми волосами прошла мимо, неодобрительно глянув на них.

Карла знала этот взгляд – так смотрела учительница в школе, когда она не смогла рассказать таблицу умножения на девять.

– У меня с математикой тоже неважно, – пожимала плечами мама, если Карла просила помочь с домашним заданием. – Ничего, главное, не объедаться пирожными и не толстеть. Таким, как мы, достаточно быть красивыми.

Дядя с блестящей машиной и в большой коричневой шляпе всегда говорил маме, что она красивая. Когда он приходил в гости, мама не плакала. Она распускала свои длинные вьющиеся волосы, душилась любимым «Яблоневым цветом», и ее карие глаза сверкали. Включался проигрыватель, и они вместе отбивали ритм носками туфель. Правда, Карле засиживаться не давали.

– Спать, *cara mia*^[2], – певуче говорила мама, и девочка уходила в другую комнату, оставив маму и гостя постукивать ногами под музыку в маленькой гостиной под пристальными взглядами маминых родственников с фотографий. Часто их холодные лица снились Карле по ночам, и ее крики мешали танцам и сердили маму:

– Ты уже большая, чтобы бояться снов. Ты не должна беспокоить меня и Ларри.

Когда в школе задали сделать проект «Мои папа и мама», Карла, воодушевившись, пришла домой, но мама долго цокала языком, а потом разрыдалась, уронив голову на кухонный стол.

– Я должна что-нибудь принести на школьную выставку, – настаивала Карла. – Не могу же я одна ничего не принести!

Наконец мама сняла со стены фотографию мужчины с прямой осанкой, в белом воротничке и со строгим взглядом.

– Мы отправим к ним *нонно*, – сказала она так, будто в горле у нее застрял леденец.

Карла любила леденцы. Дядя с блестящей машиной часто приносил ей леденцы в белом бумажном пакете, но они прилипали к рукам, и Карле приходилось долго отмывать пятна.

Карла благоговейно взяла фотографию.

– Это мой дедушка?

Она и так знала ответ – мать говорила ей это много раз, но приятно лишний раз услышать, что у нее, как у всех, есть дедушка, хоть он и живет за много миль в горах Флоренции и не отвечает на письма.

Мама Карлы обернула фотографию в оранжевый с красным шелковый шарф, пахнувший нафталином. Карла бежала в школу, как на праздник.

– Это мой *нонно*, – гордо объявила она.

Но все только смеялись.

– Нонно, нонно, – передразнил один мальчишка. – А почему не дедушка, как у всех? И где твой отец?

Это было накануне ее именин, а на следующий день Карла убедила мать не ходить на работу, притворившись больной. Это был один из лучших дней в ее жизни: они с мамой устроили пикник в месте под названием Гайд-парк, и мама пела песни и рассказывала о своем детстве в Италии.

– Братья брали меня с собой купаться, – мечтательно говорила она. – Мы ловили рыбу на ужин, а потом пели, танцевали и пили вино.

Карла, пребывавшая наверху блаженства оттого, что не пошла в школу, накручивала на пальчик прядь маминых темных волос.

– А папа тоже с вами купался?

Карие мамины глаза вдруг погрустнели.

– Нет, моя маленькая, не купался. – И она принялась убирать термос и сыр с красного клетчатого пледа на траве. – Пойдем, пора домой.

И это уже не был лучший день в жизни Карлы.

Сегодняшнее утро тоже не самое удачное. На первом уроке будет контрольная, предупредила учительница. Математика и правописание – самые ненавистные Карле предметы. Чем ближе они подходили к автобусной остановке, тем сильнее Карла тянула маму за руку.

– Росточком ты не вышла, – недавно сказал ей дядя с блестящей машиной, когда она отказалась рано ложиться спать, – зато упрямства на двоих хватит.

«А что, нельзя?» – чуть не огрызнулась Карла.

– Всегда будь вежлива с Ларри, – твердила мать. – Без него мы бы здесь пропали.

– Пожалуйста, давай останемся дома! Ну, пожалуйста! – заныла Карла. Но мама ничего не желала слушать.

– Мне надо работать.

– Ну почему? Ларри поймет, если ты не пойдешь с ним обедать!

Обычно Карла не произносила имени гостя, предпочитая называть его дядей с блестящей машиной. Это означало, что он не член их семьи.

Мама резко повернулась, едва не налетев на столб. Мгновение она казалась почти взбешенной.

– Потому что, малышка, у меня еще осталась гордость. – Ее глаза

сверкнули. – И потом, я люблю свою работу.

Мамина работа была очень важной: она делала из обыкновенных тетей красавиц. Мама работала в большом магазине, где продавали помаду, тушь для ресниц и специальные кремы, от которых кожа становится «прелестно смуглой», «томно бледной» или чем-то средним, смотря как нанести. Иногда мама приносила образцы домой и подкрашивала личико Карлы, так что девочка выглядела гораздо старше своего возраста. Это делалось ради красоты, чтобы однажды и Карла нашла себе дядю с блестящей машиной, который закружит ее в танце посреди гостиной.

Ларри мама нашла именно так. В тот день она работала за кассой в отделе парфюмерии, потому что кто-то заболел. Заболел – это хорошо, сказала мама, потому что тогда магазину требуется замена. Ларри пришел купить духи своей жене. Она тоже заболела. Мама оказывает его жене услугу, делая Ларри счастливым. Он и к Карле хорошо относится, вот леденцы ей приносит.

Но сейчас, когда они шли к автобусной остановке, где уже стояла соседка с золотистыми волосами (которая, по словам мамы, ела слишком много пирожных), Карле хотелось большего.

– А можно попросить у Ларри пенал-гусеницу?

– Нет, – мать сделала решительный жест изящной рукой с алыми ногтями, – нельзя.

Это несправедливо! Карла уже почти ощущала мягкости меха, мысленно поглаживая пенал. Она почти слышала, как гусеница говорит: «Я должна принадлежать тебе, Карла. Тогда все нас полюбят. Не бойся, ты что-нибудь придумаешь».

Глава 3. Лили

До тюрьмы предстояло добираться автобусом от конечной станции линии Дистрикт^[3]. Ее нежно-зеленый цвет на карте метро успокаивал – это не красная центральная линия, ломаная и кричащая об опасности. Станция Баркинг. Я напряженно рассматриваю платформу через стекло с полосками дождя, ища знакомые лица.

Но никого из них нет, только группы заспанных жителей пригородов, похожих на сморщенных ворон в плащах, и женщина, присматривающая за мальчиком в красивой красно-серой форме.

Когда-то и у меня была нормальная жизнь в Баркинге. Я до сих пор помню дом 50-х годов постройки, с каменной штукатуркой и бледно-желтыми оконными рамами, отличавшимися от традиционных кремовых у соседей. Помню, как я, держа маму за руку, сосредоточенно семенила в библиотеку по оживленной улице. Отчетливо помню, как папа сказал: скоро у меня появится братик или сестричка. Наконец-то я буду как все в нашем классе – дети из веселых, шумных, суетливых семей, совсем не похожих на нашу тихую семейку из трех человек!

По странной ассоциации мне вспомнились утренняя капризуля из нашего дома и ее мамаша с красиво очерченными яркими губами, гривой черных волос и отличными белыми зубами. Между собой они говорили по-итальянски, и я подавила искушение похвастаться, что только что вернулась из Италии после медового месяца.

Я часто думаю, как живут другие люди. Интересно, кем работает эта красавица? Моделью? Но сегодня мои мысли против воли возвращались ко мне самой, к моей жизни. Как бы я жила, стань я социальным работником, а не юристом? Что, если бы вскоре после переезда в Лондон я не пошла на вечеринку вместе с новой соседкой по квартире – ведь обычно я отказывалась? Не пролила бы вино на кремовый ковер? И если бы тот добрый рыжий молодой человек («Здравствуйте, меня зовут Эд») в темно-синем галстуке и с интонацией, свидетельствовавшей о прекрасном образовании, не помог мне оттереть пятно, уверяя, что ковер в любом случае был слишком скучный и такой «акцент» его только оживил? Что, если бы я не напилась (чтобы расслабиться) и не рассказала Эду о смерти моего брата, когда он спросил меня о семье? Что, если бы этот оригинал, который рассмешил меня и оказался хорошим слушателем, не сделал мне предложение буквально на втором свидании? Что, если бы его эстетский,

привилегированный мир, разительно отличавшийся от моего, не показался мне спасением от ужасов прошлого?

– Ты говоришь мне правду о Дэниэле? – Голос матери врезался в плотные ряды голосов ворон и на невидимом буксире вытащил меня из Лондона в Девон, куда мы переехали через два года после появления Дэниэла.

Я плотнее запахнулась в свое взрослое пальто и будто бы выбросила мамин требовательный голос из окна на рельсы. Я не обязана больше это слушать. Я взрослая. Я замужем. У меня серьезная работа с определенными обязанностями, которой я сейчас и займусь, вместо того чтобы ворошить прошлое.

– Нужно предугадывать ход мысли обвинения, – учил меня один из старших партнеров фирмы, – и быть на шаг впереди.

Поерзав на сиденье в попытке отвоевать немного места между двумя парами мощных коленей в серых брюках, я открыла свой раздутый портфель (непростая задача в переполненном вагоне). Заслоняя от соседей резюме уголовного дела (нам нельзя читать секретные документы в присутствии посторонних), я пробежала глазами по тексту, чтобы освежить в памяти детали.

КОНФИДЕНЦИАЛЬНО PRO BONO^[4]

Джо Томас, 30 лет, страховой агент. Осужден в 1998 году за убийство Сары Эванс, 26 лет, продавщицы модного магазина и сожительницы обвиняемого, совершенное посредством сталкивания жертвы в ванну с кипятком. Смерть наступила в результате сердечной недостаточности и сильных ожогов. Соседи показали под присягой, что слышали звуки скандала. Синяки на теле жертвы соответствуют следам от насильственного удержания в воде.

При упоминании о ванне меня передернуло. Убийство должно совершаться чем-то опасным, вроде острого лезвия, камня или яда, как у Борджиа, а ванне полагается быть успокаивающей, безмятежной, как нежно-зеленая линия метро. Как медовый месяц.

Вагон раскачивался, и меня бросало к коленям то справа, то слева. В какой-то момент я выпустила бумаги из рук, и они рассыпались по мокрому полу. Я в ужасе сгребла их в охапку, но слишком поздно: владелец брюк справа от меня подал мне записку по делу, впившись глазами в печатные

строчки.

Мое первое убойное дело, хотелось мне объяснить, чтобы побороть настороженность в его взгляде. Но вместо этого я густо покраснела и записала бумаги в портфель, сознавая, что, окажись здесь мой шеф, он бы тут же меня уволил.

Поезд прибыл слишком быстро, как мне показалось. Надо выходить. Надо спасти человека, который мне уже заочно отвратителен (ванна с кипятком!). Но все, о чем я мечтаю, – это снова оказаться в Италии и заново прожить наш медовый месяц. На этот раз как следует.

Всякий раз при слове «тюрьма» я представляла себе что-то вроде Кольдица^[5], но здание, к которому мы подъехали, походило скорее на развалюху свекра и свекрови в Глостершире. Я ездила к ним всего один раз, но и этого оказалось достаточно: атмосфера была леденящей, и я говорю не об отсутствии центрального отопления.

– А мы точно приехали куда надо? – спросила я.

Таксист кивнул. Я чувствовала, что он улыбается, хоть и не могла видеть его лицо.

– Все удивляются. Раньше это был частный дом, пока не перешел на баланс пенитенциарной службы ее величества. – Голос таксиста стал суровее: – Сейчас здесь свора кровавых психов, и не только среди заключенных.

Я с интересом подалась вперед. Беспокойство о том, возместят ли мне расходы на такси (как оказалось, автобус до тюрьмы не идет), отошло на второй план от такой интригующей информации. Я знала, что в Брейквильской тюрьме ее величества содержатся немало психопатов, потому что это специализированное учреждение, но послушать знающего человека не помешает.

– Вы об охранниках? – отважилась я спросить.

Послышалось фырканье. Мы ехали мимо ряда несомненно муниципальных жилых домов.

– Ну а о ком еще. Мой шурин работал здесь надзирателем, пока у него не случился нервный срыв. Жил в одной из этих хибар. – Таксист резко мотнул головой.

Мы повернули за угол, и слева показался один из самых красивых домов, какие я только видела, с прекрасными раздвижными окнами и великолепным красно-золотым плющом, карабкающимся по стенам. Построенный, видимо, при короле Эдуарде, особняк составлял резкий контраст с щитовыми домишками справа.

– Вон там запишитесь, – сказал таксист, указав на нужное здание.

Я пошарила в сумке, чувствуя себя обязанной оставить чаевые хотя бы за дополнительную информацию.

– Спасибо. – В его голосе послышалось удовольствие, но в глазах мелькнуло беспокойство: – Заключенных навещаете?

Я ответила не сразу. Так вот за кого он меня принимает – за очередную благотельницу, которая считает своим долгом протянуть руку помощи преступникам?

– Вроде того.

Он покачал головой:

– Будьте осторожны. Эти амбалы... они здесь за дело, не забывайте.

Он уехал. Я проводила такси взглядом до конца аллеи: моя последняя связь с внешним миром. И, только направившись к зданию, сообразила, что забыла попросить чек за поездку. Если я даже это не могу нормально сделать, на что надеяться Джо Томасу? Да и заслуживает ли он надежды?

– Сахар, скотч, чипсы, колюще-режущие предметы? – грозно спросил охранник за стеклянной перегородкой.

Мне показалось, что я ослышалась – мысли были заняты этой странной поездкой. Послушавшись таксиста, я направилась к увитому плющом особняку, с облегчением вздохнув при мысли, что тюрьма, оказывается, вовсе не страшная, но оттуда меня отправили назад – мимо сборных домиков к высокой стене (которую я вообще не заметила) с протянутой поверху колючей проволокой. С замиранием сердца я шла вдоль стены, пока не увидела маленькую дверь. «Звоните» – гласила табличка.

Задыхаясь, я нажала на кнопку. Дверь открылась автоматически, и я шагнула в комнату, не отличавшуюся от зала ожидания в небольшом английском аэропорту. С одной стороны тянулась стеклянная перегородка, у которой я теперь и стояла.

– Сахар, скотч, чипсы, колюще-режущие предметы? – повторил охранник, глядя на мой портфель. – Сэкономите время, если достанете все до досмотра.

– Нет, у меня ничего такого нет... А почему вдруг именно сахар, скотч и чипсы?

Маленькие любопытные глазки человека за перегородкой впились в меня.

– Из сахара они делают самогон, скотчем могут заклеить вам рот, а чипсы вы могли захватить, чтобы добиться их расположения. Такое уже

случалось, можете мне поверить. Я ответил на ваш вопрос?

Он был явно доволен собой. Я знаю таких людей (один из них мой начальник): им доставляет удовольствие смешивать вас с грязью. Охранник своего добился: я смутилась, но внутренняя сила, которую я в себе и не подозревала, помогла мне не прореагировать.

– Если под словом «они» вы подразумеваете свой контингент, то им не повезло, – парировала я. – У меня с собой нет ничего из вашего списка.

Он пробормотал что-то вроде «прекраснодушные адвокатишки» и нажал на кнопку звонка. Из дальней двери вышла женщина в форме.

– Поднимите руки, – велела она.

Это снова напомнило мне аэропорт, только сейчас ничего не зазвенело. На мгновение я снова оказалась в Риме, где из-за моего серебряного браслета (свадебного подарка Эда) при досмотре сработала сирена.

– Откройте портфель, пожалуйста.

Я подчинилась. Там лежала папка с документами, косметичка и упаковка мятной жвачки.

Женщина схватила косметичку и жвачку, будто трофеи.

– Боюсь, это мы вынуждены конфисковать. Получите на выходе. Зонт тоже.

– Зонт-то почему?

– Потенциальное оружие. – Охранница говорила сухо, но в ее голосе угадывалось сочувствие, которое отсутствовало у человека за стеклянной перегородкой. – Сюда, пожалуйста.

Она вывела меня через другую дверь. К моему удивлению, я оказалась в довольно красивом садике, разбитом во внутреннем дворе. Мужчины в зеленых, как одежда Робин Гуда, тренировочных штанах и фуфайках сажали лакфиоль. Моя мать в Девоне тоже занимается посадками, вчера она сообщила мне об этом по телефону. Поразительно, как не знакомые друг с другом люди в разных частях света могут одновременно заниматься одним и тем же, но при этом общее дело не означает, что между ними существует какая-то связь.

Один из заключенных бросил взгляд на кожаный ремень охранницы, на котором висели связка ключей и серебряный свисток. Разве свисток поможет, если эти люди на нас набросятся?

Мы пересекли скверик и подошли к соседнему зданию. Моя спутница вынула из мешочка ключи, выбрала нужный и отперла дверь. Мы оказались в коридоре. Впереди еще две двери. Двойные двери с двойными затворами, разделенными расстоянием примерно в дюйм. Охранница открывала их и сразу запирала за нами.

– Не прищемите пальцы.

– А вы проверяете, хорошо ли закрыли? – зачем-то спросила я.

Она пристально посмотрела на меня:

– Нет.

– Я по два раза возвращаюсь, чтобы проверить, закрыта ли дверь квартиры, – сообщила я. Почему я это сказала, не знаю. Может, чтобы привнести немного юмора в незнакомый мир, в котором оказалась.

– Здесь необходимо во всем быть на высоте, – осуждающе заметила охранница. – Сюда.

Еще один коридор, снова двери, и возле каждой на стене табличка: «Крыло А», «Крыло Б», «Крыло С».

Навстречу нам шла группа мужчин в оранжевых тренировочных костюмах. Один из заключенных – лысый, с блестящей кожей – кивнул охраннице:

– Доброе утро, мисс. – И уставился на меня.

Они все смотрели. Я залилась краской. Горячая волна нахлынула до самых корней волос. Я подождала, пока они прошли.

– А что, им разрешено ходить по коридорам?

– Только при свободном перемещении.

– Как это?

– Если из своего крыла они направляются в спортзал, часовню или на учебу. Это не требует такого надзора, как в других ситуациях – когда каждого заключенного сопровождает конвоир.

Я хотела спросить, что это за ситуации, но вместо этого, отчасти от нервозности, у меня вырвалось:

– А они сами выбирают себе цвет одежды? Например, вот этот ярко-оранжевый?

– Нет, это чтобы сразу было видно, из какого они крыла. И не задавайте им подобных вопросов, иначе они решат, что вы ими интересуетесь. Некоторые из этих мужчин довольно красивы, но опасны. Они начнут диктовать вам условия, набиваться в друзья, чтобы усыпить вашу бдительность и заставить плясать под свою дудку. Они незаметно вытянут из вас информацию или спровоцируют на нарушение тюремных правил.

Вот ерунда. Это какой же нужно быть дурой, ведь все шито белыми нитками. Мы остановились у входа в крыло Д. Снова двойные двери и запоры. Я прошла вперед и подождала, пока охранница повернет ключ в замке. Перед нами тянулся широкий коридор с дверями по обеим сторонам. По нему, словно по бульвару, слонялись трое заключенных. Они уставились

на нас. Четвертый чистил аквариум, стоя к нам спиной. Меня поразила нелепость увиденного: убийцы ухаживают за золотыми рыбками? Но не успела я задать этот вопрос, как меня отвели в офис.

За письменным столом сидели двое молодых людей, мало чем отличавшихся от тех, что находились в коридоре, – короткие стрижки и пытливые взгляды, разве что одеты они были в форму тюремной охраны.

Пояс юбки врезался в талию. Я в который раз пожалела, что дала себе волю в Италии. Интересно, а заедать отрицательные эмоции нормально для медового месяца?

– Адвокат к мистеру Томасу, – саркастически объявила моя провожатая, сделав ударение на «мистере».

– Распишитесь здесь, – сказал один из охранников, переведя взгляд с моего портфеля на грудь и снова на портфель. На столе перед ним лежал какой-то таблоид с едва одетой моделью на первой полосе. Охранник взглянул на часы.

– Вы опоздали на пять минут.

«Это не моя вина, – хотела я ответить, – меня ваш досмотр задержал». Но здравый смысл подсказывал придержать язык и поберечь дыхание для более серьезных споров.

– Я слышал, Томас подал апелляцию, – сказал другой. – Бывают же такие, никогда не сдаются!

За нашими спинами кто-то вежливо кашлянул. На пороге кабинета стоял высокий, хорошо сложенный темноволосый человек с короткой аккуратной бородкой. Я его узнала: он был среди тех, кто ждал в коридоре. Но вместо того чтобы разглядывать меня, он скупно улыбнулся и протянул руку. Его рукопожатие оказалось крепким – у меня даже пальцы слиплись. Джо Томас – опытный страховой агент, напомнила я себе.

Он не был похож на заключенного – по крайней мере, по моим представлениям. Не было видно татуировок (у охранника за столом на предплечье красовалась красно-синяя голова дракона), на запястье – дорогие часы, начищенные коричневые туфли выделялись среди кроссовок других мужчин в комнате и не сочетались с зеленой тюремной робой. Складывалось впечатление, что находившийся передо мной человек привык носить пиджак и галстук. И в самом деле, я заметила воротник белоснежной рубашки, выглядывающий из-под предписанной правилами фуфайки. Волосы коротко, но аккуратно подстрижены, открывая высокий лоб и темные брови. В глазах настороженность, надежда и некоторое волнение. Голос у моего нового клиента оказался низкий, густой. Уверенный. С акцентом, но не грубым и не таким, от которого старались

избавиться. Этого человека можно было принять за соседа по дому, за такого же, как я, адвоката, управляющего местного гастронома...

– Я Джо Томас, – сказал он, отпуская мою руку. – Спасибо, что приехали.

– Лили Макдональд, – представилась я. Начальник велел мне назвать свои имя и фамилию. «Дистанция необходима, – пояснил он, – но не захотите же вы показаться высокомерной. Нужно найти некий баланс».

Лица Джо Томаса выражало молчаливое восхищение. Я снова покраснела, на этот раз не столько от страха, сколько от смущения. Когда мне случалось становиться объектом внимания, я не знала, как реагировать. Особенно сейчас, когда это было явно неуместным. Я никогда не избавлюсь от комплексов и старых дразнилок: Лили Толстилли, пушка-пампушка... Учитывая обстоятельства, я до сих пор не могу поверить, что у меня на пальце обручальное кольцо. Мне вдруг вспомнилось, как мы с Эдом лежали в постели в наш медовый месяц. Теплое солнце лилось через планки кремово-белых ставен. Мой новоиспеченный муж открывает рот, хочет что-то сказать и вдруг отворачивается от меня...

– Следуйте за мной, – сурово сказал один из охранников, вернув меня к реальности.

Вместе с Джо Томасом мы пошли по коридору, провожаемые взглядами заключенных. Мимо человека, оттиравшего аквариум с таким тщанием, что в любом другом месте это показалось бы трогательным. Мы подошли к тесной камере с табличкой «Посещения». Зарешеченное окно выходило в бетонный двор. Вокруг все было серым: стол, металлические стулья, стены, но имелось и исключение – постер с радугой и словом «Надежда», выведенным крупными фиолетовыми буквами.

– Я буду за дверью, – сказал охранник. – Вас устроит?

Каждое его слово источало пренебрежение нами.

– Работники тюрьмы не особо жалуют адвокатов, – предупредил меня шеф. – По их понятиям, вы играете не по правилам – пытаетесь снять клиента с крючка, тогда как полиция и Королевская служба уголовного преследования проливали кровь, пот и слезы, чтобы его закрыть.

Объяснение казалось доходчивым.

Джо Томас вопросительно смотрел на меня. Я собралась с духом и взглянула ему в глаза. Пусть я высокая, но он еще выше.

– Свидания обычно проходят под присмотром охраны, но не обязательно в ее присутствии, – говорил мне начальник. – Наедине с адвокатом заключенные становятся словоохотливее, но в каждой тюрьме свои порядки, в некоторых вам просто не предоставят выбора...

В Брейквиле предоставили.

«Нет, нет, совсем не устраивает, – чуть не сказала я, – пожалуйста, останьтесь здесь, со мной!»

– Да, спасибо, – услышала я собственный голос, показавшийся мне чужим, принадлежащим кому-то более смелому и опытному.

Казалось, охранник собирался пожать плечами, но сдержался.

– Постучите в дверь, когда закончите. – И оставил нас вдвоем.

Наедине.

Глава 4. Карла

Время тянулось мучительно медленно. Прошла целая вечность с тех пор, как Карла утром видела полную золотоволосую соседку. В животе у нее уже урчало от голода. Значит, скоро обед?

Она уныло поглядывала на классные часы. Большая стрелка была на десяти, маленькая – на двенадцати. Это десять минут первого или двадцать минут одиннадцатого? Или что-то совсем другое, потому что, как однажды сказала мама, в этой стране все не как у людей?

Взгляд Карлы блуждал по соседним партам. У всех были зеленые пеналы, раздувшиеся от карандашей, фломастеров и ручек с настоящими чернилами. Как она ненавидела свой дешевый пластмассовый пенал с заедавшей молнией и одной-единственной шариковой ручкой, потому что на большее у мамы нет денег!

Неудивительно, что с ней никто не хочет дружить.

– Карла!

Девочка вздрогнула.

– Может, ты нам скажешь? – учительница показала на доску, где было написано слово. – Как ты думаешь, что это?

«Пунктуальный»? Такого слова Карла еще не встречала, хотя каждый вечер в постели читала «Детский словарь» и уже дошла до буквы «В». С «В» начинались такие слова, как вальс, велосипед, волк.

Под подушкой у нее лежала тетрадь со старательно записанным значением каждого слова и нарисованной рядом картинкой, напоминавшей, что это слово значит. С волком и велосипедом было просто. Нарисовать вальс было сложнее.

– Карла! – резче произнесла учительница. – Ты опять не слушала на уроке?

По классу пронеслись смешки. Карла покраснела.

– Она не знает, – пропел рыжий, как морковка, мальчишка, сидевший за Карлой. И уже тише, чтобы не слышала учительница, добавил: – Волосатая Карла Спаголетти не знает!

Смех усилился.

– Кевин, – окликнула его учительница, но уже не так резко, как только что Карлу. – Что ты там сказал?

Она снова повернулась к Карле, сидевшей во втором ряду, и впиалась в нее глазами. Карла сама захотела сидеть во втором ряду, чтобы лучше

учиться. Однако те, кто сидит в третьем, вечно подстраивают ей всякие гадости, и им все сходит с рук.

– Прочти слово по слогам, Карла. Ну, как оно начинается?

«Пу...» – смогла прочесть Карла про себя. Дальше, кажется, «ка»...

– Ну же?

– Пукательный, – сказала Карла вслух.

Визг и хохот в классе стояли оглушительные.

«Я дома дошла только до “В”», – хотела сказать Карла, но ее голос потонул не только в граде насмешек – его заглушил громкий звонок. Сразу началась суeta: книжки нырнули в портфели, ноги зашаркали по полу, а учительница что-то говорила о новом правиле игры на большой перемене.

Большая перемена? Тогда уже десять минут первого, а не двадцать минут одиннадцатого! Карла с облегчением вздохнула. Класс опустел.

Рыжий мальчишка оставил свой пенал-гусеницу на парте. Гусеница подмигнула Карле.

«Чарли, – сказала она. – Меня зовут Чарли».

Не дыша, Карла на цыпочках подошла и погладила мех Чарли. Затем медленно, замирая от страха, сунула пенал под блузку. Она уже «почти готова» к своему первому лифчику, как говорит мама, но пока что ей приходится довольствоваться жилетом. Однако под блузку еще можно что-то спрятать, как мама часто прячет деньги на груди «на всякий пожарный случай».

– Теперь ты мой, – прошептала Карла гусенице, одернув жилет. – Рыжий тебя не заслуживает.

– Ты что тут делаешь? – учительница сунула голову в дверь. – Все уже в столовой. Спускайся немедленно!

Карла села отдельно от остальных детей, чувствуя, как Чарли уютно прижимается к ее груди. Не обращая внимания на обычные ядовитые насмешки («Карла, а где твои спагетти?»), девочка через силу жевала жесткое мясо. На прогулке она отошла в дальний конец спортивной площадки и присела прямо на асфальт, стараясь стать совсем незаметной.

Обычно на площадке она чувствовала себя униженной и обделенной, но только не сейчас. Не сейчас, когда у нее появилась собственная зеленая гусеница, такая теплая и приятно льнувшая к обнаженной коже.

– Мы позаботимся друг о друге, – прошептала Карла.

«Но что будет, когда они обнаружат, что меня взяла ты?» – прошептал Чарли.

– Я что-нибудь придумаю.

Ай! Удар по голове произошел так быстро, что Карла едва успела

заметить футбольный мяч, мелькнувший в воздухе. Голова закружилась, а правый глаз не слушался, словно и не принадлежал ей.

– Карла, с тобой все в порядке? Тебе плохо? – Голос учительницы звучал словно издалека. Карла смутно видела, как другая преподавательница выговаривала рыжему мальчишке, хозяину гусеницы Чарли:

– Кевин! Тебе ясно было сказано о новом правиле – никаких игр с мячом на этом краю площадки! Смотри, что ты наделал!

«Это наш шанс, – прошипел Чарли. – Скажи ей, что тебе надо домой, и мы окажемся в безопасности раньше, чем меня хватятся!»

Карла с трудом поднялась на ноги, стараясь не делать лишних движений, от которых ее новый друг мог сдвинуться под одеждой. Сложив руки на груди, чтобы прикрыть Чарли, она через силу изобразила храбрую улыбку, отработанную перед зеркалом. Этому фокусу ее обучила мама. Каждый вечер мама примеряла разные лица перед зеркалом на комоде в ожидании приезда дяди на блестящей машине. Если он не опаздывал, на ее губах играла счастливая улыбка. А если опаздывал, в улыбке появлялся оттенок грусти. Была у мамы улыбка, сопровождавшаяся легким наклоном головы, когда она спрашивала, хочет ли он еще вина. И была улыбка одними губами, когда мама велела Карле идти в постель, чтобы они с Ларри могли послушать музыку вдвоем.

Сейчас Карла улыбнулась чуть грустной улыбкой.

– У меня глаз болит. Можно я пойду домой?

Учительница, нахмурясь, отвела ее в канцелярию.

– Надо позвонить твоей маме и убедиться, что она дома.

Aiuto! Помогите! Об этом Карла не подумала.

– У нас телефон не работает, потому что мы не оплатили счет, но мама дома.

– Точно дома?

Первая половина была правдой: мама действительно собиралась сказать Ларри про телефон. Он оплатит счет, и телефон снова заработает. Но вторая, насчет того, что мама дома, – нет. Мама на работе.

Необходимо каким-то образом попасть домой до того, как Чарли найдут под ее школьной блузкой.

– Здесь есть рабочий телефон, – сказала учительница, открыв личное дело Карлы. – Давай все же попробуем позвонить.

Ну вот, все пропало. Карла, дрожа, слушала разговор.

– Понятно, – учительница положила трубку и со вздохом повернулась к Карле. – Похоже, твоя мама взяла выходной. Ты не знаешь, где ее можно

найти?

– Я же вам сказала, она дома! – Ложь так легко соскользнула с языка, словно кто-то только что вложил ее Карле в рот. – Я и одна могу дойти, – добавила девочка, глядя на учительницу здоровым глазом. – Я близко живу.

– Нет, так нельзя. Кому бы еще позвонить... Как считаешь, соседи позовут к телефону твою маму?

Карла вспомнила золотоволосую соседку и ее мужа, но они с мамой никогда с ними не разговаривали. «Нам лучше стараться быть самим по себе», – твердила мама. Так хотел Ларри. Он хотел ее только для себя.

– Есть мамин знакомый, Ларри, – безнадежно сказала Карла.

– У тебя есть его телефон?

Девочка покачала головой.

– Мисс, мисс! – в дверь забарабанил одноклассник Карлы. – Кевин опять дерется!

Учительница громко вздохнула.

– Иду! – В коридоре им навстречу попала помощница учителя. Она была новенькой и всегда ходила в босоножках, даже в дождь. – Сандра, проводите девочку домой. Она живет через пару остановок, у нее мама дома. Кевин, прекрати сейчас же!

На улице, шагая рядом с женщиной в босоножках, Карла почувствовала себя совсем худо. Глаз так болел, что она почти ничего не видела перед собой, а над бровью что-то острое, по ощущениям, прокалывало голову насквозь. Но хуже всего было знать, что мамы дома нет и придется тащиться обратно в ненавистную школу.

«Не волнуйся, – прошептал Чарли. – Я что-нибудь придумаю».

Ох, ты уж поторопись...

– Код-то знаешь? – спросила у подъезда помощница в босоножках. Конечно, Карла знала. В подъезд они вошли, но, как и ожидалось, на стук в дверь с номером семь никто не открыл.

– Наверное, мама вышла за молоком, – в отчаянии сказала Карла. – Давайте подождем в квартире, она сейчас вернется.

Карла всегда входила домой сама, когда мама была на работе. Она переодевалась, немного прибиралась – собираясь утром, мама всегда металась по квартире, раскидывая вещи, – и начинала готовить на ужин ризотто или пасту. Однажды, заскучав, она залезла под мамину кровать, где хранились «особые вещи». Там нашелся конверт с фотографиями, и на каждой был молодой человек в сдвинутой набок шляпе и с самоуверенной улыбкой. Внутренний голос подсказал Карле положить фотографии обратно и ни о чем не спрашивать, но, когда мамы не было дома, она

иногда залезала под кровать и рассматривала фотографии.

Однако сейчас, принеся стоявший в конце коридора стул, она увидела, что ключа на обычном месте – на карнизе над дверью – нет. Номер семь. Счастливое число, сказала мама, когда они переезжали. Нужно только подождать, пока удача их найдет.

Если бы только у Карлы был ключ от задней двери, к которой можно подобраться по замусоренной территории за домом! Но запасной ключ был у Ларри, чтобы он мог прийти когда вздумается и немного отдохнуть с мамой. Мама всегда шутила, что у него отдельный вход на первый этаж.

– Я не могу оставить тебя одну, – укоризненно протянула помощница в босоножках, будто Карла была в чем-то виновата. – Пошли обратно.

Только не это! Карла боялась Кевина, да и других детей. Чарли, ну сделай же что-нибудь!

И тут она отчетливо услышала приближавшиеся к ним шаги.

Глава 5. Лили

«Обжалование.
Обжаривание.
Обваривание».

Джо Томас пишет на листе бумаги, сидя напротив.

Стянув волосы на затылке (обычно я заправляю их за уши) и стараясь не обращать внимания на запах капусты, доносившийся из коридора, я снова посмотрела на три слова, начертанных на бумаге. Импозантный мужчина, с которым я поздоровалась час назад, исчез. Сидевший передо мной человек не произнес ни слова за целый час. Вот он отложил ручку, ожидая, что я заговорю. Отчего-то он уверен, что я буду играть по его правилам.

Кого-то это могло обескуражить. Но тут пригодился мой подростковый опыт. Когда Дэниэл был жив (я до сих пор с трудом произношу эту фразу), он писал слова и предложения, как хотел, – вверх ногами, справа налево, в случайном порядке.

Он не умел, не мог иначе, утверждает наша мать. Но я знаю, что мог. Когда мы оставались вдвоем, брат писал нормально. Это игра, говорили лукавые искорки в его глазах. Присоединяйся! Мы против них!

Я заподозрила, что Джо Томас затеял со мной игру. Во мне проснулась неожиданная сила – по телу даже пробежала дрожь. Не на того напал. Я наизусть знаю эти фокусы.

– Обжалование, – отдельно и твердо произнесла я. – Это можно интерпретировать разными способами, не правда ли?

Джо Томас защелкал каблуками. Щелк, щелк. Щелк, щелк.

– Безусловно. Но не все так думают. – Он сухо усмехнулся, будто те, кто так не думает, многое теряют в жизни.

Интересно, кто повесил на стену постер с фиолетовым словом «Надежда»? Не лишенный человечности охранник или какой-то доброхот, навещавший заключенных? В тюрьме, как я уже убедилась, можно встретить кого угодно. Вроде моего клиента.

Мне и самой не помешала бы надежда. Я взглянула в свои бумаги.

– Возьмем вариант «обваривание». В отчете сказано, что от почти стоградусной воды в ванне обваренная кожа вашей подружки буквально отслоилась.

Джо Томас не изменился в лице. Но чего я ожидала? Наверняка он давно привык к граду обвинений. В Брейквильской тюрьме применяется метод так называемой дискуссии, когда не только психологи говорят с заключенными о том, почему те совершили преступления, – свое мнение высказывают и другие участники групповых сессий. Насильник заявляет, что знает, почему его сосед перерезал горло своей матери, а его сосед перехватывает инициативу и подробно объясняет, почему первый участвовал в групповом изнасиловании тринадцатилетней девочки.

Шеф рассказывал все это не без злорадства, казалось, ему доставляет удовольствие меня стращать. Однако здесь, в тюрьме, во мне шевельнулось невольное любопытство: почему все-таки Джо Томас убил свою подругу, фактически заживо сварив ее в ванне?

Если он ее действительно убил.

– Давайте вспомним версию обвинения, – сказала я.

Лицо моего клиента осталось бесстрастным, будто я предложила проверить список покупок.

Я опустила глаза на страницу досье – больше для того, чтобы избежать тяжелого взгляда этих почти черных глаз. Хорошему адвокату необходима фотографическая память – моя схватывает каждую мелочь. Иногда это даже мешает, но сейчас от этого многое зависит.

– Вы с Сарой съехались через несколько месяцев после знакомства в местном пабе. В суде ее подруги описывали ваши отношения как неровные. Родители Сары показали под присягой, что дочь им жаловалась: вы пытались контролировать каждый ее шаг, и она опасалась, что вы начнете ее бить. Согласно показаниям представителей полиции, Сара действительно написала на вас заявление, когда вы столкнули ее с крыльца черного хода и она сломала правое запястье. Однако потом Сара заявление забрала.

Джо Томас коротко кивнул.

– Она упала, потому что напилась, хотя и обещала бросить, а меня обвинила, не желая, чтобы родители узнали, что она снова взялась за старое. – Он пожал плечами. – Алкоголики очень изобретательно лгут.

Можно подумать, я не знаю...

– Но и ваша бывшая подруга тоже писала на вас заявления в полицию, утверждая, что вы за ней следите.

Джо раздраженно хмыкнул:

– Я бы не назвал это слежкой. Несколько раз я просто шел за ней, желая убедиться, что она действительно идет туда, куда сказала. К тому же заявление она забрала.

– Потому что вы ей угрожали?

– Нет. Потому что поняла: я шел за ней лишь потому, что беспокоился за нее. – Он посмотрел на меня ничего не выражающим взглядом: – Я с ней все равно вскоре расстался.

– Почему?

Джо выразительно посмотрел на меня, словно желая сказать: «А разве не понятно?»

– Потому что она не жила по моим правилам.

Яркий пример домашнего тирана – и психа.

– А потом вы познакомились с Сарой.

Он кивнул:

– Через год и два дня.

– Надо же, какая точность.

– У меня хорошая память на цифры и даты.

Это было сказано без всякого пафоса, скорее как констатация факта, который и так очевиден.

– В вечер ее гибели ваши соседи слышали крики.

Джо покачал головой:

– Вы имеете в виду Джонсов? Они придумают против нас что угодно, я еще до суда предупреждал адвоката. У нас с ними постоянно были проблемы.

– Значит, вы считаете, они все придумали? Но зачем им это нужно?

– Я не Джонсы, откуда мне знать? Повторяю, мы не ладили. Они включали телевизор на полную мощность – мы и минуты покоя не знали. Мы им говорили, но они не слушали. Еще старику Джонсу не понравилось, когда я высказал ему насчет его сада – запущен был донельзя! Это плохо отражалось и на нашем саду, который, могу прямо сказать, я содержал в идеальном состоянии. После этого Джонсы стали вести себя откровенно враждебно: начали нам угрожать, бросали мусор к нам в сад... – Он сжал губы в тонкую линию. – Но обвинять меня в убийстве – это они уже зарвались.

– Как тогда вы объясните свои отпечатки на бойлере? – Я показала на соответствующую строчку в полицейском отчете. – Обвинение заявило, что температура воды была максимальной.

Выражение темных глаз не изменилось.

– Я уже все сказал адвокату, неужели надо повторять? Горелка постоянно гасла, ее приходилось зажигать заново – конечно, на бойлере останутся отпечатки!

– Но как все-таки погибла Сара, если вы ее не убивали? Как вы

объясните наличие синяков на ее теле?

Его пальцы начали барабанить по столу, словно в такт неслышной музыке.

– Давайте я расскажу вам, как все произошло. Только вы уж позвольте мне рассказать, как я это вижу.

Похоже, Джо Томасу необходимо всегда контролировать ситуацию, иначе он не умеет. Что ж, попробуем разок. Посмотрим, что мне удастся выяснить.

– Пожалуйста.

– В тот день Сара задержалась на работе. Было уже две минуты девятого, когда она вернулась. Обычно она приходила в шесть ноль-ноль.

Не удержавшись, я перебила:

– Откуда такая точность?

На лице Джо Томаса появилось такое выражение, будто я сказала невероятную глупость.

– Потому что от бутика до дома идти ровно одиннадцать минут. Это одна из причин, почему я настоял, чтобы она перешла туда работать, когда мы стали жить вместе. Это же удобно.

Я вспомнила досье Сары. Продавщица модного магазина – это определенный стереотип. Но я тут же подумала, что я, например, не типичный адвокат, Эд – не типичный рекламщик. А Джо? Разве он типичный страховой агент? Не уверена. Он на редкость точен во всем, что касается цифр.

– Продолжайте, – попросила я.

– Она была пьяна.

– Как вы это поняли?

Очередной взгляд, означавший: «Вы что, дура?»

– Она едва держалась на ногах, и от нее разило вином. Позже выяснилось, что, кроме вина, она выпила и полбутылки водки, но ее учуять труднее.

Я сверилась с досье. Он прав, концентрация алкоголя в крови жертвы была высокой. Но это не доказывает, что он ее не убивал.

– А потом?

– У нас произошла ссора из-за ее опоздания. Я, как всегда, приготовил ужин – лазанью с чесноком, базиликом и томатным соусом, но все остыло и стало невкусным. Признаю, мы говорили на повышенных тонах, но криков, как утверждают соседи, не было. Потом... – Джо сморщился от отвращения, – ее вырвало прямо на кухонный пол.

– Потому что она была пьяна?

– А вы что, никогда не видели, как тошнит пьяных? Омерзительное зрелище. Ей полегчало, но она была вся в рвоте. Я велел ей пойти вымыться, обещал, что сам наберу воды, как всегда, но Сара захлопнула дверь передо моим носом и включила в ванной радиоприемник. «Радио 1», ее любимое. Тогда я пошел на кухню мыть пол...

– Разве вас не встревожило, что она, пьяная, принимает ванну? – перебила я.

– Сперва нет. Как я уже сказал, после того как ее вырвало, ей стало легче, она немного протрезвела. Да и что я мог сделать? Мне не хотелось, чтобы она опять написала на меня заявление в полицию. У Сары было богатое воображение.

– Когда вы пошли ее проводить?

– Примерно через полчаса я начал беспокоиться: не было слышно плеска воды. На мой стук Сара не ответила, поэтому я вошел. – Его взгляд стал пустым. – Я ее едва узнал, хотя она лежала лицом вверх. Кожа багрово-фиолетовая и отслаивалась большими лоскутами. По всему телу огромные волдыри с мутной жидкостью...

Меня передернуло.

Джо замолчал. Я перевела дух.

– Должно быть, она поскользнулась и упала в ванну. Вода была очень горячей, – продолжал он. – Гораздо горячее, чем должна быть спустя полчаса, поэтому я даже представить себе не могу, какой она была, когда Сара легла в ванну. Я руки себе обварил, пока ее поднимал. Пытался ее реанимировать, но я никогда не учился оказывать первую помощь. Я не знал, правильно все делаю или нет, и позвонил в 999.

– Полицейские заявили, что вы не были расстроены, когда они приехали.

Джо снова посмотрел мне в глаза.

– Люди по-разному проявляют эмоции. Кто сказал, что рыдающий громче всех больше скорбит?

В логике ему не откажешь.

– Я говорю вам правду, – твердо прибавил он.

– Однако присяжные сочли вас виновным.

Я скорее почувствовала, чем увидела, как что-то напряглось в глубине его глаз.

– Они все неправильно поняли. Мой адвокат оказался идиотом.

Постер с «Надеждой» казался сейчас насмешкой.

– Понимаете, апелляция подается только при появлении новых доказательств. То, о чем вы рассказали, уже есть в деле. Даже если ваш

рассказ правдив, нам нечем это подтвердить.

– Я знаю.

Я начала терять терпение:

– Появились вновь открывшиеся обстоятельства?

Он смотрел на меня в упор:

– А это вы и будете выяснять.

Он снова взял ручку и написал: «Копайте».

– Мистер Томас, у вас есть новые улики?

Он продолжал писать. Что это, какая-то подсказка?

– А вы как думаете?

Я готова была сорваться на резкость от досады, но продолжала ждать. Молчание – еще одна уловка, которой я научилась у Дэниэла.

Мерно тикали настенные часы, которых я до этого не замечала. Под часы была засунута записка: «Не снимать». Не удержавшись, я фыркнула. Это растопило лед.

– Прежние украл один из заключенных. – Джо Томаса это тоже явно забавляло. – Разобрал на части – хотел посмотреть, как они работают.

– Посмотрел?

– Нет, часам пришел конец. – Выражение его лица снова стало жестким, и он провел ребром ладони по горлу. – Капут.

Жест явно был направлен на то, чтобы меня напугать. Мне действительно стало не по себе, но отчего-то внутренне я была настроена никак этого не показывать. Я взглянула на листок бумаги, лежавший перед Джо Томасом.

– Что значит «копайте»?

– Руперт Брук, – сказал он, будто все и так было очевидно. – «Есть ли мёд еще для чая?» Помните? Звон церковных колоколов в деревенской зелени и тому подобное.

Я удивилась:

– Вам нравятся поэты, прошедшие войну?

Джо Томас пожал плечами, глядя через окно во двор для прогулки заключенных.

– Я не был с ними лично знаком. Откуда мне знать, нравятся они мне или нет? Я могу только догадываться об их чувствах.

– И какие же это чувства?

Джо Томас вдруг повернул ко мне голову:

– А вы не слишком старательно готовили домашнее задание, мисс Холл.

Я замерла. Разве он не слышал, что я представилась Лили

Макдональд? Откуда он знает мою девичью фамилию? Я снова ощутила тепло руки Эда, державшей мою ладонь у алтаря. Визит в тюрьму был запланирован еще до моей свадьбы. Может, Джо Томасу назвали мою прежнюю фамилию, а когда я представлялась, он не слушал? Чутье подсказывало, что лучше его не поправлять: замечание испортит весь разговор.

Меня больше задела его слова о моей якобы небрежности. Что я упустила? Мой начальник любит повторять, что адвокат не может ошибаться. У меня до сих пор обходилось без ляпов, а другого молодого сотрудника, которого взяли на работу одновременно со мной, уже уволили, потому что он прозевал сроки подачи апелляции.

– Этого нет в ваших записях, – сказал Джо Томас, когда я опустила глаза в свои бумаги. – Я рассчитывал, что вы, как адвокат, окажетесь дотошнее. Подумайте. Поэты военной поры: через что они прошли? Какие общие черты проявились у них после возвращения домой?

Я почувствовала себя невеждой на телевикторине.

– Шок, – ответила я. – Многие отказывались разговаривать из-за посттравматического стресса.

Джо Томас кивнул:

– Продолжайте.

Я напрягла память. У меня же была пятерка по литературе!

– У некоторых отмечались вспышки насилия.

Джо Томас откинулся на спинку стула, сложил руки на груди и удовлетворенно улыбнулся:

– Вот именно.

Бессмыслица какая-то.

– Вы же не служили в армии!

– Не служил.

– Так почему же вы убили свою подружку?

– Зачетная попытка. Не забывайте, я заявил, что невиновен. Присяжные приняли неверное решение, поэтому я подаю апелляцию. – Он постучал по моему досье длинным, как у художника, пальцем, не сочетавшимся с его крепкой фигурой. – Здесь есть все, кроме одной подсказки. Теперь она в вашем распоряжении.

Скрипнул отодвигаемый стул – Джо Томас неожиданно встал. На мгновение комната закружилась. Во рту пересохло. Что происходит? Передо мной остались только эти очень темные, почти черные глаза, видевшие меня насквозь. Они знали, что творится внутри меня. Они видели то, чего не видел Эд. А самое главное, они меня не осуждали.

Джо Томас наклонился ко мне, и я уловила его запах, который трудно описать, – это не одеколон с ароматом сосны и лимона, как у моего мужа. Более грубый, влажный, землистый, звериный запах. Мне вдруг стало трудно дышать.

Бац! Я подскочила на месте. Джо Томас тоже. За окном словно завис в воздухе крупный серый голубь. Ветер подхватил одинокое белое перо – должно быть, птица ударилась о стекло. Чудом оставшийся невредимым, голубь улетел.

– Живой, – сказал Джо Томас. – А в прошлый раз погиб. Казалось бы, прутья должны их отпугивать, однако им будто все нипочем. А может, действительно нипочем. В конце концов, птицы достигают высот, которые нам неведомы...

Преступники, предупреждал меня шеф, иногда проявляют удивительную внимательность в самых непредсказуемых случаях, не обманитесь, Лили.

– Я хочу, чтобы вы сейчас ушли и вернулись на следующей неделе. – Инструкции с механической четкостью вырывались изо рта Джо Томаса, будто голубя не было и в помине. – За это время вам нужно выяснить связь между мною и поэтами военной поры. Это даст вам основу для апелляции.

Ну хватит! Всему есть предел.

– Это не игра, – коротко сказала я, желая скрыть необъяснимую смесь страха и восторга, распиравшую мне грудь. – Вы не хуже моего знаете, что о посещениях нужно договариваться заранее. Я могу не успеть все организовать. Постарайтесь максимально использовать сегодняшнюю встречу.

Джо пожал плечами:

– Как скажете. – Он смотрел на мои загорелые руки, на серебряный браслет и новенькое сияющее обручальное кольцо, к которому я еще не привыкла. – Кстати, я, кажется, ошибся? Вы же миссис Макдональд? Надеюсь, медовый месяц вас не разочаровал?

Когда такси остановилось у станции, меня еще била дрожь. Как Джо Томас понял, что я только что вернулась после медового месяца? Возможно ли, чтобы об этом обмолвился шеф, пока в мое отсутствие готовили необходимые бумаги для посещения тюрьмы? В таком случае это прямо противоречит его совету никогда не сообщать о себе никакой информации и держать дистанцию.

Этот совет, как и предупреждение охранницы о том, что заключенные будут пытаться что-то выторговать, были настолько очевидными, что

казались даже лишними. Как подавляющее, по-моему, большинство людей, меня шокируют редкие сюжеты в новостях о романах между заключенными и посетителями или охранниками. Я ни разу не читала об адвокате, позволившем себе подобную интрижку. А что до странных мыслей, не дающих мне покоя, так это просто нервы разыгрались. Стресс наложился на разочарование от Италии.

Случайно ли Джо Томас «ошибся» с моей фамилией? Или он пытается меня смутить? Но зачем?

– Пять с половиной фунтов, мисс, – раздался голос водителя.

Благодарная за его невольную помощь, я начала набирать мелочь из кошелька.

– Это евро, – с подозрением сказал таксист, словно я попыталась всучить ему иностранную валюту.

– Извините. – Покраснев, я нашла нужную монету. – Я была за границей и, должно быть, сложила деньги вместе.

Он нехотя, с явной неловкостью принял чаевые. Ошибка. Простая ошибка... Как легко обвинить кого-то во лжи! Может, и Джо Томас допустил в свое время ошибку и так устал от чужих интерпретаций, что затеял со мной игру? Но с какой целью?

Я взглянула на часы – времени больше, чем я предполагала. Наверное, лучше, не заезжая в офис, поехать домой. Напечатаю отчет о встрече с клиентом, полистаю Руперта Брука. Меня неприятно удивила осведомленность Джо Томаса о моей личной жизни, он заинтриговал меня, вывел из равновесия, и теперь я не успокоюсь, пока не выясню, откуда ему все это известно.

– Вытяните из него все, что можно, – велел мне шеф. – Он сам вышел на нас с просьбой об апелляции. Значит, вскрылись новые обстоятельства. Или ему просто захотелось внимания, что тоже не редкость. В любом случае нам понадобится консультация барристера.

В переводе на человеческий это означало – судебного адвоката.

Но я с неудовольствием сознавала, что нисколько не продвинулась. На каком основании подавать апелляцию? На основании душевной болезни? Или эксцентричного поведения? Ну вот сколько клиентов задают своим адвокатам подобные загадки? Но я склонна согласиться, что в рассказе Джо есть рациональное зерно: алкоголики действительно изобретательно лгут, соседи сгущают краски, а присяжные все могли неправильно понять.

Перебирая в голове разные доводы, я не заметила, как поезд домчал меня до конечной станции. Через несколько минут – как мне показалось – я уже сидела в автобусе, везущем меня домой. От этого слова по телу

пробежала дрожь восторга: дом! Не родительский дом в Девоне, а свое первое семейное гнездышко в Клэпхеме. Я еще успею приготовить ужин. Спагетти болоньезе, это несложно. Переодеюсь в голубой восточный халат, который мать подарила мне к медовому месяцу, немного приберусь, чтобы Эду было приятно вернуться домой... И все равно мне было как-то неуютно.

Изредка уходя с работы пораньше, я чувствовала себя школьницей-прогульщицей, а это не моя стихия. Мои отчеты называют «добросовестными» – бальзам для самолюбия, уязвленного отсутствием более существенной похвалы, как, например, «полезные» или «содержательные». Не секрет, что все (и в первую очередь сама) очень удивились, когда я поступила в один из наиболее престижных английских университетов исключительно благодаря упорному труду. А второй раз мне удалось всех удивить, когда меня приняли в юридическую фирму, выбрав из многих соискателей. Когда привыкаешь, что все постоянно идет вкривь и вкось, нормальная жизнь даже шокирует.

– Почему ты решила стать юристом? – спросил отец.

Вопрос показался мне лишним, и я промолчала.

– Из-за Дэниэла, конечно, – ответила за меня мать. – Лили хочет навести в мире порядок. Правда, дорогая?

Выйдя из автобуса, я подумала, что сегодня вспоминала брата чаще, чем за все время. Наверняка это из-за Джо Томаса. Та же оборонительная тактика. Та же надменность в сочетании с угадывающейся беззащитностью. Та же страсть к шарадам. То же упрямое нежелание подчиняться открытому давлению.

Но Джо Томас преступник. Убийца. Убийца, который сегодня оставил тебя с носом, сердито сказала я себе, задержавшись у почтовых ящиков возле двери подъезда. Счет? Уже?

Во мне шевельнулось дурное предчувствие: я говорила Эду, что нельзя брать такую большую ипотеку, но он только подхватил меня на руки, закружил и сказал, что как-нибудь проживем. Не дойдя до нашей квартиры, я остановилась: у соседней, седьмой, спорили женщина и девочка, та самая девочка в темно-синей школьной форме, которую я видела утром. Но спорила с ней не ее мать, красавица брюнетка, а самая заурядная женщина среднего возраста в красных босоножках – совсем не по погоде.

Подойдя ближе, я увидела огромный темный синяк на лице малышки.

– Что происходит? – громко сказала я.

– Вы мама Карлы? – спросила женщина.

– Я-то соседка, – отозвалась я, рассматривая жутковатый

кровоподтек. – А вот вы кто?

– Я помощница учителя, – не без гордости назвалась женщина. – Мне велели отвести ее домой после, э-э-э, неприятности на игровой площадке. Но миссис Каволетти нет дома, ее начальница сказала, что на работе ее сегодня не будет, поэтому нам придется вернуться в школу.

– Нет! Нет! – Девочка – помощница сказала Карла? – повисла у меня на руке. – Пожалуйста, можно, я останусь с вами? Ну пожалуйста!

Помощница не могла решиться, – мое появление стало для нее полной неожиданностью. Я ее понимала. У нее было полное право сомневаться: ребенок мне чужой, хотя и ведет себя так, будто мы хорошие знакомые. Однако в школе ее явно травят. Я знаю, что это такое.

– По-моему, ей нужно в больницу, – сказала я.

– Но мне некогда! – Глаза женщины расширились, словно от страха. – Мне своих детей скоро забирать!

Конечно, это не мое дело, но при виде встревоженного несчастного личика я решила помочь.

– Тогда я ее отвезу, – сказала я, протягивая свою визитку. – Вот мои данные.

«Лили Макдональд, бакалавр права, адвокат».

Это явно успокоило помощницу учительницы, хотя, должно быть, шло вразрез с ее инструкциями.

– Пошли, – сказала я Карле. – Поедем в больницу на такси. Вас подвезти?

Женщина отказалась, но было заметно, что мое предложение ее окончательно успокоило. Мне пришло в голову, что при удачном стечении обстоятельств похитить ребенка проще простого.

– Меня зовут Лили, – сказала я, когда помощница ушла, и сунула под дверь квартиры номер семь записку для мамы Карлы, коротко изложив в ней, что случилось. – Ты знаешь, что разговаривать с чужими людьми вообще-то нельзя?

– Чарли сказал, с вами можно.

– Кто такой Чарли?

Карла вытащила из-под джемпера зеленый пенал.

Прелесть какая! У меня в школе был деревянный, с потайным отделением для ластика.

– Что с твоим глазом?

Карла отвела взгляд:

– Это была ошибка, он не нарочно.

– Кто не нарочно, крошка?

Но не успела я договорить, как в ушах зазвучали голоса.

«Присяжные ошиблись», – сказал Джо Томас.

«Это наверняка какая-то ошибка», – всхлипывая, повторяла мать, когда мы нашли Дэниэла.

«А не ошибку ли я совершаю?» – спрашивала я себя, идя к алтарю.

Хватит с меня ошибок, подумала я, заводя Карлу к нам в квартиру, чтобы вызвать такси.

Отныне я обязана все делать правильно.

Глава 6. Карла

– Кто не нарочно, крошка? – спросила Лили с золотыми волосами, когда они вошли в квартиру номер три. Ее голос звучал очень четко, как у актрис по телевизору. Шикарно, как сказала бы мама.

– Кевин из нашего класса. Он бросил в меня мячом.

Карла потерлась щекой о мех Чарли. Прикосновение было теплым и уютным. Она незаметно рассматривала квартиру. Планировка как у них, но на стенах больше фотографий. И беспорядка больше: на кухонном столе какие-то бумажки, под столом забытые коричневые ботинки. Мужские, на толстой подошве и со шнурками. Обувь, любила говорить мама, едва ли не самое важное в арсенале женщины. Когда Карла призналась, что не понимает, мама только рассмеялась.

– Если твоя мама не на работе, где, по-твоему, она может быть?

Карла пожала плечами:

– Может, с Ларри, это ее друг. Иногда он водит ее обедать в ресторан недалеко от магазина. Она продает косметику, чтобы делать тетенок красивыми.

– А где ее магазин?

– Там, где какие-то бриджи...

Лили улыбнулась, будто Карла сказала что-то смешное.

– Может, в Найтсбридже?

– *Non lo so*^[6]. – Когда Карла уставала, она всегда переходила на итальянский, хотя и пыталась заставить маму говорить дома по-английски.

– Ну ладно, мы же оставили ей записку. Такси сейчас приедет.

Карла погладила мягкий зеленый мех:

– А можно Чарли тоже поедет с нами?

– Конечно, пускай она едет.

– Чарли – он.

Лили улыбнулась:

– Отлично.

«Видишь, – прошептал Чарли. – Я же тебе говорил, мы что-нибудь придумаем».

В больнице с ней обращались очень ласково. Одна из улыбчивых медсестер дала ей ячменный сахар, который прилип к небу, и Карле пришлось сунуть в рот палец, чтобы его отковырнуть. Мама не позволяла держать дома конфеты, только когда их приносил Ларри. От конфет

толстеют, как и от пирожных, и тогда Карла не найдет бойфренда, который будет платить за квартиру.

Карла надеялась, что золотоволосая Лили не расскажет маме о ячменном сахаре.

– Думай о чем-то приятном, будет не так больно, – сказала та, держа Карлу за руку, пока медсестра мазала бровь чем-то щипучим.

И Карла стала думать об имени своей новой подруги. Лили! Как красиво... Приходя в гости, Ларри иногда приносил букет лилий. Однажды, когда Карла уже легла спать, мама и Ларри так буйно танцевали, что лилии упали на пол и оставили на ковре ярко-желтое пятно. Когда Карла вышла посмотреть, что случилось, Ларри сказал: ничего страшного – и заплатил за чистку ковра. Может, и за починку маминой блузки заплатил – три верхние пуговицы лежали у ее ног, как красные леденцы.

Карла рассказала Лили эту историю, когда они ехали домой на такси. Добираться пришлось довольно долго, потому что таксист сказал про какую-то диверсию.

Лили помолчала, а потом спросила:

– А своего папу ты когда-нибудь видела?

Карла пожала плечами.

– Он умер, когда я была маленькая. Мама плачет, когда мы о нем говорим. – Она отвернулась к окну и стала смотреть на мигающие огни.

– Это площадь Пикадилли, – сказала Лили.

– Правда? – Карла прижалась носом к стеклу. Начинался дождь. Можно притвориться, что в носу хлюпает от дождя. – А где львы?

– Какие львы?

– Вы сказали Пикадилли, а Пикадилли – это цирк! А тут ни львов, ни девушек в юбочках, чтобы по проволоке ходить.

Послышался приглушенный смех. Так смеялась мама, когда приходил Ларри. Карла всегда слышала мамин смех через стену, лежа в кровати.

– Не смейтесь, это же правда! Я знаю, какие бывают цирки, я на картинке видела!

Зря она раскричалась – улыбка Лили исчезла. Но вместо того чтобы рассердиться, как мама, когда Карла делала что-то недозволенное, Лили осталась спокойной и милой.

– Прости, ты просто мне напомнила кое-кого.

Карлу тут же охватило любопытство:

– Кого?

Лили отвернулась:

– Одного человека, которого я знала.

Они проезжали под мостом. В такси стало темно. Карла слышала, как Лили сморкается. Когда они выехали с другой стороны, глаза у Лили были очень блестящие.

– Красивый у тебя пенал.

– Он не пенал, а гусеница. – Карла любовно погладила зеленый мех сперва в одном направлении, затем в другом. – Чарли понимает каждое ваше слово.

– У меня такое когда-то было с куклой. Ее звали Амелия.

– А она у вас до сих пор есть?

Лили снова отвернулась:

– Нет.

Голос у Лили стал совсем такой же, как у мамы, когда та говорила, что ужина хватит только на одного, но это неважно, потому что она не голодная. И – тоже как с мамой – Карла промолчала, потому что иногда взрослые не хотят, чтобы им задавали вопросы.

Такси медленно ехало по большим широким улицам с красивыми магазинами, но вскоре начались улочки поуже, с фруктами в деревянных ящиках на тротуарах. Наконец они проехали знакомый парк и свернули к их дому. Мех Чарли поднялся дыбом, и у Карлы застучало сердце. Мама, наверное, уже дома. Что она скажет?

«Никогда не разговаривай с незнакомцами». Сколько раз она ей это повторяла? А Карла не только уехала с незнакомкой, она еще и украла Чарли.

– Я все объясню твоей маме, – сказала золотоволосая Лили, словно прочитав мысли Карлы, и протянула таксисту две купюры за поездку. «Какая же она богатая!» – Как ты думаешь, она уже вернулась? Если нет, можешь...

– *Piccola mia!* [\[7\]](#)

Облако терпких маминых духов вырвалось из подъезда раньше, чем появилась она сама.

– Где ты была? Я с ума схожу от беспокойства! – Сверкая черными глазами, она гневно уставилась на Лили. – Как вы смеете увозить мою дочь? Что вы сделали с ее глазом? Я на вас в полицию заявлю! Я...

Карла вдруг спохватилась, что Лили не понимает ни слова, потому что мама кричит по-итальянски. Мама называла их родное наречие «языком поэтов, художников и великих просветителей», что бы это ни значило. Лили смущенно молчала, пока не прозвучало слово «*polizia*». Тогда она залилась румянцем и явно рассердилась.

– Вашу дочь ударили мячом в школе, – заговорила она очень медленно,

словно едва сдерживаясь.

Карла видела, как на шее у Лили выступили розовые пятна.

– Женщина из школьного персонала привела ее домой, но вас не было. Она хотела вести Карлу обратно в школу, но сегодня я раньше вернулась с работы и предложила отвезти Карлу в больницу, показать глаз.

– А учительница почему не отвезла? – Мама перешла на английский.

Карла забеспокоилась, потому что мама часто говорила слова не в том порядке, и люди смеялись или поправляли ее. Карле не хотелось, чтобы маму обижали.

– Ее ждали ее собственные дети.

– Они звонили тебе из школы на работу, – вмешалась Карла. – А в магазине сказали, что тебя сегодня нет.

Мамины глаза расширились.

– Как это? Я была! Менеджересса отправила меня на курсы. Кто-то должен был знать, где меня найти. *Mi dispiace*^[8]. – Мама чуть не задушила Карлу в объятиях. – Простите! Спасибо, что позаботились о моей малютке.

Они с мамой постояли, покачиваясь, на грязной лестнице. Мама слишком крепко прижимала ее к себе, но Карла таяла от счастья: так было до того, как в их жизни появился дядя с блестящей машиной, и они жили вдвоем – Карла и мама. И не было никакого смеха за стеной, который лишал ее мамы и звучал в кошмарных снах.

– Вы итальянка? – мягкий голос Лили заставил маму разжать объятия. Карла сразу ощутила привычную пустоту. – Мы с мужем провели медовый месяц в Италии, на Сицилии. Нам очень понравилось.

Мамины глаза повлажнели от слез. Настоящих, заметила Карла, а не тех, которые она тренировала перед зеркалом.

– Отец моей дочери, он родом оттуда...

У Карлы кожу покалывало невидимыми иголочками. Она этого не знала.

– Но сейчас... сейчас...

Бедная мама, слова выходили из ее губ прерывисто, со всхлипами. Ей требовалась помощь. Карла услышала свой собственный голосок:

– А сейчас мы вдвоем с мамой.

Не говори о Ларри, хотелось ей добавить. Не упоминай об этом человеке.

– Это очень тяжело, – продолжала мама. – Я не хочу оставлять мою малютку одну, но бывает, что мне нужно на работу. Хуже всего по субботам, когда нет занятий в школе...

Золотоволосая Лили кивнула:

– Если хотите, мы с мужем можем иногда за ней присматривать.

У Карлы перехватило дыхание. Так ей не придется сидеть одной взаперти целыми днями? Ей будет с кем поговорить, пока не вернется мама?

– Вы присмотрите за моей девочкой? Как любезно с вашей стороны!

Обе женщины покраснелись. Неужели Лили пожалела о своем предложении? Карла очень надеялась, что нет. Взрослые часто что-то предлагают, а потом отказываются.

– Я должна идти. – Лили взглянула на свой портфель. – У меня работа, а вам хочется пообщаться с дочкой. Не волнуйтесь о ссатине, в больнице сказали, она быстро заживет.

Мама прищелкнула языком:

– Плохая школа. Погодите, вот схожу я завтра к учителям...

– Не получится, мама, ты завтра работаешь.

– Ц-ц-ц. – Мать уже уводила Карлу в квартиру.

– Мы в третьей квартире, если что, – сказала Лили.

Услышала ли мама? На всякий случай Карла запомнила слова соседки.

Как только они остались одни, мама повернулась к Карле, и блестящая алая улыбка превратилась в кривую кричаще-красную гримасу. Как это взрослые так быстро меняют одно лицо на другое?

– Никогда больше не смей говорить с чужими людьми. – Перед носом Карлы покачивался палец с заостренным красным ногтем. Карла заметила, что с правого края лак чуть-чуть облупился. – На этот раз тебе попался ангел, но в следующий раз удача может изменить и тебе встретится дьявол. Ты поняла?

Карла предпочла промолчать, не удержавшись, однако, от вертевшегося на языке вопроса:

– А мой папа правда с Сицилии?

Мамино лицо стало густо-красным.

– Я не могу об этом говорить – ты же знаешь, это меня расстраивает... – Она нахмурилась, глядя на блузку Карлы: – Что это ты там прячешь?

Карла неохотно вытаскила Чарли.

– Он гусеница, – с трудом проговорила она одеревеневшим от страха ртом.

– Это тот пенал, который ты у меня клянчила?

Карла кивнула.

Глаза матери сузились.

– Ты его взяла у кого-то из класса? Поэтому у тебя синяк?

– Нет! Нет! – Карла перешла на итальянский, заговорив отчаянно и быстро-быстро. – Лили же тебе сказала – в меня попали мячом. А по дороге из больницы она купила Чарли, чтобы мне было легче.

Мамино лицо смягчилось.

– Это очень любезно с ее стороны. Я должна сказать ей спасибо.

– Не надо. – Карла почувствовала, как по ногам у нее текут струйки мочи. Такое иногда случалось, если она сильно нервничала. Из-за этого ее тоже дразнили в школе – однажды она описалась на физкультуре («Вонючка Спаголетти, купи себе памперс!»). – Ей будет неловко, как Ларри. Ты же знаешь этих англичан.

Затаив дыхание, она ждала. Когда дядя с блестящей машиной приносил им разные вещи, мама сама твердила: не надо об этом заговаривать, а то ему неловко.

Наконец мама кивнула:

– Ты права.

Карла медленно, с облегчением выдохнула.

– Иди вымой руки – в больницах столько всякой заразы... – Мама взглянула в зеркало и провела руками по черным локонам. – Скоро Ларри придет на ужин. – Ее глаза сверкнули. – Ляжешь сегодня спать пораньше.

Глава 7. Лили

Середина октября 2000 года

– Сахар, скотч, колюще-режущие предметы, чипсы? – грозно спросил охранник за стеклянной перегородкой.

Мой шеф был прав: к тюрьме действительно привыкаешь. Уже во второй приезд я спокойно выдержала взгляд офицера охраны. Надо же, как чисто бреется. Гладенький, как младенец.

– Нет, – ответила я с неизвестно откуда взявшейся уверенностью и отступила на шаг для личного досмотра. Интересно, а что будет, если взять с собой что-нибудь запрещенное – наркотики или хотя бы безвредный пакетик сахара из кафе? Эта мысль пробудила во мне острое любопытство.

Я шла через тюремный двор, цокая острыми шпильками новых красных туфель. Покупая их, я убеждала себя, что они придадут мне уверенности. Сегодня в саду во внутреннем дворе не было заключенных в одинаковой одежде. День выдался пасмурный, в воздухе пахло морозцем. Я до конца застегнула темно-синюю куртку и прошла за охранницей через двойные двери.

– Ну, как там, в тюрьме? – спросил Эд за ужином, когда я вернулась после первой поездки в Брейквиль.

Честно говоря, мои дневные впечатления почти улетучились, пока я возила маленькую итальянку в больницу и выслушивала претензии ее матери. Ее реакцию, конечно, можно понять: она переволновалась за дочь. «Благодарю вас от всего сердца за заботу о моей Карле», – написала она на листочке, который я потом нашла подсунутым под дверь.

Я до сих пор не решила, правильно ли поступила, вмешавшись, но что поделать, если у тебя гипертрофированное чувство ответственности.

– Там нет воздуха, – ответила я Эду. – Трудно дышать.

– А мужчины? – Он крепко, ободряюще меня обнял. Лежа на диване, мы смотрели телевизор. Нам было хорошо, хоть и немного тесно. Супружеская пара, почти (но не совсем) компенсирующая другую часть отношений...

Мне вспомнились заключенные в коридоре с их пристальными взглядами и бугрившимися под короткими рукавами футболок мышцами и Джо Томас с его неожиданно умными, хоть и странными замечаниями и задачей для меня.

– Я ожидала другого. – Я прижалась к мужу и зарылась лицом – и

носом – ему в шею. – На вид мой клиент совершенно обычный человек. Правда, очень умный.

– Вот как? – заинтересовался Эд. – А внешне он какой?

– Хорошо сложен, носит бородку. Примерно твоего роста. Очень темные карие глаза. Длинные тонкие пальцы плохо вяжутся с остальным обликом.

Муж кивнул. Я чувствовала, что он мысленно рисует моего клиента.

– Говорил о поэте военной поры Руперте Бруке, – добавила я. – Намекал, что Брук как-то связан с его делом.

– Он служил в армии?

С незапамятных времен все мужчины в семье Эда оканчивали Королевскую военную академию в Сандхерсте и делали выдающуюся военную карьеру. На первом свидании он рассказал, как разочарованы были родители, когда он отказался следовать традиции. Художественный колледж? Он с ума сошел? Нормальная работа, вот что ему нужно! Графический дизайн в рекламной компании стал компромиссом, на который все пошли скрепя сердце. В их семье не бунтуют, а соблюдают приличия. Смешно, но в тот момент мне это даже понравилось. От этого веяло порядком и надежностью. Но старая обида так и не прошла, и на редких семейных мероприятиях, куда я его сопровождала, Эд чувствовал себя не в своей тарелке. Он не озвучивал это, но я и так все понимала.

– В армии? – переспросила я. – Вряд ли.

Эд сел, и между нами словно повеяло холодом. Не из-за того, что он лишил меня тепла своего тела, а из-за дистанции, возникающей, когда Эд находится на своей волне. До свадьбы я не понимала, как легко художник уходит из реальности в воображаемый мир. Родители отказались оплачивать художественный колледж, но оторвать Эда от любимого занятия в свободное время невозможно. Вот и сейчас в его руках уже появился альбом, и на листе проступают черты лица человека с фотографий, глядящих на нас с каминной полки. На снимках его отец еще совсем молодой. Отец...

И вот сейчас я снова иду по тюремному двору и несу в портфеле ответ на загадку моего клиента, отбывающего пожизненный срок.

– Ваш отец служил в армии, – сказала я в комнате для свиданий, подвинув к нему папку.

Лицо Джо Томаса стало бесстрастным.

– И что?

– А то, что из армии его уволили и отправили отнюдь не в почетную

отставку.

Я нарочно говорила резко. Мне хотелось расшевелить этого человека, выманить из панциря. Интуитивно я чувствовала: это единственный способ ему помочь. Если, конечно, я вообще хотела ему помогать.

– Согласно его заявлению, он защищался, когда на него напали с ножом в пабе. – Я посмотрела в досье, которое мы не один день собирали с одним смышленным стажером нашей фирмы. – Ваш отец оттолкнул нападавшего, тот разбил спиной стекло, порезался и едва не умер от потери крови. Это и есть связь между вашим случаем и делом вашего отца?

Глаза Джо Томаса, смотревшие на меня в упор, стали совсем черными. Я невольно огляделась.

– Здесь нет тревожной кнопки, – негромко сказал он.

Меня прошиб холодный пот. Он что, мне угрожает?

Джо Томас откинулся на стуле и разглядывал меня, словно это не он, а я находилась в сложном положении.

– Мой отец понес наказание за то, что защищался. Его опозорили, над нашей семьей глумились. Отцу пришлось уволиться из армии. Меня травили в школе. Но я усвоил важный урок: самооборона – не оправдание, потому что в нее никто не верит.

Я некоторое время смотрела на сидящего передо мной человека, а потом вынула из папки фотографию тощей рыжей девицы – погибшей Сары Эванс, девушки Джо Томаса.

– Вы хотите сказать, что защищались от женщины, у которой, судя по ее виду, не хватало сил поднять кирпич?

– Не совсем. – Джо повернул голову к окну.

Мимо прошли два офицера, о чем-то увлеченно беседуя. Услышат ли они меня, если дело примет дурной оборот? Пожалуй, нет. Тогда почему я больше не боюсь?

Джо Томас тоже смотрел на офицеров охраны, и на его губах играла довольная улыбка. Я начала терять терпение.

– На каком конкретно основании вы хотите подавать апелляцию?

– Первый тест вы прошли. Теперь вам предстоит пройти второй, тогда и узнаете. – Он начал писать на клочке бумаги, который принес с собой: «101,2, 97–3...» Список рос.

Я никогда не ладила с цифрами – мне больше по душе слова. Рядом с некоторыми цифрами стояли буквы, но мне они ничего не говорили.

– Что это?

Джо Томас улыбнулся:

– Выясняйте.

– Послушайте, Джо, если вам нужна моя помощь, бросьте свои игры! – Я встала.

Он тоже встал. Наши лица оказались совсем близко. Слишком близко. Я снова ощутила его запах. Представила, каково это будет – еще немного податься вперед... Но на этот раз внутренне я была готова: мысленно разможила фантазию о стекло окна, как неосторожного голубя, и представила, как полетели перья.

– Если вы хотите мне помочь, миссис Макдональд, вам нужно меня понять. Назовите это еще одной проверкой вашей пригодности для моего дела. Апелляция для меня – все. Я хочу убедиться, что нашел подходящего человека. До тех пор я для вас не Джо, а мистер Томас, понятно? – Он цепким взглядом окинул меня с головы до ног: – Какая вы высокая.

Меня словно огнем обожгло.

Джо Томас решительно направился к двери.

– Увидимся, когда вы найдете ответ.

А он не просто фамильярен, сказала я себе, расписываясь на выходе. Ведет себя, словно он тут главный, а не я. Но тогда почему вместе с раздражением во мне растет интерес?

– Все в порядке? – спросил меня бритый офицер, когда я расписывалась в журнале.

– Да, – сказала я. Что-то подсказывало мне не откровенничать с ним.

– Станный он, правда?

– В каком смысле?

– Ну, надменный. Ведет себя так, будто кругом пигмеи. И хладнокровный. Но пока он не доставлял нам проблем в отличие от других. – Охранник неприятно, со злорадством улыбнулся.

– Это вы о чем?

– Как, разве вы не слышали? На днях один из заключенных набросился на своего адвоката. Память не помял, но напугал порядочно. – Его лицо стало жестким: – А чего вы ожидаете, когда беретесь защищать насильников и убийц?

– Кем вы работаете, мэм? – спросил присевший рядом гость («Не возражаете?..»).

Я сижу на краешке нежно-зеленого дивана в квартире Давины в Челси. В комнате ярко-розовые стены и приглушенный свет. Гремит музыка. У меня урчит в животе. «Не возись с готовкой, в гостях поедим», – заявил Эд, но все угощение состояло из волованов с грибами и вина. Вина было много. Новый собеседник кажется приятным и легким в общении, но разговаривать сейчас мне хочется меньше всего.

– Я юрист, – коротко отвечаю я.

Он с уважением кивает, как многие, когда я называю свою профессию. Иногда это льстит, но чаще кивок кажется почти оскорбительным, будто люди считают, что женщина неспособна справиться с такой работой.

Четыре часа назад я была в тюрьме. Сейчас я среди людей, которые громко разговаривают и напиваются вином. Некоторые даже танцуют. Такой контраст кажется мне странным.

– А вы? – спрашиваю я, хотя меня не интересует ответ. Что меня интересует, так это куда делся Эд. Я не хотела сюда идти. Я вообще не знала о вечеринке у Давины, пока не приехала домой и не застала мужа у дверей в новой кремовой рубашке без воротника. От Эда сильно пахло хвойным лосьоном после бритья.

– Пойдем веселиться!

Я даже растрогалась: последние две недели выдались нелегкими, а мой молодой супруг решил меня развлечь!

– Звонила Давина. Она собирает старых друзей и хочет, чтобы и мы пришли. – Он оглядел мой темно-синий деловой костюм: – Лучше переоденся.

И вот мы здесь. Я в голубом с узором платье от «Маркс и Спенсер», Давина в узкой ярко-красной юбке. Муж засмотрелся на ее наряд – моему он столько внимания не уделил, – когда Давина встречала нас в прихожей. Это было больше часа назад. Где она? И где Эд?

– Я актуарий, – отвлек меня от мыслей голос моего собеседника.

– Кто, простите?

Последовала натянутая улыбка.

– Не извиняйтесь. Мало кто знает, что это такое. Я просчитываю, сколько, согласно статистике, проживут люди, какой процент из них с высокой вероятностью подавится и умрет или заболит лейкемией, не дожив до шестидесяти лет. Да, веселая работенка, но это важно при оформлении страховок... – Он протянул мне руку. – Зовите меня Росс. Приятно познакомиться. Я знаю вашего супруга. Более того, мы...

Вон они! Я буквально сорвалась с дивана и подошла к Эду. Лицо у него покраснелось, и от него пахло вином.

– Где ты был?

– Что ты имеешь в виду? – дерзко спросил он. – Выходил воздухом подышать!

– Не предупредив меня?

– Мне что, каждый раз тебе докладывать?

От слез у меня защипало глаза.

– Почему ты так себя ведешь?

На меня смотрел совсем другой Эд, не похожий на того, с которым я лежала в обнимку на диване.

– А ты почему так себя ведешь? – передразнил он.

Потому что я нигде не вижу Давины, чуть не сказала я, но это было бы глупо.

– Потому что я не видела и Давины, – услышала я свой голос.

Лицо Эда стало жестким.

– И ты решила, что мы с ней уединились?

Сердце у меня на мгновение остановилось.

– Нет, я не имела в виду...

– Понятно. Все, хватит. – Он схватил меня за руку выше локтя.

– Подожди, что ты де...

– Мы уходим. – Эд потащил меня к двери.

– Но мне нужно взять пальто, – возразила я.

На нас смотрели все, и в том числе Давина, которая вошла в комнату под руку с пожилым человеком, которого я еще не видела.

– Уже уходите? – промурлыкала она шелково-гладким голосом. – Какая досада, а я хотела познакомить вас с Гасом... – Она с обожанием посмотрела на своего спутника. – Простите, я сегодня плохая хозяйка, но мы с Гасом... были заняты.

Рука Эда судорожно вцепилась в мой локоть, но он тут же убрал ее и отступил.

– У Лили разболелась голова.

Ничего подобного, чуть не сказала я, но услышала свой голос, благодаривший Давину за прекрасный вечер, и даже испугалась: как легко, оказывается, лгать.

– Теперь вы непременно должны прийти в гости к нам, – прибавила я.

Глаза Давины заблестели от удовольствия.

– Мы с огромным удовольствием, правда, Гас?

Она подошла к моему мужу и прижалась щекой к его груди. Простой и естественный жест, призванный напомнить, что раньше они встречались. Давина улыбнулась, словно говоря: видишь, он был моим задолго до тебя.

Я в ужасе ждала, что Эд отойдет, но он стоял неподвижно, словно просчитывая варианты. Я хотела что-нибудь сказать, но страшилась последствий. К счастью, Гас прервал наступившее в комнате неловкое молчание, нарушаемое лишь гремевшей музыкой:

– По-моему, не стоит задерживать молодых супругов, Давина. Как ты считаешь?

Эд молчал всю дорогу до дома. Разговор вела я.

– Я не знаю, почему ты так себя ведешь, – говорила я, быстро шагая, чтобы успеть за мужем. – Я только спросила, где ты был. Я волновалась, я там никого не знаю...

Чем больше я говорила, тем глупее казались мне собственные страхи.

– Ты ревнуешь к ней.

Ну, хоть губы разжал.

– Ничего подобного.

– Ревнуешь, ревнуешь. – Эд со щелчком отпер нашу дверь.

– Хорошо. Ревную! – Я не могла себя сдержать. – Ты ходил за ней как щенок, едва мы перешагнули порог этой ее миленькой квартирки. Ты с нее глаз не сводил, а потом пропал на два часа...

– Чтобы глотнуть воздуха!!!

Я отступила, шокированная. При всех перепадах настроения Эд еще никогда на меня не кричал.

– Ты же слышала, – заговорил он тише, но в его голосе еще угадывался гнев. – У нее бойфренд. А мы с тобой женаты. Тебе этого достаточно?

– Но достаточно ли этого тебе? – прошептала я.

Между нами повисло напряженное молчание. Ни один из нас не отважился заговорить.

Я наконец позволила себе вспомнить о медовом месяце и о том, что там получилось. Вернее, чего не получилось. Вспомнилась мне и ночь после неожиданного предложения руки и сердца на втором свидании в маленьком ресторане в Сохо, и неуклюжие объятия на кровати в моей тесной квартирке, снимаемой вместе с подругой, и моя невнятная просьба: если он не возражает, я бы «подождала» до свадьбы.

Глаза Эда недоверчиво округлились:

– Ты что, никогда этим не занималась?

Я ждала, что он заявит: это просто нелепо, в наше время не бывает девственниц двадцати пяти лет от роду. Я приготовилась вернуть ему кольцо и признать, что все случившееся мне приснилось, но Эд вдруг привлек меня к себе, глядя по волосам.

– Мне кажется, это очень мило, – пробормотал он. – Только подумай, какой прекрасный медовый месяц у нас будет!

Прекрасный? Полная катастрофа! Как я и опасалась, мое тело отказывалось сотрудничать сонной.

– Что-то не так? – спрашивал Эд.

Но я не могла, никак не могла ему сказать, хотя и видела: он считает, что это его вина. Неудивительно, что муж от меня отвернулся.

В Италии наши отношения настолько накалились, что в последнюю ночь я принудила себя пройти через это.

– Дальше будет легче, – тихо сказал мне потом Эд.

И вот сейчас я решила: пора ему узнать. Я не хочу потерять этого человека. Смешно, но мне очень нравится, когда он обнимает меня и прижимает к себе. Я люблю говорить с ним, быть с ним рядом, но понимаю, что ему этого недостаточно и долго он терпеть не будет. Неудивительно, что его потянуло к Давине. Мне некого винить, кроме самой себя.

– Эд, я кое-что должна тебе... – Я замолчала, услышав шорох.

Под дверь подсунули записку. Эд нагнулся и молча протянул ее мне.

ЭТО ФРАНЧЕСКА ИЗ СЕДЬМОЙ КВАРТИРЫ. МНЕ НАДО РАБОТАТЬ В ВОСКРЕСЕНЬЕ. ПРОСТИТЕ, ЧТО ОБРАЩАЮСЬ. ПОЖАЛУЙСТА, НЕ МОГЛИ БЫ ВЫ ПРИГЛЯДЕТЬ ЗА МОЕЙ МАЛЮТКОЙ? ОНА НЕ ДОСТАВИТ ХЛОПОТ.

Эд пожал плечами.

– Как хочешь. В конце концов, я буду рисовать. – Он повернулся, чтобы идти в ванную, но остановился: – Прости, ты что-то говорила?

– Нет, ничего.

Меня охватило невероятное облегчение. Я отвлеклась как нельзя вовремя, и момент прошел. Можно только порадоваться – если бы я призналась, потеряла бы Эда навсегда. А этого я допустить не могу.

Глава 8. Карла

Мама была счастлива, заметила Карла, у которой тоже отлегло от сердца. Они пели дуэтом, идя к автобусной остановке. Вчера вечером мама и дядя с блестящей машиной танцевали так энергично, что пол дрожал, но Карла была умницей и не выходила из своей комнаты, чтобы попросить их вести себя потише, хотя и не могла заснуть. Она свернулась под одеялом, прижимая к себе гусеницу Чарли.

А теперь Карла семенила за мамой, то и дело подпрыгивая. Всем известно, как важно не наступать на приносящие несчастье трещины в асфальте. Надо же позаботиться, чтобы не случилось ничего плохого после всего хорошего.

– Нам очень жаль, что ты пострадала от хулиганской выходки, – сказала одна учительница (единственная хорошая), когда весь класс ушел играть. – Мальчик, который тебя ударил, задира и других тоже. Этого больше не произойдет.

Кевина в классе не было. Значит, можно спокойно приносить Чарли в школу! Теплое чувство благодарности окутало Карлу невесомым мягким пледом. *Grazie, grazie!*^[9] Она будет как все остальные ученики.

Правда, не совсем. Когда они с мамой вошли и сели, Карла стала рассматривать себя в зеркале автобуса. Она всегда будет отличаться – из-за смуглой кожи, черных волос и густых бровей, самых широких в классе. Волосатая Карла Каволетти...

– Карла, – строго сказала мама, прервав ее мысли. – Не скачи на сиденье. От этого автобус быстрее не поедет.

А Карла просто высматривала Лили. Вскоре после лечения подбитого глаза Карла узнала, что мамин начальник велел ей работать в воскресенье.

– Что же мне делать? – Глаза у мамы были совсем круглые от отчаяния. – Мне не с кем тебя оставить, *cara mia*. – Ее взгляд упал на фотографию сгорбленной женщины в шали с лицом, покрытым множеством волнистых морщин, точно вырезанных в камне. – Ох, если бы твоя *нонна* была здесь! Она бы помогла...

– А леди, которая возила меня в больницу, помнишь, из третьей квартиры? Она же сказала, что поможет в любое время, – не растерялась Карла. И тут же вспомнила о Чарли. Что, если Лили с золотыми волосами скажет маме, что вовсе не дарила ей гусеницу Чарли?

Поздно: мама уже написала записку и подсунула Лили под дверь.

Вечером в субботу Карла ворочалась на своей узенькой кровати с простым распятием на стене, сделанным из дерева со Святой земли. Бедный Чарли тоже боялся.

– Я не хочу тебя покидать, – говорил он.

Проснувшись утром, Карла увидела над собой сияющие мамины глаза.

– Эта милая леди и ее муж возьмут тебя на денек. Ты должна хорошо себя вести.

Ура!

Сердце Чарли колотилось, пока они шли по коридору. Сердце Карлы тоже.

Пожалуйста, пусть никто ничего не узнает!

– Я постараюсь прийти побыстрее, – говорила мама, обращаясь к Лили. – Вы так добры! Спасибо за подарок, который вы ей купили!

Наступила тишина – такая громкая, что ее слышали все. Карла медленно подняла глаза и встретила взглядом. Соседка была в брюках, в которых ее бедра казались очень широкими, и даже губы не накрасила. Карла инстинктивно поняла, что она не та женщина, которая станет лгать.

– Подарок? – медленно повторила Лили.

– Гусеницу-пенал, – сказала Карла дрожащим голосом, глядя Лили в глаза и скрестив за спиной пальцы. – Вы купили его мне после больницы, чтобы я успокоилась, помните?

Снова молчание. Пальцы Карлы свело от попытки сжать их крепче. Наконец Лили кивнула:

– Ах да, конечно. Ну, проходи. Мы с тобой затеем пирог. Ты любишь печь пироги?

Мама вздохнула с облегчением, и они с Карлой наперебой затараторили:

– Она обожает готовить!

– Люблю, люблю!

И занятий сегодня нет, сказала себе Карла, вприпрыжку вбегая в квартиру Лили. Какой исключительный день! Они с Лили рассыпали по полу муку, пока взвешивали ингредиенты для теста, но ее новая подруга не рассердилась, как сделала бы мама. Ей не нужно было «немного отдохнуть» с мужем, высоким дядей Эдом, который сидел в углу и что-то черкал в альбоме. Сперва Карла перед ним робела – Эд походил на киноактера из журналов, которые Ларри приносил маме. Волосы у него были как у Роберта Редфорда, одного из любимых маминых героев.

Карла всполошилась, когда Эд неприятным, скучным голосом спросил

у Лили, куда она опять переложила его краски, – такой голос бывал у Ларри, когда он заглядывал к Карле и видел, что она еще не спит. Но затем Эд спросил, можно ли нарисовать Карлу, и лицо у него было другое. Намного счастливее.

– У тебя такие чудесные волосы, – говорил он, быстро взглядывая то на Карлу, то в лежавший перед ним альбом.

– Мама мне их каждый вечер расчесывает по сто раз! *Cento!*

– Ченто? – неуверенно повторил Эд, словно пробуя незнакомую пищу. Карла засмеялась над его акцентом.

Никто не возражал, когда Лили предложила перекусить, хотя Карла и сказала, что не ест курятину, потому что в детстве у мамы в Италии была любимая курочка, а дедушка свернул ей шею, чтобы отпраздновать мамин день рождения.

Карла учила Лили и Эда делать настоящую пасту вместо твердых палочек, которые хранились у них в кухонном шкафу. Это заняло немало времени, но как они смеялись, когда Карла показывала, как тянуть макароны с помощью вешалки для одежды, подвешенной над плитой!

– Стой! – велел Эд, приподняв руку. – Я нарисую вас вот так. А ну, Карла, возьми снова Лили под руку!

– Чарли тоже должен быть на картине!.. – Карла сразу же пожалела о вырвавшихся словах.

Лицо Лили окаменело, как по мановению волшебной палочки.

– Карла, откуда у тебя на самом деле эта игрушка?

– Он не игрушка. – Карла обняла Чарли, словно защищая. – Он настоящий.

– Но как он к тебе попал?

– Это секрет.

– Нехороший секрет?

Карла подумала об одноклассниках, у которых есть папы и не надо надеяться на дядь в шляпах и с блестящими машинами. Разве это не дает ей права взять то, что есть у них? Она медленно покачала головой.

– Ты его украла?

Что-то подсказывало Карле, что возражать бессмысленно. Она кивнула.

– Почему?

– У всех такие есть. Не хочу быть не такой, как все.

– А... – Лицо Лили разгладилось. – Понимаю.

Карла схватила ее за руку:

– Пожалуйста, не рассказывайте!

Возникла пауза. Эд ничего не замечал, увлеченно поглядывая на них и снова на бумагу.

Отрывистое дыхание Лили было таким громким, что кожу на руках у Карлы покалывало невидимыми иголочками.

– Хорошо. Но больше никогда ничего не кради, обещаешь?

Воздушный шарик надежды появился на поверхности серой вязкой субстанции в груди Карлы.

– Обещаю! – Она подняла Чарли повыше, чтобы Эду было лучше видно. – Чарли говорит вам: «Спасибо».

Когда мама постучала в дверь, Карле не хотелось уходить.

– Можно я еще побуду у вас? – жалостливо попросила она.

Но Эд улыбнулся и обнял Лили за талию. Видимо, им тоже хочется потанцевать вдвоем.

– Держи, – сказал он, сунув ей лист из альбома. – Можешь взять себе.

Мама Карлы так и ахнула:

– Какое сходство! Как верно схвачено! У вас настоящий талант!

Эд сунул руки в карманы, и вид у него стал, как у Ларри, когда мама благодарила его за духи, или за цветы, или за другие подарки, которые он привозил по вечерам.

– Это всего лишь набросок углем. Не трогайте, а то смажется.

Карла и не посмела бы трогать. Она только смотрела во все глаза. Неужели она такая? Но это изображение ребенка, а не взрослой девушки, которой ей хотелось быть. И Чарли на рисунок не попал:

– Что надо сказать? – с нажимом сказала мама.

– Спасибо. – И, вспомнив книгу об английских королях и королевах, которую они читали в школе, Карла присела в глубоком реверансе: – Спасибо, что пригласили в гости!

К ее удивлению, Эд расхохотался:

– Она у вас прелесть! Заходи в любое время, Карла. В следующий раз я напишу настоящую картину. – Прищурившись, он смотрел на девочку, что-то прикидывая. – Пожалуй, акриловыми красками.

Сейчас они с мамой сидели в автобусе, направлявшемся к школе, и ждали Лили.

«Может, она не придет, – сказал Чарли, лежавший у Карлы на коленях. – Может, она сердится, что ты меня украла».

Карла напряглась:

– Никогда больше так не говори. Я заслуживаю тебя, а ты меня. Или ты хотел остаться у того хулигана?

Чарли покачал головой.

– Ну и все, – прошептала Карла едва слышно. – И давай больше не будем об этом.

– Держись. – Мать придержала Карлу на сиденье, потому что автобус дернулся вперед. – Вроде поехали.

Усевшись поглубже, Карла смотрела, как за окном проплывают деревья, чьи желтые и зеленые наряды, порхая, опадали на асфальт. И тут она увидела Лили! Лили бежала по улице – быстро-быстро, как Карла в своих ночных кошмарах, хотя во сне ее ноги будто прилипали к земле.

– Давайте к нам! – позвала Карла. – Садитесь рядом со мной!

Но автобус уже набрал скорость. На другой стороне улицы Карла увидела Эда. Ему на работу в другую сторону, сказал он вчера. Карла забарабанила по стеклу и замахала. Да! Эд махнул в ответ. И хотя Карла огорчилась, что Лили не успела на автобус, на душе у нее все равно стало теплее: теперь у нее есть друзья. Настоящие друзья. Это еще один шаг к тому, чтобы стать такой, как все.

– Мама, по-моему, ты ошибалась, – сказала она.

Мать, внимательно рассматривавшая лицо в маленькое зеркальце, которое всегда носила в сумочке, покосилась на дочь.

– В чем я ошиблась, Карла?

– Ты говорила, что женщины, которые за собой не следят, не найдут красивых мужей. И еще ты говорила, что Лили толстая. Но ведь Эд похож на кинозвезду!

У матери вырвался мелодичный смех. Сидевший через проход мужчина посмотрел на нее с восхищением.

– Ах ты, моя птичка! Это все верно. – Мать ласково потрепала Карлу по щеке. – Красивые мужья бывают и у таких, как Лили, но им нужно быть осмотрительнее, иначе они ведь могут их потерять.

Как это потерять, недоумевала Карла, готовясь к выходу, на улице обронить, что ли? Или в автобусе, как она розовую заколку на той неделе? Лили крупная, но зато она добрая. Она сохранила секрет о Чарли и разрешила печь пирог. Этого же достаточно, чтобы удержать Эда? Карле не хотелось, чтобы Лили пришлось искать себе другого мужа.

Она хотела спросить у мамы, но та уже торопилась и повторила на прощание, что Карла должна делать после уроков.

– Дождись меня, дорогая, слышишь? Жди у ворот, даже если я задержусь.

Радостно кивнув, Карла спрыгнула с подножки автобуса, помахала маме, перебежала через спортивную площадку и пошла в класс. Несмотря

на происшествие с мячом на прошлой неделе, она с огорчением увидела, что одноклассники по-прежнему не очень дружелюбны. Но теперь, когда у нее есть Чарли, отношение скоро изменится. В этом Карла не сомневалась.

На перемене она бережно завернула Чарли в джемпер, чтобы он не замерз, и оставила в своем шкафчике. Выйдя на площадку, Карла обратилась к девочкам, игравшим в классики:

– Можно с вами?

Никто не отозвался, будто не слышали.

Она подошла к одноклассницам, бросавшим о стенку теннисный мяч:

– Можно мне тоже поиграть?

Все отвернулись.

У Карлы в животе образовалась пустота, хотя она хорошо позавтракала.

Она медленно побрела в класс. Там никого не было, даже помощницы учительницы, которая отвела ее домой, когда Кевин подбил ей глаз. Карла слышала, как одна учительница сказала другой, что помощницу «отпустили». Что это может значить?

Карла радостно подошла к шкафчику и начала разворачивать джемпер. Чарли поймет, как ей обидно, что другие дети не хотят с ней разговаривать. С Чарли ей будет веселее...

Нет. Не-е-ет!!!

Зеленый пушистый Чарли был мертв – криво распорот от головы до хвоста. А сверху лежала записка с красными печатными буквами:

ВАРОВКА

Глава 9. Лили

Нужно бежать быстрее, иначе я опоздаю на автобус. Будь я стройнее, бежать было бы легче. Грудь подпрыгивали. Те самые груди, которые ласкал Эд, когда ночью неожиданно залез на меня. Однако потом, когда он открыл глаза, в них отразилось удивление при виде того, кто лежит снизу.

Я.

Я тоже удивилась. В полусне я представляла себе кого-то другого. Мягкие руки на моих грудях. Его рот, терзающий мой. Его твердость, проникающая в мою мягкость...

– Мне надо умыться, – пробурчала я и поплелась в маленькую ванную, чтобы вытереть глаза. Когда я вернулась, Эд крепко спал.

Откуда это берется? Почему я представляю с собой в постели Джо, человека, к которому чувствую неприязнь?

А о ком думал Эд? Нетрудно догадаться. Может, на вечеринке дело не зашло дальше фамильярностей, но я все чувствую. Так же как чувствую Джо. Если я чему-то и научилась за свою жизнь, так это слушать свою интуицию.

Пока эти мысли тяжело ворочались в голове, Эд спал. Во сне он выглядел удивительно мирно: слегка похрапывал, а на подбородке – легкая поросль тонких светлых волосков... Тихо, чтобы не разбудить его, я встала с кровати, на цыпочках прошла в кухню и достала швабру.

Я так увлеклась, что не слышала, как он вошел, пока за спиной не раздался голос:

– Зачем ты утром моешь пол? – Говоря, он завязывал галстук, в который впиталась капелька крови из пореза на щеке. Эд этого вроде бы не заметил.

Я подняла голову, не вставая с коленей:

– Потому что он грязный.

– А ты на работу не опоздаешь?

Ну и что? Я хочу, чтобы линолеум блестел. Если я не могу наладить свой брак, надо довести до совершенства хотя бы кухонный пол.

Поэтому сейчас я бегу. Если бы я не сходила с ума с этой уборкой, я бы не вышла из дома на четверть часа позже обычного и не провожала бы теперь автобус глазами и не обливалась бы холодным потом, представляя, как буду оправдываться перед начальником.

Когда я, задыхаясь, остановилась, то увидела Карлу, прижавшуюся

носом к стеклу: девочка изо всех сил мне махала.

– Давай! – кричала она одними губами. И добавила что-то еще.

«Толстуха?» Нет, наверняка нет. Карла ласковый ребенок. Однако я замечала, что Франческа поглядывает на меня с жалостью, а дочь копирует все, что делает мать. Да и не в первый раз меня называют толстой.

Сидя в ожидании следующего автобуса, я думала о Карле и ее зеленой гусенице.

– Ты ее украла? – спросила я вчера. – Почему?

Девочка скромно, но с достоинством повернула голову – неестественно взрослый жест, показавшийся мне отрепетированным, – и ответила:

– У всех такие есть. Не хочу быть не такой, как все.

«Не хочу быть не таким, как все», – именно эти слова говорил Дэниэл. Моя интуиция меня не обманула. Я должна помочь этому ребенку.

Шеф ждал меня в своем кабинете. Он лет на тридцать старше меня. Его жена бросила работу сразу после свадьбы, и у меня такое ощущение, что он относится ко мне неодобрительно.

Вскоре после того, как я пришла сюда работать, я неосторожно сказала одному из коллег, что занялась юриспруденцией из желания «творить добро». Начальник случайно это услышал.

– Творить добро? – фыркнул он. – Могу вам сразу сказать: вы ошиблись с профессией.

Я покраснела (увы, не прелестно) и старалась после этого не высовываться. Но временами, особенно когда начальство на меня покрикивало, мне хотелось рассказать о Дэниэле.

Ничего я, конечно, не расскажу. Даже Эд не понял бы, расскажи я ему все как было, с начала до конца, а посвящать в это шефа было бы полным безумием. Сейчас он сидит напротив, между нами на столе гора бумаг, а на его губах ледяная улыбка.

– Ну, так как продвигаются дела с Джо Томасом?

Я скрестила ноги, потом снова поставила их рядом. Я чувствую на себе отпечаток рук Эда, оставшийся с прошлой ночи. Он до сих пор на мне, вытравленный на моем теле, как удивление на его лице.

– Клиент продолжает играть со мной в свои игры.

Шеф засмеялся. Недружелюбно.

– В этой тюрьме отбывает срок немало психопатов, Лили. Чего вы ожидали?

– Я ожидала лучшего инструктажа, – вырвалось у меня. Страх придал

мне смелости – справедливо или без оснований – постоять за себя. – Я имею в виду, что у меня недостаточно информации, – продолжала я, пытаюсь исправить ситуацию. – Почему он задумал подать апелляцию, отсидев два года? Почему не желает поговорить со мной по-человечески, вместо того чтобы загадывать загадки? – Я вынула листок, который дал мне Джо, – с непонятными цифрами и буквами. – Вы не догадываетесь, что это может означать? – спросила я примирительным тоном. – Это мне передал клиент.

Начальство едва взглянуло на мятый листок.

– Понятия не имею. Дело поручено вам, Лили. Может, это новые улики, о которых он только что узнал, – это объяснило бы задержку с апелляцией. – Глаза начальника сузились. – Я бросил вас на новое дело без подготовки, как когда-то поступили со мной самим. Это ваш шанс показать, на что вы способны. Не подведите ни меня, ни себя.

Остаток недели я работала на пределе сил, но других заданий с меня никто не снимал, и дела, как мне казалось, копились со зловещей быстротой. Начальник явно устроил мне проверку. Эд от него не отставал со своими «семью пятницами на неделе».

– Никак не слажу с одним клиентом, – начала я за ужином (недожаренный стейк и пирог с почками, мало похожий на фотографию в потрепанной кулинарной книге Фанни Крэддок, которую мне торжественно вручила мать Эда). Муж жевал медленно и тщательно – то, что получается у меня на кухне, можно смело назвать испытанием. Давина – та училась в кулинарной школе в Швейцарии... – Это тот самый, к которому... Эд, что с тобой?

Я вскочила из-за стола. Эд задышался, хватая воздух ртом. Лицо его побагровело. Он чем-то подавился.

Ужас заставил меня действовать быстро. Рука сама с размаху ударила Эда по спине, и кусок мяса пролетел через всю комнату, Эд закашлялся и потянулся за стаканом с водой.

– Прости, – сказала я. – Видимо, недожарилось.

– Нет-нет. – Муж еще силился откашляться, но потянулся к моей руке: – Спасибо, ты меня спасла.

На минуту между нами возникла некая связь, но вскоре она развеялась. Ни Эду, ни мне есть больше не хотелось. Я выбросила признанное виновным мясо в ведро, запоздало сообразив, что начинку для пирога надо было потушить, прежде чем накрывать верхним слоем теста. Вместе с тем мне вдруг подумалось: как легко было бы позволить Эду задохнуться, а

потом сделать вид, что это был несчастный случай!

Я сама поразилась такой мысли. Не скрою, я была шокирована собой. Откуда у меня взялись подобные мысли? И тут меня осенило.

Росс. Актuariй, с которым я познакомилась на той злополучной вечеринке, когда Эд и Давина исчезли неизвестно куда. Росс говорил со мной как раз на эту тему.

– Я провожу статистические расчеты продолжительности жизни – какой процент людей с высокой вероятностью подавятся и задохнутся или заболеют лейкемией, не дожив до шестидесяти лет. Веселенькая тема, согласен, но это, видите ли, важно при страховании жизни.

Я узнала у Эда телефон Росса. Оказалось, Росс завтра свободен. И он пригласил меня пообедать в его клубе.

– Вот эти цифры, – сказала я, передавая ему листок над белоснежной накрахмаленной скатертью (рядом хлопотал официант), – написал один мой клиент. Он... ну, в общем, сидит за убийство.

Росс удивленно посмотрел на меня:

– Вы считаете, он невиновен?

– Вы бы удивились, узнав его лично.

– Вот как?

Мы молчали, пока официант наливал нам вино. Один бокал, напомнила я себе. Сейчас я стала пить больше, чем раньше, а это плохо сказывается и на внимании, и на усвоении калорий. Но Эд любит выпить вечером пару бокалов, и мне кажется неправильным не поддерживать компанию.

– Мне нужно знать, что могут означать эти цифры, – сказала я почти безнадежно. – Джо – хороший математик.

– Джо? – Брови Росса поползли вверх.

– Мы часто называем клиентов по имени, – поспешила я объяснить, вспомнив, что Джо велел называть себя мистером Томасом, пока я не разгадаю головоломку. – У него какое-то психическое отклонение, он очень методичен в некоторых областях, однако ему трудно разговаривать с людьми. Он предпочитает общаться ребусами, и это... один из них.

В глазах Росса появился огонек любопытства.

– Я посмотрю, – сказал он так ободряюще, что мне захотелось его обнять. – Дайте мне несколько дней. Я вам позвоню.

И он позвонил.

– Это показания температуры воды у разных моделей бойлеров с

указанием даты выпуска, – торжествуя, объяснил он мне при встрече. – Если я не ошибаюсь, импликации весьма обширны. Я показал цифры приятелю-инженеру – не беспокойтесь, я ему ничего не рассказал, – так вот он говорит, что здесь угадывается определенная схема. Повинуясь интуиции, я покопался в нашем архиве... – Он подал мне газетную вырезку. Августовская «Таймс». В те дни я как раз готовилась к свадьбе и из-за хлопот, боюсь, не уделяла газетам должного внимания.

СКАНДАЛ ИЗ-ЗА НЕИСПРАВНЫХ БОЙЛЕРОВ

Я прочитала статью с живейшим интересом.

– Стало быть, – начала я, – у некоторых бойлеров, выпущенных за последние десять лет, выявились производственные дефекты. На сегодняшний день подано семь исков, в том числе в связи с тем, что бойлер не держит заданную температуру, в результате чего потребители получили ожоги. Начато расследование, но из точек продаж бойлеры данных моделей пока не отозваны.

Росс кивнул:

– Исков пока семь, но наверняка будут еще.

– Но это тянется уже десять лет, почему никто не спохватился раньше?

– Порой, чтобы уловить закономерность, требуется время.

Ну еще бы. Юристы тоже люди и тоже не сразу все замечают. Однако я не могу себе позволить быть одной из них.

– Я выяснила, что это за цифры, – сказала я, входя на следующий день в комнату для посещений.

Смешно, но я начинаю привыкать. Двойные двери и замки уже перестают меня удивлять, как и делано непринужденная поза моего клиента, развалившегося на стуле со скрещенными на груди руками, и взглядом, не оставляющим меня. Ему тридцать лет, ровесник Эда – муж отпраздновал день рождения месяц назад, однако у меня ощущение, что я общаюсь с подростком. Одно я знаю точно: я больше не позволю себе нелепых фантазий.

– Выяснили, что это за цифры? – повторил он слегка раздраженно. – Неужели?

– Я прочла о бойлерах и о поданных исках. Вы намекаете, что в смерти Сары виноват производитель бойлеров? Вы уже говорили, что вода была горячее, чем можно было ожидать спустя тридцать минут. Неисправность бойлера – вот ваша линия защиты. Скорее даже, самообороны.

Джо Томас вопросительно наклонил голову, словно обдумывая мои слова.

– Я вам уже говорил, самооборона – самая бесполезная вещь на свете.

– Отчего же, с правильным-то адвокатом, – парировала я.

– Поздравляю. – Разочарование сменилось улыбкой всего за несколько мгновений. Джо протянул мне руку.

Я и бровью не повела. Я была рассержена и удивлена.

– Почему же вы с самого начала не передали мне эти цифры? Это сэкономило бы массу времени.

– Я вам уже сказал почему. Я подбросил вам зацепку, чтобы проверить, достаточно ли вы умны, чтобы взяться за мое дело. Мне нужен кто-то моего уровня. Кто-то толковый.

«Спасибо, Росс, – подумала я. – Спасибо».

Джо снова откинулся на спинку стула, хлопнул себя по бедрам и громко рассмеялся:

– Надо же, а ведь вы справились, Лили! Отличная работа. Я вас нанимаю.

Нанимает? Я, вообще-то, думала, что уже с ним работаю.

– Вы до сих пор не рассказали, как все случилось, – холодно сказала я, вспомнив, что клиента надо держать на расстоянии. – Предупреждаю, больше тратить время попусту не стану. Если хотите, чтобы я взялась за вашу апелляцию, мне нужно знать все. Никаких фокусов и ребусов, только факты. Почему, например, ужин готовили вы? Почему вы наливали Саре ванну? – Я перевела дыхание. – Права ли была Сара, жалуясь родным, что вы пытались контролировать каждый ее шаг?

Лицо Джо Томаса окаменело.

– Зачем вам это знать?

– Потому что это может нам помочь.

Некоторое время мой клиент молчал. Я тоже не нарушала повисшую напряженную тишину. Она так накалилась, что о нее можно было обжечься.

Джо Томас явно тоже это чувствовал. Он отвернулся к окну. Во внутреннем дворе не было ни души, хотя стоял прекрасный прохладный осенний день. Видимо, заключенные работали: в этой тюрьме у всех имелись задания. Я видела в холле список – рядом с каждым занятием мелом была написана фамилия:

Смит – хлеботор (на тюремном жаргоне это означает работу на кухне).

Уайт – туалеты.

Эссекс – аквариум.

Томас – библиотека. (Почему меня это не удивляет?)

Напротив каждой фамилии – слово «Обучение». Интересно, что изучают в тюрьме? Если верить статистике грамотности, то заключенные учатся читать и писать (позже я узнала, что многие из них проходили дистанционное обучение в Открытом университете).

– Ванна, Джо, – повторила я. – Почему ванну Саре обычно наливали вы?

Мой клиент ответил еле слышно – я едва разобрала слова:

– Потому что я всегда наливал сначала холодную воду, чтобы она не ошпарилась. – Удар кулаком по столу заставил меня вздрогнуть. – Глупая девка! Надо было меня слушаться!

– Прекрасно. Ванна оказалась слишком горячей, но это не суть: следствием доказано, что вы насильно столкнули Сару в воду.

Лицо Джо Томаса стало жестким.

– Не доказано, а всего лишь убедительно аргументировано. Я вам уже говорил, я ее пальцем не трогал. Должно быть, она поскользнулась и упала в ванну. Синяки могли появиться и от этого.

– Но она бы пулей выскочила из крутого кипятка.

– Она... была... слишком... пьяна. – Джо Томас произнес это медленно, с паузами, словно вбивая мне в голову каждое слово. – Если бы она позволила набрать ей ванну, такого бы не случилось, – повторил он.

Вот зациклился-то. Но именно эта зацикленность отчего-то заставляла ему верить. Во всяком случае, в этот момент.

– И не думайте, что я не чувствую своей вины. Еще как чувствую.

Кожу у меня словно закололо невидимыми иголочками.

– Я не должен был надолго оставлять ее одну. Надо было сходить проверить раньше. Я всегда был к ней внимателен, но в тот раз...

У Джо Томаса явно помешательство на контроле, но это делает его убийцей не больше, чем каждого из нас. Разве я не сделала обычаем мыть пол по утрам до работы? Дэниэлу обязательно было нужно подворачивать простыни по углам, и все тут. Мой шеф вешает пальто строго определенным образом – на дверь своего кабинета. Джо Томас всегда кладет свой листок точно в центре стола (он объяснил, что завел бы нормальный блокнот, но в тюрьме плохо с канцтоварами).

– Вы требуете, чтобы все было по-вашему, – тихо сказала я, – потому что тогда не случится ничего плохого.

– И что? – Он с вызовом посмотрел на меня.

– Ничего, все нормально. Я понимаю.

Джо Томас сверлил меня взглядом, словно добиваясь, чтобы я отвела глаза. Если я это сделаю, он решит, что я произнесла последнюю фразу неискренне, лишь бы втереться к нему в доверие. Но что-то все равно не давало мне покоя.

– Почему вы потом не выяснили, исправен бойлер или нет?

– Да меня вообще-то арестовали.

Ну что я за дура...

– А жильцы, которые въехали после вас? Они не поняли, что вода просто кипиток?

Джо Томас пожал плечами:

– Они заново отделали ванную и наверняка сменили бойлер. Вы бы тоже сделали полный ремонт, если бы в вашей квартире кто-то погиб.

– Когда же вы догадались, что у бойлера мог быть производственный дефект?

– Несколько недель назад мне по почте прислали эти цифры с единственным словом «бойлер».

– Кто прислал?

– Не знаю. Но я неплохо лажу с цифрами. Я покопался в тюремной библиотеке и, мне кажется, нашел ответ. – Его глаза сверкнули. – На этот раз им придется мне поверить – не я несу ответственность за смерть Сары! – Его голос дрогнул, когда он взглянул на меня.

Я задумалась. На юридическом нас учили, что анонимные наводки и доносы поступают и юристам и преступникам. Обычно это дело рук людей, затаивших на кого-то обиду или желающих ускорить решение той или иной проблемы. Может быть, некто, связанный с производством бойлеров, жаждал справедливости?

Я встала.

– Куда же вы уходите? – почти по-детски взмолился мой клиент.

Мне вспомнилась маленькая итальянка с черными локонами и широкими бровями, которые скорее подошли бы подростку, чем девятилетнему ребенку.

– Нужно найти барристера. Адвоката, который возьмется вести наше дело в суде.

На лице Джо Томаса медленно появилась улыбка.

– Значит, вы считаете, что суд состоится?

Я взялась за дверную ручку. Снаружи ждет охранник, глядя на нас через вделанное в дверь стекло. В его прищуренных глазах читается крайнее неодобрение моего плана освободить тюрьму от одного из ее

обитателей.

– Возможно, – небрежно ответила я. – Если ваши слова подтвердятся. Но больше никаких игр, нам надо быть заодно. Обещаете?

«Обещаю», – сказал Дэниэл перед самым концом.

«Обещаешь?» – спросила я Карлу, когда убеждала ее больше не красть.

– Обещаю, – ответил Джо Томас.

Мы вышли из комнаты. Офицер взглянул на часы.

– Можете сейчас расписаться? – попросил он. – Мне нужно быть в другом месте.

Я спохватилась, что шагаю по коридору рядом с моим клиентом. Мы прошли мимо крупного мужчины в оранжевом костюме.

– Ну что, сегодня-то участвуешь? – спросил он у Джо.

– Ровно в три, – ответил он. – В рекреации. Жду с нетерпением. Настольный футбол, – пояснил он мне.

Во время моего первого визита охранник назвал Джо Томаса надменным, но тот общался с другими заключенными вполне дружелюбно. Это придало мне смелости задать вопрос, не дававший мне покоя:

– Откуда вы узнали, что я недавно вышла замуж?

Джо пожал плечами:

– Я ежедневно читаю «Таймс», от первой до последней страницы. У меня фотографическая память, Лили. Макдональд – известная военная династия, эту фамилию часто упоминают.

Согласно инструкции шефа, я представилась Лили Макдональд, но сейчас мне вдруг остро захотелось отодвинуть этого Джо на некоторое расстояние, попросив впредь обращаться ко мне исключительно миссис Макдональд и прекратить совать нос в мои личные дела. Вопреки возникающим у меня странным мыслям.

К счастью, в отличие от сахара, скотча, чипсов и всего колюще-режущего, мысли я могу скрыть. Я обязана это сделать.

Глава 10. Карла

«Варовка». Они написали слово с ошибкой. Карла уже дочитала «Детский словарь» до конца буквы «В».

Если закричать достаточно громко, Чарли снова сделается целым. Совсем как Иисус, которому в руки забивали гвозди. Священник рассказывал об этом на службе в прошлую Пасху. Карла с мамой редко ходили в церковь, хотя мама все время молилась. Она говорила, что некоторые вещи даже Господь не поймет.

«Варовка».

Если продолжать кричать, эти ужасные красные буквы исчезнут, и бедное распоротое тело Чарли станет целым, как тело нашего благословенного Господа Иисуса Христа. Выпавший черный глаз снова окажется на своем месте, и Чарли ей подмигнет. «Неужели ты думала, что я тебя брошу?» – скажет он. И тогда Карла прижмет Чарли к себе, и от ощущения мягкого зеленого меха у нее снова станет хорошо на душе.

Но крик не помогал, как дома, когда Карле чего-то хотелось и маме приходилось уступать, потому что стены в квартире тонкие или дядя с блестящей машиной вот-вот должен приехать.

– Что тут происходит, черт побери? – В класс вбежала высокая, тощая, жилистая учительница.

Карла ее не любила. У нее была привычка снимать очки и смотреть на учеников так, будто она видит их насквозь.

– Ты из-за этого плачешь? – Тонким хрящеватым носом учительница повела в сторону останков Чарли. – Из-за этого старья?

Рыдания Карлы сталкивались и налетали одно на другое:

– Это не старье!.. Это Чарли... Моя гусеница... Кто-то его зарезал!.. Смотрите...

– Зарезал? Слово-то какое подобрала мелодраматическое. – Очки вспорхнули с переносицы, и на Карлу смотрели две пары стеклянных глаз с голубоватым металлическим блеском. – Перестань плакать.

– Чарли... Чарли!..

Поздно. Ужасная учительница выдернула Чарли из рук Карлы и ушла. Зазвенел звонок. Толпа детей вбежала в класс, включая девочку, которая дружила с Кевином, бывшим хозяином Чарли.

– Это ты сделала, да? – прошипела Карла, помахивая запиской перед ее носом.

Та только глянула на нее.

– Воровка, – громко сказала она, – вот ты кто. Мы все знаем, что ты сделала.

– Воровка, воровка, – произнес кто-то еще.

И тут все подхватили:

– Воровка, воровка, Карла Спаголетти воровка!

От этого скандирования Карла издала неслышимый вопль.

– Почему такой шум? – Учительница с хрящеватым носом вернулась в класс.

– Что вы сделали с моим Чарли? – всхлипнула Карла.

– Если ты говоришь о старом испорченном пенале, он в мусорном контейнере на улице. Мама купит тебе другой. А теперь води себя прилично, юная леди, иначе я оставлю тебя после уроков.

Чарли не был мертв. Он лежал среди яичной скорлупы, очисток брюссельской капусты и чайных пакетиков. Карле пришлось шарить в контейнере довольно долго, и когда Чарли наконец нашелся, ее форма была в пятнах и плохо пахла.

– Не волнуйся, – прошептала она, – все будет хорошо.

Осторожно, очень осторожно она держала Чарли на руках, ожидая маму за углом. Если стоять у школьных ворот, кто-нибудь спросит, что она там делает.

Это ничего, что Чарли молчит. Надо только подождать три дня, и он снова оживет. И все станет как раньше. Так священник говорил.

Но чем дольше Карла переминалась с ноги на ногу, тем настойчивее в голову лезли мысли, что будет, если они с мамой разминутся. Все дети давно ушли домой. Даже учителя разошлись.

Небо было темным. Дома, в Италии, уже почти зима. В холода там чудесно, с тоской говорила мама. В камине горит огонь, а вокруг сидят любимые родственники. Певучий говор и объятия согревают тебя, от этого в животе разливается тепло. Не как здесь, где жадный электросчетчик так и жрет деньги.

«Хватит уже здесь стоять».

Сначала голос Чарли был таким тихим, что Карла едва его слышала. Затем он стал громче.

– Я знала, что ты поправишься, – сказала девочка, нежно глядя его бедный искромсанный, в пятнах мех.

Но куда идти? К перекрестку? Кажется, отсюда налево. Обычно мама с ее стремительной грациозной походкой так летела по тротуарам, что

невозможно было уследить за всеми этими правыми-левыми поворотами. При этом они с Карлой оживленно делились тем, как прошел день («Нам завезли новые духи, малышка, и начальница одолжила мне флакончик на пробу. Понюхай! Ну как, нравится?»).

А Карла рассказывала маме свои новости, скрестив пальцы («По математике у меня опять пятерка»).

Впереди показался парк. Это тот, который возле дома, или другой? Может, да, а может, и нет. Дальше должен быть магазин, куда они с мамой заходили полистать журналы.

– Хотите читать – платите, – говорил им продавец.

Но вокруг не было ничего похожего на тот магазин. Карле стало трудно дышать, ладони вспотели. Куда их занесло?

«Смотри, – слабо прошептал Чарли. – Вон там».

Блестящая машина! Та самая синяя блестящая машина, которая стоит у их дома по вторникам и четвергам, а иногда и по воскресеньям.

Но сегодня же понедельник!

«Это Ларри, – снова прошептал Чарли. – Видишь шляпу?»

Рядом с Ларри сидела женщина, но это была не мама. Ее волосы были светлее, чем у Лили, – изжелта-белые, а помада ярко-красная.

Ларри сильно прижимался к губам незнакомой леди. В классе показывали фильм: если кто-то перестает дышать, надо вдунуть им воздух в легкие, чтобы спасти жизнь.

Карла отчаянно забарабанила в окно машины.

– Вам плохо?

Светло-желтая блондинка и Ларри отпрянули друг от друга. На его губах тоже была красная помада. Сердце у Карлы тяжело застучало.

– Что ты здесь делаешь, черт побери! – заорал Ларри.

Крик был такой громкий, что даже через закрытые окна у Карлы заболели уши.

– Я потерялась. – Карла не хотела плакать, но теперь, когда она встретила хоть кого-то знакомого, можно было признаться, как страшно ходить по улицам в темноте. – Я опоздала из-за Чарли, и мамы у ворот уже не было. Может, она домой пошла... Или опять на работе задержалась...

– Что она говорит, Ларри, любимый?

Только тут Карла сообразила, что невольно перешла на родной язык.

– Подожди здесь.

Карла думала, что это было сказано ей, но через секунду увидела, что Ларри обращается к леди с красным ртом. Он отвел Карлу за угол дома.

– Что ты видела? Расскажи.

Его голос звучал совсем иначе, чем по вторникам, четвергам и редким воскресеньям: он был жесткий, как мозолистая кожа на стопе, которую трут каждый вечер, как мама, в душе серым камушком («В ваннах мокнут только англичане, моя крошка. Это так негигиенично!»).

Справившись с собой, Карла ответила:

– Я видела, как ты прижимался ртом ко рту этой тети. Теперь у тебя губы красные, как у нее.

– Ты это о чем? – Он крепче сжал ее плечо.

Карле стало страшно.

– И на воротнике у тебя пятнышко, – прошептала она.

Ларри мельком взглянул на девочку и вытер с губ размазанную красную помаду. Он нагнулся к Карле, так что та почувствовала запах виски. Иногда мама не ужинала, чтобы купить виски для Ларри. Это было важно. Мужчина должен чувствовать, что ему рады. Виски и танцы. А в благодарность долг за квартиру будет погашен, электросчетчик успокоится и снова заработает оплаченный телефон. «Оно того стоит, *cara mia*, поверь мне».

– Ха! – Его лицо было так близко, что Карла видела волосы у него в носу. – Очень умно, – продолжал Ларри, быстро ведя ее по тротуару. – Раз ты такая умная, скажи, какой подарок тебе купить, чтобы нам не пришлось ничего говорить твоей маме?

«Смотри не растеряйся, – прошептал Чарли. – Помнишь фильм?»

Накануне Карла с мамой смотрели телевизор. Было уже поздно, но Карла не могла заснуть. Тогда она встала с кровати и пришла к маме, лежавшей на диване. Фильм был о маленьком мальчике, который увидел, как одна пара ворует в магазине, и они дали ему деньги, чтобы он молчал.

«Это то же самое, – прошептал Чарли. – Называется шантаж».

– Это шантаж? – уточнила Карла вслух.

Лицо Ларри покрылось сотней бисеринок пота.

– Не играй со мной в игры! Чего ты хочешь?

Это было легко. Карла протянула ему Чарли.

– Вылечи его.

Ларри нахмурился:

– Что это?

– Мой Чарли. Он ранен.

Ларри снова сжал ей плечо:

– Я куплю тебе все, что хочешь, если ты не раскроешь рта.

Все, что хочу? От восторга Карла ощутила покалывание на коже.

– Вот как мы поступим, – крепко держа Карлу за плечо, Ларри повел

ее обратно к машине. – Я отвезу тебя домой, а по дороге остановимся у магазина игрушек. Я скажу твоей матери, что увидел тебя на улице, как ты шла пешком из школы, и купил тебе подарок. А ты за это ничего не расскажешь. Слышишь, ничего! Ты же не хочешь расстроить свою маму?

Карла решительно помотала головой из стороны в сторону, так что черные локоны хлестнули по щекам.

Ларри открыл дверцу машины:

– Убирайся. – Это было адресовано желтоватой блондинке на переднем сиденье.

– Но, Ларри, я...

– Я сказал, вон отсюда!

Он так резко дал задний ход, что машина задела каменную тумбу у обочины. После этого Ларри чертыхался всю дорогу, будто виновата была Карла, а не его собственное нетерпение.

– Ты нашел ее, нашел мою драгоценную дочку! – завопила мама, когда они приехали домой. – Я так волновалась! Ее не было у школьных ворот, и я решила, что она отправилась домой сама...

Карла оставила маму обнимать Ларри и неслышно ушла в свою комнату. В портфеле лежал новый Чарли.

Священник ошибался. Чтобы вернуться к жизни, нужно не три дня. Достаточно трех часов.

Голова болит. Мысли путаются. То мне кажется, что я на пятнадцать лет моложе. А потом сразу – что я вообще не здесь, а наблюдаю за происходящим откуда-то сверху.

Возможно, воскресение все-таки существует. Но не в том виде, как нас учили в церкви.

Может, это шанс что-то исправить. Пройти все заново и сделать правильный выбор.

Или это метания отлетающей души, которая уже не вернется?

Глава 11. Лили

«КИПЯТИЛЬЩИК» ПОДАЕТ АПЕЛЛЯЦИЮ ИЗ ТЮРЬМЫ

Джо Томас, приговоренный в 1998 году к пожизненному заключению, подал апелляцию. Он утверждает, что его подруга Сара Эванс скончалась в результате неисправности бойлера.

Родители мисс Эванс назвали свое состояние после этой новости шоком. «Этот человек лишил нас любимой дочери, – сказал Джефф Эванс, 54-летний учитель из Эссекса. – Он должен гореть в аду».

Миссис Эванс, 53 года, в настоящее время проходит курс химиотерапии в связи с раком груди.

Начальник втянул воздух сквозь зубы, глядя на вторую страницу свежей «Таймс».

– Они уже жаждут твоей крови. Ты уверена в адвокате?

– Абсолютно. Тони Гордон согласился вести дело Томаса бесплатно, как и мы. Сказал, что это может стать национальным прецедентом.

Выражение лица моего начальника можно было описать как: «Ты-то что в этом понимаешь?»

– Я не хочу женщину-адвоката, – твердо сказал Джо. – Не прими на свой счет. Согласен, присяжным нравится смотреть, как перед ними расхаживает женщина, и представлять, что у нее под платьем, но поколебать их точку зрения способны только аргументы из уст мужчины.

Я не стала озвучивать свое мнение.

– Я несколько раз видела Тони Гордона в суде, – заверила я. – Он умеет работать на публику.

Делу отнюдь не повредит и то, что он красив – похож на Ричарда Бёртона. Женщины-присяжные млеют от Тони Гордона, а мужчины вдруг начинают понимать, какая ответственная миссия им доверена – решать судьбу человека, находящегося на скамье подсудимых.

При известной доле удачи Тони вытащит кролика из шляпы. Сперва мы подадим заявление в комиссию по пересмотру уголовных дел и, если комиссия разрешит апелляцию, будем добиваться повторного рассмотрения дела в суде. Пока Тони настроен достаточно уверенно и готовится «копнуть как следует», чтобы сэкономить время. В суде дела сейчас рассматриваются скомканно, нам надо быть максимально готовыми.

Я вернулась к себе готовить записку по делу. Вообще-то, я делю кабинет с другим начинающим адвокатом (по-нашему «сутяжкой»), но недавний выпускник Оксфорда на больничном после перенесенного стресса.

В нашей работе это не редкость: легче легкого допустить ошибку и подвести клиента и свою фирму. Мы живем в постоянном страхе, что нам предъявят иск за любую оплошность. В связи с этим мне вспоминается, как на первом курсе одна из преподавательниц говорила: «Хотите верьте, хотите нет, но возмездие не всегда бывает заслуженным. Бывает, что преступникам все сходит с рук. Других сажают за то, чего они не совершили, однако при этом они избегают ответственности за преступления, совершенные ранее. Так что в итоге некий баланс все же соблюдается».

Я держу это в уме, корпя за компьютером, но мысли вновь и вновь возвращаются к Эду.

– Слушай, а давай позовем гостей? – предложила я на днях. Муж впервые за почти два месяца поднял голову от своего подноса. (Мы теперь ужинаем перед телевизором. Мать Эда была бы очень недовольна.)

Телевизор заполняет паузу. Милый, добрый, веселый человек, с которым я познакомилась меньше года назад, порядком подрастерял свое чувство юмора. Перепады настроения сменились у Эда стойкой депрессией. Он уже не лежит со мной в обнимку на диване, но иногда занимается со мной любовью ночью, когда мы оба еще не совсем проснулись, со страстью, от которой у меня голова идет кругом.

– Гости? – повторил он, прожевав макароны, обжаренные с сыром. Воспитание у него что надо, этого не отнять. Имитация коронного блюда Делии Смит получилась неважная, но Эд мужественно справился со слипшейся массой. У меня кулинарный «прогресс» – от недожаренного стейка и почек к переваренным макаронам (даже при двух зарплатах приходится экономить).

– Да, – решительно подтвердила я.

Это была идея Росса.

– Как дела? – спросил он, позвонив, чтобы узнать, помогла ли его информация. К своему стыду, я вспомнила, что даже не поблагодарила его. От его участия на глаза навернулись слезы. Удивительно, чего можно добиться капелькой внимания. Или его отсутствием.

– Не совсем гладко, – через силу выговорила я.

– Из-за Эда?

– А что? – У меня перехватило дыхание. – Он вам что-нибудь говорил?

– Нет...

– Что он сказал, Росс? – Моя рука, державшая телефонную трубку, вспотела. – Скажите мне. Я понимаю, он ваш друг, но мне надо знать. – В моем голосе слышался плач. Я обращаюсь к едва знакомому человеку, но мне действительно необходимо знать правду. Ложь мне уже поперек горла.

– Да я вообще сомневаюсь, чтобы что-то было. Люди, они же такие – поговорят и успокоятся.

– Росс, скажите. Пожалуйста!

Видимо, он услышал отчаяние в моем голосе. В трубке послышался вздох.

– Давина всем рассказывает, что в прошлый вторник они с Эдом пропустили по стаканчику. Но это же ничего не значит!

В прошлый вторник? В голове сумбур. Я судорожно вспоминала ту неделю. Во вторник Эд задержался на работе. Меня охватила ярость. Речь идет о моем муже! Может, у нас не все гладко, но ведь время еще есть. Я не позволю этой женщине лезть в мою новую жизнь, о которой я мечтала еще до знакомства с Эдом.

– Слушайте, может, зря я это сказал, но на вашем месте я бы принял какие-то меры.

– Какие? – хрипло, как ворона, спросила я.

– Пригласил бы ее на ужин на этой неделе. И позвал бы побольше гостей. Показал бы, что вы – пара. – Голос Росса зазвучал тверже. – Давина не очень хороший человек, она мизинца вашего не стоит. – И, не успев ответить, как он прибавил: – И не забудьте пригласить меня.

Мне было совсем не до гостей: разбирательство по делу Джо Томаса стремительно набирало обороты.

– Если доказать, что имела место халатность со стороны производителя бойлера, разразится скандал в индустрии нагревательных приборов, – сразу сказал Тони. – Но сперва необходимо кое-что изучить и кое с кем побеседовать. Я займусь экспертами, а вы, пожалуйста, опросите людей вот по этому списку. – Тони Гордон подал мне листок с телефонами. – Это те, кто сообщал о резких скачках температуры в своих бойлерах.

– Как вы раздобыли их координаты?

– Неважно. Сейчас главное – энергично взяться за дело.

Я работала с утра до ночи, поэтому вечеринка была настоящей роскошью. Мы восьмером втиснулись за маленький стол в нашей тесной квартирке, которую мне удалось сделать довольно красивой с помощью

бумажных фонарей и свежих лилий. Мы утопали в лилиях – я купила на рынке целую охапку. Запах стоял дурманящий.

Еще я, по совету Росса, при каждом удобном случае старалась вернуть слово «наше». Наш новый диван, который мы вместе покупали, наши планы на Рождество, наши свадебные фотографии. Намек был прозрачный: мы теперь пара. Кстати, несмотря на спонтанность вечеринки, пришли все, кого мы пригласили: людям было интересно, как у нас складываются отношения.

Я не просто утерла Давине нос – совершенно случайно все вышло даже еще лучше: едва переступив порог, она начала оглушительно чихать.

– Боюсь, у меня аллергия на пыльцу, – сказала она между двумя чихами, когда я убирала со стола большую вазу, стоявшую как раз напротив ее стула. Знай я об этом заранее, не стала бы покупать лилии (а может, и стала бы...).

Надо было видеть лицо Эда. Он же художник, эстет, ему подавай красоту, а тут Давина с красным носом и соплями.

И даже мой *soq au vin*^[10] оказался вполне съедобным. Я торжествовала.

– Спасибо за прекрасный вечер, – гнусаво выговорила Давина, уходя под руку с каким-то занудой, которого привела с собой (другим, не тем, кто был с ней на достопамятной вечеринке).

Росс подмигнул, целуя меня в щеку на прощание.

– Спасибо, – шепнула я ему на ухо.

– Всегда готов помочь, – отозвался он, окинув меня взглядом. Неужели понравилась? Хотя сегодня я выглядела довольно хорошо. Я выбрала простое белое платье, скрывающее округлости, которые я предпочитаю не показывать, и подчеркивающее лучшие изгибы.

– Ты прелестно выглядишь, – сказал Эд, как только дверь закрылась. – Даже Росс обратил внимание.

Мне пришло в голову, что Эду не повредит немного поревновать.

– Пожалуй, мы с ним пропустим стаканчик на неделе, – небрежно сказала я, надевая резиновые перчатки перед раковиной с грязной посудой.

– Стаканчик? – Голос Эда стал пронзительным. – С какой стати?

– Росс помогает мне с делом, которое я веду. – Я взяла бокал с жирными следами помады и начала яростно оттирать его в горячей мыльной воде. – Мы с ним просто друзья, в отличие от вас с Давиной. Ты же пил с ней вино на днях, не отрицай.

– Да ради бога! – Эд швырнул кухонное полотенце. – Женился я все-таки на тебе, а не на ней!

– Как прикажешь понимать это «все-таки»?

– Мы были помолвлены, – медленно произнес Эд, не глядя на меня. – Давина разорвала помолвку. Я тебе не говорил, чтобы ты не чувствовала угрозы, когда вы познакомились...

Какой еще угрозы? Он что, смеется надо мной? У меня упало сердце.

– Когда она разорвала помолвку? За какое время до нашего знакомства?

– За два... – он замялся.

– Года? Месяца?

– За две недели, – поправился он.

– Что?! Ты начал встречаться со мной через две недели после того, как от тебя ушла невеста, и не позаботился сказать мне об этом?

– Я же объяснил почему! – Эд весь раскраснелся. – А у тебя разве нет секретов от меня?

Меня бросило в жар. В голову пришла совершенно трезвая и холодная, как тогда в конюшне, мысль: «Что ему известно? Как он узнал? Не глупи, – сказала я себе, – он просто защищается. Молчи. Не отвечай».

Эд подошел ко мне сзади и взял меня за бедра.

– Мы с Давиной просто поболтали за бокалом вина, – умоляюще сказал он. – Ничего не было!

В моих глазах стояли слезы.

– Эд, ты женился на мне в отместку ей?

– Нет. Я женился на тебе, потому что... Потому что ты добрая, заботливая и красивая.

– Красивая?! Теперь я точно знаю, что ты лжешь!

– Не лгу. – Он обнял меня за плечи. – И особенную привлекательность тебе придает то, что ты не осознаешь своей красоты.

– Я толстая! – с ненавистью бросила я.

– Нет. У тебя женственные формы. Ты настоящая женщина. Но еще важнее твоя внутренняя красота. Ты хочешь сделать мир лучше.

«Если бы ты только знал», – подумала я, когда Эд мягко поцеловал меня.

Разве он не заслуживает правды?

Верю ли я, что между ним и Давиной ничего не было?

Есть ли у меня право спрашивать, если я сама скрываю от него так много?

И еще, кто вправе объявить Джо Томаса виновным или невиновным, если каждый из нас способен на злодейство? Разница только в возможности...

Когда я лежала в объятиях Эда, в дверь позвонили. Я почти сделала это, сказала я себе. Законная любовь между мужем и женой. Ну, или хотя бы привязанность...

В дверь снова позвонили. Завернувшись в халат, я взглянула на часы – уже десять? – и подошла к двери. На пороге стояла красивая женщина с глазами, как у олененка, одетая в черно-оранжевое шелковое платье. Черные кудри водопадом сбегали по плечам. Я была так поглощена тем, что произошло у нас с Эдом, что не сразу сообразила, кто передо мной.

– Извините, пожалуйста, – сказала Франческа. – Мне снова надо работать, а больше попросить некого...

Маленькая Карла уже пролезла к нам в квартиру, как к себе домой, и прыгала на месте.

– А давайте снова готовить! – предложила она.

Конечно, все это было навязчиво и бесцеремонно. Неприятное чувство подсказывало, что чем больше я буду позволять, тем наглее на мне примутся ездить. У меня вообще-то много работы. Но пока я искала повод отказаться, вышел Эд с телефоном в руке. Вид у него был ошарашенный.

– Звонил бойфренд Давины. Ее забрали в больницу с приступом астмы, спровоцированным лилиями.

– Как она?

– Сейчас уже нормально, но все могло обернуться очень скверно.

К своему стыду, я ощутила сожаление одновременно с облегчением. И сразу с привычной юридической въедливостью перешла в наступление:

– Ты обязан был предупредить, что у нее аллергия на пыльцу, прежде чем я поставила на стол вазу с цветами! Кому и знать, как не тебе!

Эд пожал плечами:

– Совершенно об этом забыл, пока она не зачихала.

Близость прошлой ночи стремительно исчезала. Мы вдруг спохватились, что рядом прыгает маленькая девочка, а Франческа нетерпеливо мнетя в дверях.

– Мама Карлы сегодня снова выходит на работу, – тихо сказала я.

Эд кивнул, и в его глазах тоже мелькнуло облегчение. Нам требовалось переключиться друг с друга, и нельзя было придумать ничего лучше, чем малышка с черными кудрями и густыми бровями. Снова можно было поиграть в папу и маму.

– Все нормально, – сказал Эд, повернувшись к Франческе. – Рады помочь. Карла хлопот не доставляет. Никакого беспокойства.

Глава 12. Карла

– Можно я вылижу миску? Пожалуйста, ну пожалуйста! – просила Карла, поднеся ко рту деревянную ложку с вкусно пахнущей смесью яйца, муки, масла и сахара. Мама никогда не позволяла ей пробовать, пока не будет готово, но что-то подсказывало Карле, что Лили уговорить можно. Иногда мы сразу угадываем верную линию поведения с человеком.

– Ну пожалуйста-а-а-а-а!

– Конечно. – Лили стояла в розово-белом, в горошек, фартуке. – Мы с братом всегда так делали.

– М-м-м! Вкусно!

– Не так много, затошнит! – Лили мягко придержала руку Карлы.

Карла надула губы, как делала мама, если Ларри говорил, что снова может опоздать. Но затем вспомнила, что иногда это Ларри раздражало. Лили она раздражать не хотела.

– А как зовут вашего брата? – спросила девочка в надежде сменить тему.

Лили промолчала, ставя пирог в духовку. Карла чувствовала появившееся напряжение, как ритмичное потрескивание, словно иглу звукоснимателя поставили на пластинку, а музыка еще не началась.

Эд, сидевший по-турецки на полу с альбомом, отложил уголь для рисования. Лили долго возилась у духовки, выравнивая пирог, а когда повернулась к столу, лицо у нее было красным, будто раскаленным.

– Его звали Дэниэл.

Карла знала этот монотонный голос. Он появлялся у мамы, когда она говорила что-то важное, но не желала, чтобы начались расспросы. «Твой дедушка не хочет меня больше видеть» или «Возможно, когда-нибудь ты вернешься в Италию одна. Бабушка будет рада с тобой познакомиться».

Английский язык очень странный, но Карла, при всей своей ненависти к школе, весьма внимательно относилась к грамматике. Грамматика ей нравилась. Это как стихи или колыбельные, которые мама пела ей на итальянском. Сейчас они проходят времена – настоящее, прошедшее, будущее. «Она идет по улице, он шел по улице». «Моего брата зовут Дэниэл, моего брата звали Дэниэл».

Значит, брат Лили сменил имя. В школе они читали рассказ о человеке, который так поступил.

– А как его теперь зовут?

Эд снова быстро заскрипел углем по бумаге. Лили отвернулась к духовке и сказала неожиданно сердито:

– Я не хочу о нем больше говорить.

У Карлы пересохло во рту. Сладость масла, муки и сахара пропала. Одновременно по телу пробежал трепет острого любопытства, как бывает, когда случается что-то плохое, но не с тобой.

– Его кто-то обидел? – В памяти Карлы живо возник бедный Чарли с распоротым мехом и написанное с ошибкой слово «Варовка».

– По-моему, на сегодня хватит вопросов. – Эд встал. – Поди сюда, Карла, посмотри. Что скажешь?

Девочка на листе выглядела совсем как Карла! Она поднимала ложку со смесью для пирога к губам, и ее глаза сияли. Но в то же время в ее облике было что-то печальное. Как Эд понял, что в глубине души Карла до сих пор скорбит по Чарли? Его заместитель пах не так, как Чарли. И не любил ее так, как настоящий Чарли, Карла это чувствовала.

– А где Лили? Почему ее нет на рисунке?

Смех, донесшийся от плиты, прозвучал ниже обычного. Лили всегда смеялась серебристо, как колокольчик.

– Не обращай внимания, Карла, я уже привыкла.

Карле стало неловко. Мама так говорила, когда Ларри опаздывал или вообще не приходил: «Я уже привыкла. Я прекрасно знаю, что на первом месте у тебя жена. Обо мне не волнуйся».

– Прекрати, – повысил голос Эд. – Не перед ребенком же!

– Я не ребенок, – начала Карла, но Эд сунул рисунок ей в руки:

– Оставь себе, если хочешь.

Правда? Это ей? Карла положит его в особую коробку, где уже лежит первый набросок. Значит, она Эду правда нравится?

– Отчего же нет? Так будет лучше, чем держать его здесь. Моя дорогая жена может и к нему приревновать.

– Ты же вроде сам сказал: «Не перед ребенком!»

Лили сердито мыла посуду – мыльные брызги летели во все стороны. Один попал Карле на туфлю. Туфли уже стали малы, но деньги маме заплатят только в следующем месяце. «Я не могу просить у Ларри больше», – сказала она.

Зато Карла могла. После того как она застала Ларри с краснотой на щеках, в девочке крепла уверенность, что теперь она сможет попросить у Ларри очень многое. Новый Чарли – это только начало.

– А давайте пойдем гулять? – попросила она, взяв Эда за руку левой рукой, а Лили – правой. И добавила то, что слышала через стенку, когда

мама танцевала с Ларри: – Очень большое пожалуйста!

До конца дня Карла получила в подарок еще пять рисунков: Карла в парке на качелях, Карла кормит уток, Карла бегают, Карла думает, подперев подбородок рукой, Карла ест купленный Лили десерт «Слава Никербокера»^[11] с густым клубничным сиропом.

– А почему ты Лили не рисуешь? – спросила она Эда. И сразу поняла, что зря не промолчала. Но она ведь только хотела узнать, отчего та рассердилась.

У Лили вырвался странный смешок:

– Потому что я недостойна быть запечатленной на бумаге.

Эд ничего не ответил, но когда в следующее воскресенье Карла снова пришла к ним в гости, у стены стояла новая картина: Лили выглядывает из окна. Она была совсем как живая, словно вот-вот шагнет с листа в комнату.

В тот момент Карла поняла: мама ошибается. Пусть Лили другая, но она все равно красивая. Добрая. И любящая. Сердце Карлы переполняли эмоции. Она ее так любит!

– Как прекрасно! – выдохнула она.

Эд был польщен, как, очевидно, и Лили. Они обнялись, и вид у них был гораздо счастливее, чем в прошлый раз. От этого на душе у Карлы тоже стало хорошо. Если бы не воскресенье, ей бы не выдержать долгой недели. Понедельник, вторник, среда...

Мама уже не подсовывала записок под дверь: по молчаливому соглашению, по «дням Господним» Карла шла к Эду и Лили, а мама отправлялась на работу.

– Скоро, – пообещал Эд, когда Карла вдоволь налюбовалась портретом Лили. – Скоро я тебя снова нарисую, но сейчас мне нужно идти.

– Вот как? – подняла голову Лили. – Куда?

Эд пожал плечами:

– Просто выйду пройду. Наберусь вдохновения.

Карла не возражала против того, чтобы Эд ушел. Ее любимицей была Лили. У Лили всегда находилось для нее время – она не рисовала, уткнувшись в альбом, даже во время прогулок.

Но сегодня и Лили оказалась занята.

– Мне нужно поработать кое с какими документами, – сказала она. – А ты почитай немножко!

Карла выпятила нижнюю губу (обычно этого хватало, чтобы настоять на своем).

– Я книжку дома оставила!

– А ключ у тебя имеется?
– Ключ лежит на карнизе над дверью.
– Сама достанешь? – спросила Лили, не поднимая головы.
– О’кей.
– Спасибо. – Лили с улыбкой взглянула на Карлу, и девочка вдруг ощутила прежнее тепло. – Помочь тебе?

– Нет, вы заняты. – Карле очень хотелось угодить. – Я сама.
Вставляя ключ в замок, Карла услышала за дверью стон. Кто-то стонет от боли! Неужели мама заболела и вернулась с работы? Стоны доносились из ее комнаты.

Карла открыла дверь и остановилась как вкопанная. На полу лежала шляпа Ларри. А сам Ларри лежал на маме. Только мама была непохожа на себя: лицо было красным, волосы – влажными, а глаза так широко открыты, словно лезли из орбит. Неужели Ларри мучает маму? Но мама вовсе не казалась обиженной. Она вообще не походила на маму.

Карла повернулась и выбежала.
– Где же книга? – спросила Лили, когда девочка вернулась.
– Не нашла.
– Ты в порядке? Что-то ты притихла.
– Можно я телевизор посмотрю?
– Конечно.
– А можно у вас остаться? Один разок?
Лили обняла Карлу.
– Куколка, у нас же всего одна комната.
Куколка? Лили уже ее так называла. Карла не знала, что это значит, но звучало красиво.

Лили закрыла свои книги.
– Вот что, я это и после сделаю. Хочешь, снова сделаем сливочную помадку? Отнесешь половину маме, когда она вернется с работы.

Но в дверь позвонили, и у щели для писем и газет раздался воркующий голос:

– *Piccola*? Это я.
У Карлы упало сердце. Она так и знала, что мама дома, она видела ее в комнате, хотя ей полагалось быть на работе. И хотя сейчас она говорила ласково, потом наверняка будет ругаться.
– Однако, – весело сказала Лили, – кажется, сегодня она освободилась пораньше.

Глава 13. Лили

Я бегу за Давиной по парку. Она что-то держит, а мне нужно отобрать это у нее, иначе мой брак с Эдом развалится. Давина замедляет бег, но стоит мне приблизиться к ней, как она уносится вперед. Вдруг она начинает чихать – так громко, что роняет то, что держит. Я наклоняюсь, чтобы подобрать этот предмет, но он выскальзывает у меня из пальцев. Наконец, при свете луны, мне удается поднять потерянную Давиной вещь. Это обручальное кольцо – в точности такое, как мне подарил Эд. Оно принадлежало его прабабке. Вдруг кольцо начинает крошиться у меня в руке. Я пытаюсь сложить его заново, но ничего не выходит – кусочки рассыпаются в пыль. Давина заливается высоким визгливым смехом...

– Можешь выключить? – раздается сонный голос Эда с другой стороны кровати.

До меня медленно доходит (несказанное облегчение!), что смех Давины – это сигнал будильника. В окно действительно светит луна, но мне пора вставать. Шесть утра. Надо успеть на первый автобус, потому что у меня назначена встреча с Тони Гордоном. С человеком, который, возможно, поможет вытащить Джо Томаса из тюрьмы.

– Давайте еще раз пройдемся по фактам.

Тони Гордон высокий и представительный. Ему бы на широкий экран – уверена, там Тони чувствовал бы себя столь же непринужденно, как и в «Линкольнс-Инн». И дело не только в ширине плеч или уверенности, с которой он носил темно-серый костюм, но и во властном, немного сиплом голосе. Тони не ходит, а ступает. Шествует. На нем всегда безукоризненно свежие, дорогие на вид сорочки (сегодня – в светло-розовую полоску; на ком-то другом такая выглядела бы чересчур женственно). Спокойная, размеренная речь – даже по телефону, даже в самых напряженных ситуациях. Готова спорить на что угодно, это мгновенно успокаивает и ободряет собеседника – меня-то точно ободряет.

Чем дольше я работаю с Тони Гордоном, тем больше убеждаюсь: этот человек знает, что делает, садится ли он за руль автомобиля, вешает ли картину, борется ли за освобождение приговоренного за убийство или занимается любовью.

Откуда взялась последняя мысль? Пока Тони повторял статданные – количество бойлеров и время «инцидентов», я невольно вернулась

мыслями к Эду, щеки которого едва коснулась губами, прощаясь с ним сегодня утром.

Я уже боюсь возвращаться домой к мужу. С виду у нас все прекрасно: по пятницам мы вместе ходим в супермаркет, смотрим любимые телесериалы, устроившись на диване, по воскресеньям приглядываем за маленькой Карлой. Я не мешаю Эду рисовать на досуге, потому что это все, чего он хочет. Как он возмущается, что всю неделю вынужден работать на «идиотов»! Однако нельзя не заметить, что его два бокала вина за ужином превратились уже в три или четыре и что ко мне он практически не прикасается. Мы женаты всего два месяца. Чем все это кончится?

– А вы что думаете? – обратился вдруг ко мне Тони Гордон.

Меня бросило в жар от стыда. Передо мной знаменитый судебный адвокат, возможно, наш единственный шанс спасти невинного (интуиция подсказывает мне, что Джо невиновен, пусть я его и недолюбливаю), а я сижу и думаю о своем неудачном браке.

– Я не уверена. – Ответить этой фразой было безопаснее всего.

– Все, Лили, не отвлекайтесь. В новом отчете психолога, который я заказал, говорится, что у нашего парня есть признаки синдрома Аспергера^[12], а также отмечается его обсессивное поведение. – Тони Гордон взглянул в свои записи. – Это популярные термины, которые можно понимать по-разному. У нашего подзащитного есть такой пунктик: ему комфортно, когда все вокруг чисто и опрятно. Его нервирует, если вещи не на своих местах. Он понимает сказанное чересчур буквально, не всегда реагирует на ситуации так, как другие, испытывает трудности в общении. Еще он недолюбливает перемены и свободно оперирует цифрами.

– У меня брат точно такой же, – услышала я свой голос и лишь секунду спустя поняла, что надо было сказать «был». Но я часто так поступаю: легче делать вид, что Дэниэл по-прежнему жив.

– Правда? – Я почувствовала, как растет интерес Тони Гордона. – А это побуждает его к странным поступкам?

– Когда он был ребенком, нам лишь сказали, что он не такой, как все. Диагноз нам не назвали. С людьми он был то мил и очарователен, то вдруг становился груб и резок. Он не любил перемен... – Я мысленно провела рукой по гладкой коже седла. Почувствовала запах дерева. Покачала на руках Амелию... Нет...

– Лили, с вами все в порядке?

Я посмотрела на свои трясущиеся руки.

– Да.

Да, это толкало Дэниэла на странные поступки. Нет, со мной не все в

порядке. Но Тони Гордон уже говорил о другом.

– Надо это учесть, – пробормотал он себе под нос. – Будем делать упор на факты и цифры, а не на эмоции, – по-моему, в прошлый раз защита с этим не справилась. Хорошо бы жюри состояло из людей, которые понимают статданные: нужны присяжные, которые подчиняются разуму, а не сердцу. Еще нам надо подчеркнуть, что, хотя у людей с синдромом Аспергера есть похожие привычки и особенности, каждый из них уникален и характер влияет на их поведение не меньше самого синдрома. Согласно проведенному мною исследованию, холодное, неэмоциональное, obsessивное поведение, зафиксированное в документах, – необязательно следствие Аспергера. Хитроумный вывод. Особенно если у кого-то из присяжных окажется личный опыт, который не согласуется с поведением Джо, или если наше описание его личности кого-то покоробит.

Я начала думать, нужна ли я здесь вообще. В конце концов, я ввела адвоката в курс дела; теперь все зависит от него.

– Пожалуйста, попросите руководство вашего бюро обеспечить ваше присутствие на моей встрече с клиентом, – сказал Тони. – Ваш опыт может оказаться очень полезным. Общественный резонанс этого дела обещает быть огромным. – Он снова посмотрел на меня с теплотой, почти отечески. – Нас никто не любит, – добавил он. – Мы же дьяволы, вы и я. Убийца в глазах общественности всегда убийца, даже если доказано, что он невиновен. Нам досталось дело общенациональной важности. Если разрешат пересмотр и мы выиграем, откроются шлюзы для всевозможных исков. Нам необходимо соблюдать осторожность.

– Знаю, – сказала я. На самом деле я этого не знала, но не показывать же ему свое невежество! Я хочу быть взрослой, хочу быть успешной в своей профессии и в своем браке. Но, кажется, просто не знаю, как это сделать.

Выйдя из «Линкольнс-Инн» – позади остались его прекрасные кирпичные стены и сочно-зеленый после дождя газон, – я пошла по городу, пробиваясь через толпы туристов. Я люблю пройтись по Лондону, подышать воздухом после душного офиса и спокойно подумать.

Подойдя к Вестминстерскому мосту, я на минуту остановилась, чтобы полюбоваться линией горизонта. «Нет зрелища пленительней! И в ком не дрогнет дух бесчувственно-упрямый...»^[13]

Дэниэл любил поэзию, его восхищал порядок, в котором слова попадали точно на свои места. Когда он бывал чем-то расстроен – потерявшимися кусочком головоломки или ботинком, которого не оказалось на обычном месте, – я иногда читала ему стихи. Причем стихи требовались

с четкой структурой и легкой, но отчетливой странностью. Беспроигрышным вариантом всегда был Эдвард Лир.

– Простите, – сказала я, когда на меня кто-то налетел, и мрачно потерла локоть. Всю жизнь я извиняюсь за чужую грубость. Я постоянно извинялась за Дэниэла. А этот грубиян даже не остановился. Я оглянулась, но он уже исчез в толпе.

И тут я спохватилась – сумка! Не на плече, а другая, которая была под мышкой. Там все документы по Джо Томасу, цифры, которые он мне дал, записи, сделанные во время сегодняшнего разговора с Тони Гордоном. Теперь бумаги пропали.

Я сразу направилась в офис, думая о словах Тони: «Нам досталось дело общенациональной важности. Если разрешат пересмотр и мы выиграем, откроются шлюзы для всевозможных исков. Нам необходимо соблюдать осторожность».

Тогда я поняла это так, что нам нужно действовать осмотрительно, если мы хотим победить. Теперь я задумалась, не о личной ли безопасности он говорил. Возможно ли, что меня ограбили неспроста и человек на мосту, лица которого я не разглядела, толкнул меня специально, чтобы украсть важнейшие улики?

Я почти бежала по Хай-Холборн. Ушибленный локоть разболелся не на шутку. Необходимо срочно сообщить о случившемся моему начальнику, и Тони Гордону тоже...

Взбежав по элегантной викторианской лестнице с перилами красного дерева, я едва не столкнулась с одной из секретарш.

– У меня для вас два сообщения.

Первое было от Тони. Вскоре после того, как я ушла, ему позвонили из комитета по пересмотру уголовных дел: наше дело передано в апелляционный суд. Отлично. Все, что нам теперь нужно, – согласие суда, а затем, с Божьей помощью, повторный процесс.

– Не сейчас, пожалуйста, – сказала я секретарше, помахивавшей передо мной вторым сообщением.

– Это срочно. – Она сунула мне в руку листок бумаги. – Позвоните ей немедленно.

Сара Эванс. Откуда мне знакомо это имя? И тут я вспомнила. Так звали покойную подружку Джо Томаса.

Глава 14. Карла

Карла висла на маминой руке и тянула ее назад, подальше от автобусной остановки. Подальше от того, что приведет ее в школу. Подальше от издевательских взглядов и насмешек, от которых Карла казалась самой себе еще глупее. А тут еще новый Чарли упорно молчал.

– Поторопись. – Мамин голос звучал на высоких нотах. Так бывало, когда она готовилась запеть или едва сдерживала истерику (сегодня – явно последнее). – А то мы опоздаем.

При этих словах из-за угла показался автобус.

– Вон автобус! – Прекрасное мамино лицо стало старым из-за тревожных морщин. – Быстро!

Карла неохотно зашаркала по тротуару. Шарк, шарк по размокшим опавшим листьям черными кожаными туфельками, за которые заплатил Ларри. Выходные без Лили и Эда прошли скучно.

– Нельзя же ходить к ним каждое воскресенье, – сказала мама, будто и не сама все это устраивала.

Карла прекрасно понимала настоящую причину: она застала маму и Ларри дома, когда маме полагалось быть на работе. Мама чувствовала себя виноватой. Сначала это казалось удачным стечением обстоятельств, потому что можно было заставить маму сделать то, что она, Карла, хочет. Но потом все стало плохо, потому что мама отменила воскресенье у Лили. Они больше не будут вместе печь пироги, и Карле не достанется вылизывать миску, не будут делать человечков из каштанов и булавок и помпоны из шерстяной пряжи, как Лили научили еще в детстве. Не сидеть больше Карле перед Эдом, упиваясь собственной исключительностью, не бегать в парке и не качаться, схватившись одной рукой за руку Эда, а другой – Лили.

Остается только сидеть дома с мамой и ждать Ларри, хотя в прошлое воскресенье он вообще не пришел, а они специально для него сделали лазанью.

– Залезай. – Мамин голос стал спокойнее: они все-таки успели на автобус.

Карла забралась по ступенькам и уселась на обычное место впереди.

С недавних пор Лили с ними не ездила.

– Мне теперь надо раньше выезжать на работу, – объяснила она.

Зато на остановке напротив стоял Эд, увлеченно рисуя что-то в альбоме. Может, он опять рисует ее? Карла неистово забарабанила по

стеклу.

– Карла! – В голосе мамы слышалось раздражение. – Я запретила тебе так делать!

Но Эд услышал и помахал ей альбомом. На душе у Карлы стало теплее. Эд ее любит! Она угадывала это по тому, как он рассматривал каждую черточку ее лица. Иногда он позволял ей посмотреть рисунки. Он сделал ее густые брови красивыми. Вот бы другие дети в школе тоже увидели в них красоту! Тогда не вели бы себя так отвратительно.

Автобус отъехал, Эд остался стоять на остановке. Карла почувствовала пустоту внутри.

– Не хочешь поднять своего Чарли? – сказала мама, указывая на грязный пол автобуса, усыпанный конфетными фантиками. Оброненный Чарли лежал рядом с пустой жестянкой.

– Он не Чарли, а просто гусеница, – сказала Карла таким тоном, как говорили другие дети в классе, если ей случалось сказать что-то глупое.

Мама очень удивилась:

– Ты же его так любила!

Как прежнего Чарли, хотела сказать Карла, которого она взяла у школьного хулигана и которого так жестоко зарезала та противная девчонка. Но Карла промолчала. Чарли, которого купил Ларри, пах иначе, был слишком молчаливым и не слушал ее секретов.

– Вот и приехали! – бодро сказала мама, когда впереди показалась школа. Словно ей не терпелось избавиться от Карлы, чтобы пойти на работу, смеяться, приятно пахнуть и увидеться, если получится, с Ларри за ланчем.

Карла смотрела через стекло, как ученики синей рекой текут в школьные ворота. У мальчишек лица были, как твердые орехи. Девчонки скалили на нее зубы, как крысы.

– Пожалуйста, Карла! Пожалуйста! – Мама тянула Карлу вниз по ступенькам автобуса.

Чарли, зажатый под мышкой, не сопротивлялся.

– Я пойду, только если ты попросишь Лили взять меня на воскресенье.

Глаза матери сверкнули.

– Ты хочешь пойти к чужим людям, вместо того чтобы побыть с родной матерью?

– Они не чужие, они мои друзья. Я хочу к ним так же, как ты хочешь к Ларри.

– Вы сходите или нет? – заорал водитель. Женщина с хозяйственной сумкой смотрела на них в упор, как и девчонки в коричневой форме,

ходившие в школу получше, через одну остановку от этой. Там не было мальчишек, никто не плевался и не ругался. Мама говорила, это монастырская школа, где преподают монахини. Она пыталась устроить туда Карлу, но ее не приняли, потому что они с мамой редко посещают мессу.

– А нельзя ли начать ходить сейчас? – спрашивала Карла.

– Я сказала, что мы бы начали. Но монахини ответили – слишком поздно.

Карла надеялась, что еще не слишком поздно хотя бы вернуть воскресенья с Лили и Эдом.

– Я спрошу у них, – со вздохом сказала мама. Она вздохнула как-то необычно, словно воздух входил в ее полные красные губы, а не выходил. – Но ты должна пойти в школу сию же секунду. Обещаешь?

– Обещаю.

Мама подставила ей щеку для поцелуя, но Карла отвернулась и направилась к школьным воротам навстречу новому дню унижений.

– Италья-я-я-я-янка!

– Чего ты так смешно слова выговариваешь?

– Чего у тебя руки волосатые, как у мужика?

– И волосы на руках густые, как твои брови!

Насмешки летели градом.

– Что ты теперь стащишь? Папа говорит, что все итальяшки воры. Они в Риме у моей тети сумку украла.

Это заявил самый толстый мальчик в классе с лицом, как у собаки, которую Карла видела в парке. Эд сказал, что это бульдог.

– Я ничего не стациваю!

– Не тащу, Карла, – пронзительный голос учительницы с тонким хрящеватым носом врезался в разговор. – Правильно говорить «не тащу». И что это за разговоры о краже?

– Карла у моего друга украла пенал, я вам говорила! Только мне никто не поверил, потому что он ей мячом врезал!

Дело принимало плохой оборот. Карла чувствовала, как краска предательски заливает щеки.

– Это неправда!

Учительница прищурилась:

– Действительно неправда?

Карла выпрямилась.

– Полностью.

– Понятно, – кивнула учительница и пошла к следующему столу.

– Врушка! Врушка! – начали скандировать дети.

Будь с ней Чарли – настоящий Чарли, – он бы посоветовал Карле не обращать внимания. Но с ней был самозванец (Карла уже дошла до буквы «С»), который просто сидел у нее на коленях и ничего не делал.

– Врушка! Врушка!

– Если ты не прекратишь, тебя Бог накажет! – Карла сверкнула глазами на Джин, сидевшую рядом и оравшую громче всех. – Он поразит тебя смертью, и ты умрешь!

Наступила тишина. Все ошеломленно замолчали. Карла и сама удивлялась себе – она даже не знала, откуда взялись эти слова.

– Карла Каволетти! Немедленно выйди из-за стола!

Прекрасно. Это то, чего она хотела. С высоко поднятой головой Карла прошагала из столовой в коридор.

– И будешь здесь сидеть до конца уроков!

Ну и отлично. Если ее не будет в классе, ее не будут травить. И тут Карлу осенило. Теперь она точно знала, что еще попросить у Ларри.

– Ненавижу школу, – твердила Карла вечером.

Учительница, конечно, рассказала маме о проступке Карлы. Девочка пыталась объяснить, но мама только рассердилась.

– Я тебе уже говорила, *cara mia*, надо научиться уживаться с этими англичанами...

Впервые в жизни Карле не терпелось увидеть Ларри, чтобы приступить к осуществлению своего плана. Мама явно ждала его сегодня: она надела свое розовое платье и пшикнула «Яблоневым цветом» в вырез на груди. Но зазвонил телефон, и оказалось, что Ларри понадобился жене. Мама очень расстроилась, и Карла тоже.

На следующее утро, когда она нехотя вошла в школьные ворота, на площадке стояла странная тишина. Ученики кучковались, с ужасом поглядывая на нее. Карла расслышала несколько раз произнесенное шепотом имя «Джин».

– Что случилось? – спросила Карла одну из одноклассниц, сидевшую на первой парте и не такую вредную, как остальные.

Но та отшатнулась от нее, как от бешеной собаки:

– Не подходи ко мне!

Когда все собрались и построились, Карла наконец узнала, в чем дело.

– К сожалению, сегодня у меня печальная новость, – начала директриса. Глаза у нее были красные, как у мамы после звонка Ларри. – Вчера вечером Джин Уильямс сбила машина, когда она возвращалась с

собрания скаутов. Джин в больнице и, боюсь, в крайне тяжелом состоянии.

В больнице? Джин Уильямс? Девчонка, которая вчера громче всех обзывалась? Которой Карла сказала, что она умрет?

Карле стало неуютно оттого, что вокруг образовалась пустота. Стоявшие впереди одноклассники оборачивались и с опаской посматривали на нее. В тот день никто не старался ее задеть, никто с ней не заговаривал.

К концу недели Карла потеряла сон и аппетит. Стоило ей задремать, как она видела Джин, падающую под колеса блестящей машины Ларри, и с криком просыпалась.

– Что случилось, *cara mia*? – спрашивала мама, глядя ее по густым бровям. – Это из-за той бедняжки?

О происшествии уже знали все родители: из школы разослали письма, призывавшие к повышенной бдительности на дорогах.

Это я виновата, готова была признаться Карла, но что-то ее удержало. Пока мама ее жалеет, ее план удастся.

– В классе ко мне так плохо относятся, – пожаловалась она. – Только Джин была со мной добра. – Ложь так легко слетела с языка, что ей самой показалась правдой.

– Маленькая моя. – Мамины глаза наполнились слезами. – Чем же тебе помочь?

И Карла не упустила свой шанс:

– Я хочу ходить в другую школу, где носят коричневую форму и куда не берут мальчишек.

– Я же уже говорила тебе, *piccola*, монахини нас не примут.

Карла взглянула на мать из-под длинных ресниц:

– А ты попроси Ларри, он все может.

Мама покраснела до корней волос.

– Даже ему это не под силу. Но, возможно, он согласится отправить тебя в частную школу...

В тот вечер, когда Ларри приехал на ужин (хотя была всего только суббота), Карлу не пришлось отправлять спать дважды. Приложив ухо к стене, она вслушивалась в приглушенный разговор.

– Я понимаю, что многого прошу, но...

– Это невозможно! Что скажет моя жена, если обнаружит, что с нашего счета каждые три месяца исчезает такая солидная сумма?

Снова забубнили голоса.

– Однако кое-чем я, вероятно, смогу помочь... Тот монастырь, о котором ты говорила... У нашей фирмы есть отдельный годовой счет для пожертвований. Обещать ничего не могу, но наш директор может повлиять

на монашек, и они согласятся даже на таких нерадивых католичек, как ты, дорогая...

Музыка закончилась раньше, чем Карла смогла расслышать что-нибудь еще. Дверь в спальню со щелчком закрылась. Вскоре Ларри выйдет и направится в ванную.

Он вышел. Карла соскочила с кровати и выглянула в гостиную.

– Ларри... – прошептала она. И в ужасе осеклась.

Вместо костюма на Ларри была только расстегнутая рубашка, а под ней... Фу-у-у!

Ларри беспомощно попытался прикрыться руками. По его лицу было видно, что он шокирован не меньше Карлы.

– Ты же давно должна спать! – раздраженно сказал он.

Карла взглянула на закрытую дверь в спальню.

– Если ты не поможешь мне со школой, где носят коричневую форму, я расскажу маме о тете в машине.

Лицо Ларри исказилось:

– Ах ты, маленькая...

– Ларри! – позвала мама из спальни. – Ты где?

Карла сверкнула на него глазами:

– И второй раз повторять не буду!

Так сказала одна из учительниц, когда Карла прослушала объяснение. Теперь ее очередь проявить жесткость.

За завтраком улыбка не сходила с маминого лица.

– Доченька, представляешь, я рассказала Ларри, как тебе не нравится в твоём классе, и он согласился помочь перевести тебя в монастырскую школу! Разве это не чудесно?

Да! Карла твердо посмотрела на Ларри.

– Спасибо, – тихо сказала она.

– Разве ты не поцелуешь его в щечку в знак благодарности?

Карла заставила себя подойти и коснуться губами старой, сухой кожи.

– Мамочка, – ласково начала она, вернувшись на свое место, – ты подумала о моей просьбе? Чтобы ты вышла в воскресенье на работу, а я побуду с Лили и Эдом?

Мать и Ларри переглянулись.

– Ты бы этого хотела? – В мамином голосе слышалось еле сдерживаемое ликование.

– Да, очень!

– Тогда я спрошу, не против ли они.

Против? Конечно же, они не были против. Карла услышала голос Лили

из коридора:

– Мы ее очень любим. Приводите, когда пойдете на работу.

Что-то изменилось – Карла почувствовала это, едва войдя в квартиру к соседям. Эд почти не разговаривал с Лили. А Лили, вместо того чтобы встретить Карлу с новым рецептом пирога или клубком шерсти для нового помпона, сидела за кухонным столом среди книг.

– Она работает над делом, – сказал Эд, усадив Карлу на диван и попросив повернуться определенным образом. – Ей лучше сейчас не мешать.

– Тебе тоже лучше не мешать, когда ты рисуешь, – парировала Лили.

Карле стало неловко, и она сказала:

– Я думала, дело – это когда что-то делают.

Эд отпил из стоявшего перед ним стакана, где была налита темно-коричневая жидкость, пахнувшая, как виски, который мама наливала Ларри.

– Поверь мне, дел у нас тоже хватает.

– По-моему, достаточно, можно и помолчать, – Лили говорила ласково, но ее взгляд оставался холодным.

– Пожалуйста. – Эд повернулся к Карле: – А теперь не двигайся и думай о чем-нибудь приятном.

Так Карла и сделала. Она представила, как будет ходить в новую школу, где ее не обидят. А еще подумала об открытке с лондонским двухэтажным автобусом, которую они с мамой написали *нонно* в Италию, хотя и не ждут ответа. А вдруг...

Под дверью что-то заскреблось. Конверт! Желая услужить, Карла соскочила с дивана, подняла конверт и подала Лили. Эд раздраженно засопел: модель должна сидеть неподвижно!

– Эд! – Голос у Лили стал как у мамы, когда Ларри недавно не смог приехать. – Взгляни.

Лицо Эда сразу стало напряженным.

– Надо звонить в полицию. – Он посмотрел на Карлу. – Давай проверим, не пришла ли твоя мама с работы.

Глава 15. Лили

Моей первой мыслью, когда Эд подал мне письмо, была, что это снова Сара Эванс: вспомнилось сообщение, полученное на прошлой неделе через секретаршу.

– А как разговаривала звонившая? – спросила я.

Девушка пожала плечами:

– Не знаю, нормально.

«Не загробным голосом?» – чуть не спросила я, дрожащими пальцами набирая номер.

– Сара Эванс у телефона.

Сомнений не осталось: со мной говорит Сара Эванс. Что происходит?

– Я Лили Макдональд, – начала я, в последний момент вспомнив, что я уже не Холл. – Вы мне звонили насчет...

Собеседница сердито перебила:

– Насчет моей дочери!

Мое облегчение было не передать словами. Покойную Сару Эванс просто называли в честь матери!

– Как вы смаете защищать этого негодяя? – прошипела та. – Как вы можете, вы же человек?

Облегчение стремительно сменялось противным сосущим ощущением в груди. Будь это моя дочь, я была бы возмущена не меньше Сары Эванс... До этой минуты меня заботило лишь, сможем ли мы добиться оправдания Джо Томаса.

Расстроенный голос миссис Эванс напомнил мне крики моей матери много лет назад: «Как ты могла, Лили? Как ты могла?»

Меня бросило в пот. Бедная женщина. Я вспомнила газетную статью, и мне стало совсем худо: у нее же рак...

– Извините, миссис Эванс, но я не вправе обсуждать с вами подробности дела. – Ненавидя себя, я положила трубку и пошла докладывать начальнику плохие новости об «утрате» принципиально важных для апелляции Джо Томаса документов.

И сейчас, читая подсунутое под дверь письмо, я заподозрила, что автор анонимки – миссис Эванс.

– Как она меня нашла? – спросила я, стараясь сдержать дрожь. – Откуда она знает, где мы живем?

– Она? – У Эда напрягся рот. – Ты знаешь, кто это написал?

Я коротко объяснила ситуацию.

– Почему ты мне не сказала?

– Потому что у нас не такие отношения, – вырвалось у меня, как кипящая вода из крана в ванной (этот образ преследовал меня с того дня, как я взялась за дело Джо). – Ты ни разу не спросил, как у меня прошел день. После работы ты садишься в свой угол и рисуешь углем или красками!

– Лили, Эд, пожалуйста, не ссорьтесь!

Тоненький голос откуда-то сбоку напомнил мне, что мы не одни. С нами ребенок, за которого мы отвечаем, пусть даже всего несколько часов.

– Прости, куколка. – Я обняла ее за плечи. – Эд прав. Надо посмотреть, не вернулась ли твоя мама. Мне нужно сделать важный звонок.

– А мне нельзя остаться, пока ты будешь звонить? – Огромные карие глаза смотрели умоляюще.

– Не сегодня, – твердо сказал Эд и обратился ко мне: – Хочешь, я позвоню этой женщине?

– Почему ты?

– Я твой муж.

Хорош муж, который после свадьбы признается жене, что был обручен с другой! Но при ребенке я так ответить не могла – это было бы недостойно.

– Пойдем? – сказал Эд Карле.

Из коридора было слышно, что он старается шагать не так широко, как обычно, чтобы не обгонять семенившую рядом девочку. Я снова посмотрела на анонимное письмо. Оно было напечатано на принтере, да еще с ошибками. Странно для Сары Эванс – речь выдает в ней образованного человека. С другой стороны, никогда нельзя знать наверняка.

ЕСЛИ ПОМОЖИШЬ ЭТОМУ ЧЕЛОВЕКУ, ПОЖЕЛЕЕШЬ.

Я старалась унять дрожь, но она не проходила. Эд прав, надо звонить в полицию, пока дело не приняло более серьезный оборот.

Я лежу в постели, стараясь не думать о новой реальности. Мне угрожают физической расправой, и от этого становится страшно.

– Расскажите еще раз, что произошло, – велел Тони Гордон, когда я позвонила ему на следующий день.

Я повторила то же самое, что полицейским и своему начальнику.

Ребенок, который был у нас в гостях, видел, как письмо подсунули под дверь. Нет, человека, который это сделал, мы не видели, но несколько дней назад мне звонила мать жертвы, и в тот же день были украдены важные документы.

Я повторяла все это много раз, и мне уже казалось, что я – обвиняемая. Меня посетило странное искушение приукрасить события, сделать случившееся интереснее или достовернее. А что, преступники тоже ощущают нечто подобное? И своей ложью копают себе могилу? Как Дэниэл?

Конечно, никого не найдут. Как отследить отпечатанное на принтере послание от неизвестного отправителя в конверте без марки? Меня предупредили, чтобы я «была бдительной», словно это чем-то могло помочь. Точно назло им, я начала поступать наоборот. Когда я шла к автобусной остановке и за мной раздавались шаги, я нарочно не оборачивалась.

Им меня не запугать. Не заставить плясать под свою дудку. В этом и заключается истинная причина моего выбора профессии: мне необходимо верить, что я способна противостоять злу. Поддамся страху – мне конец.

Я беспокоюсь, ворочаясь, глядя в потолок, освещавшийся светом фар проезжавших мимо машин, когда вдруг услышала:

– Давина, пожалуйста, – сказал мой муж. И добавил громче: – Давина! – Он разговаривал во сне.

– Я не Давина! – Я начала его трясти.

Спросонья Эд испугался:

– Что? Что случилось?

– Ты назвал меня Давиной.

– Не говори ерунды!

– Я говорю правду. Ты к ней до сих пор равнодушен?

– Бога ради, Лили, давай спать! Перестань придумывать!

Я отлично знала, что я ничего не придумывала.

На этот раз лгал Эд.

Почти сразу между нами снова появился холодок. Мы вели себя так, будто живем отдельно. Не поднимая глаз, старались незаметно разминуться в нашей крошечной квартире и засыпали, отодвинувшись друг от друга как можно дальше, будто нечаянное прикосновение могло нас убить.

Я не понимаю тесной женской дружбы, у меня нет подруг. Я всегда уклонялась от чрезмерной откровенности: велик риск, что твои секреты разболтают. Но сейчас мне отчаянно требовалось с кем-то поговорить, чтобы мне дали совет, как вести себя с Эдом. И сделать это мог только один

человек.

Я позвонила Россу в обеденный перерыв и сказала, что Эд во сне произносит имя Давины. Росс сразу все понял и сочувственно слушал, а я незаметно для себя рассказала ему об анонимном письме с угрозами и как в полиции мне предложили «быть бдительной».

Росс не спешил с легкими решениями (как будто они существуют для такой ситуации!), но мне стало легче оттого, что я хотя бы выговорила, озвучила свои страхи.

В тот вечер Эд поздно пришел домой.

– Встречался с другом, – объяснил он.

– С Давиной? – требовательно спросила я с бьющимся сердцем. Значит, Эд все-таки от меня уходит! Несмотря на его несносность, это повергло меня в ужас. Теперь придется все начинать сначала! Кто еще меня полюбит?

– Вообще-то с Россом. – Эд взял меня за руки. – Слушай, начало нашего брака было не лучшим, но я правда люблю тебя, Лили. Я беспокоюсь за тебя. Анонимное письмо, человек, который вырвал у тебя сумку, твои визиты в тюрьму к преступнику – все это мне не нравится. Я беспокоюсь.

– Что ж, очень жаль. У меня такая работа. – Это прозвучало грубо, но внутренне я испытала облегчение оттого, что Эду не все равно.

– Знаю... и восхищаюсь тобой. Росс говорит, ты одна на миллион, и он прав.

Эх, знал бы ты, Эд!..

– Разговор с ним напомнил мне, какой я счастливчик, – продолжал Эд, сжимая мне руки.

Надо же, пальцы у него совсем не замерзли, хотя он только что с улицы.

– Давай начнем все сначала. Пожалуйста!

– А Давина?

– А что Давина? – Эд посмотрел на меня в упор. – С Давиной все кончено, Лили. Я женился на тебе и хочу быть с тобой. Ты дашь нам шанс?

У меня совершенно нет сил. В офисе я разрываюсь между делами и постоянными звонками Тони Гордона. К счастью, оказалось, что он снял копии с документов, которые у меня украли. Тони сказал, что всегда делает минимум две копии с любой бумажки, хотя и «очень неудачно», что у меня украли оригиналы.

А дома у меня Эд – по полной программе. На этот раз он

действительно видел меня, а не другую, повторял мое имя, а не ее. Я постепенно начала верить своему мужу, и мое тело начало отвечать его телу. Правда, иногда я все-таки выпадаю из реальности и представляю, что я не с Эдом, а с кем-то еще.

От чувства вины я стала раздражительной, а постоянное давление на работе делает меня вспыльчивой. Эд тоже не отстает.

– Надо переключаться, – сказал он, когда за ужином я просматривала документы в очередной папке и не глядя тыкала вилкой в тарелку. – Мы всю неделю почти не разговариваем.

Я покосилась на альбом с набросками возле его салфетки.

– Мне-то за это хоть платят, это не хобби. – Насмешка, спровоцированная накопившимся раздражением и тем, что я читала, вышла злой, но сожалеть было поздно.

– Когда-нибудь, – произнес Эд сдавленным голосом, будто выталкивая слова через силу, – когда-нибудь мне будут платить за то, чем я хочу заниматься больше всего на свете. А пока я корплю на ненавистной работе, чтобы приносить деньги в дом.

– Я тоже зарабатываю.

– Ты-то еще как зарабатываешь! Много чего!

Я хочу сохранить наш брак, но, что бы ни происходило в спальне, я уже не уверена, возможно ли это в принципе. Может, всему виной апелляция Джо Томаса? Когда суд вынесет решение, я снова смогу воспринимать происходящее спокойно. Но не сейчас. Слишком много всего происходит.

Приближается ненавистная дата – двадцать четвертое ноября. Уже восьмой раз. Каждый год этот день наступает быстрее, чем я ожидаю.

– Мне надо съездить к родителям, – сказала я Эду утром, когда мы лежали обнявшись. Прозвенел будильник, и мы собираемся с силами, чтобы встать с теплой постели (в квартире как в холодильнике) и приняться за работу. Но дольше откладывать нельзя. – Годовщина смерти Дэниэла.

Руки Эда напряглись.

– Что ж ты мне не сказала... Съездить с тобой? Я могу сказать больным.

Хватит лжи...

– Спасибо, лучше я сама.

Мне вспомнилась версия событий, которую я изложила Эду при первом знакомстве. После этого мы о Дэниэле не говорили. Я рассказала ее и родителям. Они со мной согласились. Есть в жизни вещи, в которые посторонних не посвящают.

Я надеялась, что мать с отцом свыкнутся с потерей и жизнь пойдет своим чередом, но они словно застряли в смерти Дэниэла.

Обветшала, но еще красивая усадьба в георгианском стиле, купленная много лет назад моими бабушкой и дедушкой, устроилась на вершине холма. С фасада дом обрамляют аккуратно подстриженные кусты, а позади тропинка сбегает к морю. Конюшня на старом месте. И призраки.

– Мы не хотим лишиться воспоминаний, – однажды сказала мне мать.

Разве как раз от них нам не нужно избавиться?

– Есть же среди них и хорошие, – мягко напомнил отец.

Идя к дому по посыпанной гравием дорожке, я уже жалела, что Эда нет рядом, чтобы взять меня за руку. Жалела, что не рассказала ему правду, когда была возможность.

Но, расскажи я правду, он наверняка ушел бы от меня.

– Лили! – Папа сгреб меня в медвежьи объятия.

Я не сопротивлялась, на секунду снова став ребенком, вернувшись в те дни, когда на душе было спокойно и радостно.

– Лили. – Слабый мамин голос, в котором слышалась напускная бодрость, прогнал это ощущение. – Давненько ты у нас не была.

– Извини... – начала я.

– Ничего, мы понимаем, как ты занята на работе. – Отец уже вел меня в гостиную.

Я присела на вытертый диван. Родители унаследовали прекрасный дом, но у них не хватает денег его содержать. Даже масляные радиаторы включаются редко. Я вздрогнула от холода, пожалев, что не захватила свитер потеплее.

– Я читал о твоём новом деле, – сказал папа. – Очень интересно. – Он не без гордости подал мне раскрытую «Дейли телеграф».

Сердце у меня замерло. На второй странице была большая статья: «Мать жертвы, погибшей в ванне с кипятком, наносит ответный удар».

Я пробежала газетные строчки. Все те же жуткие подробности смерти Сары Эванс, фотография жертвы, на которую я старалась не смотреть, и цитата из сказанного ее матерью: «Для меня непостижимо, как кто-то мог взяться защищать это чудовище, это исчадие ада».

А ниже были две фотографии – моя и Тони Гордона. Авторы статьи выбрали такие, где мы улыбаемся. Спорный выбор, учитывая обстоятельства. Откуда они их взяли? Из реестра профессиональных профилей, где содержится открытая информация?

– Похоже, ты взялась за что-то крупное, – с неподдельной гордостью

заметил папа и налил мне джина с тоником.

– Откуда тебе знать, что этот человек невиновен? – тихо спросила мать, присев на диван уже со стаканом в руке. Она задумчиво смотрела в окно, на сад с голыми деревьями и на загон за ним.

В детстве мама во мне души не чаяла: готовила со мной, как я сейчас пеку пироги с Карлой, баюкала на руках, пела песни, водила на долгие прогулки искать каштаны. Но затем появился Дэниэл, и на привычные, нормальные занятия времени у нее не осталось.

Откуда мне знать, что Джо невиновен? Мамин вопрос задел меня за живое. Потому что он напоминает Дэниэла, хотелось мне ответить. Потому что не может не сказать правду, даже если она кажется неприглядной. Потому что интуиция подсказывает, что я должна его спасти. Из всего этого я выбрала единственную фразу, не лишенную смысла:

– Появились новые обстоятельства, которые свидетельствуют, что... – Я замолчала.

– Она не может об этом рассказывать, ты же понимаешь, дорогая.

Папа сейчас на пенсии (после Дэниэла он не смог больше работать), но как социальный работник он много общался с юристами и знает, что такое профессиональная этика. Хотя для меня он всегда будет папулей, читавшим мне сказки на ночь и уверявшим, что под кроватью никто не прячется.

– Ты погостишь? – снова спросила мать.

– Нет, в Лондоне меня ждет Эд, – ответила я к громадному разочарованию родителей.

– Обед почти готов. – Мать встала и по пути на кухню опрокинула в рот содержимое своего бокала.

Обед оказался сущей мукой. Мы говорили обо всем, кроме того, зачем я приехала. Мать наливала себе бокал за бокалом. А я ела рыбный пирог, который Дэниэл любил больше всего.

После обеда мать незаметно улизнула «отдохнуть». Папа явно устал от усилий поддерживать мирную атмосферу.

– Можно я поднимусь наверх? – спросила я.

Он благодарно кивнул.

Ступеньки скрипели, совсем как когда Дэниэл спускался по лестнице глубокой ночью, а я шла за ним – убедиться, что с ним все в порядке. В его комнате все было точно так, как он оставил: игрушечные машинки в идеальном порядке расставлены на книжных полках рядом с «Золотой сокровищницей» Палгрейва^[14] и старыми номерами «Бино», который он продолжал читать и подростком. На стенах – постеры полуобнаженных

моделей. В шкафу аккуратно сложенная одежда – в основном джемперы, разве что случайно попадетсЯ футболка.

Я взяла один джемпер и прижалась к нему носом. Когда-то они хранили запах Дэниэла, но за восемь лет все выветрилось.

Не удержавшись, я повернулась к стеллажу, где брат держал свои «особые вещи». Альбомы с наклейками – от океанов до звезд – были сложены в идеальном порядке, как и модели лего, за сборкой которых он просиживал часами, и боже упаси было их тронуть. Однажды, помню, уборщица «немного прибралась», и отцу пришлось дать ей солидные чаевые, чтобы она не заявила в полицию по поводу кровоподтека на запястье – мой брат постарался.

Я благоговейно взяла один из альбомов. Наклейки с птицами. Дэниэл копил карманные деньги, покупал пачки наклеек и часами идеально ровно помещал каждую в отдельную рамку. Зарянки, дрозды, иволги, голуби (Дэниэл произносил «голубьи», потому что, как он справедливо заметил, «бэ-то мягкое»).

Я опустила один альбом к себе в сумку. Подумав, добавила еще два. Поглядела в окно на старого гнедого мерина, пощипывавшего пожухлую травку. Надо сходить поздороваться с Мерлином, потереться лицом о его морду. Но, боюсь, на это у меня не хватит духу.

За дверью послышался шорох. Отец.

– Я все хотел перемолвиться словечком наедине...

У меня упало сердце. Что еще? Какие еще плохие новости меня ожидают?

– Как семейная жизнь? – прямо спросил папа.

Я замаялась, и он сразу все понял.

– Понятно. – Папа со вздохом обнял меня, и я снова стала подростком, страдающим от невыносимого горя. – Помнишь, что я тебе говорил? Нужно начать жизнь заново, оставить прошлое в прошлом, иначе закончишь, как мы.

Он мог этого и не говорить. Я на миг вернулась на год назад, когда призналась папе, что практически никуда не хожу и безвылазно сижу в конторе.

– Тебе нужно общение, – посоветовал он. – Наступает новый век, Лили. Пора жить дальше. Дэниэл бы этого хотел.

Вскоре после этого разговора моя соседка по квартире позвала меня на вечеринку, где я и познакомилась с Эдом. Я ушам своим не поверила, когда этот высокий красавец заговорил со мной, а потом – фантастика! – пригласил на свидание. Что он во мне нашел? Я хотела отказаться:

наверняка знакомство, как всегда, закончится разочарованием. Но в то время это казалось единственным шансом не сойти с ума.

– Чипсы, скотч, сахар, колюще-режущие предметы? – рявкнул тюремный охранник.

Я наблюдала, как Тони Гордон проходит процедуру досмотра. Ему она явно не в новинку, да и мне уже стала привычной. Тюрьма, предостерегал меня Тони по дороге, затягивает и в некоторых случаях способна даже вызвать привыкание.

Я в этом уже убедилась. Мы прошли за охранницей через внутренний двор, миновали все двойные двери и ворота, прошагали по длинному коридору мимо мужчин в зеленых спортивных брюках и, наконец, оказались в крыле Д.

У постера со словом «Надежда» кто-то оторвал правый нижний уголок. Джо Томас сидел, сложив руки на груди, будто вызвал нас к себе с докладом.

– Это Тони Гордон, – сказала я, растянув губы в улыбке, чтобы скрыть волнение. После поездки в Девон вместо Джо Томаса я видела за столом Дэниэла. То же умное лицо и при этом та же уязвимость, та же привычка смотреть искоса, словно решая, стоит вам доверять или нет. – Он будет защищать вас в суде, – прибавила я без всякой необходимости: Томас уже об этом знал.

– Что вы можете мне сказать?

Мне даже стало неловко за такой нелюбезный прием со стороны Джо, но Тони без проволочек принялся рассказывать о линии защиты: информация о компании-производителе бойлеров, предложенный нами перекрестный допрос Джоунсов (соседей, которые свидетельствовали против Томаса на первом процессе), вызов в суд свидетелей-экспертов, потом вопросы самому Джо. Некоторые из них я тоже хотела задать, но не осмеливалась, а другие даже не пришли мне в голову.

– Почему ванну для Сары обычно наливали вы, а не она сама? – Я уже спрашивала об этом, но мне захотелось проверить – или подловить – Джо Томаса.

Меня одарили взглядом, выразившим «Разве не ясно?», как при первом знакомстве, когда Джо заявил о своей невиновности в смерти Сары.

– Так было заведено. Это была моя обязанность.

Я вспомнила о такой особенности обсессивного поведения, как ритуалы, о которых читала, и подумала, наливает ли Тони ванну своей супруге – не из стремления контролировать, а просто по доброте душевной.

Отчего-то мне слабо в это верилось.

– Могли бы вы сказать, что у вас есть привычки, которые окружающие считают странными?

Джо с вызовом посмотрел на Тони.

– Что кажется странным вам, не обязательно странно для меня, и наоборот. Мои привычки абсолютно нормальны, с моей точки зрения. Это мои правила. С ними мне спокойнее. Если кто-то хочет совместной жизни со мной, им придется эти правила принимать.

– Вы говорили это своему адвокату на суде? – Тони просматривал свои записи. – Здесь это никак не отражено.

Джо пожал плечами:

– Он решил, что присяжные сочтут меня домашним тираном и отнесутся неприязненно. То есть без снисхождения.

– Вы били Сару во время той ссоры, когда она пришла домой пьяная?

– Нет.

– Вы прибавляли температуру воды на бойлере?

– Нет. Я вам уже говорил. Но вода была еще очень горячая, когда я нашел Сару, значит, когда она открыла кран, полился кипяток. Отсюда у меня и ожоги на руках – я получил их, когда вынимал ее из ванны.

Вопросы следовали один за другим, будто мы уже сидели в суде, – важнейший этап подготовки к процессу.

Если Тони и было неприятно, что Джо подчеркнуто общался исключительно со мной, он не подавал виду.

– Ясно, – сказал он, вставая. – Думаю, теперь нам есть с чем работать.

– Думаете? – проницательный взгляд Джо Томаса остановился на моем коллеге. – «Думания» недостаточно, чтобы вытащить меня отсюда. Вы должны мне доверять.

– Тогда и вы мне доверяйте, – огрызнулся Тони Гордон.

Точно с такой же интонацией «не трогай мой мячик» ворчал наш старый пес, имевший обыкновение трусить, прихрамывая, рядом с Мерлином.

Дэниэл был одержим лошадьми, поэтому после долгих уговоров родители купили ему Мерлина на соседней ферме. Этот мирный, степенный, ходивший враскоряку конь отнюдь не зачислил Дэниэла в разряд парий: между ними сразу возникла особая связь. Это с моим братом Мерлин первым терся носом, когда мы утром приходили в конюшню покормить его и выгрести навоз. Когда мы по очереди катались по белым известковым дюнам, Мерлин особенно осторожно катал Дэниэла, который в результате стал заметно увереннее в себе. Мы ездили вдоль линии

прибоя, а однажды Дэниэлу даже разрешили в качестве «особого развлечения» провести Мерлина на кухню через заднюю дверь.

Воспоминания, в которых к радости примешивалась горечь, не позволили мне в прошлый приезд зайти в загон и тем более на конюшню.

Джо смотрел на меня с тревогой. Мне хотелось его обнадежить, но я сама еще не отошла после прочтения анонимного письма. Тони строго предупредил, что сейчас не время говорить об этом клиенту.

– Тони настоящий профессионал, – прошептала я Джо на прощание. – Если кто-то и сможет вас вытащить, так это он. – И я решилась.

Я вынула из сумки один из альбомов с наклейками, принадлежавший раньше Дэниэлу. Он достаточно мал, чтобы поместиться у Джо в кармане, но я колебалась, оставлять наклейки или нет. Я ему их просто покажу. Когда Джо брал альбом, его рука коснулась моей – и через меня будто пропустили электрический разряд. Я с трудом устояла на ногах. Что я творю?!

Я перешла границу, о которой меня предупреждали и шеф, и тюремная охрана. Я совершаю правонарушение, делаю заключенному подарок на том единственном основании, что Джо напоминает мне моего брата. В логике моего поведения масса прорех: брату я уже ничем помочь не в силах, поэтому пытаюсь поддержать этого Томаса, рискуя при этом карьерой и даже жизнью...

Что же касается прикосновения, то это случайность, решительно сказала я себе. Джо смотрел в сторону, словно ничего не произошло.

Когда мы с Тони, расписавшись у охраны, шли по длинным коридорам к двойным дверям, я ждала, что меня вот-вот окликнут или тронут за плечо. Меня исключат из реестра, отберут дело...

Но отчего же сейчас, за воротами тюрьмы, меня буквально трясет от восторга?

– По-моему, все прошло неплохо, учитывая обстоятельства, – сказал Тони, пригладив волосы обеими руками, когда мы вышли на парковку.

Я судорожно глотала свежий воздух.

– Согласна.

Второй раз в жизни я стала преступницей.

Глава 16. Карла

– Карла! Карла! Иди играть! Иди играть!

На площадке прыгала маленькая девочка с торчащими из-под широкой серебристой скобки зубами и такими оттопыренными ушами, будто Господь приставил их не глядя.

В прежней школе Карлы эту девочку осыпали бы градом насмешек и безжалостно задразнили, а здесь она была одной из самых популярных в классе! Что еще важнее, она была очень мила со всеми, включая Карлу.

Идя на занятия в первый день, Карла цепенела от страха и едва передвигала ноги. Она единственная новенькая в классе! Четверть началась бог знает когда, все друг друга уже знают! Ее обязательно невзлюбят! Но как только Карла прошла в ворота со статуей Пречистой Марии со склоненной головой, ей сразу стало спокойнее.

Никто не плевался, не рисовал на стенах, никто не передразнивал ее итальянский акцент. Более того, у девочки со скобками на зубах, рядом с которой усадили Карлу, папа много лет назад приехал из Италии.

– А мой папа сейчас с ангелами, – поделилась Карла.

– Бедняжка!

После этого новая подруга позаботилась, чтобы Карлу на большой перемене принимали во все игры. Прыгая через скакалку вместе со всеми, Карла, на седьмом небе от счастья, начала верить, что ее мечты сбылись.

Даже учительницы-монахини отнеслись к ней доброжелательно, хотя их рясы развевались, словно платья ведьм, о которых Карла недавно прочла в книжке. Им понравилось, что Карла знает, когда следует креститься на утренней молитве.

– Какой чудесный голос! – восхитилась одна монахиня с добрым, кротким лицом, услышав, как Карла с большим чувством поет «Господь мой пастырь». А когда девочка не смогла одолеть длинный пример на деление, другая монахиня присела рядом и объяснила, как надо действовать.

– Понятно! – выдохнула Карла. Теперь все становилось понятно!

Никто не говорил ей, что она глупая копуша. Остались только две проблемы.

– Теперь мы в расчете, – прошептал Ларри, придя к ним домой накануне вечером. – Мне пришлось просить о большом одолжении, чтобы тебя взяли в эту школу. Больше ни о чем не проси. Ты меня поняла?

Равняется ли новая школа краснотубой тете в машине, Карла не знала. Это не такое уравнение, о котором можно спросить у новых учительниц.

Вторая проблема была поменьше, но требовала срочных мер. Ни у кого в школе не было Чарли! Пеналы в виде гусеницы были писком моды в прошлой четверти. Теперь у всех были пеналы «Китти» – розовые, пушистые, с вытаращенными пластиковыми глазами и настоящими пластмассовыми усиками.

«Больше ничего не проси», – предупредил Ларри. Но Карле хотелось Китти! Ей обязательно нужен такой пенал, иначе она будет не такой, как все, и снова начнутся насмешки, как в старой школе.

– Будь папа жив, он бы мне такой купил, – доверительно сказала Карла своей новой подруге Марии, когда они звучно втягивали с ложек суп, наклоня тарелку от себя, как их учили. В монастыре была настоящая столовая с деревянными столами, а не шаткими пластмассовыми. А вместо обеда здесь был ланч.

Мария подалась к ней – золотой крестик покачивался на цепочке – и перекрестилась.

– Давно твой папа в раю?

– Я еще была младенцем. – Карла с завистью поглядывала на розовую Китти, сидевшую на коленях у подруги. Ходили слухи, что сестра Милосердие тоже купила себе такой пенал и держит его у себя в кабинете. – Он нарушил обещание, – добавила она.

– Какое?

– Я думаю, это было обещание остаться в живых.

Мария с сочувствием двинула плечиком.

– Я в прошлой четверти сломала руку. Было очень больно... – Она тронула Карлу за руку: – Дядя подарил мне Китти на день рождения, не зная, что у меня уже есть такая. Вторая осталась про запас. Если хочешь, можешь ее взять.

– Правда? – возликовала Карла, но восторг тут же сменился тяжестью на душе: – Но ведь все подумают, что я ее украла!

– С какой стати? – нахмурилась Мария. – Если подумают, я скажу, что это подарок. Когда твой день рождения?

Это Карла прекрасно знала: она зачеркивала дни на календаре, висевшем в кухне. Календарь был с фотографиями города, где жил *нонно*, – с мощеными улочками и фонтаном в центре площади.

– Девятого декабря, – тут же ответила она.

– Так это уже скоро! – Мария зубасто улыбнулась, обнажив толстые скобки. – Тогда пусть это действительно будет подарок. Мне вот на день

рождения велосипед подарили!

Мария сдержала слово и на следующий день принесла новехонькую Китти с мягким розовым мехом и вытаращенными черными глазками.

– Моя собственная Китти!

Такая теплая, такая мягкая, такая приятная, если прижать ее к щеке! И такая шикарная!

Чарли нахмурился. С ним было неплохо, но он мог бы говорить и побольше, как старый Чарли. Жизнь не стоит на месте. Теперь Карла будет не хуже других.

В тот день у них было рисование. Увидев, что в монастырской школе намного больше красок и цветных карандашей, Карла пришла в восторг. Может, если внимательно слушать объяснения, она станет художницей, как Эд!

Однако в тот раз они составляли коллаж, вырезая картинки из журналов и наклеивая их на огромный раскатанный рулон бумаги. Коллаж предназначался для выставки в честь начала Рождественского поста, и все родители придут им полюбоваться. Мама тоже обещала отпроситься и прийти.

– Можно мне ножницы? – невинно спросила Карла.

Монахиня – одна из самых молодых – подала ей ножницы, держа их за лезвия.

– Будь очень осторожна, деточка, хорошо?

Карла одарила монахиню одной из самых очаровательных своих улыбок.

– Хорошо, сестра Агнесса. – Она немного выждала и подняла руку. – Можно мне в туалет?

Сестра Агнесса, вырезавшая Святую Деву для другой ученицы, кивнула.

Взяв Чарли в одну руку, а ножницы в другую, Карла, затаив дыхание, пошла по коридору в уборную. Закрывшись в одной из кабинок, она отстригла Чарли голову. Он не издал ни звука, но его лицо, отделенное от тела, с упреком смотрело на нее. Карла перерезала пополам его туловище. По-прежнему ни звука. Карла затолкала все три части в ведро с надписью «Санитарное». Никто толком не знал, что это такое, хотя ходили слухи, будто старшие девочки кладут в него кровь в наказание за грехи вроде поцелуев с мальчиками.

Для вида Карла потянула за цепочку бачка, спустив воду, вымыла руки и вернулась в класс, незаметно держа ножницы сбоку, между складками коричневой юбочки. Она тихонько присела за парту и начала вырезать

младенца Иисуса в колыбели. Покончив с этим, встала в очередь к столу, чтобы выбрать новую картинку из вороха журналов и газет.

– Что это за слово? – спросила стоявшая перед Карлой девочка, указывая на фотографию мальчика с подписью: «Убийство».

Карла прислушивалась. Ей нравилось, что в этой школе поощрялись вопросы. Никто тебя не дразнил, если что-то спрашиваешь. Так можно многому научиться.

– Боже, боже, как только это сюда попало... Дайте-ка я уберу.

– У-бий-ство, – прочла вслух ученица, стоявшая в очереди одной из первых. – Вот как оно читается.

– А что это такое?

– Убийство, деточка, это когда кто-то отнимает жизнь у другого, как отняли жизнь у нашего дорогого Иисуса Христа. Это грех, тяжкий грех.

Карла услышала собственный голос, прозвевший в наставшей в классе испуганной тишине:

– А это обязательно жизнь человека?

Сестра Агнесса покачала головой:

– Нет, милая. Это относится к жизни всех созданий Господа нашего. Вспомните святого Франциска, который заботился о каждом живом существе.

У Карлы к горлу подступил комок: Чарли был живой. Она убила нового Чарли только потому, что он «вышел из моды» и подруга ее пожалела.

– А люди могут что-нибудь сделать, чтобы выразить, как они сожалеют об убийстве? – тихо спросила она.

Лоб сестры Агнессы пошел глубокими морщинами.

– Они могут помолиться. – Затем она испустила вздох. – Но есть такие грехи, которые Господь не прощает. – Она перекрестилась. – Помните, дети, убийцы попадают в ад.

Снова начались ночные кошмары. Иногда Карла видела, как новый Чарли вползает в рай разделанным на три части и с головой, повернутой к хвосту. А иногда он смотрел на нее и говорил: «Ты меня убила, ты меня убила...» Иногда снился и старый Чарли, что было еще хуже.

– Что случилось, крошка моя? – спрашивала мама. – Тебе же нравится в новой школе?

Карла кивала:

– Очень нравится.

– Подруги к тебе добры. – Мама подняла розовый пенал «Китти», который Карла собиралась положить в портфель. – И монахини учат тебя

хорошим манерам. Пора перестать думать о старой школе – благодаря Ларри она уже в прошлом.

Если мама считает, что Карле снится прежняя школа, нет нужды ее переубеждать. Так сказала ей Китти. «Теперь я твой друг. Не переживай из-за Чарли».

Карла старалась, но это было нелегко. Она уже замечала: стоит ей выучить новое слово, как оно начинает попадаться повсюду. То же самое было и со словом «убийство». Карла начала замечать его в газетах пассажиров автобуса, улавливать на слух по телевизору, и ночь за ночью оно появлялось в ее снах.

Теперь они с мамой выходили из дома пораньше, чтобы мама оказалась на работе раньше других и «одолжила» себе новую помаду, которую потом попробует дома.

Однажды утром в стоявший на остановке автобус вошла Лили. Карла была вне себя от восторга.

– Тебе нравится моя новая форма? – тараторила она, приглаживая коричневый блейзер. – Она из специального магазина и стоит немалых денег. К счастью, Ларри...

– Ц-ц, – резко перебила ее мама. – Не надоедай Лили, видишь, она работает.

– Все нормально. – Лили отложила ворох бумаг и приветливо улыбнулась Карле, не забыв и ее маму. – Это домашняя работа.

Карла взглядела в убористые строчки.

– Это арифметика? Если хочешь, я тебе помогу. В старой школе я не понимала математику, но монахини все хорошо объясняют, и теперь... – Карла замолчала.

– Что с тобой? – удивилась мама.

Зато Лили все поняла и сразу убрала бумаги в портфель. Но было слишком поздно: Карла снова увидела то ужасное слово. Убийство. Что оно делает в домашней работе Лили? Неужели ее подруга кого-то убила? Живого человека, а не просто пенал? По спине Карлы пробежал холодок.

– Приятная внешность может быть обманчива, – не далее чем позавчера говорила мать-настоятельница на утренней линейке. – В каждого человека может вселиться дьявол. Мы все должны быть бдительны.

Карла не знала, что такое «бдительный», – пришлось дома посмотреть в «Детском словаре». Она незаметно отодвинулась. Неужели Лили, которая помогала ей печь пироги и позволила вылизать миску, на самом деле плохой человек? Может, от этого она всегда спорит с Эдом? Потому что он тоже уверен, что она плохая?

– В чем дело? – повторила мама.

– Ни в чем. – Карла отвернулась к окну и стала смотреть на парк, где с деревьев опадали последние красные и желтые листья и, танцуя на ветру, устилали грязную траву. Лили вдруг перестала казаться ей хорошей.

И тут Карле пришла страшная мысль: а что, если Лили была с ней приветлива, чтобы потом убить и ее?

После этого по воскресеньям у Карлы начал регулярно болеть живот.

– Я хочу остаться дома, – сказала она маме в первый раз.

– Но тебя ждут Лили и Эд!

Карла со стоном перекатилась на бок.

– Лили всегда делает домашнюю работу, а Эд заставляет меня сидеть неподвижно и рисует. Не хочу к ним!

Мать упрашивала и задабривала, но ничего не добилась. «Стой на своем, – подзуживала Китти, тараща свои черные глаза. – В конце концов она тебе поверит. Слышишь? Получилось! Она пошла звонить Ларри, что не может с ним встретиться, потому что ты заболела!»

Днем Карле полегчало настолько, что они сходили в парк, но мама осталась недовольна.

– Что-то быстро у тебя живот прошел – вон как ты скачешь.

В следующее воскресенье живот у Карлы снова разболелся. На этот раз Ларри все равно приехал и присел на краешек ее кровати с серьезным лицом.

– Как ты думаешь, что поможет твоему животу? – тихо спросил он.

«Может, велосипед? – подсказала сидевшая рядом Китти. – Розовый, как у Марии».

– Может, велосипед, – повторила Карла. – Розовый, со звонком и корзиной.

Ларри кивнул.

– Поглядим, что будет на твой день рождения во вторник, – сказал он.

У Карлы перехватило дыхание.

– Тебе десять лет исполнится?

Девочка кивнула.

– Ты уже большая для детских капризов. – Ларри говорил тихо, но твердо. – После этого чтобы глупостей больше не было. Ты меня слышала?

Глава 17. Лили

Декабрь 2000 года

Несмотря на решительную фразу, брошенную мужу («Я в состоянии сама о себе позаботиться»), я была очень напугана анонимным письмом и тем, что началось потом. Идя к остановке, я нарушила клятву и боязливо оглянулась. Зимой по утрам темно – отличная возможность для злоумышленников притаиться в тени кустов. Но сзади никого не оказалось.

Я уже некоторое время не видела Карлу. Надеюсь, живот у нее прошел. В воскресенье нам с Эдом без нее было трудно – не было буфера, отдушины, означавшей, что необязательно разговаривать друг с другом. Эду не хватало его музыки – новый портрет Карлы действительно обещает стать удачным, а мне – возможности готовиться к процессу без помех. Ни на что другое у меня практически нет времени.

– Суд разрешил апелляцию, так что у нас будет пересмотр, – позвонил мне Тони Гордон. – Назначили дату. Уже в марте. – Сквозь приподнятый тон в его голосе прорезались деловитость и озабоченность. – Гонят на всех парах, разгребают завалы. Звоню предупредить, что рождественские каникулы отменяются.

Похоже, Тони не шутит. Шутки кончились. Ягоды на остролисте уже покраснели – я прохожу мимо нарядного куста каждое утро.

Красный, как кровь. Красный, как ярость. Красный, как пиджак, в котором Дэниэл был в тот вечер.

– Рождество похоже на поле битвы, закиданное сладкими пирожками, – однажды сказал он.

Я заподозрила, что брат это где-то вычитал, но он говорил так, будто сам придумал такое сравнение.

Сказано в любом случае метко. Эд просит, чтобы мы на день съездили к его родителям, а я хочу к своим.

– У моих больше никого нет, – подчеркнула я.

Мы до сих пор не договорились.

Интересно, как проведет так называемые каникулы Джо Томас? Навестит ли его кто-нибудь? Я запоздало раскаивалась, что отдала ему старый альбом Дэниэла. Я переступила черту. Что на меня нашло? Сегодняшний визит будет другим.

Глаза у Джо Томаса сверкали, как у тигра. «Тигр, тигр, жгучий страх,

Ты горишь в ночных лесах...»^[15] Одно из любимых стихотворений Дэниэла.

У Джо вырвалось почти рычание:

– Кто-то подсунул вам под дверь письмо с угрозами?

Утром по дороге в тюрьму Тони заявил, что пора поднять этот вопрос.

– Теперь, когда назначена дата заседания суда, надо его расшевелить, – сказал он и сжал губы. – Сдвинуть с мертвой точки. Спровоцировать – вдруг удастся выжать из него что-нибудь еще. Посмотреть, нет ли дыр в нашей аргументации.

Первая часть вполне удалась: на щеках Джо Томаса задвигались желваки, а руки, лежавшие на столе между Тони и мной, сжались в кулаки. Постер с «Надеждой» немного съехал по стене.

– Что в нем было написано?

– «Поможешь этому человеку, пожалеешь», – Тони отчеканил каждое слово, словно мы находились в зале суда. – Должен прибавить, – усмехнулся он, – что у автора хромает правописание.

– Я с этим разберусь. – Глаза у Джо стали совсем черными.

Выражение «его глаза потемнели» я всегда считала поэтической вольностью, однако сейчас напротив сидела живая иллюстрация.

– Прозондирую почву.

Тони кивнул:

– Спасибо.

До меня вдруг дошло, зачем Тони завел этот разговор: он хотел проверить, есть ли у Джо связи на воле. Сыграв на том, что он назвал «очевидной эмпатией между вами, Лили, и клиентом», Тони получил подтверждение своим подозрениям.

– Как еще ваше «зондирование» может помочь нам выиграть апелляцию? – спросил Тони, подавшись вперед и качнув металлический стол. Одна из ножек проехала по моей ноге, зацепив колготки.

Джо сразу откинулся на спинку стула и скрестил руки на груди.

– Что вы имеете в виду?

– Эти цифры вам прислали по почте, – тихо сказал Тони. – Прислал их «крот», больше некому. Кто-то, работающий в газовой компании, на заводе бойлеров или как-то иначе связанный с этой индустрией. Вы ему платите или это ответная услуга?

Лицо Джо могло служить образцом бесстрастности. Я видела такое на холстах моего мужа: черты лица и ничего больше. Затем Эд наносит эмоции: приподнятая бровь в знак недоверия или сдерживаемого смеха, сжатые губы, означающие раздражение или страсть. На лице же Джо не

было и следа эмоций.

– С какой стати мне этим заниматься? – спросил он. – И почему вы решили, что я стал бы с вами откровенничать, даже будь это правдой?

– Потому что вы должны нам помогать, если хотите помочь себе, – резко ответил Тони. – Я дам вам время подумать. Когда я приду сюда в следующий раз, я хочу услышать от вас, кто ваш «крот». Тогда у нас появится шанс выиграть апелляцию. А прежде чем вы начнете рассуждать насчет воровской чести, задумайтесь: вы хотите встретить следующее Рождество в этих стенах? – Тони оглядел пустую комнату с запиской «Не снимать» под настенными часами и рваным линолеумом. – Я бы не хотел.

Когда мы выходили, я бросила на Джо извиняющийся взгляд. Я ничего не могла с собой поделать. Его реакция на анонимку окончательно убедила меня, что он невиновен: такие эмоции невозможно подделать.

– Спасибо за наклейки, – шепнул он, когда я проходила мимо.

Я замерла. Хоть бы не услышал охранник, стоявший напротив открытой двери.

– Мне здесь редко достаются подарки.

Я не посмела ответить.

Джо посмотрел на мои ноги, заметил «дорожку» на колготках и нахмурился.

– С этим нужно что-то сделать, – сказал он и быстро ушел по коридору в противоположном направлении с таким видом, будто ему нанесли личное оскорбление.

На ватных ногах я шла следом за Тони мимо разглядывавших меня заключенных, жалея, что у меня не такой уверенный вид, как у моего коллеги с его прямой осанкой и надменным взглядом.

Когда мы сдали пропуска охране, меня все еще трясло.

– Вы прекрасно справились. – Тони положил мне руку на плечо. – В тюрьме вообще нелегко работать. Не волнуйтесь, между нами с Джо уже наметилось взаимопонимание. Больше вы мне здесь не понадобится – секретаря будет достаточно. В следующий раз вы увидите клиента уже в суде.

Я посмотрела в окно на высокую стену с колючей проволокой. Я не увижу Джо до начала процесса? Меня охватило разочарование, к которому примешивалось что-то еще. Джо решит, что мне на него наплевать. А я вдруг поняла, что мне совсем не все равно, что с ним будет.

Джо Томас – это мой шанс спасти невинного. Искупить свою вину за то, что не спасла Дэниэла.

Телефон зазвонил, когда я читала досье. Не одно из тех, над которыми мне полагалось работать, – дела о мошенничестве, избиениях и магазинных кражах, подкинутых шефом на мой и без того заваленный стол, а касающееся Джо Томаса.

Намерение Тони взять дело в свои руки, конечно, существенно облегчило мою участь, но я должна выполнять свою часть работы в офисе. Чем больше информации я предоставляю ему, тем лучше. А информации масса. Каждый день по почте приходят письма от людей, узнавших из газет о скором пересмотре дела. От женщины, которая сильно обварилась, принимая душ («Мне ответили, что я сама виновата – не проверила температуру, прежде чем вставать под воду, но регулятор стоял на обычном значении, а бойлер совсем недавно прошел технический осмотр»). От мужчины, у которого на лице на всю жизнь остались шрамы («Я был пьян, когда открыл воду, поэтому решил, что это моя вина, когда на меня полился кипяток»). От молодого отца, который чуть не опустил – к счастью, не успел – своего годовалого ребенка в ванну, которую специально наливал из двух кранов, холодного и горячего, но обнаружил, что в «холодной» воде хоть яйца вари – бойлер неисправен.

Дело приобретало все больший резонанс, и вместе с ним росла истерия в прессе. Постоянно звонили репортеры, умоляя о новостях – хоть о чем-нибудь, что добавит огонька процессу, обещавшему стать скандалом национального масштаба.

Только я положила трубку, отделавшись от особо назойливой журналистки, как телефон зазвонил снова. Я подумала, что это опять она.

– Да! Что вам? – рявкнула я в трубку, совсем как мой начальник (что меня совсем не порадовало).

– Установили личность нашего анонимщика, – послышался низкий плавный баритон Тони Гордона. – Ваш Джо Томас расстарался.

У меня мгновенно пересохло во рту. Сложно представить себе безмолвного злоумышленника, который запугивает вас, не показывая своего лица, проникает в ваши сны, и вы просыпаетесь с криком...

– И кто же это? – спросила я.

– Дядя жертвы.

Жертва... Какое холодное, жесткое слово. Я взглянула на досье, лежавшее передо мной на столе. Сара Эванс ослепительно улыбалась с фотографии. Она была живой женщиной, делившей постель с Джо Томасом. Он помешан на контроле. Может, она его разлюбила или не до конца понимала, что чувствует к этому мужчине, совсем как я, пока не разобралась в своих чувствах к Эду?.. Разве она не заслужила, чтобы ее

хотя бы не обезличивали?

– Вы хотите сказать, Сары Эванс?

– Я тоже когда-то был таким, как вы, – добродушно откликнулся Тони и добавил другим тоном: – Позвольте дать вам совет, Лили. Не принимайте уголовные дела близко к сердцу, не то утратите ощущение реальности, и начнется ерунда.

За стеклянной стеной своего кабинета появился мой шеф с телефонной трубкой в руке. Он бешено жестикулировал, приказывая мне подойти.

– Простите, меня зовут, – сказала я Тони.

– Дядю этого строго предупредили, но я по-прежнему настаиваю, чтобы вы проявляли максимальную осторожность. Этот процесс может спровоцировать лавину судебных исков. Он вызовет волнение в самых широких массах, а сумасшедших всегда хватает. Ездите на работу другой дорогой, тщательно запирайте квартиру, добейтесь, чтобы ваш новоиспеченный муженек позаботился о вас должным образом...

Я не сплю, не ем, почти не разговариваю с Эдом. На это нет времени. Наша былая близость растворилась в сумасшедшей гонке перед началом суда. Я прихожу домой еще позже – на Риджент-стрит уже горят рождественские гирлянды, и машины едут медленнее, потому что все притормаживают и любуются ими. Мы с Эдом уже не обсуждаем, что ему хочется на ужин: он сам что-нибудь себе готовит. Зато он перестал пить. Ему, видите ли, нужна «ясная голова», чтобы рисовать по вечерам. Я убеждаю себя: я не передала Эду слова Тони, чтобы муж не волновался и не отвлекался.

– Звонила твоя мама, – сообщил Эд, когда я вернулась с работы без пяти одиннадцать. В его тоне явственно слышался намек, что он почти не видит жену и ему уже давно достается поцелуй в макушку вместо страстных объятий. – У нее что-то срочное, – добавил он, возвращаясь за наш маленький кухонный стол.

Повсюду наброски: девочка накручивает на пальчик прядь волос, девочка бежит в парке, девочка перепрыгивает лужи, девочка читает книгу, набросив на плечи кардиган, девочка готовит у плиты. Снова девочка, уже скорее девушка, с едва намеченным лицом. Все готово для большой картины, которую Эд намерен скоро начать писать.

Неожиданно я ощутила укол ревности. Мне тоже хочется ощутить творческое вдохновение, а я буксую. Запуталась в чем-то непомерно большом для меня, барахтаюсь в паутине лжи и полуправды, которую мне, с моим ограниченным опытом, приходится распутывать. И так достается не

мне одной: другая молодая адвокатша в нашем бюро бьется над делом о разводе, не зная толком, как его вести. Остается только сочувствовать ее клиентке.

Мама взяла трубку сразу, и на миг я словно оказалась дома. Она уже украсила холл мишурой, заплетя ее между столбиков перил. Омела свисает с центральной люстры из тележного колеса, остролист обрамляет фотографии над лестницей, в том числе наши с Дэниэлом пастельные детские портреты. На обеденном столе изящные безделушки, чтобы скрыть пустоту на месте пятого прибора. Рождественское убранство ждет моего приезда, потому что без последнего ребенка у моих родителей как бы ничего и нет.

Тяжесть ответственности чувствовалась в моих виноватых словах:

– Извини, уже поздно, но я была на работе...

Я ждала, что мать опять скажет: я пропадаю в своем бюро, а молодому мужу нужно чаще видеть молодую жену. Но я вдруг догадалась, еще прежде чем услышала ее прерывистый голос: что-то случилось.

– Что? – хрипло спросила я.

После Дэниэла у меня было странное ощущение, что ничего плохого – по-настоящему плохого – уже не произойдет. Оказывается, в этом я не одинока. Вскоре после того, как не стало Дэниэла, я слышала по радио выступление женщины, у которой дочь погибла в аварии, – так вот, она считала, что о выжившем сыне можно больше не беспокоиться, худшее уже позади... Я жила с этим ощущением, пока сейчас не услышала мамин голос.

– Что-то с папой? – с трудом произнесла я. Я представила, что он лежит у нижней ступеньки лестницы. Сломал шею. Или инфаркт.

– Нет, мы-то здоровы...

От облегчения у меня выступил пот. Эд сосредоточенно вглядывался в женщину с пустым лицом, но по его позе я заподозрила, что он прислушивается.

– Тогда кто?

– Мерлин... Он... Его больше нет.

Я схватилась за край стола. В поле зрения возникла протянутая рука Эда, и я благодарно ее сжала.

– Ну, он уже был старый... – начала я.

– Ветеринар считает, ему в корм подсыпали отраву, – всхлипнула мама.

– Отраву?!

При этом слове у Эда сделался ошарашенный вид.

– Откуда вы это взяли?

– Мы нашли Мерлина в загоне, – прерывистым голосом говорила мать. – А на дверях конюшни была записка.

Опять записка. Меня затрясло. Из груди что-то поднялось к самому горлу. Голод, мучивший меня по дороге домой, пропал.

– Что говорится в записке? – спросила я, уже догадываясь.

– Там написано: «Скажите своей дочери, чтобы она отказалась от этого дела». – Страдальческий мамин голос задрожал: – Это то самое дело, где фигурирует бойлер? То, о котором пишут все газеты?..

Эд подался ко мне, обеспокоенный настолько, что выронил альбом.

Я медленно опустила трубку. Не потому, что оборвалась еще одна ниточка, связывавшая меня с Дэниэлом. Не из-за парализующего страха, что кто-то узнал, где живут мои родители (неужели снова нейметса дяде Сары Эванс?).

Нет. Я едва не уронила трубку от шока, нечаянно увидев в альбоме Эда всю правду. Я полагала, что абрис женского лица – незаконченный портрет Карлы, однако с ковра мне в лицо смеялась Давина, победно откинув голову в ореоле роскошных волос.

Глава 18. Карла

День рождения Карлы не праздновали, как у одноклассниц.

– Какие гости? Квартира слишком тесная, – сказала мама. – Зато посмотри, что тебе купил Ларри!

В общем коридоре стоял самый красивый розовый велосипед, какой только Карла видела в жизни: блестящий, почти как машина Ларри, со звонком, как просила Карла, и с маленькой корзиной. А когда девочка опробовала его в парке, он понесся как птица!

– Да у тебя талант, – сказал Ларри без улыбки.

В следующее воскресенье телефон звонил по два раза в час.

– Когда я отвечаю, – недоуменно сказала мама, – ничего не слышно. Может, на линии поломка? Подойди ты в следующий раз.

Карла подошла. Сперва девочка ничего не слышала, но, когда она уже собиралась положить трубку, в ней послышалось дыхание. После этого живот у нее снова разболелся.

– Не хочу к Лили и Эду, – ныла Карла.

Мама погладила ее по волосам.

– Ты просто испугалась этих звонков. Это какие-нибудь глупые дети шалят. В гостях у Лили тебе станет лучше.

Карла заплакала:

– Не пойду, я заболела!

Мама нахмурилась:

– Какая ты несносная! Ты сама-то это понимаешь?

Карла лежала на диване, когда приехал Ларри. Она слышала, как мама шепталась с ним в коридоре:

– Притворяется... Я уверена... В понедельник ей всегда лучше. Только одни разговоры, что больна... Ни температуры, ни... Капризничает...

Карла чувствовала странную усталость. Мысли уплывали куда-то прочь. Сперва это было приятно, но затем откуда-то послышался звонок в дверь, и в голове ритмично застучало слово, как будто оно притаилось, а теперь вылезло, чтобы ее напугать.

Убийство! Убийство!

Это злое слово Карла видела в бумагах Лили. Чем больше девочка об этом думала, тем прочнее убеждалась, что Лили замышляет недоброе. И Бог это допустит, потому что Карла убила Чарли.

– Что это ты такое говоришь?

Карла открыла глаза и увидела над собой маму.

– Тебе приснился дурной сон, *cara mia*, но он уже закончился. Угадай, кто к тебе пришел?

– Привет, Карла! – Это был Эд.

Карла и забыла, какие *simpatico*^[16] у него глаза. В конце концов, не он плохой, а Лили...

– Я надеялся сегодня начать новый портрет. – Глаза Эда сияли. – Представлю его на конкурс, если, конечно, твоя мама разрешит.

– На конкурс! – благоговейным эхом отозвалась мама. – Ты слышишь, Карла?

– Но сперва мне нужно, чтобы ты еще попозировала. – Умоляющие глаза Эда искали взгляда Карлы. От этого она почувствовала себя очень взрослой и важной. – Самочувствие позволит тебе зайти к нам сегодня? – Он повернулся к маме: – Лили, к сожалению, на работе, но я позабочусь о вашей дочурке. Хочешь, Карла?

– Конечно хочет! – серебристым голосом воскликнула мама. – Она просто устала, вот и все!

Карла кивнула. По правде говоря, живот болел не так уж сильно.

– Отлично, – сказал довольный Эд. – Идем, начнем сейчас же!

Первое, что увидела Карла, войдя в квартиру номер три, был новый ковер в гостиной.

– А где тот? – спросила девочка, с одобрением отметив, что ковер в голубых и зеленоватых тонах, а не унылый коричневый.

– Лили рассердилась и облила его кофе, – сказал Эд.

– Ты спроси его почему, Карла. – Лили появилась из кухни со стопкой бумаг в руке.

Как, Лили все-таки дома? Карла испуганно замерла.

Эд засмеялся, но девочка видела, что ему неловко.

– Я думал, ты в офисе, – негромко сказал он.

– Я передумала. Буду работать в спальне, а то слишком много времени трачу на дорогу. – Лили улыбнулась одними губами. – Надеюсь, ты не против?

– Поступай, как тебе удобнее, – очень вежливо ответил Эд, что у взрослых означает плохо скрываемую неприязнь. Карла много раз такое видела в мамином любимом сериале.

Лили ушла в спальню.

– Присаживайся на диван, Карла.

Девочка подчинилась, дрожа.

– Лили хочет тебя убить? – прошептала она.

Эд уставился на нее – и захохотал. Прекрасный теплый, гортанный смех пробудил у Карлы желание присоединиться к веселью. Отсмеявшись, Эд спросил:

– С чего ты взяла?

Карла почувствовала себя глупо.

– Я видела слово «убийство» в ее домашней работе, когда мы ехали в автобусе, и испугалась. – Ее голос задрожал. – Я думала, она хочет меня убить, а может, и тебя...

– Ш-ш-ш, ш-ш-ш. – Эд подбежал к Карле и обнял ее за плечи. – Ты зашла не с того конца, дорогая.

Дорогая? Так Ларри иногда называет маму. Карле это понравилось: как будто она уже взрослая, а не маленькая.

– Лили адвокат. Она помогает навести в мире порядок. – Эд фыркнул, будто не соглашаясь с самим собой.

– Как это?

– Она помогает людям, которых обидели или обвинили в плохих делах, а они их не совершали. Понимаешь?

Карла не поняла, но кивнула, чтобы Эд не счел ее дурочкой.

– Сейчас моя жена пытается помочь одному дяде, который сидит в тюрьме по обвинению в убийстве, но на самом деле он хороший. По крайней мере, так считает Лили.

– А зачем же его в тюрьму посадили?

Эд уже вернулся за мольберт и делал наброски. Карле стало холодно.

– Хороший вопрос. А еще Лили расстроилась, потому что умерла лошадь ее брата.

Карла сделала гримасу.

– Ой, я боюсь лошадей! Одна лошадь пыталась меня укусить, когда мы всем классом ходили в зоопарк. – Затем она вспомнила про загубленный ковер. – Лили из-за этого пролила кофе?

Эд начал что-то подчищать на холсте.

– Нет. Потому что я... Ну, сделал то, чего не должен был делать. – Он сказал это с такой грустью, что Карла соскочила с дивана и подбежала его обнять. – Только, пожалуйста, не двигайся.

Она снова села неподвижно.

– А говорить можно?

Кисть Эда двигалась по картине. Карла этого не видела, но слышала шорох.

– Говори на здоровье.

– Я тоже сделала такое, чего не должна была делать. Я... изрезала нового Чарли.

– Кого?

– Свой пенал в виде гусеницы.

– Зачем?

– Потому что хотела другой, получше.

Рука Эда задвигалась быстрее, а голос звучал словно издалека, будто он ее не слушал:

– Все мы иногда хотим чего-то получше, Карла. И если однажды нас перестанет устраивать то, что у нас есть, может, мир станет лучше... Ну-ка, иди посмотри.

Спрыгнув с дивана, Карла подбежала к мольберту. Это она! Сидит на диване, глядя прямо перед собой, и на губах у нее играет улыбка. Но руки! Они же стиснуты, выкручены! Будто что-то не так, несмотря на ее счастливое лицо.

– Это раскрылась твоя другая сторона, – ободряюще сказал Эд. – Судьям надоели картинки, которые годятся только на конфетные коробки. Если повезет, эта картина принесет нам победу.

Победу? В телевизоре победители становятся знаменитыми! От восторга Карла, отпросившись в туалет, побрызгалась стоявшими на полочке духами и потыкала в губы помадой Лили.

– Какой приятный запах, – сказал Эд, когда девочка вернулась на диван.

Скрестив пальцы, Карла ответила:

– Это мыло так пахнет. – Чувствуя себя совсем взрослой благодаря духам и портрету, она села прямо, как настоящая английская леди.

Картину отправили на большой конкурс, о котором рассказывал Эд, но судьи долго решают, кто лучший.

– Станет известно к Новому году, – обещал Эд, коротко сжав Карле локоток.

А пока мир охватила лихорадка рождественских приготовлений. Побывав на рождественской пьеске, в которой Карла и ее подруга Мария были ангелами, мама расплакалась и сказала: вот бы *нонно* это видел, он бы ее, наверное, простил.

– За что? – заинтересовалась Карла.

– Ты не поймешь. – И мама снова захлюпала носом.

Карле было неловко, потому что они ехали в автобусе. Четверть закончилась, впереди каникулы. Мама ехала в своем форменном

магазинном платье, от которого пахло духами.

– Ларри не сможет встретить с нами Рождество, – всхлипнула она.

У Карлы сразу поднялось настроение. Ну и отлично!

– А почему?

– Потому что он будет со своей женой.

Женщина, сидевшая впереди, обернулась и посмотрела на маму и Карлу с таким презрением, что мама зарыдала еще сильнее. Так в слезах и дошла до дома.

Может, думала Карла, когда они проходили мимо третьей квартиры, ее друзья выйдут поглядеть, что тут за шум?

– А давай тогда встретим Рождество с Эдом и Лили, – попросила она. Теперь, когда Эд объяснил, что Лили не убийца, Карла снова ее полюбила. Хотя и не так, как прежде. Она расстраивала Эда, а ведь он рисовал Карлу.

– Они поедут к своим семьям. – Мамина рука, обнимавшая Карлу, напряглась. – Мы с тобой будем праздновать вдвоем, моя маленькая.

Слезы у мамы еще не иссыкли, когда Карла открыла двадцать четвертую дверцу на рождественском календаре. Елка, которую Карла убедила маму купить на рынке, печально стояла у стены без единого украшения.

– Давай нарядим, – попросила Карла.

Но мама забыла купить мишуры, да и денег у них не было, поэтому Карла повесила на елку свой самый большой спортивный белый носок.

Сейчас она увидела в нем два подарка.

– Это нам Ларри привез, – сказала мама и схватила Карлу за руку. – Мы должны пойти и сказать ему спасибо.

На улице было темно и холодно, но мама сказала, что это неважно. Она перестанет плакать («Я обещаю, малышка моя, обещаю!»), только если пройдет мимо дома, где живет Ларри. Они шли очень долго, потому что автобусов не было: праздник, водителям тоже надо отдыхать. Здания, попадавшиеся им навстречу, были такими огромными, что в них уместился бы десяток таких, как их дом.

Наконец Карла с мамой остановились у высокого белого дома, уходящего куда-то в небо. В окне второго этажа горел свет. Шторы не были опущены.

Слезы заструились по маминому лицу:

– Если бы я могла быть там, с Ларри!

Карла потянула маму в сторону, пытаясь увести.

– Одну минуту, – говорила та, не двигаясь с места.

Карла, заскучав, принялась сгребать мерзлые листья.

– О нет! – ахнула мама, схватившись за горло. Карла проследила за ее взглядом. У окна стояла маленькая девочка и смотрела на них.

– Кто это? – спросила Карла.

– Это его ребенок.

– Значит, у него и дочь есть? – В груди у Карлы что-то дрогнуло. – Не только жена?

Мама кивнула, и слезы полились еще обильнее.

Такая же дочь, как она, Карла?

– А что они делают по воскресеньям?

Руки у мамы так дрожали, что Карле пришлось их придерживать.

– По воскресеньям его семья – мы. А остальную неделю – они. Пойдем, нам пора.

Они шагали по бесконечным улицам, мимо фонарей и чужих украшенных окон обратно к голый, без игрушек, елке и двум подаркам в носке.

– Что ты делаешь? – спросила мама, когда Карла швырнула свой подарок в мусорное ведро.

– Я его не хочу. – Лицо девочки горело от гнева. Ларри должен уйти, решила она про себя, иначе маме будет плохо. Надо придумать способ от него избавиться. Избавилась же она от Чарли. Даже если это жестоко.

Хорошо, что я умираю не на Рождество. Это было бы слишком для родных и знакомых. Скорбные события не должны происходить, когда остальной мир радуется. От этого скорбящим тяжело вдвойне. И всю жизнь эти воспоминания портят Рождество.

Существует ли вообще удачный момент для смерти? Мне никогда не приходило в голову, что это будет вот так: пласты боли и размышлений, упреков другим и себе сменяют друг друга. И, конечно, страх. Потому что, судя по негромким звукам вокруг, здесь по-прежнему кто-то есть.

Глава 19. Лили

Рождество у нас дома всегда отмечали на широкую ногу. «Дэниэл это любит», – говорила мать всякий раз, оправдываясь за елку в десять футов высотой и целую гору подарков под ней. Мы не были богаты, но мать сэкономила целый год. Один раз мой брат получил в подарок железную дорогу «Хорнби», которую разобрал, чтобы «посмотреть, как там все устроено», и снова собрал. На это ушло три дня, в течение которых Дэниэл отказывался садиться за стол (даже за рождественский обед), потому что «был занят».

Никто не пытался его отговорить: Дэниэла было невозможно переубедить, если он что-то решил. Может, поэтому в детстве он всегда получал все, что хотел. Только когда список его желаний перешел все границы, родители попытались ввести ограничения, но было уже поздно.

«Каким-то будет этот год?» – думала я, пока мы ждали отца с машиной на вокзале в Эксетере. Уже не первое Рождество у мамы, едва она просыпалась утром, к лицу прирастало гладкое веселое выражение «все в порядке», которое никого не обманывало. Осушив три бокала джина еще до ланча, она начинала говорить о Дэниэле в настоящем времени. «Как считаешь, ему понравится новая гирлянда?» – допытывалась она, будто мой брат вот-вот спустится в гостиную.

Папа будет ходить с видом вымученного смирения и заботиться о маме с нежностью, смешанной с чувством вины. После пережитой трагедии пары либо сплываются, либо расходятся. Наверное, это к лучшему, что родители в конце концов выбрали первое.

В зале ожидания холодно: ветер порывами задувает в дверь. Я дрожу. И не только из-за бедняги Мерлина, который умер из-за меня от рук неизвестного убийцы (у дяди Сары Эванс, по словам полицейских, железное алиби, но Тони сказал, что он мог кого-то подговорить).

Меня трясет не только поэтому. Иногда – не считите это глупостью – мне кажется, что я соответствую своему имени. Лилии оставляют пятна: если нечаянно задеть крупные тычинки с пыльцой, реципиент оказывается испачкан веществом, которое трудно вывести. Мне кажется, я пятнаю тех, кого пытаюсь любить. Дэниэла, Мерлина, Эда... Кто следующий? Джо?

«Не будь нелепой», – резко одернула я себя.

Заметив мое состояние, Эд попытался обнять меня за плечи, но я высвободилась. А чего он ждал, рисуя лицо женщины, с которой раньше

был помолвлен?

– Ты все-таки ее любишь? – заорала я, швырнув кофейник на ковер.

– Да нет же! – с искренним недоумением оправдывался Эд, как растерянный мальчик. – Она сама то и дело высказывает в моем творчестве...

– В творчестве? – взвилась я. – Реклама твое творчество! – Я в бешенстве махнула рукой на хохочущую Давину с запрокинутой головой и, не в силах сдержаться, крикнула: – У тебя с ней роман?

– Когда? Когда мне романы крутить? А даже если б и так, тебе-то что за дело? Ты за своей работой замужем, а не за мной! – вышел из себя Эд.

И не успели мы оглянуться, как ссора переросла в полноценный скандал. В соревнование по громкости ора. И такое у нас происходит все чаще.

С того дня мы почти не разговариваем друг с другом, разве что о планах на праздники. Рождество встречаем у моих родителей в Девоне, а День открытия подарков^[17] проводим с семьей Эда в Глостершире.

Теплая рука мужа – предложение рождественского перемирия, но мне не дают покоя мысли о Дэниэле, Мерлине, записке...

– Вон твой отец, – с облегчением сказал Эд.

Конец ожиданию в сердитом молчании на холодном ветру.

– Первое Рождество молодых супругов, а? – Сияющий папа распахнул перед нами дверцы старенького «Лендровера».

Я даже не взглянула на Эда, пока мы обменивались подобающими случаю любезностями. Я только знаю, что родители воспользуются нашим бутарфорским браком как поводом для радости, чтобы на время забыть о пустом месте за столом и о седле, который год висащем на вешалке в гардеробной, потому что ни у кого не поднимается рука его выбросить.

Мне очень хочется пожаловаться папе, как я несчастна, но я не имею права. Мой долг перед родителями – любым способом компенсировать случившееся с Дэниэлом.

– Дорогие мои! – Мама встретила нас на пороге. Глаза у нее неестественно радостные, рука дрожит. Бокал, который она поставила на стол, наполовину осушен. – Какое счастье вас видеть!

– Вот это елка, – с уважением похвалил Эд, разглядывая настоящее чудовище высотой до третьего этажа, установленное в проеме винтовой лестницы. – Как же вы ее внесли?

Мама просияла.

– Нам помог Дэниэл! Он скоро спустится. А пока проходи и будь как дома.

– Это как понимать? – шепнула я отцу, улучив возможность.

У папы сделался жалкий вид.

– Ты же знаешь, под Рождество она всегда такая...

– Папа, но ей же хуже! А должно-то быть лучше!

К чести Эда, он вел себя как настоящий джентльмен. Когда мать достала альбом с нашими с Дэниэлом фотографиями, начиная с самого детства, Эд вполне заинтересованно разглядывал снимки. Но свои вопросы («А где это снимали?») обращал исключительно к моей матери. Меня он игнорировал.

На рождественской мессе в деревенской церкви знакомые, которых я сто лет не видела, подходили, чтобы обнять меня и впервые пожать руку Эду. По настоянию моей свекрови («Все Макдональды женятся в фамильной часовне в нашем поместье») на свадьбе присутствовали только те, кто поместился в упомянутой часовне, то есть исключительно близкая родня.

– Так вот кто этот счастливчик, – сказал один из моих однокашников, запомнившийся тем, что вечно подпирал стенку бара. – Учти, у нас Лили все любят. – Он хлопнул Эда по плечу: – Чтоб хорошенько о ней заботился, понял?

На этот раз пришел мой черед игнорировать мужа. Мы молча шли за родителями к дому, вдыхая соленый морской воздух. В юности я рвалась уехать из этого невыносимо провинциального местечка и только сейчас поняла, какое это драгоценное качество – трогательная забота о близких. В этом маленьком городке живы подлинные ценности, а не откровенная ложь, полуправда или игры – назовите как хотите. Казалось, Джо Томас сейчас за миллион миль отсюда.

– А кто сходит проводит Мерлина? – спросила мать, пока папа шарил под каменной стеной в поисках ключа от черного хода. – Надо посмотреть, не опрокинул ли он свое ведро с водой.

– Мам, – начала я мягко, – Мерлин...

– Я схожу, любимая, – перебил папа. – А ты иди спать. Не о чем волноваться. Индейка уже в духовке, а эта молодая парочка хочет баиньки.

Я вздрогнула – не только из-за папиной лжи или нашего с Эдом фарса, но и от страха. После той записки я попросила папу быть осторожнее, однако он по-прежнему оставляет ключ на старом месте, где его любой найдет.

«Утром я с ним поговорю», – сказала я себе, ложась в кровать, пока Эд был в ванной. Когда он вышел, я уже погасила свет и притворилась спящей.

– Мне очень жаль. – По голосу мужа было ясно, что он не поверил повернутой к нему спине и притворно ровному дыханию.

Я села, опираясь на подушку.

– Полагаю, речь о Давине? А чего тебе больше жаль – что ты в нее влюблен, или что женился на мне, или что...

– Мне жаль Дэниэла. Судя по всему, вы очень тяжело это перенесли.

Слова Эда утонули в бездонной тишине. Знал бы он правду...

– Я не хочу об этом говорить, – сказала я, отвернувшись.

И заснула. Легко и глубоко. Мне спалось лучше, чем когда-либо в последние годы. Во сне я бежала по песку за Дэниэлом. Совсем юный, смеющийся, он то прыгал в воду, то выбегал на песок и подбирал ракушки, которые очень ровно разложил на подоконнике в своей комнате. Но кто-то в моем сне (кто?) сдвигает ракушки. У Дэниэла истерика – ведь они теперь испорчены. Он выбрасывает ракушки за окно и идет собирать другие...

Вздвигнув, я проснулась. Глубокая ночь. С крыши доносится странный скрежет. Наверное, чайка. Интересно, что сейчас делает Джо Томас? Тоже не спит? Перебирает наклейки или решает, открыть ли нам имя своего тайного информатора?

А Тони Гордон, что он сейчас может делать? Лежит в постели с женой? Он редко говорит о своей личной жизни, только когда упоминает о ребенке. Недавно ему позвонила жена: он не пришел на школьный спектакль к дочери. Мне он ничего не объяснял – я поняла из разговора, который происходил при мне. Тони выразил сожаление и раскаяние, но, едва положив трубку, мгновенно забыл о звонке и вернулся к нашему делу. Похоже, Тони Гордон в совершенстве владеет умением отделять одно от другого.

Мое беспокойство разбудило Эда. Он протянул руку и погладил меня по спине. Затем его рука опустилась ниже. Я не шевельнулась. Слезы покатались по лицу: может, он думает, что это Давина? Из уважения к себе я должна отодвинуться и дожидаться, пока мы оба проснемся и будем понимать, что делаем. Но сон о Дэниэле выбил меня из колеи, мне стало одиноко и грустно. Я позволила Эду войти в меня, но, подхваченная волной запретного блаженства, думала не о муже.

Утром я смыла запах тела своего мужа в старомодной ванне с трещиной на эмали – Дэниэл однажды снял пластмассовую решетку и затолкал в слив огромный сине-серебряный стеклянный шар – «поглядеть, пройдет он по трубе или нет». Ликвидация «засора» в тот раз обошлась в немалую сумму.

– С Рождеством, – сказал Эд, подавая мне блестящий красный пакет.

Он хоть помнит, что ночью занимался со мной любовью? Или сгорает от стыда за то, что представлял рядом с собой Давину?

Единственное оправдание моих фантазий – заикленность на чувстве вины перед Дэниэлом, не позволяющая мне быть счастливой. Это саморазрушение. Из-за этого в постели я представляю того, с кем по требованиям профессиональной этики не могу иметь секса.

Под красной бумагой – маленькая коробочка. Ручка. Я в глубине души надеялась на духи: пузырек с медового месяца почти опустел. Как это художник может быть таким наблюдательным, а через минуту настолько слепым?

– Ты много пишешь. Я подумал, пригодится.

– Спасибо, – сказала я, подавая пакет, который прятала в сумке. Коробка мягких пастелей. Эд достает их по одной, и лицо у него становится, как у ребенка:

– Вот здорово!

– Сможешь чаще рисовать Давину, – не удержалась я.

Ну а как бы реагировал мой муж, если бы я кокетничала с другим у него на глазах?

Лицо Эда потемнело.

– Завтра нужно рано выехать, – холодно сказал он. – Мама предложила нам свою машину, потому что в праздники отменили много поездов. Иначе опоздаем к моим родителям.

Моя малая родина не лишена скромного очарования, но когда я впервые (перед самой свадьбой) приехала в семейное гнездо Эда, то не поверила своим глазам: настоящая старинная помещичья усадьба.

– Он вовсе не такой большой, как кажется, – сказал Эд, когда я сидела в машине, не в силах оторвать восхищенный взгляд от особняка Елизаветинской эпохи с каменными башенками, семейным гербом над входом, венецианскими окнами и газонами, которые тянулись, насколько хватало глаз.

Кого обманывал Эд? Себя? Для художников, как я уже начала понимать, это обычное дело. С другой стороны, для юристов тоже. В обеих профессиях приходится играть роль, притворяться, проникать в чужую душу...

Оказалось, значительная часть дома открыта для посетителей: плата за экскурсии уходит на содержание усадьбы. В оставшихся комнатах, где от холода немеют пальцы, живут родители Эда и его брат с женой. Другой

брат работает в Гонконге и на Рождество прилететь не смог.

Я только рада – мне и присутствующих родственников более чем достаточно. Мать Эда, высокая, угловатая, надменная (я не видела ее с самой свадьбы), так и не предложила мне называть ее по имени – Артемида (очень точно).

Брат Эда тоже держится пафосно, но отец был достаточно вежлив, чтобы спросить, как продвигается дело «с тем убийством». Должно быть, прочел в газетах.

– Иметь что-то общее с преступниками? Какая ужасная у тебя работа, дорогая, – передернула плечами свекровь за предобеденным коктейлем в библиотеке (еще один холодильник – кожаные переплеты стружкой отслаиваются от обложек). – Отчего ты не подобрала себе что-то приличное? В мое время, если девушкам приходилось работать, они преподавали или присматривали за детьми, пока не выйдут замуж. Почти у всех моих подруг дочери выбрали – такое необычное название – связи с общественностью или организацию светских мероприятий... – Она замолчала под взглядом Эда, но было уже поздно.

– Вообще-то, – отозвалась я, – подобные занятия куда лучше подходят каким-нибудь Давинам...

Стало тихо. Я-то хотела сострить, но моя попытка никого не обманула, и меньше всех Эда (и меня). Мать Эда непринужденно сменила тему – старший сын получил повышение в крупной страховой фирме, – но настроение у всех было испорчено.

– Пойду подышу воздухом, – вполголоса сказала я Эду, подхватила кашемировый палантин – подарок родни мужа – и вышла на террасу, откуда открывался вид на сады.

Надо отдать должное моей свекрови, сады великолепны. Она явно посвящает им все свое время.

– Артемида не хотела вас обидеть... – раздался за спиной мягкий голос.

Я обернулась. Передо мной стояла моя золовка с плотненьким сопливым мальчуганом на руках. Из всех родственников Эда она мне нравится больше всех: адекватнее остальных, и у нее не идеально ухоженные ногти – возможно потому, что она ландшафтный дизайнер.

– У нее всегда что на уме, то и на языке. Вы привыкнете.

Малыш мне улыбнулся. Передние зубки у него еще не все вылезли. Я не испытываю к детям материнской нежности (самой маловато досталось), однако – сама себе удивляюсь – мне очень нравится, когда рядом Карла.

– Я не уверена, что хочу к этому привыкать, – отозвалась я.

Золовка нахмурилась:

– Что вы имеете в виду?

– Я не понимаю, зачем Эд на мне женился. – Мне казалось, что я говорю сама с собой, а не с женщиной, которую почти не знаю. Видимо, виноват бокал шерри, который я опрокинула залпом в отчаянной попытке согреться и справиться со стрессом. – Он явно до сих пор не остыл к Давине, так почему же он выбрал меня, а не ее?

Во время секундной заминки я заметила неуверенность, проступившую на лице собеседницы. Малыш завозился у нее на руках, желая спуститься, и был осторожно поставлен на пол.

– Но вы же знаете о трастовом фонде?

– О каком фонде?

– Вы меня разыгрываете, да? – Она вглядывалась мне в лицо. – Нет? Черт побери, а нам он сказал, что вы знаете... – Она казалась искренне обеспокоенной.

– Пожалуйста, – взмолилась я, – вы единственная, кто мне хоть что-то говорит! Или вы тоже считаете, что у меня нет права знать?

Женщина быстро огляделась. Вокруг никого не было. Малыш уселся на ее ноги и жевал комочки замороженной земли из горшка с цветком, но золовка этого еще не заметила, а я не собиралась ее сейчас отвлекать.

– Эд был безутешен, когда Давина его бросила ради какого-то банкира, с которым уже давно втихую крутила роман. Бедняга Эд с ума по ней сходил... извините... но дело не только в этом – у него истекало время. Генри, выплюнь, иначе я...

– Какое время у него истекало?

– Так я же и говорю – для трастового фонда... Генри, плюнь сейчас же! Фонд учредили дед с бабкой. Эд и его братья должны жениться до тридцати лет и прожить в браке минимум пять лет, иначе не получат наследства. Это может показаться нелепостью, но, видите ли, отец Артемиды терпеть не мог мужчин, которые не женятся. У его брата обнаружились иные склонности – ну, вы меня понимаете, – и в те времена это повергло в шок все семейство. Я знала о завещании, но мы с Эндрю поженились бы в любом случае, с трастом или без траста.

Я стояла как оглушенная.

– Свадьба действительно состоялась накануне тридцатилетия Эда, – медленно сказала я. – Мне и самой казалось, что все произошло слишком быстро, но мне льстило, что он так мной увлекся...

– Конечно, увлекся. Я в этом не сомневаюсь.

– Зато я сомневаюсь. Меня с самого начала удивляло, что Эд во мне

нашел. Мы друг другу не пара. Почему он не выбрал кого-то более подходящего?

– Вы что, нашей свекровушки наслушались? Право же, Лили, вам нужно больше верить в себя. Сразу видно, что Эд вас любит. Вы – именно то, чего не хватает этой семье: нормальный человек.

Нормальный! Ха! Оценив иронию ситуации, я едва не прослушала, что говорила собеседница:

– Когда Эд нам о вас рассказал, мы, конечно, были удивлены, особенно столь скорой свадьбой. Но когда мы с вами познакомились, поняли, почему он вас выбрал. Вы именно такая девушка, какая ему нужна. Надежная. Приятная. Не какая-нибудь смазливая вертихвостка... Не обижайтесь. Я еще сказала: если совместная жизнь не заладится... Генри, прекрати!

– Что вы сказали? – настойчиво перебила я.

У золовки хватило такта притвориться смущенной.

– Я сказала: не заладится, так через пять лет и развестись можно. Это у нас, трастовых жен, такая шутка.

– Понятно. – У меня буквально не было слов.

– Будет вам. – Она потрепала меня по руке. – Надо быть оптимисткой!

– Это еще одна шутка?

– Не совсем. Задумайтесь: после смерти деда всем нам теперь гарантировано немалое наследство. Дед, кстати, в доме престарелых, у него старческое слабоумие. Не вините Эда, – добавила она уже серьезнее, – у него не было выхода. Слышали бы вы, как Артемида зудела, что он потеряет все деньги, если не поторопится. Но, прошу заметить, я согласна: он мог бы вам и сказать.

Если бы сказал, я бы не приняла его предложение, и Эд это прекрасно понимал. В наше время и в нашем мире эта история кажется дикостью, но семья Эда не чета моей, в ней действуют другие законы. Я просто не осознавала, как далеки мы друг от друга, пока правда не выплыла наружу.

Или как мы похожи...

– Конечно, – продолжала золовка, – обидно получилось, когда Давина разорвала помолвку со своим банкиром...

У меня по коже побежали мурашки.

– Когда?

– Генри!.. Когда вы уехали в свадебное путешествие.

Теперь наконец все встало на свои места.

– Понятно, – ровно повторила я. Все мои чувства словно были под анестезией.

– Что тебе понятно? – Эд подошел сзади, очень похожий на ученика

частной школы в темно-синем пиджаке, крахмальной белой рубашке и бежевых слаксах. Но в душе он не лучше преступника. Разве он не украл мою жизнь?

– Ты женился на мне, чтобы не упустить наследство, – прошипела я. – На самом деле тебе была нужна Давина. Неудивительно, что ты так расстроился, когда мы вернулись из Италии и ты узнал, что она отменила свадьбу!

На его лице отразилась паника. Я еще цеплялась за соломинку, надеясь, что золовка ошиблась, что ее рассказ – нагромождение нелепой лжи, но муж обескураженно молчал, не пытаясь что-либо отрицать. Как все хорошие адвокаты, я докопалась до истины. Но радости мне это не принесло.

– А теперь, очевидно, – гневно продолжала я, – она жалеет, что ты ее не дождался, а ты жалеешь, что не повременил немного.

Эд взял меня под руку:

– Давай-ка пройдемся.

Моя золовка уже ушла со своим малышом. Мы шагали по посыпанной галькой тропинке, стараясь не наступать на ранние подснежники. Голос Эда звучал хрипло и болезненно:

– Зря она тебе сказала.

– Ничего не зря. – Я оттолкнула его руку. – Ты женился на мне из-за денег! Ты женился бы на любой, кто подвернется, лишь бы успеть до дня рождения!

Он отвернулся и стал смотреть на озеро.

– Все было не так. Да, я не хотел лишиться наследства. С деньгами деда я смогу бросить работу и заняться искусством, открою собственную галерею. Но меня искренне влекло к тебе. В твоем лице, когда ты рассказывала, что у тебя умер брат и как он умер, было нечто такое... Я попытался запечатлеть это на бумаге после нашего знакомства, но не смог, словно твое горе было слишком глубоким.

– То есть ты женился на мне из жалости?

В голосе Эда зазвучала почти мольба:

– Я не это имел в виду. Я женился на тебе, потому что ты меня заинтриговала и потому что я видел – ты хороший, добрый человек. – Его лицо искривила гримаса. – Ты рвалась непременно оттереть вино с ковра, хотя могла притвориться, что пролил кто-то еще. Давина в такой ситуации прошла бы мимо. Ты гораздо лучше ее, честно.

Честно? Меня в который раз посетило искушение рассказать ему все. Вина лежит у меня на душе тяжелым камнем. Но если я пришла в ярость

из-за траста, как отреагирует Эд, узнав, что сделала я?

Я попыталась отойти, но Эд порывисто приподнял ладонями мое лицо.

– Ты красивый человек, Лили, телесно и душевно. Самое поразительное, что ты этого не видишь. Это вторая причина, почему я влюбился в тебя. Ты храбрая, верная, умная. Я нелюбезно отзывался о твоей работе, но вообще-то я очень горжусь тем, что ты помогаешь жертвам несправедливости вроде этого твоего заключенного.

«Ты все неправильно понял», – хотелось мне закричать.

– Так почему ты так отвратительно себя со мной вел?

– Потому что мне... меня глубоко задело, что ты меня не хочешь. Физически. Я чувствовал себя отвергнутым, а Давина ясно дала понять, что по-прежнему заинтересована. Это было... искушение. Но ничего не произошло, клянусь. Потом началось это уголовное дело. Мне казалось, ты думаешь только о работе, и...

В груди росла тупая боль. Процент разведенных только в нашем бюро наглядно доказывает, как юриспруденция сказывается на семейной жизни.

Эд пригладил пальцами волосы.

– Лили, может, мы чересчур быстро сошлись, но теперь, когда я узнал тебя получше... Я хочу быть с тобой. Правда.

Правда? Или за него по-прежнему говорят деньги? Пять лет брака ради наследства?

– Скажи, – Эд привлек меня к себе, – что ты тоже меня любишь.

А что такое любовь? Я последний человек на Земле, способный ответить на этот вопрос.

– Мы могли бы начать все сначала, – медленно сказал Эд и мягко приподнял мое лицо за подбородок, заставив посмотреть ему в глаза.

Почему-то мне казалось важным не отвести взгляда.

– Что скажешь?

Все это уже говорилось, но каждый раз неизбежно возникала новая ссора. Однако сейчас пара темно-карих глаз смотрела мне прямо в душу. Иди к черту, хотелось мне крикнуть.

– Не знаю, – жалобно сказала я. – В голове туман. Работа отнимает все силы.

Это была правда. Более того, Рождество у родителей и визит в пустую конюшню только усилили мою решимость продолжать работать над этим делом, выиграть его, внести свою лепту в торжество правосудия. Это важнее моей личной жизни. После Дэниэла это было обязано стать важнее.

Я посмотрела на руки своего мужа, державшие мои, и высвободилась.

– Я дам тебе ответ после процесса. Извини.

Глава 20. Карла

Мама проплакала все Рождество. Она плакала, разворачивая подарок Ларри, плакала, когда не смогла с ним справиться дрожащими пальцами.

Карла старалась ее утешить:

– Давай я тебе застегну!

Но когда мама взглянула в зеркало и увидела себя с серебряным медальоном на гладкой смуглой шее, она зарыдала еще сильнее.

Карла сдалась. «Интересно, а королева когда-нибудь плачет?» – спрашивала она себя, сидя по-турецки перед телевизором. С экрана старая женщина с седыми волосами и приятной улыбкой говорила о «важности семейных ценностей».

Карла не стала бы включать речь королевы, но ее смотрела новая подруга из школы.

– Мы всегда ее слушаем, – сказала Мария Карле, когда они жевали сливочные тянучки, которые одна из беззубых монахинь раздала после рождественской службы в честь окончания четверти.

Порой Карла испытывала угрызения совести, ловя себя на мысли, что хорошо бы ей тоже попасть в семью Марии. Благодаря Марии у нее была Китти и телевизор включен на правильную телепрограмму. Теперь ей еще нужна мать, у которой нет красного, в пятнах, лица, распухшего от слез.

Если бы Ларри не делал маму такой несчастной, все было бы ничего, говорила себе Карла, глядя на вселявшее уверенность лицо королевы. Она чувствовала: что-то готовится. Надо только еще чуть-чуть подождать.

– Как ты думаешь, Эд и Лили уже вернулись? – спросила она рыдавшую мать.

Та покачала головой. Если бы Ларри сейчас увидел маму, она не показалась бы ему красивой с черными кругами под глазами от туши.

– Они у своей родни, – сказала мама. – Нам тоже нужно побыть своей семьей.

Карла подумала о блестящей открытке с младенцем Иисусом, которую они отправили в Италию, надеясь получить ответ. Как оказалось, напрасно.

Мама снова заплакала:

– Это все моя вина...

– Почему, мама?

– Так уж вышло. – Тут мать заметила под елкой вторую коробочку. – Разве ты не посмотришь, что подарил тебе Ларри? Я вынула твой подарок

из ведра... на всякий случай.

Карле не очень-то хотелось это делать, но любопытство взяло верх.

– А ну, – подбадривала ее мама с повеселевшими глазами.

Карла знала, о чем она думает: если подарок хороший, значит, Ларри любит ее больше, чем свою жену и ту девочку в окне.

С оберткой ей удалось справиться не сразу – кто-то плотно приклеил ее скотчем, словно не желая, чтобы Карла заглянула внутрь. Наконец девочка вытащила то, что пряталось внутри. Коробочка. Длинная и плоская. А в коробочке лежали...

– Часы! – ахнула мама. – Какая щедрость! – Она засмеялась сквозь слезы. – Дорогие, да? Что там написано на открытке?

Карла взглянула на открытку и положила ее в карман.

– Что там? – настаивала мама.

– Ничего. Просто «С Рождеством».

Но изнутри Карлу обдало жаром. Слова были аккуратно выведены черной ручкой, так что ошибки быть не могло.

БУДЬ ПАИНЬКОЙ

Ларри намекал, чтобы она вела себя правильно. Но пусть поостережется сам.

– Телефон звонит! – ахнула мама. – Скорее! Это Ларри! Пожалуйста, возьми трубку, мне нужно успокоиться. Поговори с ним, поблагодари за часы, а потом я подойду.

Карла с неохотой подошла к телефону и медленно-медленно подняла трубку.

– Да?

– Мама дома? – Ларри говорил тихо, будто не хотел, чтобы его кто-то услышал.

– Больше не звоните, – прошептала Карла так, чтобы мама не слышала, и поскорее положила трубку.

– Это не он? – Мамин голос поднялся в жалобном крещендо.

– По-моему, это тот самый, который уже звонил, – сказала Карла, опустив глаза на ковер. Если взглянуть, из темно-коричневого орнамента складывалась львиная морда.

Мама вздрогнула:

– Который ничего не говорит?

– Да.

Львиная морда в упор смотрела на девочку. «Лгунья! Лгунья!» –

беззвучно говорил ковровый лев.

Мама вытерла слезы и обняла Карлу.

– Не волнуйся, малышка. Это я виновата. В следующий раз трубку возьму я.

Но больше никто не звонил. Целых два дня. Два дня Карла, Китти и львиная морда на ковре думали, что им это сойдет с рук.

А затем все произошло.

– Ты почему матери солгала?

Глаза Ларри были блестящими и жесткими. Они напомнили Карле нож, которым мама резала хлеб. Обычно мама пекла хлеб сама, потому что «ерунду из магазина» даже «собака есть не станет». Карла обожала запах свежего хлеба. Она попыталась воскресить этот запах в памяти, чтобы стало не так страшно, но он никак не вспоминался.

Перед ней стояли Ларри и мама. Они объединились против нее. Карле словно чем-то стиснуло горло, и стало трудно дышать.

– Я же вам сказала, я думала, это тот незнакомец, который звонит и молчит в трубку!

– Это правда, – поспешила вмешаться мама. На ее лице проступала тревога, как в тот день, когда по почте пришел коричневый конверт с красной надписью «Просроченный платеж». – Я собственными ушами слышала. Нас запугивают.

Взгляд Ларри на мгновение метнулся к ней.

– Надо было сообщить в полицию.

Мама пронзительно засмеялась:

– Станут они нами заниматься! Они не могут поймать даже мальчишек, бьющих стекла в окнах! Это плохой район, даже Эд так говорит.

Лицо Ларри дернулось, словно кто-то приделал леску к концу его длинного тонкого носа и потянул вверх.

– Какой еще Эд?

– Ты же знаешь, – прозвучал голос Карлы, полный презрения. – Это наш сосед, он и его жена присматривают за мной, пока мамочка работает. – Девочка подчеркнула слово «работает», чтобы не осталось сомнений, что она имеет в виду: «Мама вовсе не работает по воскресеньям. Она проводит время с тобой, вместо того чтобы быть со мной».

Взгляд Ларри скользнул по ее запястью.

– Ты не носишь свои новые часы?

– Они не работают.

– Неужели?

Почему в его голосе слышатся нотки веселья, а не гнева? Рассердившись, Карла стала безрассудной.

– А вы дочке такие же купили?

Даже хорошо, что мама ушла на кухню ставить чайник. Лицо Ларри вдруг оказалось очень близко. От него пахло виски.

– Думаешь, ты очень умная, да, Карла?

Нет, хотелось ей ответить, я полная тупица в математике, хоть новая подружка мне и помогает. Но вместо ответа Карла пристально рассматривала красный след у Ларри на шее, похожий на мазок кетчупа. Если сосредоточиться на красном, можно удержаться от ответа.

– Без комментариев, да? – Ларри отодвинулся и оценивающе оглядел девочку. – Одобряю. Ты считаешь себя очень умной, потому что ты действительно умна, Карла, поверь мне. Может, пока ты в это не веришь, но это правда. В будущем ты далеко пойдешь. – Он прищурился. – Только вот не знаю, взлетишь или вниз покатишься. Все от тебя зависит.

Две недели спустя Карла прибежала из школы вне себя от восторга.

– Моя подруга Мария приглашает меня к себе домой пить чай! – ликуя, закричала она.

Мама встречала ее у дверей. Они договорились, что теперь, когда Карле десять лет, она будет возвращаться из школы сама – с твердым условием не разговаривать с незнакомцами. Новая школа была гораздо ближе к дому, поэтому Карла никак не могла заблудиться.

– Какая честь! – Мама покраснела.

Карла даже подумала, уж не пришел ли в гости Ларри – мама всегда румяная в его присутствии. Но в квартире было пусто.

– В среду! – слова вылетали у Карлы изо рта без всякого порядка. – Ее мама, она меня заберет из школы. А потом привезет домой! Мы будем играть с ее куклами Барби!

– У мамы Марии своя машина? – завистливо спросила мама.

Карла кивнула:

– Как у всех в нашем классе. Пожалуйста, мамочка, можно я пойду?

– Ну конечно! – разудбалась мама. – Это очень хорошо, что у тебя новые подруги! Приличные подруги в новой школе. У мамы, которая сама сидит за рулем, должно быть, очень много денег?

Мария действительно жила в доме, в котором поместились бы не только третья и седьмая квартиры, но и еще десяток.

Еда была удивительно вкусной, и подавали не пасту.

– Стейк, – пояснила мать подруги, заметив, как Карла уписывает мясо. – Нравится?

Карла снова кивнула, не желая говорить с полным ртом. Еще она следила, чтобы держать вилку и нож так же, как Мария и ее мать, а после обеда предложила помочь вытирать посуду.

Мамаша Марии просияла:

– Я смотрю, ты получила хорошее воспитание! Вообще-то у нас посудомоечная машина, но вы, девочки, поможете мне составить в нее тарелки.

Какая умная машина!

– Ставь вертикально... Правильно! – Она подала Карле следующую тарелку, весело болтая, словно с ровесницей, от чего у Карлы поднялось настроение. – Мария говорила, твоя мама родом из Италии, как и мой муж. А из какой области?

Карла поколебалась, не желая показаться глупой. Мама всегда так расстраивалась, когда Карла начинала расспрашивать о ее родне, что девочка старалась не задавать слишком много вопросов.

– Я точно не знаю, но там есть долина, окруженная холмами и горами. Мама говорила, что это примерно в часе езды от Флоренции по очень крутой, извилистой дороге.

– Правда? Надо спросить мужа, не знает ли он, где это. Он из центральной Флоренции. Мы там и познакомились. – Ее глаза стали мечтательными. – Ты там бывала?

– Нет. – Карла встряхнула черными кудрями. – Но мама говорит, когда-нибудь мы туда поедем.

Строго говоря, это не было правдой, но явно оказалось к месту, потому что мама Марии предложила им угощаться мороженым из морозильника. Однажды, сказала себе Карла, у нее тоже будет морозильник, посудомойка и красивый комод, как у Марии в комнате. И тогда они с мамой наконец будут счастливы.

Мама Марии высадила Карлу у подъезда, где ошивались мальчишки, от нечего делать пиная стену.

– Я бы зашла, дорогая, но мне не хочется оставлять здесь машину.

Оказавшись дома, Карла совсем упала духом. Квартира показалась ей такой тесной!

– Хорошо провела время? – спросила мама из кухни.

Карла кивнула.

– А нельзя попросить Ларри, чтобы он купил нам посудомоечную

машину? Вот у матери Марии есть.

– Но у нее же и муж есть, *piccolo mia*. Разве что... – Мама замолчала, потому что зазвонил телефон. – Я подойду.

Однако Карла ее опередила. Она попросит Ларри о посудомойке для мамы и комодике для себя.

– Алло!

На этот раз в трубке действительно кто-то дышал и ничего не говорил. Карла поспешно нажала на рычаг.

Глава 21. Лили

Конец января 2001 года

Все, что делалось с сентября, было подчинено этой цели, и вот осталось всего несколько недель. Напряжение нарастало – не только внутреннее, во мне, но и в нашем бюро.

Даже пожелай я чаще видаться с Эдом, после Рождества это не представлялось возможным. Едва вернувшись, я и минуты свободной не имела: телефонные звонки, письма, визиты в тюрьму. Судя по всему, Джо Томас закатил скандал, когда Тони приехал без меня, и отказался с ним разговаривать. Подавай ему миссис Макдональд, и все тут.

Я поехала, сгорая от любопытства и охваченная дурными предчувствиями, и едва обратила внимание на обычные вопросы о чипсах, сахаре, скотче и колюще-режущих предметах.

Говоря себе, что сошла с ума, я подала Джо кипу юридических документов на подпись. Под второй папкой лежал еще один альбом с наклейками из коллекции моего брата.

– Спасибо. – Глаза Джо Томаса впились в мои глаза будто два металлических винта.

Это было так легко! Однако ликование тут же сменилось ужасом и адресованными себе упреками. Ну зачем я продолжаю так поступать?

К счастью, Тони был занят своими записями и ничего не заметил. После Рождества он стал каким-то рассеянным и часто задавал Джо один и тот же вопрос дважды.

– Я больше не стану настаивать, чтобы наш подзащитный рассказал, откуда у него информация по бойлерам, – сказал он мне перед поездкой в тюрьму. Это был поворот на сто восемьдесят градусов. – Мы больше вытянем из него, избегая конфронтации. К тому же я проверил – данные подтверждаются. Дело действительно может стать весьма громким.

Я не мешала ему распространяться на эту тему – он же эксперт. Во время разговора Тони проводил пальцами по волосам – привычка, как я уже заметила. От моего внимания не ускользнуло и багрово-синее пятно сбоку у него на шее. Неужели пары, которые прожили вместе тридцать лет (один из немногих фактов личной жизни Тони Гордона, собранных мною по крупицам), по-прежнему кусают друг друга в приступах страсти? После процесса, пообещала я себе, я займусь проблемами собственных семьи и брака.

А пока у меня прекрасный повод задерживаться на работе и возвращаться домой, когда Эд уже лег спать. На полу с его стороны кровати наверняка стоит очередная пустая бутылка.

Газетчики с каждым днем осаждали наше бюро все настойчивее.

– Снова звонят из «Дейли телеграф», – сказала секретарша уважительнее, чем несколько месяцев назад. Она теперь тоже сидит на работе допоздна. – Ответите?

Естественно, нет. Во-первых, дело еще в производстве, а мы не имеем права обсуждать дела, которые ведем. Даже если журналист работает над очерком о заключенных, которые возвращаются к обычной жизни после выигранной апелляции, я не собираюсь общаться на эту тему. Мы до этого пока не дошли.

Пальцы покалывало от возбуждения, когда я снова и снова перебирала аргументы, цифры и свидетельские показания.

– Вы же сознаете важность этого дела? – обратился ко мне шеф пару дней назад. Как и секретарша, он ко мне немного подобрел. – Если мы выиграем, все захотят работать с нами. Поймите правильно, Лили, я на вас не давяю, но на этом можно сделать имя не только нашей фирме, но и лично вам.

Ажиотажу поддались не только пресса и шеф – Джо Томас, при всем своем хладнокровии, с трудом сдерживал эмоции.

– Вы считаете, у нас есть шанс? – спросил он в прошлую встречу. Фактически это был наш последний визит в тюрьму накануне слушания.

Тони Гордон уверенно кивнул:

– Если вы будете делать так, как мы репетировали. Смотрите присяжным в глаза. Помните, что одним из главных аргументов является ваш официальный диагноз – синдром Аспергера, то есть потребность держать все под контролем и следовать определенному порядку и ритуалам. Поэтому-то вы и показались приехавшим на вызов полицейским холодным и неэмоциональным. В Великобритании у каждого четвертого то или иное психическое отклонение, стало быть, есть большая вероятность того, что хотя бы в некоторых присяжных проснется сочувствие. А остальных мы стопроцентно перетянем на нашу сторону информацией о бойлерах.

Но Джо нахмурился:

– Я не считаю мою педантичность проблемой, и я не был холодным и неэмоциональным – я просто подробно рассказал полицейским, как все случилось. Делаете из меня какого-то сумасшедшего!

– Он не хотел, – поспешно вмешалась я. – Тони просит вас сказать

правду. Объяснить, что Сара опоздала на ужин, который вы всегда готовили вовремя. Что ее вырвало из-за неумеренного количества спиртного, а вы ненавидите грязь и беспорядок. Поэтому вы предложили ей вымыться. Но в тот раз Сара не позволила вам наполнить для нее ванну. От этого вы расстроились, ушли и долго мыли посуду, чтобы навести порядок и вернуть себе ощущение контроля над происходящим. Через полчаса вы забеспокоились из-за тишины в ванной и вошли проверить, все ли с Сарой в порядке. Вы увидели ее в воде, всю в волдырях... Это был чудовищный несчастный случай.

Я замолчала. Джо и Тони смотрели на меня.

– Вы там как будто присутствовали, – медленно сказал Тони Гордон.

Мне вспомнилась конюшня. Запах сена. Изморозь на балках. Горячее дыхание Мерлина на моей шее. Страдальческий крик мамы: «Нет! Это неправда! Это какая-то ошибка!»

– Давайте ближе к делу, хорошо? – огрызнулась я.

Как будто это так просто.

Март 2001 года

– Это дело, как вам, ваша честь, без сомнения, известно, не лишено определенной важности и деликатности не только для ответчика, который всегда неизменно заявлял о своей невинности, для семьи покойной и для широкой общественности, но и для тех, кто готовил защиту обвиняемого: одна из моих сотрудниц стала жертвой целой кампании с целью устрашения. Нами поставлена в известность Королевская служба уголовного преследования и, конечно, мой уважаемый коллега, поэтому если в зале суда присутствует тот, кто хоть как-то связан с преступниками, пусть запомнит: любая попытка повторить нечто подобное чревата самыми серьезными последствиями.

Тони Гордон сделал паузу, давая присутствующим осознать услышанное. Этого у него не отнять – адвокат от бога, расхаживающий взад-вперед перед присяжными, прожигая взглядом каждого и подкрепляя слова выразительными жестами. Будь я присяжной, меня бы он убедил. Интересно, каково быть замужем за таким, как Тони Гордон? У меня складывается ощущение, что наш адвокат вполне способен перекроить истину по своей мерке – и доказать самому себе, что у него есть полное право так поступать.

Обвинение уже высказалось: прокурор выдвинул серьезные обвинения против Джо, заявив, что он домашний тиран, обращавшийся с жертвой как с рабыней, и хладнокровный убийца. Но им не повезло, когда дело дошло

до предыдущей подружки, когда-то обвинившей Джо в преследовании: выяснилось, что она год назад скончалась от рака легких. Такая молодая! Меня неприятно поразило испытанное мною облегчение, но что поделать, это юриспруденция: чужое несчастье может укрепить ваши позиции.

– Заявляю с самого начала, – продолжал Тони, – что хотя факты запугивания одной из моих коллег достаточно серьезны, очевидной связи с данным делом они не имеют. Однако если что-то изменится, я буду ходатайствовать перед судом, чтобы присяжные заслушали свидетельские показания.

Я почувствовала, что густо краснею. Тони меня об этом не предупредил.

Несмотря на упоминание об отсутствии «очевидной связи», Тони продолжал конкретизировать (или это часть его стратегии?).

– Ей подбрасывались письма с угрозами, на улице у нее выхватили сумку с важными документами. Хуже того, была даже отравлена лошадь, принадлежавшая моей коллеге, дабы запугать нас и заставить отказаться от ведения дела.

Мое имя не прозвучало, как не был упомянут и тот факт, что первое письмо написал дядя Сары Эванс, но всем было ясно, о ком идет речь: я сидела бордовая как свекла, а Тони бросал на меня многозначительные взгляды.

Зал ахнул. Со своего места на возвышении Джо Томас смотрел мне в глаза. В его взгляде читалось сочувствие, которого не было, даже когда речь шла о бедной Саре Эванс.

Как Тони смеет выставить меня напоказ? Но я тут же сообразила: он делает это намеренно. Хочет показать присяжным слезы в моих глазах. Хочет, чтобы они увидели боль, которую причинили мне невидимые зловещие силы, не желавшие, чтобы дело Джо Томаса дошло до суда. Может, подсудимый с его высокомерием не тронет сердца присяжных, но их симпатию вполне способна завоевать молодая женщина вроде меня.

Я кое-как справилась с собой: мы здесь, чтобы говорить о будущем Джо Томаса. Человека, чьи привычки многим могут показаться странными. Человека, ставшего жертвой скандала национального масштаба.

Когда неловкость немного прошла, я поймала себя на том, что разглядываю зал. Я никогда здесь не бывала – в бюро мне поручали только арбитражи. Зал был огромный, как церковный неф, и отделан красным деревом. Джо Томас сидел выше всех в стеклянной клетке и обеими руками держался за узкую полочку. В зале было жарко, хотя, идя сюда к восьми тридцати утра, я поскользнулась и чуть не упала на обледенелом асфальте.

Меня поразило, что снаружи здание суда ничем не отличалось от обычных муниципальных домов – безликое, отстраненное, с грязноватым белым фасадом. Экстерьер ничем не выдавал тот цирк с театром, который творился внутри.

На кону стояло будущее человека. Какая огромная ответственность! Меня бросило в жар. Джо Томас тоже сидел мокрый от пота в своей клетке.

Мы смотрели, как Тони и обвинитель вели перекрестный допрос экспертов по бойлерам, специалистов по статистике, чиновников из службы охраны труда и приехавших в ночь происшествия на вызов офицеров полиции. Затем Тони бросил очередную «гранату», к которой я не была готова: вызвал человека, который переехал в квартиру Джо. После нескольких безобидных вопросов он спросил:

– Как бы вы описали своих новых соседей, мистера и миссис Джонс?

Молодой человек вздохнул.

– Тяжелые люди. У них постоянно орет телевизор. Сперва мы их просили не шуметь, но они не реагировали. Мы ходили к управляющему, однако все осталось по-прежнему. Это стало совершенно невыносимым. Мы подали заявление, чтобы нас переселили в другую квартиру.

– Вы бы поверили их утверждению, что они слышали крики в квартире погибшей?

– Честно говоря, я удивлюсь, как они друг друга-то слышат со своим телевизором.

Я знала, что Тони профессионал, но чтобы такого класса...

На свидетельское место вышла бывшая начальница Сары. На первом суде она отказалась давать показания, потому что они «дружили», но сейчас под присягой признала, что у Сары были проблемы с алкоголем. Выяснилось, что в бутике Саре Эванс сделали последнее предупреждение: она приходила пьяной даже на работу.

Постепенно складывалась общая картина, в которой Джо не выглядел демоном в человеческом обличье, как на первом процессе.

Выступила еще один медицинский эксперт. Она подтвердила, что человек с «избыточным содержанием алкоголя в организме» может лечь в очень горячую ванну, не сознавая этого, а из-за сильного опьянения не сумеет вовремя из нее выбраться. Она согласилась, что синяки, полученные в результате падения и попыток подняться, трудно отличить от кровоподтеков, нанесенных другим лицом.

Почему такого эксперта не вызвали на первом суде? Как я уже говорила, есть хорошие адвокаты, а есть не очень. Ну и, конечно, требуется время (которое, как известно, деньги) и ловкость, чтобы найти нужных

экспертов.

Вызвали соседок из другой квартиры. Это были пожилые сестры – умный ход со стороны Тони. Сначала одна, потом другая показали, что часто видели, как Джо вел себя «как истинный джентльмен» с Сарой Эванс: всегда открывал ей дверцу машины, нес сумки с покупками и тому подобное.

– Нам казалось, что эта молодая леди настоящая счастливница, – жеманно просюсюкала старшая из сестер.

Затем вызвали подругу Сары – такие называются предубежденными свидетелями. Это когда человек не хочет давать показания, но его заставляют под угрозой ответственности. Да, признала она, Сара много пила и в пьяном виде творила глупости. В ответ на просьбу привести пример – взять хотя бы пятницу за неделю до того, как Сара скончалась, – подруга нехотя рассказала, что Эванс чуть не попала под машину, вдрызг напившись на корпоративе (это подтвердила и другая продавщица). А возможно ли, чтобы Сара в пьяном виде упала в чересчур горячую ванну? Снова неохотное «да, возможно».

Завтра мы услышим психологов, специалистов по нарушениям аутического спектра. Джо ненавидит подобные вещи всей душой, но сознает, что это необходимо для его защиты. Известно, что аутизм находят у каждого сотого, поэтому среди присяжных наверняка найдутся сочувствующие.

А потом мы вызовем членов тех семей, в которых кто-то обварился кипятком из бойлера, но выжил. «Самое вкусное на десерт», – как цинично выразился Тони.

Самое приятное с начала слушаний: я ни разу не вспомнила об Эде. После процесса. После вердикта. Срок самого трудного решения в моей жизни приближался. В душе я уже знала, как поступлю.

– Присяжные-то совещались всего сорок пять минут! А вы полагали, что они выйдут только через несколько часов! – Лицо у Джо совсем не такое, как в тюрьме: оживленное, одухотворенное – и измученное.

Мы с Тони ощущаем то же самое.

– Они поняли, что я невиновен. – На верхней губе у Джо пивная пена. Он сказал, что больше всего ему сейчас хочется выпить пинту пива в пабе «среди публики по собственному выбору и с двумя людьми, благодаря которым это стало возможным».

Я никогда не видела его таким возбужденным. Но, говоря это, он смотрел на меня. Я тоже упивалась абсолютной убежденностью в его

невиновности, столь же несомненной, как если бы я оправдала саму себя. Тони Гордон явно чувствует то же самое – я сужу по его яркому румянцу, как бы говорящему: «Мы победили».

– Юриспруденция – как азартная игра, – сказал он мне в самом начале. – Выиграл дело – король, продул – лузер. Продувать никому не хочется, отсюда острота и увлекательность процесса, будто ты находишься на скамье подсудимых вместе с подзащитным.

Отсюда, могу добавить я, стремление адвокатов побеждать в спорах и в личной жизни. Потому что, если ты на это не способен, возникает убеждение (справедливое или ложное), что ты не годишься для своей работы. Интересно, Тони всегда оставляет за собой последнее слово в домашних размолвках? Подозреваю, что да. О своей семье мне думать не хотелось.

Плотная толпа журналистов у суда встретила нас криками и фотовспышками. Нам буквально тыкали микрофоны в лицо, не давая пройти. Тони произнес короткую речь:

– Это знаменательный день не только для Джо Томаса, невиновность которого наконец признана официально, но и для всех других жертв. В скором времени следует ожидать дальнейшего развития событий. – Он с привычной ловкостью провел нас сквозь толпу к поджидавшей машине и отвез в паб в Хиллгейте, в район обеспеченных обывателей, где нет газетчиков. Я искала глазами среди собравшихся у здания суда своего мужа, но Эда нигде не было видно.

Я подумаю о нем потом. А пока буду наслаждаться своей минутой славы.

«Спасибо за все», – логично же ожидать эту фразу от Джо, не правда ли? Так сказал бы нормальный человек. Но Дэниэл тоже никогда не благодарил.

– Чем теперь займетесь? – спросил Тони, осушив бокал и взглянув на часы. Я видела, что он злится: подзащитный не рассыпался в благодарностях. Как я и думала, Тони был абсолютно не интересен наш клиент, который, строго говоря, таковым уже не является.

Джо Томас пожал плечами:

– Теперь, когда у меня есть деньги, уеду куда-нибудь и начну все заново.

Он говорил о пожертвованиях, которые начали поступать на его имя во время слушания, когда Джо заявил, что не просит компенсации, а лишь хочет, чтобы обелили его имя. Как написал в «Таймс» один из доброхотов, «оправданием нынешнему обществу служит то, что еще не перевелись

приличные люди, даже если в прошлом их поступки были превратно истолкованы».

– Хочу попробовать себя в другой профессии, – добавил Джо.

Мне сразу вспомнилось его досье, которое я читала в поезде несколько месяцев назад (а кажется, что это было в другой жизни): «Джо Томас, 30 лет, страховой агент. Осужден в 1998 году за убийство Сары Эванс, 26 лет, продавщицы модного магазина и подруги обвиняемого...»

– Вы уже решили, куда поедете?

Тони бросил на меня предостерегающий взгляд: не стоит слишком сближаться с клиентом – мы свою работу сделали.

– В гостиницу, наверное. Сейчас у меня нет дома, куда я мог бы вернуться.

Меня снова поразила буквальность, с которой он понял мой вопрос.

– А куда вы намерены уехать в будущем? – мягко спросила я.

– Пока не решил, еще думаю. – Джо неотрывно смотрел мне в глаза. – А у вас есть идеи?

В горле встал комок.

– Если бы речь шла обо мне, я бы, наверное, уехала за границу и поселилась там. – Бог знает, почему мне вспомнилась Италия, куда мы ездили в свадебное путешествие.

Джо вытер губы рукавом:

– А это не будет похоже на бегство?

Тони поднялся на ноги.

– Не хочу, чтобы вы сочли мой уход бегством, но у меня назначена встреча. – Он пожал мне руку. – Очень приятно было работать с вами, Лили. Вы далеко пойдете. – Поколебавшись, он взглянул на Джо.

Я затаила дыхание.

Временами я теряюсь в догадках, верит ли Тони в невиновность Джо и имеет ли это для него значение. Его интересует престиж, ему хочется выиграть важное дело, отчет о котором попадет на первые полосы газет. Я видела удовольствие на лице Тони Гордона, когда он стоял перед телекамерами на лестнице здания суда, и разделяла это удовольствие. Творить историю – восхитительное ощущение.

– Удачи на будущее.

Я с облегчением выдохнула внутрь (если такое возможно), когда Тони пожал Джо руку и удалился. Но наш клиент обратил внимание на заминку.

– Я ему не нравлюсь, – констатировал он, не ожидая, что я стану его разуверять.

Я промолчала.

– А вот вы меня понимаете. – Джо взглянул на меня и опустил глаза на сумку с вещами, которые ему отдали в тюрьме.

Интересно, там и альбомы с наклейками? Я не возьму их назад – слишком много воспоминаний.

Может, виной тому двойной джин с тоником, который заказал мне Тони, хотя я просила обычный, или облегчение после выигранного дела, или Джо очень напоминает мне Дэниэла, – как бы то ни было, я услышала свой голос:

– У меня был брат.

Мой взгляд блуждал по улице. Я сказала, что мы выбрали уличный столик? Погода даже к вечеру осталась удивительно приятной, и каждому из нас хотелось глотнуть свежего воздуха после зала суда. Мимо под ручку прошла пара. До меня донесся аромат дорогих духов – и тут же превратился в другой, памятный запах. Запах сена. И смерти.

Я обнаружила, что Дэниэл употребляет наркотики, когда мама послала меня привести его к ужину. Это было за неделю до его семнадцатилетия. Дэниэл в своей комнате крошил кухонным ножом какую-то белую массу.

– Это опасно! – Я видела, как некоторые шестиклассницы делали то же самое в школьном туалете, но сама никогда не пробовала.

– Ну и что?

– Что опасно? – За мной вошел папа.

Дэниэл тут же сунул улику в карман джинсов. Не говори, молили его глаза, не говори.

– Ехать со скоростью пятьдесят миль в час, когда стоит ограничение до сорока. – Я подняла со стола «Справочник начинающего водителя».

– Конечно, опасно, сынок. Если ты этого не понимаешь, тебе никогда не сдать на права. Хотя, честно говоря, я считаю, тебе и не надо на них сдавать.

– Почему? – Темные глаза Дэниэла загорелись.

– Потому что твой инструктор говорит, ты слишком быстро едешь.

– По крайней мере, я не поступаю, как ты.

После паузы отец спросил:

– Что ты имеешь в виду?

Глаза Дэниэла сузились.

– Ты знаешь что! Я слушал по второму телефону, и не раз. Обязательно скажу маме!

Папа подчеркнуто спокойно сказал:

– Я не знаю, о чем ты говоришь.

Я тоже понятия не имела.

– Пустяки, – отмахнулся брат в ответ на мой вопрос.

Очередная ложь Дэниэла, сказала я себе, попытка отвлечь от себя внимание. Это постоянно случалось и раньше.

Дэниэл отказался спускаться к ужину и включил в своей комнате музыку на такую громкость, что от вибрации дрожал потолок и звенело в голове.

– Сделай тише! – закричал папа, барабанив в его дверь.

Дэниэл не соизволил ответить. Как обычно, он придвинул к двери кровать, чтобы ее нельзя было открыть.

Позже, проходя мимо спальни родителей, я слышала звуки скандала. Ссоры у них случались нередко, в основном из-за Дэниэла (да что такое с этим мальчишкой, да сколько ж еще это терпеть, и тому подобное), но на этот раз было что-то серьезное – у меня даже мороз пробежал по коже.

– Я слышала твой разговор с Дэниэлом. С кем ты говорил по телефону? Кто она? – кричала мать.

– Ни с кем.

– Поклянись! Жизнью наших детей поклянешься?

Настала тишина, а потом папа заговорил совсем тихо, так что мне пришлось прижаться ухом к двери, чтобы расслышать:

– ...твоя вина, неужели непонятно? ...уделяешь все внимание Дэниэлу... искать на стороне...

Мамин страдальческий голос был слышен во всем доме:

– Так это правда? Как ты мог? Ты ее любишь? Ты от нас уйдешь?

Папиного ответа я не расслышала – его заглушили отчаянные рыдания. Я как стояла согнувшись у двери в коридоре, так и застыла. Мне чуть не стало дурно: у папы роман на стороне?!

И тут я увидела Дэниэла – брат поднимался по лестнице, ухмыляясь как ни в чем не бывало. Его зрачки были огромные.

Я ворвалась за ним в его комнату.

– Мама с папой расходятся, и все из-за тебя!

Дэниэл пожал плечами:

– Должна же она знать.

От такого безразличия я начала закипать:

– Если бы ты не был таким отвратительным, у них все было бы хорошо!

Судя по виду, Дэниэл был шокирован – а может, он и вправду был искренне задет. Я же всегда его защищала, любила, присматривала за ним, как мне велели с того дня, когда он появился в нашей семье. Даже когда он

испытывал наши нервы на прочность. Но ужас от открытия, что у папы другая женщина, привел меня в исступление, и я бросила:

– Не надо нам было брать тебя из приюта. Тогда ты не причинил бы столько боли. Ненавижу тебя!

Лицо Дэниэла искривила гримаса. Я сразу поняла, что обидела его до глубины души – нет, уничтожила его.

Я примирительно протянула руку. Дэниэл оттолкнул ее, но затем вроде бы передумал – схватил и стиснул так, что пальцы затрещали. От боли я вскрикнула. Он дернул меня к себе, и его глаза, сумасшедшие от черноты, оказались совсем рядом. Я ощущала запах его дыхания.

Пульс бился у меня в горле. Слова легли на кончик языка, готовые сорваться. Слова, навсегда изменившие нашу жизнь.

– Ты дрянь, Дэниэл. Все это говорят. Люди правы, ты гадость ходячая.

Он расхохотался. Я знала, что означает этот смех. И тогда я ударила его сперва по одной щеке, затем по другой.

– Хоть бы тебя никогда не было на свете!

– А что было потом?

Рука Джо лежала на моей. Наши склоненные головы почти соприкасались. Я согнулась от горя, а он – разделив мое бремя. По мне прошел электрический ток, как в тюрьме, когда я передала Джо альбомы с наклейками.

Я знала, что и он ощущает то же самое, – это особенность людей вроде Джо и покойного Дэниэла. Может, они не умеют демонстрировать «правильные» эмоции в нужный момент, но если на них как следует надавить, они дают слабинку и даже плачут, как все.

– Я вышла из дома, – пробормотала я.

– И куда пошли?

– Я... не хочу говорить.

Он кивнул:

– О'кей.

– Когда я вернулась, мать была в панике: Дэниэл оставил записку с двумя словами: «Меня нет». Мы искали везде, но... дом же большой. Земли несколько акров. И... и конюшня. Там я его и нашла. Он... мы часто туда ходили. Он... висел. В петле, веревку захлестнул за балку.

Рука Джо сжала мою.

Слова торопились, перемешиваясь со слезами:

– Я толкнула его на это. Он был нездоров...

Голос Джо прозвучал мягко:

– А что конкретно у него было?

Я покачала головой.

– Так называемое «злостное непослушание», возможно, из-за тяжелого детства. Эксперты установили. – Я хрипло рассмеялась. – Официального диагноза ему не ставили, но я иногда думаю, может... – Я замолчала, не желая говорить то, что прозвучало бы оскорблением.

– Что он страдал одной из форм аутизма?

– Не исключено. – Я смущенно выкрутила кисти рук. – Однако он совершал поступки, которые не соответствовали такому заболеванию.

– Так вот почему вы меня понимаете... – задумчиво сказал Джо. И это не было вопросом.

Я смущенно кивнула, благодарная, что этот человек тоже меня понимает.

– Мне очень жаль, что погибла ваша лошадь. – В голосе Джо звучала мягкость, какую я еще не слышала в жизни. Его глаза сейчас тоже были мягкие, карие. Как он это делает? То они у него черные, то карие, то снова черные...

– Вообще-то, – добавила я, ища в сумке бумажные платки, – мерин принадлежал Дэниэлу. Поэтому мы так болезненно это пережили.

– Давайте прогуляемся, – предложил Джо. Когда мы встали, он совершенно естественным жестом взял меня за руку.

Глава 22. Карла

Через несколько дней после того, как Карла побывала в гостях у Марии, та подняла руку на перекличке и спросила, нельзя ли ей пересестись за другую парту.

– Почему? – прошептала Карла с упавшим сердцем, уже догадываясь о причине.

Мария проигнорировала вопрос, будто Карла ничего и не говорила.

– Кто хочет сидеть с Карлой? – спросила беззубая монахиня.

Никто не вызвался. Все отодвинулись. Одна из девочек – с хвостиками, обычно приглашавшая Карлу играть в классики, – приставила ладонку к уху соседки и что-то прошептала. Та еле слышно ахнула.

Карла будто снова оказалась в прежней школе – она была так расстроена, что не могла решить примеры, хотя по математике уже выбилась в лучшие. Цифры витали в воздухе с огромными знаками вопроса. Что происходит?

– Они послали тебя в Ковентри, – сказала самая нелюбимая в классе девочка, которую монахиня усадила рядом с Карлой. Она всегда ходила с грязными волосами – мать позволяла ей мыть голову не чаще раза в месяц, ибо, как она доверительно сообщила Карле, так лучше сохраняются «естественные масла». На играх эту девочку всегда выбирали в команды последней. Сидеть рядом с ней было тяжелейшим оскорблением.

– В какое Ковентри? – не поняла Карла. – Почему в Ковентри?

Девочка пожала плечами:

– Бойкот тебе объявили. – Она тронула ее за локоть. – Как хорошо, теперь мы будем вдвоем!

Но Карла не хотела дружить с грязнулей, которую все презирали. Она хотела дружить с Марией, мама которой позвала ее на чай в прекрасный большой дом на широкой улице, где никто не гонял пивную банку вместо шайбы.

На большой перемене Карла подошла к Марии на игровой площадке.

– Скажи, что я сделала не так! – взмолилась она.

В первый раз за день Мария взглянула на Карлу. Ее красивые голубые глаза были полны холодного презрения.

– У папы есть дядя, который живет в предгорье, недалеко от Флоренции. – Мария говорила так, будто от Карлы плохо пахло. – Он знает твоих деда и бабу. Их все знают. Там говорят, что твоя мать – дурная

женщина.

Мама – дурная женщина? Мама с ее теплой доброй улыбкой и запахом «Яблоневого цвета» и всех других духов, которые она продает каждый день в дорогом магазине для жен чужих мужей? Это не может быть правдой!

– Мария! Мария! – позвала беззубая монахиня, направляясь к ним торопливой походкой. Распятие на ее шее болталось, тонкие губы были поджаты. – Твоя мама просила меня не разрешать тебе общаться с этой девочкой.

Глаза Карлы наполнились слезами.

– Почему?

Монахиня быстро перекрестила свои огромные груди, над которыми Карла с Марией хихикали не далее чем на прошлой неделе.

– Скоро узнаешь. Перед уходом не забудь взять в школьной канцелярии конверт для твоей матери.

Мама выла и билась в рыданиях, читая письмо.

– Настоятельница требует предъявить твое свидетельство о рождении, – всхлипывала она, уронив голову на руки, за шатким кухонным столом. – Ей нужны доказательства, что у тебя был папа. Ну зачем я отправила тебя в католическую школу! В прежней никто бы и не спросил!

Карла обняла маму за плечи:

– Может, доказательства лежат под твоей кроватью, среди особых вещей?

Мамины губы судорожно искривились. Секунду она напоминала злую ведьму из любимой библиотечной книжки Карлы.

– Как ты посмела там лазить?

Карла вспомнила о красивом мужчине в смешной шляпе, которого она разглядывала, когда мамы не было дома. Он всегда улыбался ей с такой добротой!

– Мама, это же просто фотографии. Мне было любопытно.

Мама застонала:

– У тебя есть право знать... Там, на фотографии, твой папа.

Папа! Так вот как он выглядел!

– Может, – попыталась помочь Карла, – он забрал нужные бумаги с собой на небо?

– Нет, не забрал! – Мама поднялась во весь рост, отбросив назад роскошные черные волосы. Слезы сменились гневом. – Если бы ты не болтала языком в гостях у Марии, ничего бы этого не было!

Рыдание вырвалось у Карлы, словно сильная икота:

– Но я не знала, что делаю что-то дурное!

Это не помогло – мама ушла в свою комнату и, впервые на памяти Карлы, заперлась.

– Мама, открой! – просила девочка.

Но из-за двери доносились только рыдания.

Может, сказала себе Карла, мамины слезы высохнут, как после Рождества? Может, в понедельник девочки снова начнут с ней общаться?

Но она ошиблась. С каждым днем становилось только хуже, а потом настоятельница передала маме письмо, где говорилось, что свидетельство о рождении необходимо представить до марта, иначе Карлу отчислят. Такие документы вообще предъявляют при поступлении в школу, но с Карлой был допущен «просчет».

Никто не хотел играть с Карлой на переменах. Всю неделю шел снег; девочки прижимались носами к оконному стеклу и оживленно щебетали, как дома будут лепить снеговиков. У Марии уже появилась новая лучшая подруга – красивая девочка, которой дядя подарил серебряное распятие. Девочка очень им гордилась и всячески щеголяла. Даже ученица с грязными волосами сторонилась Карлы, когда им пришлось играть в спортзале, потому что во дворе было слишком сыро.

– А одна девочка сказала, что ты бастард^[18], – тихо сказала грязнуля.

Карла смаковала новое слово на языке весь день, пока не пришла домой. В «Детском словаре» его не было.

– Мама, а что такое бастард? – спросила она, когда мама вернулась с работы в красивом форменном белом платье.

– Они так тебя теперь называют?! – Мать опустилась на табурет, уронила голову на стол и била по нему кулаками с такой яростью, что одна из ножек треснула, и ее пришлось подпереть телефонным справочником.

Прошел день. Потом другой.

– Еще не прислали свидетельство из Италии?

– Нет, *cara mia*.

Даже когда мама наконец призналась, что такого свидетельства не существует, они обе все равно ждали почтальона.

– Тогда мы сможем честно сказать, что ждем, когда его пришлют, – объяснила мама, расчесывая Карле волосы на ночь, как всегда. – Ах, если бы я могла сказать Ларри... Он бы нам помог.

С этим возникла проблема: Ларри сейчас много работал. Так много, что совсем не заезжал к ним в гости.

– Он важный человек, – часто говорила мама. – Он помогает королеве решать, что правильно, а что неправильно.

Но однажды вечером, уже лежа в постели, Карла услышала голос

Ларри в общем коридоре. Обычно Ларри приходил с черного хода, к тому же сегодня была среда, а он приезжал только по вторникам и четвергам и иногда по воскресеньям (хотя с недавних пор его визиты по дням Господним участились). Карла сразу поняла: что-то случилось. Она тихо встала с постели, вышла в пижаме и увидела, как Ларри подхватил маму на руки и кружит ее по коридору, не заботясь о том, что их увидят. Фу-у-у!

– Люблю тебя... Мы выиграли дело... Хотел тебе первой сказать, а уже потом ехать домой...

Слова звучали и будто уплывали – Карла половину не понимала. И тут послышался другой голос:

– Тони?

Это же Лили!

– Это не Тони. – Карла выбежала в коридор. Ей не терпелось все объяснить. – Это Ларри, он дружит с моей мамой. Они встречаются по воскресеньям, когда я хожу к вам в гости... – Девочка зажала рот ладошкой – ой, Лили же думает, что мама в выходные на работе, а не лежит в постели с Ларри!

Теперь мама снова рассердится... Однако мама стояла в недоумении:

– То есть как это?

– Тони, что вы делаете? – Лили смотрела на Ларри со странным выражением.

В голосе мамы прозвучал страх.

– Его зовут не Тони, вы ошиблись. Ларри, скажи же ей!

Но Ларри оттолкнул ее руку и двинулся к Лили. Его шея побагровела.

– Мне нужно с вами поговорить, – сказал он.

Трудно было расслышать, о чем они говорили в углу коридора, но Карла уловила слова «признателен» и «конфиденциально». Девочка отлично знала, как они пишутся, потому что уже прошла эти буквы в своем словаре.

– Хотите, чтобы я молчала о вашей отвратительной интрижке? – сорвалась на крик Лили. Затем она повернулась к маме – Карла никогда не видела, чтобы глаза у ее взрослой подруги так сверкали: – Да как вы смеете подкладываться под чужого мужа? Последний стыд потеряли? Тони, если я еще раз увижу вас с этой женщиной, сразу же позвоню вашей супруге.

Карле вспомнилось, как в окне опустились шторы, когда они стояли у дома Ларри на Рождество.

– Это не ваше дело.

– Это касается вашего ребенка, Тони. Предупреждаю, я не шучу! – Лили гневно ушла в свою квартиру и с грохотом захлопнула дверь.

– Почему она рассердилась? – спросила Карла, когда Ларри втолкнул их домой.

– Откуда ты знаешь Лили? – Мама нахмурилась, потянув Ларри за рукав.

Ларри был уже не красный, а белый.

– Пусть она, – он указал на Карлу, – идет в свою комнату.

– Нет! – Мама топнула ногой, совсем как во время вечерних танцев, которые Карла много раз слышала через стенку, лежа в постели. Но сейчас мама танцевать не собиралась. – Моя дочь тоже послушает. Лжешь мне, лжешь и ей. Мы заслуживаем правды.

Мы? Прекрасное теплое чувство наполнило Карлу. Впервые с тех пор, как в их жизни появился Ларри, девочка ощутила, что они с мамой снова заодно.

Ларри стоял со злым лицом.

– Как пожелаешь. Ты знаешь, что у меня семья, я тебе это сразу сказал. Мама опустила голову, будто услышав то, чего не хотела знать.

– Я работаю с Лили. Она не знает о... о моей жизни. Никто на работе не знает. Я представился тебе Ларри, чтобы сохранить некоторую анонимность. – Он глубоко вздохнул. – На самом деле меня зовут Тони.

– Тони Смит? – прошептала мама.

Злость исчезла с лица Ларри. Он снова вздохнул – тяжело, устало.

– Нет, Тони Гордон.

Мамины губы шевелились, словно она повторяла это про себя – или читала свое «Аве Мария».

– Я поняла, – сказала она наконец. – Нам придется быть осторожнее.

Тони обнял маму.

– Франческа, нам надо на время расстаться, пока все не уляжется. Я не могу рисковать. Вдруг Лили расскажет моей жене... – Говоря это, он смотрел на Карлу в упор.

Девочка знала, что означает этот взгляд: «Иди отсюда. Ты здесь сейчас лишняя». Это был шанс.

– А та тетя в твоей машине? – взорвалась Карла. – С которой ты целовался перед моим днем рождения? Ты ее тоже любишь?

Наступила зловещая тишина. Мать Карлы отступила, наткнулась на кухонный стол и сдвинула подпиравший его телефонный справочник. Ларри открыл рот и заорал:

– Ах ты, маленькая...

– Вон отсюда!

Сначала Карла думала, что мама кричит на нее. Однако кричала она на

Ларри.

– Вон, вон! – зашлась она.

Карла в ужасе смотрела, как мама запустила в него банкой консервов. Печеная фасоль. Банка пролетела мимо, едва не задев Ларри. Затем мама бросила в него жестяной с помидорами. Итальянскими помидорами.

На лице Ларри было написано бешенство, будто помидоры из банки размазаны по его щекам.

– Ты допустила большую ошибку, юная леди, – сказал он, нагнувшись к Карле. – Скоро ты в этом убедишься.

Он вышел, оставив маму всхлипывать, съезжившись на коленях на полу, как улитка.

– Мамочка, прости, – прошептала Карла. – Я не должна была говорить про тетю в машине. Я обещала Ларри, что ничего не скажу. Поэтому он подарил мне гусеницу...

Мама подняла голову. Лицо ее было красным и в пятнах, совсем как только что у Ларри.

– Он тебя подкупил? – И зарыдала.

Она плакала так безутешно, что у Карлы заболело в животе. Боль становилось все сильнее и сильнее, пока не превратилась в пульсирующий узел.

– У меня живот болит, – тихо сказала Карла.

– Не жди, что я тебе поверю, – глухо проговорила мать, не поднимая лица. – Я в жизни больше никому не поверю. Никогда. Даже себе.

Ночью боль в животе усилилась. Во сне Карла видела раскаленный прут, избивавший ее изнутри, а за прут держалась Мария. Удар, еще удар по животу.

– Мария, – стонала Карла, – пожалуйста, перестань! Позволь мне играть с вами!

– Не волнуйся, *piccola*, – донесся откуда-то мамин голос. – Доктор уже едет.

Глава 23. Лили

Домой из Хампстед-хит я вернулась около семи. Эд сидел за кухонным столом, занятый наброском.

– Мы выиграли, – сказала я.

Он вздрогнул. Я поняла: муж так увлекся работой, что забыл – сегодня вынесут вердикт. Но Эд сразу овладел собой.

– Прекрасно! – воскликнул он, вскакивая на ноги и сжимая меня в объятиях. – Это надо отметить! Откроем бутылку... и поговорим, как ты обещала.

Моя рука на дверце холодильника задрожала при мысли об этом разговоре. Бутылка пино, стоявшая на полке еще за завтраком, исчезла. Ясно, куда она делась... Но мне не хотелось затевать ссору.

– Открывать нечего, – коротко сказала я.

– Я сбегая в бар... – начал Эд.

Старается помириться, это ясно.

– Лучше я схожу. – Я только что вернулась, но меня уже охватила клаустрофобия. Сердце так билось при мысли о предстоящем разговоре, что мне просто необходимо было выйти на улицу.

Тут я заметила в окне человека, идущего к нашему подъезду. Шляпа у него была надвинута на лицо, но фигура и движения показались мне знакомыми. Я вышла в общий коридор – и не сразу поняла, что вижу.

Мужчина, зашедший в подъезд и круживший сейчас Франческу на руках под взглядом маленькой Карлы в белой пижаме, был Тони Гордон.

– Я люблю тебя, – услышала я, когда он опустил соседку на пол. – Мы выиграли дело! Хотел сказать тебе первой, а потом уже ехать домой.

Совпадения кажутся фантастическими, пока не случатся в реальной жизни. За свою непродолжительную профессиональную карьеру я в этом уже убедилась. Большинство совпадений трагичны: отец нечаянно сбил своего двухлетнего малыша в тот самый день, когда на свет появился его второй ребенок; на пожилую женщину в темноте напал с ножом ее собственный сын, когда-то отданный в приемную семью, причем ни грабитель, ни жертва не подозревали о связывавших их кровных узах; молодая женщина родила от вышибалы из ночного клуба, а он оказался ее родным отцом, который много лет назад расстался с ее матерью и даже не знал, что у него выросла дочь.

А теперь Тони и моя соседка! Я была разочарована – и яростно,

бешено разозлилась. Как слуга закона может сознательно попирать нормы морали? Какое лицемерие!

Возможно, мое состояние подогрели воспоминания о том, как расстроилась мать, узнав о папиной интрижке. Его роман, видимо, сразу же прекратился, потому что после скандала родители жили нормально, а после смерти Дэниэла у них уже не осталось сил для любви и скандалов. Однако открытие сильно сказалось на маме: она уже никогда не разговаривала с отцом, как раньше. Мне кажется, она считает его неверность одной из причин смерти Дэниэла. Я тоже пытаюсь простить папу. Но разбитое вдребезги семейное благополучие, похоже, снова не склеишь.

Вот почему сейчас я пришла в бешенство.

– Да как вы смеете подкладываться под чужого мужа? Последний стыд потеряли? Тони, если я еще раз увижу вас с этой женщиной, сразу же позвоню вашей супруге!

Конечно, я бы никогда ничего не сказала его жене, с которой, кстати, даже не знакома, – от этого всем было бы только хуже. Но в тот момент я не отдавала себе отчета в том, что говорю.

– Из-за чего шум? – спросил Эд, когда я вернулась.

Я объяснила.

Муж поднял голову от своего рисунка. На листке бумаги был изображен нос. Красивый, дерзкий, чуть вздернутый, как у Карлы.

– А тебе не кажется, что это не твое дело?

– Нет. – Я отвернулась. – Это нечестно по отношению к Карле и к ребенку Тони. Франческа и Тони кувыркались, пока мы присматривали за Карлой. Тоже мне, мамаша, мужчину предпочла ребенку! Как вообще Тони с ней познакомился, черт побери?

– Похоже, чужие отношения тебя волнуют больше, чем наши, – нервно заметил Эд. (Хочет объясниться. Ждет обещанного разговора.) – Ну что, откупорим вино?

– Я не ходила в магазин.

– Сейчас я сбегая. В коридоре уже все улеглось. – Эд положил мне руку на плечо. – Нам с тобой не повредит бокал-другой.

Когда за мужем закрылась дверь, я вспомнила слова Тони, сказанные во время работы над делом: «Бывают времена, когда клянешься, что синее – это черное, и искренне в это веришь. Но адвокаты – не лжецы, они тасуют факты и создают иной мир, в существование которого все поверят. И кто сказал, что этот мир не будет лучше существующего?»

Когда Эд вернулся, я уже лежала в постели, притворяясь спящей.

Утром я проснулась раньше мужа и оставила ему записку:

ПОГОВОРИМ СЕГОДНЯ, ОБЕЩАЮ. ИЗВИНИ

Вернуться на работу было облегчением – здесь можно не думать о недоумении на личике Карлы, которое я не могла забыть. Телефоны трезвонили дружным хором. Повсюду бегали люди. Нормальная рабочая обстановка.

«Освобождение заключенного положило начало массовым искам к производителям бойлеров», – кричали газетные заголовки в киоске на углу.

– Хорошая работа, – сказал мне один из партнеров фирмы, прежде в упор меня не замечавший.

– Вы прекрасно справились, – ворчливо произнес шеф.

На моем столе – воздушные шары, бутылка шампанского и стопка сообщений. От Тони ни одного. Как я теперь посмотрю ему в глаза? С другой стороны, это он должен стыдиться.

– У нас масса звонков от потенциальных клиентов, желающих, чтобы вы представляли их в суде, – добавил начальник и потрепал меня по спине. (Что за развязность!) – Но об этом мы поговорим позже. Почему бы вам не взять сегодня выходной в качестве компенсации переработок за все эти месяцы?

Вернуться домой в обед для юриста – вещь практически незнакомая, разве что при увольнении. На сердце было тяжело от неизбежности объяснения с Эдом. Все так запуталось, думала я, поворачивая ключ...

– Эд?!

Муж в джинсах, а не в деловом костюме. На столе – тарелка превратившихся в кашу недоеденных хлопьев, вокруг нее палочки угля и наброски. Эд сидит босиком.

– Ты что, тоже рано с работы вернулся?

– Нет.

Язык у него заплетается, в комнате пахнет спиртным. Я замечаю у стула полупустую бутылку «Джека Дэниэлса».

– Меня уволили.

То есть как? У меня в голове молниями вспыхнули все возможные варианты. Не устроил клиента? Повздорил с начальством?

– Меня застали за рисованием, когда я должен был заниматься «настоящей» работой. – Он с сарказмом изобразил пальцами кавычки.

Я взглянула на разложенные на столе листки – с них улыбалась маленькая Карла, танцующая или катающаяся на велосипеде. Эд заблудился в своем

придуманном мире.

– Да черт побери! – взорвалась я. – Как же мы протянем без твоей зарплаты? Ты хоть представляешь, что ты натворил?

Эд не отреагировал.

– Я должен знать, есть ли у нас будущее, – сказал он как ни в чем не бывало.

«Не знаю, – хотелось мне закричать. – Я не в состоянии связно мыслить после такой новости!»

– Ты обещала, что мы поговорим после окончания процесса. Мы могли все обсудить вчера, но тебе больше нравится наставлять на путь истинный нашу соседку.

Что тут ответить? Он был прав. Я быстро прошла мимо Эда в ванную. Тони предупредил, что после вынесения вердикта может навалиться депрессия. Это как ломка. А выигрывать дела – как зависимость.

– Мне нужно побыть одной, – сказала я, заперев дверь. Присев на край ванны, я открыла краны. Горячий. Затем холодный. Снова горячий.

После дела Сары Эванс я больше никогда не смогу воспринимать ванну по-прежнему. Как не смогу по-прежнему воспринимать Эда. И себя.

С безнадежностью в душе я нехотя перебирала варианты. Бросив Эда, я останусь одинокой, испуганной, с неопределенным будущим. Если же я не уйду, у нас появится шанс начать все заново. Ну, если, конечно, Эд действительно разлюбил Давину. Но могу ли я ему доверять? И могу ли я доверять себе?

Необходимо принять решение. Первое или второе? Монетку, что ли, бросить? Дэниэл всегда бросал монетку, если не знал, как поступить. Я взяла лежавший у ванны журнал. Если откроется на нечетной странице, я уйду. На четной – останусь.

Журнал открылся на статье о том, как приготовить воскресный семейный ужин. Фотография счастливой семьи за столом. Строчки и снимок поплыли перед глазами. Воскресные ужины. Нормальная жизнь. Которая была бы у нас, не пояись в семье Дэниэл. Я взглянула на номер страницы. И вышла из ванной.

Эд уже не рисовал – он сидел неподвижно, глядя перед собой невидящими глазами.

– Ты хочешь начать все сначала? – спросила я.

Он кивнул. В его глазах были надежда и страх. Я чувствовала то же самое.

Я взяла мужа за руку и повела его в нашу спальню.

Весь следующий месяц я старалась вернуться в привычное русло, но

это было нелегко. Рутинная работа казалась скучной после аврала с вытаскиванием Джо Томаса из тюрьмы, хотя все в бюро, включая шефа, относились ко мне теперь с куда большим уважением и дел по-прежнему было невпроворот.

– Они просят, чтобы это поручили Лили, – предупредила секретарша, когда шеф попытался взять себе одно из самых интересных дел – иск молодого человека, которому новоиспеченный тесть, генеральный директор известной компании, якобы разбил голову бутылкой мерло. Пятьдесят швов.

Вместо зависти или ревности, которых я опасалась, шеф только кивнул:

– Вам нужен отдельный кабинет, раз вы становитесь настолько популярной.

Меня осаждали просьбами о представлении интересов в суде. Женщина, чей пожилой отец обварился из-за неисправного бойлера, просила взяться за ее дело. Юристы, о которых я в жизни не слышала, звонили с поздравлениями. Женский журнал просил об интервью с «восходящей звездой адвокатуры». Вопрос о безопасности бытовых приборов уже подняли в палате общин.

Но в голове у меня был настоящий сумбур. Договариваясь все начать сначала, мы оба понимали, что будет нелегко. Мне приходилось заставлять себя верить, когда Эд говорил, что «пропустил стаканчик с Россом». А на самом деле виделся с Давиной? Со своей стороны, Эд обижался, что я приходила домой поздно и с полными руками папок, но приносил мне чашку чая, если я засиживалась за полночь, и ласково убеждал «не переутомляться». Сейчас он сидит дома и занимается хозяйством, пока не найдет новую работу (убежденные традиционалисты свекор со свекровью глубоко шокированы). Ищет он вполсилы – не так, как искала бы я, но я оценила первый шаг.

Совесть моя неспокойна из-за Карлы. Я хотела зайти извиниться, но на стук никто не открыл. Одна из соседок сказала, что слышала «какую-то суматоху» в тот вечер, когда я в последний раз видела Карлу и Франческу. Неужели из-за меня они съехали на другую квартиру? От угрызений совести меня даже затошнило.

– Забудь об этом, – говорит Эд. – Ты и так достаточно вмешивалась.

– Неужели тебя не интересует, как там Карла?

– Нельзя же помочь всем, – пожимал плечами Эд. – Она не наш ребенок.

Поразительно, что художник может целиком погружаться в мир

картины и при этом оставаться равнодушным к модели.

Но разве не так строятся отношения адвоката и клиента? Вы проводите вместе много часов, бесконечно говорите о деле, но как только вынесен вердикт, отношения закончены. Без долгих речей. По крайней мере, так должно быть...

Где-то теперь Джо Томас, чем занимается, уехал ли в Италию?

И однажды он объявился – ждал меня у входа в бюро, когда я вышла после долгого рабочего дня. Невероятно, что человек может так измениться за несколько недель! Исчезла бородка и тюремная роба, грубые башмаки и дешевая рубашка. Чисто выбритый молодой мужчина в мшисто-зеленой твидовой куртке с поднятым бежевым замшевым воротником походил скорее на риелтора, чем на страхового агента.

– Я пришел попрощаться.

Мы шли рядом, как на прогулке после паба, когда отмечали вердикт, шаг в шаг.

Я не знала, куда мы идем, и не заботилась об этом. В каком-то отношении этот мужчина для меня был более реален, чем Эд. Разве я не потратила больше полугода жизни на то, чтобы спасти его?

– Нашли работу?

– Да, – оживленно заговорил Джо. – Воспользовался вашим советом. Помните, вы говорили об Италии? Ну, а я уехал во Францию.

Его рука задела мою, когда мы переходили дорогу.

– Друг на Корсике хочет, чтобы я помог ему с ремонтом. – Он взглянул на свои руки. – Я это умею. И это будет что-то новое.

– А с языком проблем не будет?

Ответом мне послужила улыбка.

– Благодаря тюремной библиотеке я научился говорить по-французски и по-испански.

Меня это не удивило.

Мы вошли в ресторан – модный, дорогой.

– Это благодарность, – пояснил Джо, будто мы так и договаривались.

Неужели он не понимает, что меня ждут дома? Это предположение пробудило в душе досаду – и волнение. Я не стала спорить, позволив официанту принять у меня пальто.

– Вы многое для меня сделали, – добавил Джо, подавая мне меню.

Я заслонила кожаной папкой, чтобы скрыть предательскую краску на лице.

– Я выполняла свою работу. – Из меня посыпались вопросы, будто напротив сидел старый друг, с которым я сто лет не виделась: – Как вы?

Чем занимаетесь? Где живете?

– У этого знакомого из Франции есть квартира в Ричмонде. Довольно хорошая.

Ричмонд? Я мысленно сравнила Ричмонд и Клэпхем с тесной кухонькой, где Эд по-прежнему рисует в свое удовольствие среди заявлений на открытые вакансии.

– А вы? – прямо спросил Джо. – Как семейная жизнь?

– Все хорошо.

Меня охватило искушение рассказать ему об Эде и Давине, но я уже в прошлый раз чересчур разоткровенничалась. Я не пьяна, как тогда, от двойного джина с тоником и одержанной в суде победы. Я не имею права забывать, что у меня ответственная должность. Чрезмерное доверие недопустимо.

– Всего лишь хорошо?

Я выдавила улыбку:

– Все отлично. Наверное, скоро переедем. – Это я выдумала, но, может, придется и переехать.

– Прекрасно. – Джо Томас с воодушевлением подался вперед: – Я так и вижу деревенский коттедж, лошадь вроде Мерлина...

– Мерлина? – медленно повторила я. – Но я не говорила вам, как звали мерина Дэниэла.

– Разве? – В его улыбке стало меньше уверенности.

Я похолодела:

– Вы к этому как-то причастны?

Я ожидала, что Джо начнет все отрицать. Несмотря на свой вопрос, я в это не верила. Должно быть какое-то разумное объяснение!

– У меня не было другого выхода. – Он поровнее положил вилку и нож. – Мне нужно было, чтобы вы приняли мой случай близко к сердцу. Если адвокат не верит клиенту, он не будет особо стараться.

К горлу подкатил комок.

– Вы отравили старого несчастного жеребца, чтобы я не сидела на заднице? Но как?

Джо Томас пожал плечами. Я его таким еще не видела – по крайней мере, со мной.

– Договорился, чтобы в корм кое-что подбросили, когда ваши родители отлучились. Требовалось вывести вас из равновесия, чтобы вы поверили в мою историю.

Я поднялась на ноги и покачнулась. Чудовищное коварство. И поразительная – тошнотворная – откровенность.

– А сумка, которую у меня вырвали на Вестминстерском мосту? – Все начинало обретать смысл. Ну и душой же я была! – Вы кого-то наняли, чтобы суд решил, что кто-то из бойлерной индустрии пытается нас запугать?

Джо пожал плечами:

– Суд загубил первый процесс – вода действительно была слишком горячей. Если сами играют нечестно, пусть потом не жалуются.

Подозреваю, что Тони Гордон с этим бы согласился. Но не я. Одна несправедливость не оправдывает другую.

– Кто вам помогал?

Ответом мне была самодовольная улыбка.

– В тюрьме я многих консультировал по финансовым вопросам, по страховкам в частности. И не брал денег. Все понимали, что взамен я попрошу об услуге.

– Но они тоже сидят в тюрьме, как они могли вам помочь?

– Некоторых выпустили, у других остались связи на воле. В тюрьме так заведено... Хотя я никому не посоветовал бы туда попасть.

Невероятно. Помню, как в тюремном коридоре Джо договаривался о встрече за «настольным футболом». «Ровно в три часа, – сказал он. – В общей рекреации». Меня еще удивило неожиданное для такого нелюдимого человека дружелюбие. Значит, на самом деле планировалась деловая встреча?

– Я могу на вас заявить.

– Правда? В таком случае я не смогу умолчать о том, что произошло в прошлую встречу.

– Что вы имеете в виду? – заикаясь, спросила я.

– Перестаньте, Лили, не нужно этих игр. По крайней мере, со мной. Альбомчики с наклейками – ничто по сравнению с вашим последним подарком. – Голос Джо Томаса звучал твердо, но его руки дрожали.

Чудовищное озарение обрушилось на меня, как удар кувалдой.

– На самом деле вы ее убили! Сару, свою девушку!

Пожилая женщина с висячими изумрудными серьгами уже поглядывала на нас из-за соседнего столика. Взгляд Джо стал жестким.

– Осторожнее со словами.

– Но это правда! – Интуиция никогда меня не обманывает.

Джо понизил голос:

– Почему, по-вашему, я сегодня «случайно» вас встретил? Чтобы все чистосердечно рассказать. Но помните, дважды по одному делу не судят, если уже вынесен оправдательный вердикт... Вы заслужили правду, Лили.

Сердце у меня гулко стучало. Джо тоже явно нервничал – он размеренно постукивал кулаками по коленям, будто играя на барабане.

– Я уже говорил, что она пришла на взводе – и с опозданием. Потом ее вырвало, но она не хотела, чтобы я шел за ней в ванную. Я понял: ей есть что скрывать. Она захлопнула передо мной дверь, но я успел заметить след у нее на шее.

Я вспомнила пятно на шее Тони.

– Вы имеете в виду засос?

– Засос? – Джо словно взвешивал такую возможность. – Это зависит от того, как понимать слово «засасывать». Слив в ванне тоже засасывает, например.

Я начала терять терпение от его постоянного переспрашивания.

– Откуда у нее взялся тот след?

– А вот это уже по делу, – одобрительно кивнул Джо, будто ученице, которая наконец задала правильный вопрос. – Когда я обвинил Сару в измене, она заявила, что след оставил я. Но она лгала, я этим не занимаюсь. – Он снова начал хлопать по коленям. – Я сказал, что мы поговорим, когда она вымоется, но Сара не позволила набрать ей ванну. Несколько раз назвала меня придурком и извращенцем. Тогда я незаметно прибавил температуру на бойлере – думал ее проучить. Она продолжала орать. Сказала, что нашла себе другого, нормального. Вот тут я вышел из себя. Как я мог позволить ей бросить меня ради другого? Я ее толкнул. Сара была так пьяна, что хватило легкого толчка. Я даже удивился, когда Сара упала прямо в воду.

Последовала пауза – я была в шоке. Джо сидел совершенно невозмутимо.

– И вы не попытались помочь ей подняться?

Он пожал плечами:

– Сара оскорбляла меня, намеревалась от меня уйти, поэтому – нет, я не стал ей помогать. Я ушел в кухню, налил себе чашку чая, вымыл пол, липкий от ее рвоты. Сказал себе, что дам ей полчаса одуматься. Я не хотел ее убивать, только проучить. Когда я вернулся, она смотрела на меня из ванны, вся красно-багровая. Никогда не любил эти цвета. Я позвонил 999 и изложил ту самую версию, которую преподнес и вам. Если бы не ублюдок-сосед и не глупые выдумки Сары, я бы в два счета отмазался.

Я не верила своим ушам: Джо Томас говорил совершенно равнодушно, как и отмечали полицейские.

– Узнав о производственном дефекте бойлеров – это была настоящая удача, – я сообразил, что с правильным адвокатом у меня есть шанс на

апелляцию. Признаться, вначале я в вас не очень-то верил и устроил вам проверку. Надо отдать вам должное, Лили, вы с честью ее выдержали.

Больше всего меня поразило в нем отсутствие какого-либо раскаяния.

– Но как же «крот», приславший вам статистику? Кто он? И почему вы не предъявили эти доказательства раньше?

Джо фыркнул:

– Лили, вы что, ничего не поняли? Нет никакого «крота», как нет и статистики по бойлерам. Мне просто очень повезло. Я увидел очерки – газеты как раз начали поднимать эту тему – и сочинил статданные. Никто не докажет, что мой бойлер *не* был неисправен. – Его лицо сделалось самодовольным. – В тюремной библиотеке есть очень полезные пособия по водопроводным трубам, и не только.

У меня не было слов. Джо, по его собственному признанию, все-таки убийца! «Проверяя» меня своими шифрами, он делал это не затем, чтобы посмотреть, гожусь ли я ему в адвокаты. Он хотел знать, достаточно ли я наивна, чтобы ему поверить. Он обвел меня вокруг пальца, напирая на свою идиосинкразию. Неужели он уже тогда знал о Дэниэле? Меня бы это не удивило.

Неудивительно, что в суде он отказался от компенсации, желая только «восстановить справедливость»: это был очередной трюк, чтобы одурачить присяжных, как он одурачил меня.

– Поедьте со мной во Францию, – вдруг сказал Джо. – Я знаю, вы несчастливы. Из нас получится прекрасный дуэт. Вы умны, зарабатываете на жизнь, вытаскивая людей из тюрьмы... Это настоящее мастерство.

Никакого мастерства у меня нет. Я позволила фактам воздействовать на меня, потому что видела в Джо Дэниэла. Я заставила свой разум принять факты, какими бы необоснованными они ни были, и превратить их в истину.

– Вы меня понимаете. – Джо взял меня за руку.

Мне хотелось выдернуть ее – и в то же время сидеть так вечно. Крепкая у него хватка. Что в ней таится – угроза или ободрение? Я уже не знаю. С упавшим сердцем я поняла: все, что я знаю об этом человеке, ложь.

– Лили...

Я выбежала из ресторана и бегом помчалась по улице. Домой. Мимо запертой двери в седьмую квартиру. Я едва успела добежать до ванной, как меня вырвало. Я не обращала внимания, когда Эд стучал в дверь и спрашивал, все ли со мной «в порядке».

Прошло четыре недели, а меня по-прежнему тошнит. И на случай

каких-либо сомнений передо мной лежит доказательство, предоставленное
купленным в аптеке длинным тонким пакетиком.

Я беременна.

Часть вторая. Двенадцать лет спустя

Голова по-прежнему раскалывается.

Когда я поднимаю левую руку (которая слушается), чтобы потрогать голову, под пальцами ощущается что-то липкое.

Кровь.

Перед глазами все расплывается.

Однако я различаю что-то за углом. Что это?

Туфля.

Красная туфля.

Полицейская сирена.

Я задерживаю дыхание в безумной надежде.

Сирена стихает вдали.

Вот бы повернуть время вспять...

Взгляд в прошлое, как можем подтвердить мы все трое, удивительная крепкая штука.

Что это я слышу?

Кровь стынет в жилах.

Она еще здесь.

Глава 24. Карла

Осень 2013 года

– Простите, по-моему, вы заняли мое место, – улыбнувшись, обратилась Карла к мужчине в деловом костюме, сидевшему у окна за два ряда от аварийного выхода. Улыбка была тщательно отработанной – тонкое сочетание очарования и предупреждения не связываться.

– Я не понимаю, что вы говорите.

Можно было бы сразу догадаться. Итальянец никогда не повяжет такой безвкусный галстук.

Карла повторила фразу по-английски, не меняя улыбки.

На лице мужчины мелькнуло раздражение, но он смягчился, взглянув на гладкое сияющее каре, блестящие полные губы, безупречную кожу и вдохнув аромат «Шанель № 5» – любимых духов Карлы с того дня, когда в детстве она тихонько воспользовалась ими в ванной Лили.

– Прошу покорно меня извинить. – Мужчина вскочил, чуть не приложившись головой о багажную полку, и взглянул на свой посадочный талон. – Вы правы, мое место рядом.

Карла не сомневалась, что сосед нарочно допустил «ошибку», чтобы сидеть у окна весь полет из Рима в Хитроу. Она подозревала, что, будь она не так красива или менее напориста, у него бы это получилось.

Пассажиров в салоне было немного. Когда самолет выруливал на взлетную полосу, боковые сиденья оставались пустыми. В ее ряду сидели только она и этот мужчина, развернувший «Таймс». Карле бросился в глаза заголовок «Новый план разрешения кризиса с беженцами».

Стюардесса показала, как пользоваться спасательным жилетом и надевать кислородную маску сначала на себя, а потом на детей. От оглушительного рева у Карлы заложило уши, и самолет вдруг рванулся вперед. Девушка вцепилась в подлокотники. Она летела второй раз в жизни.

– Волнуетесь? – спросил сосед.

– Нисколько, – спокойно ответила Карла, мысленно скрестив пальцы. Еще одна детская привычка – скрещивать пальцы всякий раз, когда приходится лгать.

Вот они и в воздухе! В окно Карла видела крошечные дома далеко внизу. Прощай, Италия, сказала она про себя и потрогала шею сзади: без обычных длинных локонов было непривычно. «Ах, твои прекрасные

волосы!» – воскликнула мама, когда Карла вернулась от парикмахера, но девушке хотелось чего-то нового, как ожидавшая ее жизнь. Ей скоро двадцать три, пора добиться каких-то результатов.

В салоне раздался музыкальный сигнал, означавший, что можно расстегнуть ремни безопасности. Карла предпочла бы лететь так, но сосед расстегнул свой ремень, и девушка последовала его примеру. Два стюарда везли тележку по проходу. У Карлы заурчало в животе: она не смогла ничего проглотить на завтрак, а уже давно было время обеда.

– Что будете что-нибудь из напитков, мэм?

– Красного вина, пожалуйста.

– Большую, маленькую?

– Большую.

– Позвольте, я заплачу. – Сосед прикоснулся к руке Карлы, останавливая ее. – Это самое меньшее, чем я могу загладить свою ошибку с креслом.

– Право же, не стоит, – сказала она.

– Нет-нет, позвольте.

Он флиртовал. Иного Карла и не ожидала. Она изящно наклонила голову чуть в сторону, как мама когда-то делала для Ларри.

– Очень любезно с вашей стороны.

– Вы летите в Лондон по делам или развлекаться?

– И то и другое. – Карла сделала большой глоток. Вино было не таким хорошим, как из погреба *нонно*, но помогало расслабиться. – Я недавно получила диплом юриста в Италии, а аспирантуру буду оканчивать в Лондоне. Но я намерена также навестить старых друзей.

– Вот как? – Брови мужчины поползли вверх.

Брови были рыжеватые, и Карле смутно вспомнился Эд, склонившийся над альбомом с набросками.

– Я сам занимаюсь фармацевтикой...

Карла видела, к чему все клонится. От волнения она рассказала слишком много, и ее откровенность придала соседу смелости. Если сейчас промолчать, он будет нудить весь полет.

– Простите, пожалуйста, – сказала она, осушив бокал, – но у меня болит голова. Мне надо поспать.

При виде его разочарования Карла испытала тайное удовольствие. Ей не требовалось лишних доказательств, что она в состоянии кружить головы, – перед ней стояла задача вскружить нужные головы.

Из мягкой кожаной сумки девушка вынула шелковую маску. Опустив спинку кресла, она прикрыла глаза и уже начала засыпать, когда самолет

резко пошел вниз. Раздался музыкальный сигнал и голос капитана:

– Самолет входит в зону турбулентности. Просьба привести спинки кресел в вертикальное положение и пристегнуть ремни безопасности.

Карла начала читать про себя «Аве Мария» и невольно унеслась мыслями на много лет назад, когда была растерянной испуганной малышкой. Нынешняя взрослая Карла – результат долгого и упорного труда.

Все произошло, когда она поправлялась после аппендицита. Слухи расходятся быстро. Узнав от мамы Марии, что Франческа родом из Флоренции, люди в долине и в горах заговорили, что дочь *нонно*, оказывается, не преуспевающая бизнесвумен, делающая карьеру в Лондоне, и не «честная вдова», как утверждала сама Франческа, а просто мать-одиночка, которая еле сводит концы с концами, работая продавщицей в магазине. Подталкиваемый *нонной*, которая, как оказалось, и сопела тогда в телефон («Я нашла вас в телефонном справочнике, но всякий раз, дозвонившись, робела и вешала трубку»), *нонно* приказал дочери вернуться под «отчий кров». Без Ларри мама не могла оплачивать квартиру, поэтому выбора у нее не оставалось.

С самого приезда Карла и Франческа оказались под каблуком у *нонно*. Дед не позволил дочери работать – пусть сидит дома и ухаживает за *нонной*, у которой «ломота в суставах».

– Как я скучаю по Ларри, – говорила мама Карле, когда они оставались вдвоем, – им пришлось жить в одной комнате.

– Он же плохой! – недоумевала девочка.

– Зато он меня любил.

Мама во всем винила Лили. Это она со своим вечным вмешательством в чужие дела вынудила Ларри уйти! Карле никак не удавалось убедить мать, что Ларри виноват не меньше Лили.

Волосы матери стали тонкими, потеряли упругость и блеск. Их пробила седина – сперва засеребрились отдельные нити, а потом вдруг как-то все сразу. Кожа уже не была безупречно гладкой. А мама все вспоминала последнюю ночь в квартире номер семь.

– Надо было раньше вызвать тебе врача, – сокрушалась она. – Ты могла умереть!

– Ничего страшного, – уверяла Карла. – Тебе тогда просто было грустно.

Мама кивала:

– Может, ты и права. Если бы Лили не пригрозила Ларри, ничего не

случилось бы.

Неужели это правда, размышляла Карла. Она сама планировала избавиться от Ларри, но когда Лили невольно сделала это за нее, девочка поняла: это была далеко не лучшая идея.

Теперь их жизнью распоряжался всевластный *нонно*. Карле запрещалось гулять по вечерам, даже когда она подросла, и ходить на праздники, куда приглашали ее подруг.

– Ты что, хочешь закончить, как твоя мать? – всякий раз возмущался дед.

– Ш-ш-ш, – тут же перебивала его *нонна*.

Но Карла знала правду: вскоре после приезда Карлы и Франчески соседка, как говорят англичане, выпустила кошку из мешка.

– Бедная твоя мамочка, – сказала она с затаенной насмешкой, будто вовсе и не жалела маму, – как ее обманул тот мужчина! Подумать только, попался женатый, да еще с ребенком!

– Откуда вы знаете про Ларри? – требовательно спросила Карла.

Старуха нахмурилась:

– Твоего папу зовут Джованни. Он жил на Сицилии, но, я слышала, переехал в Рим.

Так ее папа совсем даже и не умер? Карла понимала, что ей полагается испытать шок, но в глубине души она давно это подозревала. Это не первая мамина ложь. Должно быть, Джованни и есть тот молодой человек в смешной шляпе на фотографиях под маминой кроватью. Слова соседки заставили Карлу снова открыть коробку, которую мама прятала теперь в глубине шкафа за платьями. В старом конверте среди снимков нашлось свидетельство о рождении Карлы с прочерком в графе «отец».

Спрашивать маму не стоило – она лишь еще больше расстроится. Девочка пошла к *нонне*:

– У тебя есть его адрес? Если он узнает, что я здесь, может, он захочет меня увидеть?

– Тихо, детка. – *Нонна* обняла ее. – Боюсь, он не желает иметь с нами ничего общего. Оставь лучше прошлое в прошлом.

Карла с неохотой подчинилась. А что ей оставалось? Она не знала даже фамилии своего отца, ведь Каволетти – девичья фамилия ее матери. Можно было и раньше догадаться – они с мамой не раз посылали открытки *нонно* и *нонне*.

– Надо было мне держать рот на замке, – спохватилась соседка. – А ты не приставай к матери и бабке, им и без того досталось.

Но это не означало, что Карле нельзя было строить планы на будущее.

– Не беспокойся, – говорила она каждую ночь, обнимая плачущую мать. – В конце концов у нас все будет хорошо.

– Но как? – всхлипывала мама.

У Карлы сжимались кулаки.

– Я что-нибудь придумаю.

У нее обнаружились блестящие способности, которые только начали раскрываться в Англии. *Нонно* начал хвастаться внучкой, получавшей отличные оценки, и прислушиваться к учителям, которые говорили, что Карла должна задуматься о профессиональной карьере, может, даже стать *avvocata*^[19]: девочка с большим мастерством участвовала в школьных дебатах.

Тогда-то у нее и возникла мысль пойти в университет на юридический. Пять лет учебы не шутка, но оно того стоит. Тебе и не такое по силам, убеждали учителя (оценки Карлы были настолько высокие, что ее перевели сразу через класс). Но настоящей причиной, почему Карла захотела стать юристом, была наглядно доказанная Лили истина: закон дает власть, право решать судьбу других. Тогда, в коридоре, Лили была преисполнена власти. Кроме того, такая профессия сделает Карлу достаточно богатой, чтобы спасти маму от затхлой, отупляющей атмосферы дома *нонно*.

Оглядываясь в прошлое, Карла понимала, что в Англии мать вела себя не лучшим образом. Может, ей и вправду надо было вовремя вызвать врача. Может, не стоило крутить роман с женатым мужчиной. Но она была одинокой слабой женщиной с ребенком, оказавшейся в трудной ситуации. Теперь очередь Карлы о ней позаботиться.

Как-то вечером на последнем курсе университета в Риме, когда Карла изучала особенно скучное дело, ей вдруг очень захотела поискать через «Гугл» Эда и Лили.

Лили уже стала партнером в своем бюро. Несправедливо, что у нее все так хорошо, тогда как мама из-за нее живет почти как в тюрьме в доме деда. На фотографии Лили была с коротким каре и выглядела почти гламурно – совершенно другой человек.

Про Эда информации было очень мало, в основном в связи с редкими выставками. Но на каком-то сайте, посвященном искусству, выскочила картинка, и сердце Карлы забилось быстрее. Это был портрет черноволосой кудрявой девочки с улыбкой одновременно невинной и искушенной. Цвета были неожиданно резкие, почти кричащие – малиново-красное платье на небесно-голубом фоне, но именно взгляд ребенка проникал прямо в душу. Карла словно оказалась в одной комнате с

моделью.

Разумеется, так и было – ведь это писали с нее. Платье на ней тогда было черное, но Эд сказал, что у него есть право «менять детали».

Текст под картиной сообщал: *«Художник продал картину, написанную акриловыми красками, анонимному коллекционеру за пятизначную сумму».*

Пятизначную?! У Карлы захватило дух. Она продолжала читать:

«Пример Эда Макдональда вдохновляет начинающих художников: неизвестный коллекционер сделал ему предложение, от которого он не смог отказаться: “Я написал “Маленькую итальянку” несколько лет назад и представил ее на конкурс, где картина заняла третье место. Однако ее никто не купил, и я был удивлен, когда клиент, желавший сохранить анонимность, пришел в галерею, где проходит выставка моих работ, и, не торгуясь, приобрел эту вещь”».

Ну почему так? Ведь без нее, Карлы, картины бы не было! Девушка написала Эду, напомнив, что ей не платили за часы позирования. Не собирается ли Эд поделиться гонораром?

Прошло три недели, но ответа не было. Может, они переехали? Карла отправила второе письмо на адрес галереи, указанный в конце статьи. По-прежнему тишина. Да как он смеет ее игнорировать? С каждым звонком несчастной, привязанной к дому матери девушка проникалась уверенностью, что им немало задолжали. В душе ее копилась горечь.

Выход подсказала случайная фраза преподавателя:

– У тебя, кажется, беглый английский? Тебе бы поучиться в Англии, с таким дипломом ты получала бы больше.

А еще это приведет Карлу поближе к людям, третировавшим маму, включая этого Ларри. Она потребует то, что причитается ей по праву, и у нее будет все то, что есть у Лили. Деньги. Хорошая работа. Новая внешность – может, короткое каре и ей пойдет? И многое другое, что удастся заполучить.

Кто-то коснулся ее локтя. Карла вздрогнула, очнувшись от воспоминаний.

– Скоро будем садиться, – сказал мужчина в безвкусном галстуке. – Счел нужным вас предупредить.

Стянув шелковую маску, Карла улыбнулась:

– Спасибо.

– Не за что. Вы в Лондоне где остановитесь?

– В Кингс-Кросс, – уверенно сказала она, подумав о хостеле, найденном через Интернет. Выглядел хостел прилично, и цена была приемлемой.

– Вы уже бывали в Лондоне?
– Конечно, правда, много лет назад.
– Там многое изменилось. – Мужчина достал из кармана визитку. – Вот мой телефон на случай, если вам захочется сходить куда-нибудь поужинать...

Карла мельком взглянула на серебряное обручальное кольцо на его левой руке. Если мамин опыт ее чему-то и научил, так это не связываться с женатыми.

– Благодарю вас, в этом нет необходимости.

Он поджал губы:

– Как угодно.

Самолет вздрогнул от толчка, и тут же послышался визг тормозов. Их несло вперед так быстро, что Карла не знала, успеют ли они затормозить. На этот раз сосед не похлопывал ее успокаивающе по руке – ему не терпелось встать и забрать с полки свою сумку. Если бы она взяла его визитку, подумала Карла, он бы сводил ее на ужин... Нельзя отвлекаться от намеченного плана.

«Пассажиры из стран Европейского союза – сюда». Как много народу в Хитроу! Бесконечные очереди. Карла уже не сомневалась, что ее багаж потеряли, когда на ленту наконец со стуком вывалился ее маленький красный чемодан. Вздохнув с облегчением, она потянула чемодан, но его тут же перехватил и опустил на пол приятный молодой человек.

Куда дальше? Карла растерянно читала многочисленные таблички. Такси? Нет, на метро дешевле. *Нонно* дал ей на учебу и гостиницу в обрез.

Она долго добиралась до станции «Кингс-Кросс», два раза сев не на тот поезд.

– Простите, – обратилась она к киоскеру, поднявшись наверх. – Не подскажете, где эта улица?

Не взглянув на адрес, который положила перед ним девушка, тот обратился к стоявшему за ней покупателю.

Уже начинало темнеть. Карла успела забыть, насколько в Англии холоднее, чем в Италии. Замерзшая и голодная, она спрашивала дорогу у всех подряд, но люди шли мимо, будто не слыша. Наконец, зайдя в дежурную аптеку, Карла нашла какого-то добряка, доставшего айфон, однако он предупредил ее, что идти туда «добрых четверть часа».

Отыскав наконец гостиницу, Карла с отвращением разглядывала грязное бетонное здание с облезлой зеленой дверью. Оттуда под ручку вышли две девицы в колготках с огромными дырами и джинсовых шортах.

Одернув изящный кремовый льняной жакет, который мама сшила ей

специально для поездки, Карла вошла внутрь.

– Я бронировала номер, – вежливо сказала она женщине на ресепшене.

– Имя?

– Карла Каволетти.

Женщина фыркнула и подала ключ.

– Третий этаж, первая дверь справа. Лифт не работает.

На лестнице пахло мочой. Стены были исписаны скверными словами, выведенными красной краской. Настроение у Карлы упало. Комната походила на монашескую келью – узкая койка с колючим серым одеялом. Письменный стол имелся, но освещение было настолько скудное, что заниматься здесь казалось невозможным. «Ванная в номере» состояла из тумбочки с раковиной. Объявление на стене предупреждало, что туалет в коридоре не работает; предлагалось пользоваться удобствами этажом ниже.

Карла присела на край кровати и включила телефон. «Позвони, как доберешься», – просила мама.

– Алло? Это я. Да, долетела прекрасно, отель очень красивый. Мама, ты и так знаешь, какие у меня планы, я тебе много раз говорила. Завтра я зарегистрируюсь в колледже. Да, мама, говорила. Я обязательно найду Ларри и скажу ему, где ты. Я тебя тоже люблю.

Когда Карла сложила телефон, из-под кровати выбежал таракан. Она ловко раздавила его высоким тонким каблуком. Послышался отвратительный хруст, но одновременно в душе возникло странное удовлетворение.

Отбросив тараканий труп под кровать, Карла достала пачку сигарет, хотя на стене висела табличка «Не курить!», зажгла одну и глубоко вдохнула дым. Так-то лучше. Она подошла к окну. Снаружи Лондон мерцал огнями и вибрировал от несмолкающего гула транспорта и безграничных возможностей. Где-то здесь живут три человека, которых ей нужно найти. И она их найдет.

Глава 25. Лили

– Нет! Нет! Вы трогали мои ботинки! Теперь я их не надену! Зачем вы это сделали, зачем?

Дыши, сказала я себе. Дыши ровнее. Не кричи, не осаживай, не пытайся урезонить. Это не поможет. От этого тебе ненадолго станет легче, но потом чувство вины только усилится. Вины из-за того, что через десять минут – да! – папа повезет меня на утренний поезд в Лондон. Вины, что я оставляю Тома на маму, а сама сбегая на работу и к мужу. Вины за то, что мы, пожалуй, вообще не должны были рожать этого ребенка...

Нет. Это неправда. Я люблю своего сына. Люблю неистово, каждой частичкой своего существа. Едва родив, я сразу поняла, что никогда от него не откажусь. Но мы не представляли, во что ввязываемся. Очень тяжело, когда одиннадцатилетний мальчик ведет себя то как дошкольник, то как интеллектual с гениальными суждениями. Вот почему мы не стали заводить больше детей.

– Я все улажу, дорогая, не беспокойся, – слышался ровный, уверенный мамин голос. Она переставила виновников скандала, которые оказались сдвинуты с ровненькой невидимой линии, по которой Том поставил их накануне. Это один из его «бзиков», как выражается Эд, ритуалов, дающих нашему сыну ощущение порядка и надежности, которые не в состоянии обеспечить мы.

– Ко мне постоянно приводят таких детей, – со вздохом сказал врач-специалист. – Это не ваша вина. Синдром Аспергера существовал всегда, просто сейчас для него появилось название. Отклонение может быть наследственным, а может появиться из ниоткуда в семье, где десять поколений ничего подобного не наблюдалось...

Мне вдруг стало трудно дышать.

– Обычно синдром проявляется месяцев с восьми, но некоторые мамочки утверждают, что с самого начала заподозрили неладное.

Я вспомнила, как родился Том: его взгляд метался из стороны в сторону, словно спрашивая: «Куда это я попал, черт побери?» Он был гораздо тише других детей в отделении, но, если уж ему случалось раскричаться, это был пронзительный, безутешный плач, при звуках которого я каменела от испуга. Или я сама себя запугала? Страшно быть неопытной мамашей, когда карьера только начинает набирать обороты, а мы с Эдом неуклюже пытаемся заново строить отношения.

С той минуты, как я показала мужу синюю полоску на тесте на беременность, между нами возникло молчаливое соглашение: мы больше не пытаемся сохранить семью, у нас попросту нет иного выхода. Мыслями я все возвращалась в тот день, когда мама обвинила отца в интрижке на стороне. Я страшно боялась, что они разойдутся, и вздохнула с облегчением, когда родители остались вместе. Да, многие дети прекрасно растут в неполных семьях, но если вспомнить Карлу и Франческу... Неужели я хочу закончить, как они? Да и Эд изменился.

– Ребенок, – говорил он, приложив ладонь к моему животу, и его глаза при этом сияли. – Наш ребенок! Это подлинно новое начало!

– Да? А на что мы будем жить? – вскидывалась я. В моем голосе звучали вина, гнев, обида и неприкрытый страх. – После дела Томаса я буквально нарасхват, меня повысили на работе, а ты вообще дома сидишь!

Если это казалось грубым, со стыдом признаюсь, что я этого и хотела. Я изливала гнев на Эда, потому что злилась на саму себя.

– Значит, я буду работать дома и приглядывать за ребенком.

Надо отдать ему должное, Эд оказался прекрасным отцом – он души не чаял в Томе. Слова золовки оказались правдой: на первых порах отцовство заставило его спуститься с облаков на землю. На какое-то время Эд даже бросил пить и до сих пор старается держаться в рамках. Даже если наш сын орал как резаный, когда мы брали его из кровати или одевали, муж проявлял невероятное терпение. Позже, когда Том не желал играть с детьми в младшей группе и даже укусил маленькую девочку, которая попыталась взять его драгоценный голубой игрушечный поезд, Эд утверждал, что сын «показывает характер».

– Он куда умнее остальных, – гордо говорил муж. – Сегодня утром он сказал одному из мальчиков «дай мне пространство», представляешь? Том у нас как маленький взрослый. Он уже считает на пальчиках до десяти. Многие двухлетки это умеют? Только представь, каким он станет, когда подрастет!

Но поведение Тома быстро становилось откровенно невыносимым. Он спросил мать другого ребенка, почему у нее такие «волосатые усы» (такая «святая простота» характерна для синдрома Аспергера), запустил в мальчика зеленой пластмассовой кружкой, оставив большой синяк у него на скуле, потому что ему не дали его обычную желтую. В конце концов Эда попросили найти для сына другую детскую группу.

Дома с ним тоже было сложно.

– Нет, – взрывался сын, когда я убеждала его надеть мягкий голубой велюровый джемпер, который подарил на Рождество его крестный Росс. –

Мне не нравится его ощущение на коже!

Даже Эда проняло.

– Да что с ним такое? – спросил он, когда Том отказался ложиться спать, потому что одеяло постирали с новым порошком и оно теперь «неправильно» пахнет. – Мамаши в новой детской группе при встрече обдают меня ледяным холодом. Похоже, они думают, что это наша вина.

Моих родителей тоже когда-то обвиняли в неумении воспитывать сына.

– Должен же быть какой-то ответ, – настаивал Эд.

Через своего семейного врача мы нашли специалиста, который наконец поставил первоначальный диагноз: синдром Аспергера (нарушение аутического спектра) и обсессивное поведение.

– Тут очень мало что можно сделать, – сказал специалист. – Попробуйте не давать какие-то пищевые продукты... Такие дети обычно очень талантливы. Рассматривайте эту его особенность просто как иной склад ума.

Том, говорила я себе в самые мрачные минуты, мое наказание за такое черное деяние, что я едва могу признаться в нем себе, не то что кому-то другому.

Когда Эд рыдал, уткнувшись мне в колени («Я очень стараюсь, Лили, правда!»), я хотела ему все рассказать. Но как? Он наверняка уйдет, если узнает, а такому ребенку, как Том, нужна полная семья. Мы с Эдом накрепко связаны, как были связаны мои родители.

– Давай мы с отцом подключимся, – не выдержала наконец мать, приехав в очередной раз провести внука.

Мы с Эдом уже переехали в трехкомнатную квартиру в Ноттинг-Хилл (дом в викторианском стиле, с террасами): его дед скончался, и средства траста стали доступны. А моя зарплата позволяла Эду стать неработающим папой и свободным художником. Но, как говорится, гладко было на бумаге: как прикажете писать картины и одновременно следить за ребенком, который то решает в уме сложные примеры на деление, то вдруг подскакивает как ужаленный и вопит, что у него грязные руки, потому что он играл в грязи?

– Мы можем присматривать за Томом в будни, – добавила мама, оглядывая неприбранную гостиную с разбросанными игрушками и незаконченными набросками, над которыми Эд, видимо, работал, одновременно оберегая Тома от него самого (за несколько дней до этого наш сын чуть не отрубил себе палец створкой окна, развязав узел на оконном шнуре, чтобы «посмотреть, как все устроено»). – У вас появится

время для себя.

Мать всегда была любопытна, а после смерти Дэниэла стала откровенно навязчивой, будто заполняя его отсутствие активным участием в моей жизни. С рождением Тома она прямо-таки поселилась у нас. Может, она заметила в свободной комнате книгу под кроватью, вещи Эда в сосновом комодке и недопитую бутылку вина у шкафа (не мою – я перестала пить, как только узнала о беременности)? Красноречивые свидетельства того, что мой муж уходит туда ночевать.

– Там моей спине удобнее, – объяснил Эд, впервые предложив спать раздельно.

Вначале меня это задело, но чем больше Том вопил, когда я пыталась расчесать ему волосы («Больно!») или кто-то брал его «особую чашку» («Где она, где она?»), тем сильнее мы с Эдом раздражали друг друга. Иногда накопившееся раздражение выливалось в оглушительные скандалы.

– Я не могу справиться с двумя истерящими детьми! – закричала я во время одной особенно резкой ссоры, когда Эд велел Тому «взять себя в руки».

Лицо Тома сморщилось в недоумении.

– Как это – себя взять? – спросил он.

Изъясняться с ним надо было абсолютно точным языком. «Уймись» он смешивал с «уймой», «витать в облаках» для него значило каким-то образом взлететь в рай и там застрять. «Можешь пойти в кровать?» он понимал как «сумеешь забраться в кровать?», то есть как вопрос, а не просьбу лечь спать.

Наши гнев или слезы ничего не меняли – Том с трудом воспринимал чужие эмоции.

– Почему они плачут? – спросил он, увидев по телевизору бесконечный поток беженцев.

– Потому что у них больше нет дома, – объяснила я.

– А почему они себе новый не купят?

Такие вопросы можно стерпеть от малыша, но, когда Том подрос, это стало просто неприличным. Мы едва держались, почти как в старые недобрые времена, когда чуть не развелись. Мамино предложение нас буквально спасло: Том переехал к бабушке и дедушке в Девон, к морю. Школа, куда раньше ходили мы с братом, была совсем близко от дома. Директриса радостно заявила, что с каждым годом к ним приводят все больше «особенных детей», так что волноваться не о чем. Мы с Эдом стали навещать сына по выходным. Не приходилось сомневаться, чем станет переезд Тома для моих родителей: после его рождения с матери будто

спали чары, заставлявшие ее считать Дэниэла живым. У нее появилась новая миссия – внук.

Вынуждена признать, что отсутствие Тома позволило нам с Эдом снова стать парой. У нас появилось время поговорить за едой, полежать вечером на диване, переплетя ноги в уютном молчании, снова открыть для себя тела друг друга. Не скажу, чтобы в нашей постели присутствовала (или присутствует) бешеная страсть, но есть удовлетворение. И любовь.

Эд не оставлял попыток стать известным художником. Казалось, успех был ему гарантирован, особенно после третьей премии на престижном конкурсе. Но дела на этом рынке идут медленно, как ему сказали. Время от времени Эду удавалось убедить какую-нибудь галерею выставить что-то из его работ, но только когда анонимный коллекционер приобрел «Маленькую итальянку», у Эда наконец-то появились деньги для осуществления своей мечты – открытия собственной галереи.

По иронии судьбы, моя карьера после рождения Тома пошла в гору. К моему немалому удовлетворению, меня сделали одним из партнеров фирмы благодаря неизменно успешной работе с самого процесса Джо Томаса (который, кстати, положил начало целой серии компенсационных выплат пострадавшим по всей стране и изменениям в законодательстве о промышленной безопасности и охране труда). Вердикт по делу попал в сборник решений федеральных судов, а я сделала себе имя.

Не меньшее удовлетворение я испытала, узнав, что Давина наконец-то вышла замуж за йоркширского землевладельца. На свадьбу мы не поехали: Эд клялся и божился, что никогда мне с ней не изменял, но я по-прежнему чувствовала себя неловко в ее присутствии.

За эти годы наша с Эдом семья стала гораздо крепче. Говорят, что больной или сложный ребенок либо разводит, либо сплачивает родителей. К моему удивлению, отношения у нас стали гораздо лучше.

– Мои ботинки-и-и! Я не могу их надеть, вы их трогали!

Вопли сына вернули меня в реальность. Если я не успею на утренний поезд до Ватерлоо, опоздаю на важную встречу.

– Я разберусь, – твердо повторила мама.

Иногда мне кажется, что она взяла на себя воспитание Тома, решив на этот раз все сделать правильно. С Дэниэлом она потерпела неудачу – или ей так кажется, – но во второй раз, с внуком, она прежних ошибок не допустит.

– Вот, чуть не забыла. Пришло для тебя несколько дней назад.

В результате я, трусиха, послушалась маму, прыгнула в машину, в которой ждал папа, и обмякла на сиденье, с облегчением закрыв глаза.

– Эд тебя хоть встретит? – спросил отец.

Я покачала головой. Против обыкновения, муж в этот раз не приехал к Тому – его пригласили на выставку в элитной галерее возле Ковент-Гардена, среди экспонатов которой – копия «Маленькой итальянки». В этой картине что-то есть: яркие, почти кричащие краски и невинный и вместе с тем искушенный взгляд, всякий раз лишаящий меня покоя. Или это потому, что в душе еще не улеглось раздражение на Франческу, использовавшую нас в качестве нянек, чтобы побыть с Тони Гордоном – или Ларри, как он ей представился? Почему они позволяли себе вести двойную жизнь?

Пока поезд трясся по Шербурну, я разглядывала конверт. Не позволю Джо Томасу коснуться меня – даже мысленно. Не хочу вспоминать о своем участии в подготовке процесса, в результате которого убийца вышел на свободу. Если я разрешу себе об этом думать, я не смогу с собой дальше жить.

Вот почему, когда поезд прибудет в Лондон, я разорву этот конверт, надписанный характерным почерком моего бывшего клиента – крупными печатными буквами, и брошу в первую же урну.

В офисе меня встретил обычный аврал. Обожаю каждую минуту своей работы. Настоящая паника. Настоящая война интересов. Постоянное заискивание.

Прогресс у меня не только в карьере, но и во внешности. Некоторые женщины стареют некрасиво, как та же Давина (тут я не сдержала торжествующей улыбки): ее фотография в «Татлере» в числе гостей какого-то мероприятия безжалостно подчеркивает обвисшие бульдожьих щеки и двойной подбородок. А другие, и среди них я, с возрастом становятся только лучше – по крайней мере, мне все так говорят.

– А тебе идет средний возраст, – сказал Эд позавчера утром, глядя на мой подтянутый живот и стройные бедра.

Я набросилась на него и защекотала с шутливым негодованием:

– Какой такой средний возраст! Сорок – это следующие тридцать, чтоб ты знал! Максимум тридцать восемь.

Все дело в том, что после рождения Тома у меня не хватало времени заедать неприятности. Живо ушла «детская пухлость» (помогло кормление грудью), и лишние фунты не отложились, даже когда сын подрос. Чем больше Том размазывал по стене еду (а временами и кое-что другое), тем меньше пищи я была в состоянии проглотить. Моя неспособность найти общий язык с ребенком, который требовал, чтобы все лежало на своих

местах, но одновременно сам же устраивал хаос, оказалась куда эффективнее любой диеты. Еще я начала бегать по утрам. Сначала, отдуваясь, один раз вокруг дома, потом по району. Бег, особенно в шесть утра, когда город еще только просыпается, помогает спастись от демонов из моих кошмаров.

Когда растаял лишний жирок, оказалось, что у меня четкие скулы. Я смогла влезть в двенадцатый размер, потом в десятый^[20]. Я пошла в дорогую парикмахерскую в Мэйфер, где мои длинные светлые волосы превратили в короткое каре из разряда «принимайте меня всерьез». Теперь, когда я нарочно громко шла по офису в красных остроносых туфлях, меня провожали взглядами. Обувь, говорящая о власти. Клиенты не верили своим глазам – словно нельзя выигрывать дела и при этом хорошо выглядеть. Однажды в суде представитель обвинения передал мне записку с вопросом, не желаю ли я с ним поужинать. Я отказалась, хотя в душе была польщена.

Суд. Кстати, ровно через час у меня заседание. После «того дела» я специализируюсь на серьезных статьях – преднамеренное убийство или причинение смерти по неосторожности. Когда-то при виде того, как Тони Гордон важно прохаживался перед присяжными, во мне что-то затеплилось. Солиситеры могут получить дополнительную квалификацию и право выступать в высших судебных инстанциях, которое обычно дается только барристерам^[21]. Это лишний козырь в рукаве, значительно увеличивающий гонорары. Вот на это я и пошла.

Однако я берусь за дело, только если убеждена в невиновности своего подзащитного. Малейшее сомнение – и я передаю клиента другому адвокату, сославшись на чрезмерную занятость. Насчет сегодняшнего дела у меня сомнений нет: девочка-подросток каталась на велосипеде и была сбита грузовиком. Правосудие должно свершиться.

– Ну, готов? – Я нетерпеливо поглядываю на недавно пришедшего к нам стажера, молодого мальчика, вчерашнего выпускника Оксфорда (его папаша – друг одного из партнеров нашей фирмы). Мне это не по душе, но что я могу сделать? Протекционизм в юриспруденции процветает. Мальчику уже на ходу приходится возиться со своим итонским галстуком – мы торопимся в суд.

– А разве мы не на такси? – ноет он.

– Нет.

Мои шаги широки и размеренны. Ходьба – еще один способ оставаться стройной. Кроме того, свежий осенний воздух помогает думать. Я

мысленно перебираю детали дела.

– А вы в суде нервничаете? – Юноша смотрит на меня снизу вверх. Мне даже становится его немного жаль: хорошее образование и привилегированное воспитание не помогут, когда предстаешь такой как есть перед присяжными и судьей, который не терпит дураков.

– Я не позволяю себе нервничать.

Мы взбегаем по каменным ступеням и входим в здание суда – меньше Олд-Бейли, но тоже довольно внушительное, с серой колоннадой, по которой идут люди в развевающихся на ходу черных мантиях. Несправедливо, что мужчин среди них по-прежнему больше, чем женщин, но...

– Лили?

Я останавливаюсь, когда седой человек с серым лицом замедляет шаг, поравнявшись со мной, и судорожно роюсь в памяти. Я его знаю, точно знаю, но вот как его зовут...

– Вы меня не помните. – Хриплый голос скорее констатировал факт, чем спрашивал. – Я Тони. Тони Гордон.

Это настоящий шок. Я не видела Гордона много месяцев, да и до этого мы разве что раскланивались при встрече, будто и не сидели по многу часов над бумагами, склонившись головами, добившись в результате чудовищной несправедливости. Я всей душой стремилась забыть те долгие часы.

– Как поживаете? – Тони говорит, часто трогая горло. Шок быстро проходит, и я замечаю большой бугор над воротником. Ошибиться невозможно. – Рак горла, – хрипит Тони. – Врачи сделали, что смогли, но...

Его слова почти тонут в деловитых, отдающихся эхом по галерее голосах. Рядом смущенно мнется оксфордский интерн.

– Я увидел в списке ваше имя и решил дождаться. – Совершенно не изменившийся взгляд Тони упал на моего компаньона.

– Вон там подожди, пожалуйста, – властно сказала я мальчику.

Рот старого коллеги искривился, словно он сдерживал усмешку.

– А вы изменились. Впрочем, я не удивлен – о вас легенды ходят.

Я пропустила комплимент мимо ушей.

– Чем могу вам помочь?

– Я насчет Джо Томаса.

У меня пересохло во рту. Я застыла на месте. Шум вокруг словно стал тише.

– А что с ним?

Мысленно я вернулась к разговору, который состоялся у нас с Тони

много лет назад. Я позвонила Гордону в панике, когда Джо Томас с гордостью признался мне в своем преступлении.

– Что нам делать? – взмолилась я.

– Ничего, – отрезал Тони. – Его выпустили. Дело закрыто.

Я чувствовала, что он совсем не удивлен.

– Вы знали, что он виновен?

– Подозревал, но уверен не был. Да это и неважно.

– Ну как же неважно...

– Слушайте, Лили, станете постарше – поймете: это игра. Мы играем, чтобы выиграть, даже когда на руках плохие карты. Против Джо Томаса не было достаточных доказательств. Кроме того, это поставит под угрозу иски, поданные после оправдания Томаса. Забудьте и живите дальше.

Именно по этой причине я старалась больше не пересекаться с Тони Гордоном, а не только из-за двойной жизни, которую он вел (до сих пор не могу забыть испуг на личике бедняжки Карлы, пытавшейся понять, почему друга ее матери Ларри на самом деле зовут Тони). Вот поэтому-то я и не хочу быть как Тони Гордон. У меня твердые принципы. По крайней мере, должны быть. Но сейчас мы столкнулись лицом к лицу.

– Так что там с Томасом? – спросила я, взглянув на часы. Через десять минут мне надо быть в зале заседаний.

– Он мне написал. Хочет, чтобы я передал вам кое-что.

Я вспомнила о поздравительных открытках без подписи к моему дню рождения (они приходили на адрес офиса). Каждая была надписана узнаваемыми крупными печатными буквами, на каждой – марки дальних стран, таких как Египет. Включая последнюю, обрывки которой лежат в урне на вокзале Ватерлоо. Поэтому я решила, что Тони говорил об открытке. На секунду мне вспомнился скромный ужин по случаю моего тридцать восьмого дня рождения – мы праздновали вдвоем с мужем, без всякого шума, тихо отметили свое очевидное-невероятное, – то, что мы все-таки сохранили наш брак. Но сейчас прямо передо мной находилось живое напоминание о моих ошибках.

– Он хочет поговорить с вами, Лили. – Тони вложил мне в ладонь сложенный листок. – Говорит, это срочно. – На этом он повернулся и ушел.

Его черное пальто развевалось на ветру. Шляпу он не носил. Я смотрела, как Тони Гордон стремительной походкой удаляется по арочной галерее, и только тут спохватилась, что не выразила сочувствие по поводу его болезни.

Однако меня ждала работа – ни в чем не повинный водитель грузовика, которому сломала жизнь девочка-подросток, неожиданно

выехавшая ему наперерез. Кто-то может решить, что юная велосипедистка – жертва, мы же часто читаем о подобных случаях. Но в этом и суть юриспруденции: ничто не является тем, чем кажется.

Надо идти вытаскивать бедолагу. Записать на свой счет очередную победу. У меня больше выигранных дел, чем у любого другого сотрудника фирмы. Это единственный способ доказать, что я не такой уж плохой человек.

Нехотя я сунула клочок бумаги с телефонным номером Джо Томаса в карман и поспешила в зал заседаний.

Глава 26. Карла

Карла проснулась рано утром от криков и громкого лязга. Вздрагивая от холода, она босиком подошла по ледяному полу к окну и увидела, как в узком переулке позади хостела в грузовики высыпают мусорные контейнеры.

На душе стало чуть спокойнее: здесь мусор тоже забирают, как и в Италии. От этого ностальгия чуть-чуть утихла. Карла расставила руки в стороны – мама с детства внушала ей необходимость зарядки, чтобы оставаться в хорошей форме. Один из мужчин посмотрел вверх и присвистнул.

Не обращая на него внимания, Карла вернулась в кровать и улеглась под тонкое одеяло, подтянув колени к животу (в номере не было даже батареи). Включив компьютер, она нажала на ссылку, сохраненную в папке «Избранное»: «Тони Гордон, Линкольнс-Инн».

Ниже шла статья:

Почетное общество Линкольнс-Инн – одна из четырех юридических корпораций в Лондоне, где готовят барристеров для Англии и Уэльса и предоставляют право адвокатской практики. Линкольнс-Инн признано одной из самых престижных профессиональных ассоциаций юристов. Считается, что свое название общество получило в честь Генри де Лейси, третьего графа Линкольна.

Карла нашла все это еще в Италии, но до сих пор не решила, несмотря на все обещания маме, явиться ли в этот Линкольнс-Инн неожиданно-негаданно или записаться к Тони Гордону на прием.

Пока она думала, из-под кровати вылез другой таракан и остановился на мгновение, словно умоляя не убивать его. Запишусь, решила Карла, это надежнее. Но не по телефону, а лично.

Встав с постели, она накинула розовый шелковый халатик – подарок *нонны* – и на цыпочках обошла таракана, сказав себе, что дело не в мягкотелости, а в прагматизме. Спускаясь на второй этаж в общий туалет, она думала – нельзя же передавить всех тараканов в комнате. Зато можно заставить Ларри осознать, что он наделал.

Через полчаса Карла была готова. Бежевая юбка-карандаш, классическая, но вместе с тем выгодно подчеркивавшая фигуру,

облегающий черный джемпер и широкий пояс. Вчерашний кремовый жакет и алые туфли на шпильках. Девушка брызнула на себя «Шанель № 5» из флакона-образца, который тайком присвоила в дьюти-фри, когда никто не смотрел. Ремень сумки перекинула через голову, как почтальон, – в Лондоне воров не меньше, чем в Риме.

На стойке ресепшена ворохом лежали схемы лондонского метро. Обойдя девушку в рваных джинсах и с татуировкой на шее, Карла взяла одну из схем и озадаченно уставилась на нее.

– Тебе куда надо? – спросила у нее девушка.

– В Холборн, – чопорно ответила Карла.

– Тогда тебе по синей ветке. – Палец с грязным ногтем ткнул в карту. – Хочешь дешевую карту «Ойстер»?

– А что это?

Подружка татуированной девицы, стоявшая сзади, засмеялась. Этот смех напомнил Карле ненавистную школу в Клэпхеме.

– Карта на автобус и метро. Всего двадцать фунтов. Сэкономить кучу бабла.

– У меня только евро.

– Тогда сорок.

Карла отсчитала деньги и направилась к станции «Кингс-Кросс», припоминая, как шла накануне. Когда она, как другие пассажиры, приложила карту к турникету, раздался громкий писк.

– У тебя на ней деньги кончились, красавица, – сказал ей служащий метро в ярком неоновом жилете.

– Но мне ее за сорок евро продали!

– Ну, значит, обманули тебя. Покупай «Ойстер» только в метро или онлайн. – Он ткнул пальцем в направлении автомата, к которому стояла длинная очередь.

Карла, вне себя от бешенства, купила другую карточку. Вот англичане! Мошенник на мошеннике!

Зато здание Линкольнс-Инн оказалось даже красивее, чем на фотографиях в Интернете. Карла залюбовалась внушительным комплексом с огромными окнами и широкими каменными карнизами. Центр Лондона, а впечатление, что находишься где-то на лоне природы, настолько красивые здесь скверы и ухоженные живые изгороди. Один из домов, с купольной крышей, напомнил Карле базилику во Флоренции, куда она ездила со школьной экскурсией.

К своему облегчению, она легко нашла адвокатское бюро Ларри по указаниям из «Гугла».

– Чем могу помочь? – спросила молодая женщина за стойкой.
– Я хотела бы записаться на прием к Ла... к мистеру Тони Гордону.
Секретарь вопросительно посмотрела на нее:
– Вы адвокат?
– Не совсем. Я знала мистера Гордона раньше и хотела бы возобновить знакомство.

Взгляд женщины стал холоднее.

– Могу предложить вам написать по электронной почте одному из сотрудников. Ваше сообщение передадут. – Она подвинула Карле листок. – Вот координаты.

– Но мне нужно увидеть мистера Гордона, это важно!

– Боюсь, это невозможно. И прошу вас покинуть помещение. – Девушка говорила уже не холодно, а твердо, с едва сдерживаемым гневом.

Не выдав своего замешательства, Карла вышла с высоко поднятой головой. Найдя кафе с бесплатным вай-фаем, она написала коротенькое сообщение:

«Дорогой Тони!

Возможно, вы помните меня по нашему старому знакомству. Я сейчас в Англии, хочу передать вам несколько слов от моей матери Франчески.

*С наилучшими пожеланиями,
Карла».*

Вполне корректно и по делу. Сама Карла не разделяла уверенности матери в том, что Ларри, вернее Тони, тоскует по ней, но, если он согласится встретиться с Карлой, есть надежда вытянуть из него немного денег, надавив на чувство вины.

На повестке дня остались два пункта. Регистрация в колледже, находившемся неподалеку от станции «Гудж-стрит», прошла удачно: все держались очень дружелюбно. Лекции начинаются завтра. Карла получила список литературы, который рассылали летом? Да? Прекрасно. Сегодня вечеринка для новичков, там все и познакомятся.

По дороге к метро Карла подумала, что у нее есть дела поважнее.

Глава 27. Лили

После вынесения оправдательного вердикта я некоторое время ждала, прежде чем позвонить. Дело водителя грузовика оказалось непростым: сторона обвинения подготовила видеофильм о жертве – счастливая, смеющаяся юная девушка на велосипеде. Это почти поколебало женщин-присяжных, ведь большинство из них сами матери. Но почти – не значит совсем.

– Спасибо вам, – бросилась мне на шею жена водителя в коридоре у зала суда. – В какой-то момент я прям думала, что мы проиграем.

Я тоже так думала, хотя ни за что в этом не признаюсь. Наркотики и пьянство приводят в тюремную камеру либо на тот свет. Я до сих пор с содроганием вспоминаю ту встречу в хайгейтском пабе – с тех пор я больше не притрагиваюсь к алкоголю.

– Сейчас куда-нибудь поедем и отпразднуем, – щебетала жена водителя грузовика, с обожанием глядя на мужа. – Правда, дорогой?

Но водитель, как и я, смотрел в другой конец вестибюля с мраморным полом, где стояла пожилая пара. Супруги молча обнимали друг друга, женщина уткнулась лбом в грудь мужу. Почувствовав мой взгляд, она повернулась и посмотрела на меня так, что я не была уверена, уцелела моя душа или нет. Простите, хотелось мне сказать, я сочувствую вашей потере. И больше всего мне жаль, что память о вашей дочери теперь навсегда останется запятнанной. Но правосудие должно свершиться.

Женщина направилась ко мне. Я внутренне напряглась. Семья интеллигентная (на этом обвинение делало особый акцент в суде): отец – профессор, мать – домохозяйка, воспитывает детей (к счастью, у них остались еще трое), но горе превращает людей в животных, в этом я уже убедилась.

Жена водителя ахнула, когда добрый плевок попал мне прямо в лицо. Мать погибшей девочки метила не в нее, а в меня.

– Как вас только земля носит, – прошипела несчастная женщина, потерявшая дочь.

Я вытерла слюну со щеки носовым платком, который ношу с собой специально для этой цели. Такое случилось не впервые – и наверняка не в последний раз. Профессор уже вел жену в сторону, бросая на меня злобные взгляды.

– Простите, – сказал мне водитель грузовика, стоявший с мокрыми

глазами.

Я пожала плечами:

– Ничего. Рабочий момент.

Но это было не так, и мы оба это понимали. Благодаря анонимному информатору (вы бы удивились, узнав, как легко они находятся) я смогла назвать суду имя дилера, снабжавшего наркотиками девушку, которая выехала на дорогу под грузовик. Иначе мы бы не смогли доказать, что велосипедистка была наркоманкой со стажем, а от этого напрямую зависела степень ее вины.

Правосудие свершилось. Это не всегда выглядит идеально, но ведь за все приходится платить.

Я сошла по каменным ступеням под свежий, бодрящий ветер. Это другой мир, напомнила я себе, переходя дорогу к парку и чудом разминувшись с велосипедистом без шлема. Мир, где я могу выбирать, отправить клочок бумаги с телефоном Джо Томаса в урну или нет.

«Расставим все точки над i», – эту фразу я нередко слышу от своих клиентов. Они готовы согласиться даже на обвинительный вердикт, лишь бы избавиться от изматывающей неизвестности. Я тоже думала, что похоронила прошлое, но всякий раз, получив очередную анонимную поздравительную открытку, понимаю: дамоклов меч по-прежнему висит надо мной. Теперь у меня есть номер телефона.

Если я не позвоню, буду ломать голову, гадая, чего он хотел. Позвонить – означает пойти у него на поводу. Проходившая мимо женщина уронила сумочку. Из нее высыпалась мелочь. Я смотрела, как женщина собирает серебряные монеты, и мне пришла идея. Я вынула из кошелька пятидесятипенсовик и подбросила его в воздух. Голова королевы – не буду звонить, реверс – звоню.

Я поймала монету, прежде чем она упала во влажную траву. Реверс.

Пора было возвращаться в офис, но мне нужно было время подумать – разговор с Джо выбил меня из колеи. Я зашла в Национальную портретную галерею. Я всегда успокаиваюсь при виде лиц, на которых застыли выражения, иногда появляющиеся на моем собственном отражении в зеркале.

За несколько веков эмоции не изменились: страх, заинтересованность, мрачные предчувствия, вина, а когда я прижимаюсь ночью к Эду – облегчение, каким-то чудом мы по-прежнему вместе. Семейная ячейка. В каждом браке есть свои взлеты и падения, любит повторять моя мать. Сдаться слишком легко. Я не поддамся Джо Томасу.

Когда я стояла перед портретом Томаса Кромвеля, в сумке зазвонил мобильник.

– Извините, – шепотом сказала я недовольной паре в одинаковых шарфах.

Я торопливо вышла в фойе, где какая-то туристка возмущалась ценой билета:

– Вот там, где я живу, музеи бесплатные!

Я пошарила в сумке, но телефон оказался на самом дне, и я не успела ответить. Пропущенный звонок. Эд.

Во рту пересохло. Муж никогда не звонит мне в разгар рабочего дня. Значит, с Томом проблема. Что-то давненько у нас все спокойно, без сюрпризов. Дрожащим пальцем я нажала кнопку набора.

Глава 28. Карла

Карла ожидала чего-то величественного – не Королевской академии, конечно, но хотя бы чего-то солидного. А узкий высокий дом, зажатый между обувным и книжным магазинами, можно вообще не заметить, если не знать, что ищешь. Чтобы попасть в галерею, надо было спуститься на несколько ступенек *вниз*.

Войдя, Карла застыла, перестав дышать. Вокруг были только белые стены, и со стен на нее смотрела... она сама.

Карла в детстве. Маленькая итальянка, такая непохожая на других.

Ошибки быть не могло. Некоторые сцены девушка узнала, но были и новые. Вот она смеется. Хмурится. О чем-то задумалась. Мечтает. Картины в больших резных рамах. В узких рамках. Широкие мазки алого и иссиня-черного.

Боже мой, ахнула она про себя, заметив в углу Эда с палочкой угля в руке. Он постарел, лоб избородили морщины, и Карла не помнила, чтобы раньше он носил очки. Но это точно был Эд.

«Посиди смирно, Карла, и думай о чем-нибудь приятном. Хотя бы о своем новом розовом велосипеде. Или о школьной подруге – как ее зовут, ты говорила? Вот-вот, о Марии!» – звучало в ушах Карлы, когда она направилась к Эду.

– Мистер Макдональд?

Эд нехотя оторвался от рисунка и поднял голову, недовольный тем, что его отрывают от работы. Но неприязненный взгляд тут же смягчился.

– Карла? – заикаясь, произнес он. – Малышка, неужели это ты?

Девушка была готова к любой реакции, но только не к этой – к искренней радости. Эд не стыдился, не смущался, не пытался спрятаться.

– Я вам писала. – Карла смотрела Эду прямо в глаза. – Но вы не ответили.

Густые брови поползли вверх.

– Писала? Мне? Когда?

– В прошлом году. Дважды.

– На адрес галереи?

– Да... Но не этой. – Карлу вдруг охватили сомнения. – Сначала на домашний адрес, потом туда, где у вас проходила выставка.

Эд провел рукой по волосам.

– Да, но мы же переехали. Хотя люди, купившие у нас квартиру,

исправно пересылают нам корреспонденцию... А вот на адрес галереи писать было несколько опрометчиво, там выставляются очень много художников.

Верить ли его словам? Кажется, он говорит правду. Карла смотрела на этого по-прежнему красивого мужчину с резкими морщинками у глаз. В его взгляде светились неподдельные теплота и восхищение, в этом она ошибиться не могла. Карла ощутила радостный трепет. В детстве она боготворила этого человека, но теперь она уже взрослая.

Может, есть и другой способ...

– Я писала, что собираюсь приехать. Я выучилась в Италии на юриста и буду завершать образование в Англии. Подумала, хорошо бы вас разыскать...

– Чудесно! – Эд схватил ее за руки и крепко сжал их, задержав в своих дольше, чем нужно. – Не могу передать, как я рад тебя видеть, Карла! Добро пожаловать! Добро пожаловать назад!

Глава 29. Лили

Телефон Эда оказался занят. Я не на шутку испугалась. Отступив и пропуская следующего посетителя в очереди, я снова набрала номер мужа.

– Лили?

Слава богу!

– Что случилось? – выпалила я.

– Ничего! – радостный голос выдавал наплыв эмоций.

Меня накрыло волной облегчения.

– Ты занята?

Станный вопрос. Эд же знает, я всегда занята. Портретная галерея – настоящий бунт с моей стороны: мне сейчас полагается быть в офисе.

– Отдыхаю часок после заседания.

– Вы выиграли? – С годами Эд научился проявлять живой интерес к моей работе.

– Выиграли, – ответила я с гордостью.

– Отличная работа, – искренне похвалил он. – Можешь ко мне подъехать?

– Зачем? Чтобы на тебя посмотреть?

– У меня сюрприз.

– Приятный?

– Очень.

Меня, словно ребенка, охватило любопытство.

– Ну, минут сорок я могу выкроить, – отозвалась я, выходя из музея на улицу.

Галерея Эда занимает старый подвал, в котором, по уверениям мужа, кроется огромный потенциал, особенно в чудесной резной викторианской колонне посередине.

На открытие собралось много народу: анонимный покупатель (даже Эду не назвали его имени, сделка совершалась через дилера) расшевелил интерес публики. Когда клиенты спрашивали, не прихожусь ли я родственницей художнику Эду Макдональду, я с гордостью отвечала, что это мой муж. Но прошло меньше года, и интерес уменьшился: акриловые краски, кричащие тона и широкие резкие мазки мало кому пришлись по вкусу.

Нелестные рецензии задевали Эда за живое, лишая уверенности. На днях он принес домой три бутылки красного вина.

– Я же не сразу все выпью, – с вызовом заявил он.

Я промолчала. Я знаю, что у мужа есть недостатки, но ведь и я не без греха. Мы спокойно поужинали вместе, как всегда в будни, без визга Тома, возмущающегося, что кто-то испортил его тарелку, положив по ошибке на нее горошину («Я же вам говорил, я ненавижу зеленый цвет!»).

Ему бы сейчас еще одну удачную сделку, чтобы укрепить самооценку и оплатить расходы. Может, думала я, осторожно спускаясь по узким каменным ступенькам, потому-то он и выдернул меня с работы? Нашелся новый покупатель?

В галерее я сразу увидела затылок мужа. От этого во мне родилось ощущение спокойствия и удовлетворения.

– Лили! – Эд повернул голову, произнес мое имя так, словно я его знакомая, которую он давно не видел, а не жена, которую он не далее чем утром поцеловал на прощание. – Угадай, кто час назад пришел к нам в галерею?

Из-за колонны вышла миниатюрная женщина с гладким черным каре – копия моего, за исключением цвета. Но женщина была совсем молоденькой – чуть за двадцать. Широкая сияющая улыбка на блестящих пухлых губах приоткрывала мясистые молодые десны. Широкий гладкий лоб. Очень красивая, но не стандартной красоты. На такое лицо можно заглядеться. Я вдруг начала теревать свой серебряный браслет с необъяснимым беспокойством.

– Здравствуйте, Лили! – нараспев сказала девушка и вдруг расцеловала меня в обе щеки, после чего отступила на шаг.

Внутри у меня прошел холодок, будто невидимый нож рассек меня надвое.

– Вы меня не помните? Я Карла!

Маленькая Карла, жившая в соседней квартире больше десяти лет назад, когда мы с Эдом только поженились? Застенчивая, но вместе с тем не по годам развитая девочка, чья красавица мамаша крутила роман с Тони Гордоном? Карла, она же «Маленькая итальянка»? Как же она превратилась в эту самоуверенную молодую женщину с блестящими губами и безукоризненным цветом лица, с продолговатыми кошачьими глазами, элегантно подведенными? А какое самообладание! Мне потребовалось много лет, чтобы достичь такой уверенности в себе.

Но, конечно же, это Карла. Франческа в миниатюре, за исключением длинных локонов. Копия своей матери-одиночки из седьмой квартиры.

– Где же ты была все это время? – вырвалось у меня. – Как поживает твоя мама?

Прелестное, напоминающее жеребенка создание опустило подбородок и чуть склонило голову набок, словно раздумывая над моим вопросом.

– Мама прекрасно, спасибо. Она в Италии. Мы там уже довольно давно...

– Карла нас разыскивала, она нам писала, – перебил Эд.

Я задышала ровно, совсем как в суде, когда надо проявить особую осторожность.

– Вот как?

Это не ложь, а всего лишь вопрос.

– Дважды. – Карла смотрела на меня в упор.

Я вспомнила первое письмо с итальянской маркой, которое пришло на наш прежний адрес год назад и было передано нам новыми жильцами.

Моим первым побуждением было выбросить письмо, как и все другие послания с просьбами дать денег, которые мы постоянно получаем. Люди считают, что, если имя художника у всех на слуху, значит, он богат. В действительности даже с долей в трастовом фонде, выгодной продажей картины и моей зарплатой мы не живем на широкую ногу. Платежи за квартиру и галерею съедают львиную долю доходов, а тут еще дорогостоящее лечение для Тома и его неопределенное будущее.

Я, как всякий нормальный человек, не против помощи людям, но если дать деньги одному, что начнется? Однако Карла – другое дело. Она права, в какой-то мере своим успехом мы обязаны ей.

Год назад я почти решилась на разговор с Эдом, но тут как раз вышла язвительная критическая рецензия, в которой прямо спрашивалось: с какой стати столько отваливать за «грубую акриловую мазню, каких полно на Монмартре»? Муж был сильно задет. Я долго убеждала его, что критик ошибается, а письмо Карлы отложила до лучших времен.

Но затем пришло второе, на адрес галереи, где Эд выставял свои работы. К счастью, когда его переслали нам домой, я столкнулась с почтальоном по дороге на работу. Узнав марку и почерк, я сунула конверт в портфель и вскрыла его в офисе. Письмо было написано уже агрессивнее. Требовательнее. Честно говоря, оно меня испугало: я чувствовала за этим руку Франчески. Если дать маме с дочкой энную сумму, они уже не отвяжутся.

Я снова отложила письмо, солгав себе, что займусь им «рано или поздно», и благополучно забыла о нем. Это было неправильно, теперь я понимаю. Но если бы я написала ответ, объяснив Карле наше финансовое положение, она могла бы и не поверить.

– Мы беспокоились, когда вы так неожиданно съехали, – говорил Эд. –

Почему вы не сказали, куда уезжаете?

Его вопрос вернул меня в тот вечер, когда я в последний раз видела Карлу, к скандалу между Тони, Франческой и мною, подогретый тем, что я тогда как раз решала, разводиться с Эдом или нет.

– Да, – сказала я, скрипнув зубами, – мы очень о вас волновались. – Я взглянула на картины за спиной Карлы. Трудно было не обратить внимания, что весь зал увешан ее детскими портретами. – Как вам нравятся эти работы? – Можно позволить себе маленькую провокацию, чтобы Карлу оставила ее настороженность. Да и я буду выглядеть более невинно в этой истории с оставшимися без ответа письмами.

Девушка вспыхнула густым румянцем.

– О, очень красиво! – Она покраснела еще ярче. – То есть не в том смысле, что я красивая, а, ну, вы понимаете...

– Но ты очень красива, – вмешался Эд. – Прелестный ребенок! Мы оба так считали, правда, Лили?

Я кивнула.

– Помнишь твой портрет, который Эд представил на конкурс? Он занял третье место. Тогда его не купили, но недавно картина ушла к какому-то коллекционеру. – Говоря это, я пристально смотрела на Карлу.

В письмах она упоминала и конкурс, и продажу картины, но сейчас с деланым удивлением ахнула, прикрыв пальцами рот. Ногти и губы искусно выкрашены в одинаковый розовый цвет. Ноготки идеально овальной формы. Ни одного скола на лаке.

– Потрясающе! – восхитилась она.

Возможно, сейчас ей неловко за требовательный тон второго письма, которое, как она думает, мы не получили. Это можно понять.

– Вот почему я пытался тебя отыскать, – пылко прибавил Эд.

Это для меня новость. Но иногда Эд ради красного словца скажет и не такое.

– Я выручил крупную сумму, – молот языком мой муж, заходясь не просто от восторга, а прямо-таки от настоящей эйфории. Я знаю эти признаки: сейчас он способен на любое безрассудство. Я тронула его за локоть в надежде, что он опомнится, но Эд выпалил: – И смог открыть собственную галерею!

Он осекся, и я поняла, что мы с ним думаем об одном и том же (такое с нами часто бывает, как у многих пар, которые прожили в браке достаточно долго).

– Мы должны отблагодарить тебя, – нехотя сказала я, смирившись с благородным жестом, пусть это нам было и не по карману.

– Безусловно, – согласился Эд.

Он не смотрел на меня, но я читала его мысли, как со страницы раскрытой книги. Сколько он ей должен? Сколько мы можем себе позволить?

– Где ты остановилась? – спросила я Карлу, чтобы выиграть время.

– В хостеле в Кингс-Кросс, – вздохнула Карла. – Там столько тараканов...

Уверенная в себе особа исчезла. Передо мной стояла молоденькая девушка, покинувшая свою родину и с трудом привыкающая к городу, который сильно изменился за десять лет. Я перестала думать, какую сумму мы ей дадим и как мне неловко в присутствии этого живого напоминания о прошлом. Мне снова захотелось ей помочь – отчасти из чувства вины.

– Ты обязательно должна у нас поужинать.

– Да-да! – Эд засиял, как медная монета.

Мысленно он уже ее рисовал. Отличная идея – повзрослевшая «Маленькая итальянка». Никаких кудряшек – гладкое каре. Новый стиль. Пастель, а не акрил. Эд поговаривал о смене живописной манеры... Мне вдруг показалось, что появление Карлы в нашей жизни – как раз то, чего моему мужу не доставало для творческого подъема.

– Приходи сегодня, – с разгону пригласил Эд.

Нет, это чересчур. Мне надо с ним поговорить.

– Как раз сегодня не очень удобно, – сказала я, шаря в сумке в поисках ручки. – Дай мне свой телефон, я тебе позвоню.

Карла с готовностью написала номер.

– В колледже скоро начнутся занятия, но я выберу время. – Она выпрямилась. – Я защитила в Италии диплом юриста и теперь намерена пройти курс обучения в Англии и подтвердить свой диплом. Я буду как вы, Лили!

Почему мне вдруг стало трудно дышать? Почему мне показалось, что эта красивая девушка посягает на мою территорию? Это моя вотчина, а не ее!

– Тебе придется выдержать очень жесткую конкуренцию, – услышала я свой голос. – В этой сфере не прощают ни малейших промахов. Ты действительно этого хочешь?

– Вы стали моим кумиром! – Глаза Карлы засверкали. – Я помню знаменитое дело о трагедии из-за бойлера, которое вы как раз вели, пока Эд меня рисовал. Я изучала этот процесс в университете. Как звали обвиняемого – Джо Томас? Вы твердили, что он невиновен, и клялись заставить весь мир в этом убедиться...

Ее речь показалась мне заранее отрепетированной. Значит, Карла приехала не просто так? Или у меня разыгралось воображение при имени человека, которого я всячески стараюсь забыть?

Усилием воли я отогнала мысль о сегодняшнем телефонном разговоре с Джо Томасом.

– Лили будет помогать тебе с учебой, – влез в разговор Эд. Он как ребенок – старается угодить. Я понимаю почему. Он чувствует себя обязанным. В конце концов, на этой девочке он построил свою карьеру.

– Созвонимся и договоримся об ужине у нас дома. – Я вложила ей в ладонь свою визитку. – А пока вот наши координаты.

– И это возьми, – муж сунул Карле двадцатифунтовую банкноту. – От метро возьмешь такси.

– Эд, – сказала я, стараясь держаться спокойно, – можешь прийти сегодня пораньше? Нам надо кое-что обсудить.

Он замолчал, стараясь поймать мой взгляд. Кое-что обсудить. Кое о чем нужно поговорить. Всякий раз, когда мы произносили эту фразу, речь шла о серьезных вещах. О нашем браке. О тесте на беременность. О диагнозе Тома. А теперь о том, сколько мы заплатим Карле.

– Конечно, – неуверенно ответил он. – Я буду дома, когда ты придешь. – Он засмеялся. – Моя жена теперь важная птица, днюет и ночует в офисе. У нее там даже одеяло есть!

Сарказма от него я не слышала много лет. Ночевать на работе я еще не начала, просто часто поздно возвращаюсь домой. А как иначе, если я один из старших партнеров фирмы?

– Мы еще кое-чего не сказали Карле, – произнесла я.

Эд нахмурился:

– То есть?

Ох уж эти художники... Всегда-то они умеют отгородиться от реальности.

– У нас есть ребенок. Сын. – У меня это вышло неуверенно, как всегда, когда я говорю незнакомым людям, что у меня есть сын. – Его зовут Том.

– Правда? – взгляд Карлы смягчился. – Я очень хочу с ним познакомиться.

Глава 30. Карла

Может, это и к лучшему, что они не получили ее писем, думала Карла. Это упрощает дело, если правильно разыграть партию. По дороге в хостел она думала только о восхищении на лице Эда и приятном трепете, охватывавшем ее от этого восхищения. Сухие осенние листья и холодный вечерний воздух, царапавший горло, напомнили ей день, когда она познакомилась с Лили и Эдом. Ей, маленькой, они казались такими взрослыми, а между тем Лили была тогда всего на пару лет старше, чем сейчас Карла.

Как изменилась ее бывшая подруга! Карла запомнила Лили очень высокой и полной. Единственным достоинством соседки были прекрасные золотистые волосы.

– Хотела бы я научить эту англичанку одеваться, – всегда говорила мама. – Чтобы выглядеть стильно, много денег-то не надо. Нужно только уметь сочетать правильные вещи и носить их с достоинством.

Кто-то Лили этому явно научил, потому что у нее появился стиль. Карла с трудом узнала вошедшую в галерею женщину – Лили очень постройнела и была одета в красивого покроя жакет, скорее всего, от «Макс Мара». Короткое золотистое каре в жизни выглядело даже лучше, чем на фотографии в Интернете. Обрамляя лицо, прическа подчеркивала высокие скулы. С возрастом Лили стала гораздо привлекательнее.

Эд тоже изменился, но от него по-прежнему исходит доброта, и говорит он так, будто читает твои мысли. Во время разговора она сразу почувствовала, что он разглядывал ее нос, уши, фигуру глазами художника. И как лестно, что именно ее портрет приобрел неизвестный покупатель!

Завтра первый день учебы. Сердце Карлы билось от волнения. Ей хотелось добиться успеха в избранной профессии. Страстно хотелось.

– Мы созвонимся, – пообещала Лили, – и договоримся об ужине.

Может, к тому времени Карла уже получит какой-то ответ от Ларри.

«Не волнуйся, мама, – говорила она про себя, благодарно кивнув красивому молодому человеку, пропустившему ее в стеклянные двери. – Я сделаю все, чтобы справедливость восторжествовала».

Глава 31. Лили

Эд сдержал слово и не только пришел из галереи пораньше, но и приготовил ужин. Фирменное блюдо – запеченный в тесте лосось. Мы ели его после получения положительного результата теста на беременность, отмечая начало новой совместной жизни после фальстарта.

Сколько, в принципе, можно прожить, притворяясь? Сколько ждать, прежде чем явится гость из прошлого и оно вернется в один миг?

Карла. Джо. Может, поэтому я сделала сверхчеловеческое усилие и пришла с работы вовремя.

– На сегодня все, – сказала я усердному молодому интерну, корпевшему над выданными мною досье. – Всем иногда нужен отдых.

– Но ведь сейчас только семь часов!

С тем же успехом он мог возразить «четыре часа». Сверхурочная работа для нас не просто будничная реальность, но и один из крепостных валов перед дверью на выход. Иными словами, переработка доказывает преданность профессии и защищает от постоянной угрозы быть выброшенным на улицу. Конкуренция в нашей среде смертоубийственная.

– Пахнет вкусно, – сказала я Эду.

Почему мы так часто делаем комплименты людям, которых боимся задеть? Муж эффектно продемонстрировал блюдо и осторожно поставил его на стол. С фотографии на стене на нас смотрит не по-детски серьезный Том. Как и Дэниэл, он редко улыбается.

– Так о чем ты хотела поговорить? О чем настолько срочном, что нельзя было позвать в гости девочку, за счет которой мы заработали свое состояние?

– Твое состояние, а не мое. Я свои деньги зарабатываю сама.

– Да как же ты не понимаешь. – Глаза Эда засияли. – Карла вернулась! Если она снова согласится мне позировать, какой импульс получит моя карьера! Реклама-то какая будет!

Словно я об этом не думала... Но что-то во всем этом настораживало.

– Пусть так, – начала я.

И тут зазвонил телефон.

– Лучше возьми трубку, – перебил меня Эд. – Наверняка снова по работе, как всегда.

Я неохотно ответила.

– Доченька...

У меня замерло сердце. Я звоню маме каждый день. Дежурный звонок – убедиться, что все в порядке. Виноватый звонок, потому что мама справляется с ситуацией, в которой я беспомощна. Но сегодня она не брала трубку. Потом на меня навалилась работа, и я забыла перезвонить. Да, да, сама знаю.

– Что случилось?

Мать выговорила через силу:

– С Томом... беда.

Между тем, чего мы хотим от жизни, и тем, что нам нужно в жизни, – очень большая разница. И только смерть способна поставить на места этих двух соперников.

Сейчас я очень хочу только одного – жить.

Глава 32. Карла

Прошла уже половина октября. Напрасно прождав звонка от Лили, Карла почувствовала себя обманутой и не на шутку разозлилась. Снова все как с письмами: видно, Лили и Эд из тех, кто говорит одно, а делает другое! Они и не собирались «отблагодарить» ее, как обещали. Они лишь хотели, чтобы она ушла! Этого можно было ожидать от Лили, но Эд с его добрыми глазами Карлу разочаровал.

Если они думают, что на этом все закончилось, то жестоко ошибаются. Она, сказала себе девушка, сидя в холодном хостеле и глядя в учебники (к тараканам она уже привыкла), даст этим англичанам еще две недели, а потом снова наведается в галерею.

Не меньше разочаровал ее имейл от одного из сотрудников Тони Гордона: «В настоящее время связаться с мистером Гордоном никак нельзя. Мы передадим ему ваше сообщение при первой возможности».

Другими словами, Тони не желал ее видеть.

– Походи вокруг его дома, – умоляла мама, когда Карла коротко сказала ей об этом по телефону.

Но названия улицы мама не помнила, только что это «где-то в Ислингтоне». Точного адреса не нашлось даже в «Гугле».

Решив не опускать руки, в субботу Карла несколько часов бродила по Ислингтону в надежде найти какую-нибудь зацепку, пробудить детские воспоминания о том неприятнейшем Рождестве, которое мама проплакала, потому что Ларри не мог быть с ними. Но она помнила только высокий белый дом с большими окнами, которых в Ислингтоне пруд пруди, как говорят англичане.

Ей ничего не оставалось, кроме как направить свою энергию на весьма нелегкую учебу. Курс в университете подобрался талантливый и яркий, однако у Карлы было преимущество. В группе числились только две итальянки, и вторая студентка не могла похвастаться такими, как у Карлы, природными данными – красотой в сочетании с острым умом. Студенты наперебой рвались ей помогать. Карлу столько раз приглашали на кофе и ужин, что она сбилась со счета.

Девушка всякий раз с улыбкой отказывалась, ссылаясь на занятость. Но, добавляла она с еле заметным наклоном головы, было бы очень хорошо, если бы ей кое-что объяснили в последнем домашнем задании.

Однажды вечером, когда руки у Карлы стыли от холода в тесном

номере хостела, зазвонил ее мобильный. Лили!

– Прости, что мы так надолго замолчали, – неуверенно сказала бывшая соседка. – Дело в том, что после нашей последней встречи... у нас возникли некоторые проблемы.

Последовала краткая пауза. Карла чувствовала, Лили есть что сказать, но она сдерживается.

– Вы заболели? – поспешила спросить она.

– Нет, – в трубке послышался отрывистый смех, – не я.

В душе Карлы поднялась паника.

– Значит, Эд?

– Нет, он тоже здоров.

Это хорошо. Из них двоих Карла предпочитала Эда с его благодарными глазами. Лили доверять нельзя. Да, когда-то Карла боготворила соседку, научившую ее делать кексы «Виктория» и пускавшую к себе в гости, пока мама «работала». Но вспомните, чем все обернулось, когда Лили встряла между мамой и Ларри! Да и ее работа... Карла криво улыбнулась, вспомнив, как сочла Лили убийцей, увидев у нее в досье слово «убийство». Все-таки нужно иметь определенный склад характера, чтобы защищать человека, обвиненного в том, что он отнял чужую жизнь. Карлу передернуло. Уголовное право не для нее. Вот трудовое законодательство, в один голос говорили преподаватели, – пожалуйста. К нему у Карлы явные способности.

Лили тем временем говорила о своем сыне:

– У Тома... гм, у него неприятности в школе, но мы уже все уладили.

– Ну и слава богу. – Карла признавала, что следовало проявить больше участия, но, по правде говоря, все это ее не трогало. Некоторые из ее подруг в Италии уже растили малышей; может, когда-нибудь и ей захочется чего-то подобного, но сейчас у нее в планах дела поважнее.

– Мне пришлось отпрашиваться с работы, – продолжала Лили. – Но я уже вернулась в Лондон, и мы с Эдом хотим спросить: не согласишься ли ты прийти к нам на ужин на следующей неделе?

Дом Эда и Лили оказался очень красивым. Ветер гнал по тротуару разорванный пустой пакет из-под чипсов. Карла постояла, глядя на изящное высокое строение из белого кирпича с запоздалыми геранями на балконе. Шорох в живой изгороди, окружавшей дом, напугал девушку, но это оказалась всего лишь птица. Успокойся, велела себе Карла. Ты нервничаешь потому, что наконец оказалась у цели.

Сунув под мышку принесенный букет, Карла нерешительно взялась за

массивное серебряное кольцо на полированной черной двери. Когда Эд распахнул дверь («Входи, входи же!»), Карла залюбовалась черными и белыми плитками пола прихожей. Каждая комната казалась картинкой из журнала. Всюду белый. Белый цвет и стекло. Стеклянные кофейные столики. Белые стены. Белые столешницы на кухне.

Должно быть, у них куча денег, если смогли позволить себе подобную роскошь. Однако впечатление было такое, что Лили старалась избегать любого цвета.

– Розы! – Эд зарылся лицом в букет, которые Карла купила за полцены в уличном киоске перед закрытием. – Какой аромат! И какой изумительный оттенок розового, совсем как зардевшиеся щеки! Присаживайся, Лили сейчас спустится.

Карла, присев за стеклянный стол на кухне, думала, что она бы поставила сюда сосновую скамью в деревенском стиле, а там постелила бы алый ковер...

– Добро пожаловать, – сказала Лили, неожиданно появившись на пороге.

Карла обменялась с хозяйкой дома воздушным поцелуем и окинула оценивающим взглядом ее кремовые брюки и стильные бежевые лодочки. Вот бы и у нее были деньги, чтобы так одеваться, а не бегать по секонд-хендам и надеяться на мамин талант портнихи!

– Спасибо за приглашение.

– Тебе спасибо, что пришла. По телефону я уже попросила у тебя прощения, что встречу пришлось отложить. Ну что, Эд, ужин готов?

«Ужином» был покупной рыбный пирог. Дома у Карлы это сочли бы позором: еду нужно готовить самим. Это занимает много часов, зато демонстрирует уважение к гостям.

За столом, несмотря на попытки поддержать светский разговор, Карла ощущала подспудное напряжение.

– У вас очень минималистская обстановка, – в отчаянии сказала она.

С самого приезда Карла взяла за правило заучивать по одному новому английскому слову каждый день. «Минимализм» было одним из них. Девушка давно ждала возможности блеснуть своими познаниями.

Лили воткнула лопатку в пирог так, что через края выступил сок.

– Это чтобы обстановка не спорила с картинами моего мужа.

С картинами? Но Карла увидела только две работы.

– Я словно потерял свой творческий талисман, – сухо сказал Эд, наливая доверху вина себе и Карле. Бокал Лили остался пустым – она пила газированную воду. – Все перепробовал, ничего не помогает.

Что-то явно произошло после той встречи в галерее. Лили и Эд казались опустошенными. Что-то потушило их внутренний свет.

– Не понимаю.

Эд взял нож и вилку. Карла последовала его примеру. Лили, как она заметила, даже не пыталась притворяться, что ее интересует еда, будто пирога и не было на столе.

– У меня иссякло вдохновение. Отчасти потому, что Том... в общем, нездоров. – Он замолчал под предупреждающим взглядом Лили.

Чувствуя, как накаляется обстановка, Карла спросила, тщательно подбирая слова:

– Но ему уже лучше?

– Лучше? – Эд сделал большой глоток и грубо засмеялся. – Тому никогда не будет лучше, и...

– Эд, – резанул воздух голос Лили, – мы не должны вываливать свои проблемы на нашу гостью. Расскажи мне, Карла, как твои занятия?

Карла рассчитывала каким-то образом, рассказывая о своем детском восхищении Лили и о лекциях, которые успела посетить, навести разговор на Ларри, вернее, на Тони Гордона.

Когда она замолчала, повисла тишина. Эд и Лили пристально рассматривали стол перед собой. «Отлично, – подумала Карла, – возьмем быка за рога».

– Вообще-то, – быстро сказала она, – я хотела спросить, не подскажете ли, как найти мистера Гордона? У меня для него сообщение от мамы. Я написала на электронную почту его помощнику, но мне ответили, что в настоящее время с ним связаться нельзя.

Лили вздрогнула. Эд, почти прикончивший бутылку, невнятно пробормотал:

– Еще бы!

– Причина, почему Тони сейчас недоступен для контактов, Карла, в том, что он тяжело болен, – медленно сказала Лили, отодвигая в сторону тарелку с почти нетронутым пирогом. – Он в хосписе, недалеко отсюда.

– В хосписе? – у Карлы перехватило дыхание. От радости.

– У него рак. Бедняге совсем недолго осталось...

– Бедняге? – фыркнул Эд. – Раньше ты о нем не так говорила. – Он повернулся к Карле: – У них, видишь ли, возникли разногласия по поводу одного дела, но моя жена отказывается объяснять подробности, ибо это конфиденциально. – Он многозначительно постучал пальцем по носу. – Вот тебе и весь закон.

– Нечего пить, если не умеешь держать себя в руках, – холодно сказала

Лили с едва сдерживаемым гневом.

– Я-то могу, а вот... – Эд поднялся на ноги и покачнулся.

– Довольно!

Они ссорились, будто Карлы и не было за столом. Ее снова окатила волна странного восторга. Один из ее новых преподавателей недавно сказал: «Если хотите быть на шаг впереди во время судебного разбирательства, вам только на руку, если в противной стороне нет согласия».

– Извини, – Лили тронула ее за локоть, когда Эд вышел. – У нас сейчас трудный период. – Она вложила в руку Карлы конверт. – Это маленькая благодарность. Премия, которую Эд получил десять лет назад, и немного сверх. – Лили говорила отрывисто. Резко. Без теплоты. Словно это была подачка, а не подарок.

– Благодарю вас. – Карле хотелось швырнуть конверт обратно: от их «благодарности» она почувствовала себя грязной. Униженной. Лили явно хотела избавиться от нее. – Это очень любезно с вашей стороны, но мне нужно еще кое-что.

Лицо Лили на миг исказилось от тревоги, взгляд стал каменно-твердым. Она решила, что Карла хочет еще денег! Эта мысль придавала Карле сил. Разумеется, хочет. Но всему свой черед.

– Не могли бы вы, – продолжала девушка, спокойно выдержав враждебный взгляд, – написать мне название хосписа Тони Гордона?

Лицо Лили смягчилось.

– Конечно. – Она достала ручку. – Вот. Я тебе позвоню, Карла. Прости за эту сцену. У нас действительно проблемы. Эд сейчас не в себе.

Выйдя на улицу, Карла приоткрыла конверт. Тысяча фунтов? Если они решили, что этого достаточно, они жестоко ошибаются.

Глава 33. Лили

– Я и не надеялся, что вы придете.

Мы сидели за уличным столиком итальянского ресторана возле Лестер-сквер. Я еще не пришла в себя после ужина с Карлой, не говоря уже о происшествии с Томом. Отчасти это и стало причиной, почему я здесь.

Погода непривычно солнечная для этого времени года. Я без пальто, но не снимаю темных очков в красной оправе. Очки дают необходимую защиту от яростно пылающего оранжевого диска в небе, а заодно помогают рассматривать собеседника, не позволяя ему уставиться мне прямо в глаза, что он всегда хорошо умел.

Джо Томас, надо сказать, ничем не отличается от бизнесменов, которые торопливым шагом проходят по улице. Респектабельный в своем темно-синем костюме, гладко выбритый, аккуратно подстриженный. Начищенные до блеска черные туфли с острыми носами. Загар.

– Что вам нужно? – Я нарочно говорю ровным, без эмоций, голосом.

Веди себя как обычно, твержу я себе. Поэтому я и предложила этот столик – у всех на виду.

Его пальцы передвинули нож и вилку, уложив их ровно по краям салфетки под прибором. Ногти у него чистые и ухоженные.

– Это не очень вежливо.

– Невежливо? – засмеялась я. – А как вы тогда назовете препятствование правосудию? – Я понизила голос, хотя и так говорила тихо: – Вы убили свою подружку и внушили мне, что невиновны!

– Вам хотелось, чтобы я оказался невиновным. – Мой собеседник подался вперед. Его дыхание смешивалось с моим. – Вы думали, я такой же, как ваш брат.

Я отстранилась. Напрасно я сюда пришла... Однако у меня накопилось слишком много вопросов.

– Я не хочу, чтобы вы присылали открытки. Откуда вы узнали, когда у меня день рождения?

– Нашел в Интернете. Там почти все можно найти. – Джо Томас улыбнулся. – Поймите, я лишь хотел напомнить, что по-прежнему думаю о вас. Но я здесь из-за Тома.

Я замерла:

– То есть?

– Мне кажется, вы догадываетесь, поэтому и пришли. Я объявился бы

раньше, но до недавнего времени работал за границей. Возвращаюсь и узнаю, что у вас ребенок. – Он снова перегнулся через стол. – Лили, мне нужно знать: ребенок мой?

Я похолодела. Ноги под столом затряслись. Грубые слова едва не вылетели изо рта, но мне удалось сдержаться и заменить их более приличными.

– Нет, конечно! Не будьте нелепым, я не знаю, о чем вы говорите! – Придерживаясь за край стола, я встала.

– Я говорю о нас, – умоляюще сказал Джо. Сквозь надменность прорезалась нотка отчаяния. – Не уходите, я должен знать правду!

– Правду? – Я засмеялась. – Что вы знаете о правде? У вас разыгралось воображение, мистер Томас... – Я замолчала. Не его вина, что у него «поведенческие отклонения», как мы утверждали в суде, но это не объясняет всего, что он сделал. – Двенадцать лет назад вы были моим клиентом, и я горько жалею о том дне, когда помогла вам выйти на свободу. Никогда себе этого не прощу. – От выступивших слез все перед глазами расплывалось. – Несчастливая Сара Эванс...

Джо схватил меня за руку:

– У меня тоже есть чувства. Я сделал ошибку и сожалею о ней. Но ведь это же помогло другим – вспомните, сколько жертв получили компенсацию!

Я высвободила руку. На нас смотрели с соседних столиков. Бросив на стол двадцатку, я вышла из ресторана и, не оглядываясь, зашагала через площадь.

– С Томом... беда.

Даже сейчас, спустя несколько недель, меня преследует голос матери, дрожащий от страха. Я слышу его во сне. Слышу, когда просыпаюсь. Слышу, когда мне полагается внимательно слушать на совещаниях, хотя умом понимаю, что тот «экстренный случай» уже улажен. До очередной выходы Тома.

Мы с Эдом, конечно, срочно выехали в Девон – буквально на следующий день после шокирующей встречи с Карлой в галерее. Я диктовала краткие, резкие инструкции секретарше и младшим сотрудникам, а Эд вел машину, сжав губы в тонкую линию, всем своим видом говоря: «Ради бога, неужели ты не можешь забыть о работе, когда речь идет о нашем сыне?»

Я понимала его недовольство – я говорила себе то же самое, особенно когда видела женщин с сыновьями возраста Тома на улице или в очереди в

Музей мадам Тюссо.

Однако Том не стал бы стоять в очереди. Он бы громко беспокоился, правильно ли поставил ноги. Спросил бы женщину впереди, почему у нее бородавка на подбородке, давно ли она появилась и почему она ее не удаляет. Дети вроде Тома не осознают, что говорят дерзости.

Мне пришлось бы, испытывая неловкость, объясняться, а женщине с бородавкой – выйти из очереди. Конечно, тяжело, когда подросток ведет себя как двухлетний малыш, но с этим я в состоянии справиться.

Справиться со вспышками агрессии намного сложнее. Взять хоть шрам у меня на лбу – это Том нечаянно задел сковородкой. Я не убрала кухонную посуду на положенное место, вот сынок и кинулся наводить порядок. А след на предплечье Эда? Это он однажды пытался сыграть с сыночком в футбол, но Том плохо ориентируется в пространстве – особенность детей с таким диагнозом. Он расстроился. И впился зубами Эду в руку.

Мы всячески старались «применять структурную стратегию, чтобы справляться с трансгрессивным поведением», согласно одному весьма полезному совету в Интернете, но Том становился старше и крупнее (он уже перерос меня), и ситуация усугублялась. Он все чаще позволял себе выкидывать номера, и дальше терпеть это было нельзя. Это стало предельно ясно после пятичасового марш-броска в Девон: утром нас ждала у себя директор школы.

– Ваш Том набросился на учительницу с ножницами.

Безнадежность в голосе директрисы, обычно выражавшей большое сочувствие, дала понять, что она тоже дошла до предела. Тому, несмотря на его «особые потребности», разрешили посещать местную школу благодаря нашим связям (я там училась, а мама является членом попечительского совета) и настойчивым просьбам: мы хотим, чтобы сын рос в обычной обстановке. Если поместить его к «таким, как он», доказывали мы с Эдом, у него не будет ролевых моделей, и его поведение не изменится.

– Мы делали все возможное, но мы с ним уже не справляемся. – Директриса говорила так, будто мы с Эдом тоже стояли перед ней с ножницами.

– С учительницей все в порядке? – едва сдерживаясь, спросил Эд.

– Как сказать, – отрывисто ответила директриса. – Если пять швов считать порядком, то да.

– Том тоже ушибся, – вспыхнул муж.

– Он упал сам.

Я привыкла выступать посредником между клиентами или между

клиентом и барристером, но, когда заходит речь о моей семье, вся моя профессиональная подкованность куда-то исчезает. Придерживайся фактов, твердила я себе, как твержу клиентам перед процессом. Придерживайся фактов.

– Не могли бы вы нам рассказать, что конкретно произошло? – попросила я. – Мама сказала, что на уроке географии вышел спор.

Директриса взглянула на меня с неодобрением.

– Детям дали задание вырезать географические карты. Том расшумелся из-за того, что у него вышло якобы неровно, и заявил, что ему нужно больше времени. Учительница ответила, что он прекрасно справляется, а закончить надо до большой перемены. Между ними разгорелся спор, в ходе которого Том схватил ножницы и едва не заколол ее. К счастью, учительница успела отскочить и ножницы вонзились в стол.

– Подождите, вы же сказали, ей наложили швы?

– Да. – Директриса сверлила Эда взглядом, будто он был ничем не лучше Тома. – Она упала, пытаясь увернуться от ножниц, и разбила голову.

– То есть не Том ее порезал, а произошел несчастный случай?

– Не в этом дело! – повысила голос директриса. – Все могло закончиться фатально!

– Так это же все объясняет! – облегченно вырвалось у меня. – Том не хотел ей навредить, ему самому было плохо оттого, что очертания его карты несовершенны, разве вы не понимаете?

Директриса покачала головой:

– Нет, миссис Макдональд, не понимаю.

– Вы же знаете, Тому нужно, чтобы все было правильно, это его особенность.

– Пусть так, но я не потерплю насилия в отношении персонала школы. Вам еще повезло, что мы не обратились в полицию. – Директриса встала, показывая, что разговор окончен. – Мне очень жаль, но вы наверняка помните, что сказал в прошлый раз педагог-психолог.

В моей памяти промелькнул случай, когда Том на игровой площадке слишком близко подошел к одной из девочек (у него проблемы с восприятием личного пространства). Она его оттолкнула, он толкнул ее в ответ, девочка неловко упала и сломала запястье. Вся вина – по моему мнению, несправедливо – была возложена на нашего сына.

– А теперь очередной... пример его поведения, – устало сказала директриса. – Мы не можем больше держать у себя Тома. Пришло время задуматься о специальной школе, где смогут справиться с его... проблемами. А пока он отстранен от занятий.

Как всегда, вмешалась моя мама. Она уже проходила «трансгрессивное поведение» с Дэниэлом и на этот раз твердо настроилась все сделать правильно.

– Мы присмотрим за ним дома, пока вопрос не решится, – настаивала она, измученная встречей с директрисой.

– А где он сейчас?

Мама закусила губу.

– У себя. Задвинул чем-то дверь и не открывает. Но с нами разговаривает, стало быть, с ним все нормально, наверное.

Ужас холодной стрелой пронзил сердце. Мне представилось, как Том выбрасывается из окна, режет себе запястья ножницами, висит под потолком...

Мы с Эдом бегом кинулись на второй этаж.

– Том, это мама. С тобой все в порядке?

Молчание.

– Том, – сказал Эд. – Мы знаем, что произошло в школе. Впусти нас.

Это можно было продолжать до вечера: Том на такое не поддавался.

– Я не хочу разговаривать.

– Ты знаешь, что учительнице пришлось накладывать швы? – не отступал Эд.

– Могла бы и не накладывать, – отрезал Том. – Не надо было падать.

Учительница виновата, что упала. Я виновата, что расстроила Дэниэла перед его концом. Эд виноват, что не рассказал мне о трасте. Джо виноват в убийстве Сары Эванс.

Кто может разъяснить, что такое на самом деле вина? Это не такой простой вопрос, как кажется.

Мы с Эдом, изо всех сил стараясь не терять самообладания, начали что-то решать с дальнейшим обучением Тома. Нелегко найти школу при его специфике, но онлайн-группа и школьный психолог подсказали, где попытаться счастья. Как мы позже узнали, другим родителям пришлось потратить массу времени на поиски «адекватной учебной программы для детей с расстройствами аутической природы», так что нам еще повезло.

Хорошая, согласно отзывам, школа находилась в часе езды от дома родителей. Интернат с гибким расписанием снимал с нас львиную долю проблем, однако усиливал чувство вины. Но ситуация требовала немедленных действий, поэтому мы с Эдом поехали на разведку. Там учились такие дети, как Том, но многие были еще сложнее: когда мы проходили по коридору, одна учительница смывала со стены кал. Этот

запах словно въелся в нас и душил осознанием, на какую жизнь мы обрекаем сына.

– Как же можно его в интернат? – плакал Эд на обратном пути. Наглухо забитое машинами шоссе могло служить аллегорией тупика, в котором мы оказались.

– Ты же учился в интернате.

– Это совсем другое.

– Ты имеешь в виду, что твой был престижным?

– А хоть бы и так!

– Мы отправляем сына в интернат, потому что не можем с ним справиться, а там предоставляют специализированную помощь, – сказала я, барабанив пальцами по рулю.

– Как холодно, как бесстрастно ты это говоришь!

А я только так и могла выдержать. Это лучше, чем метод Эда, надиравшегося не только вином, но и водкой.

Спустя несколько недель я набрала номер Карлы и извинилась, что мы не отвечали на ее звонки.

– У нас возникли проблемы, – сказала я, коротко пояснив, что у Тома неприятности в школе, но мы уже со всем разобрались.

Мы пригласили ее на ужин. Напряжение не проходило, но ужин прошел лучше, чем я ожидала, за исключением неловкости с картинами Эда и еще когда муж позволил себе сказать лишнего о Томе. По крайней мере, не сболтнул, что мы перевели сына в другую школу, где привыкли к его «типу поведения», и что теперь Том отказывается разговаривать с нами по телефону.

Мы вспоминали прежние дни, когда Карла была маленькой, а мы с Эдом только поженились. Это напомнило мне о нашем трудном старте, и в какой-то момент я сжала под столом руку Эда. Прости, говорило мое пожатие, я на пределе. И виной тому не только дело, которое я сейчас веду, но и Джо Томас. Но Эд, как обычно, ничего не понял, а у меня не хватило мужества сказать это вслух.

А Карла рассказывала о своих занятиях и вывела разговор на бедного Тони Гордона, которому ее мать кое-что передала на словах. Неужели все это было правдой? Что случилось с этой невероятной парой после того скандала в коридоре? Неужели они поддерживали отношения? Но спрашивать не хотелось, да и в душе мне до сих пор неловко, что я тогда влезла не в свое дело.

Поэтому, поколебавшись, я дала ей адрес хосписа. А почему нет, убеждала я себя. Карла приятная девушка, чем она навредит умирающему?

Глава 34. Карла

Ноябрь 2013 года

В хосписе Карла была один раз: туда забрали подругу ее *нонны*, и там она вскоре и скончалась. Мама водила Карлу навестить старушку. Как недостойно, сетовала она, что родственники не стали ухаживать за ней дома! Хотя у нее невестка англичанка, что с нее взять...

– Я к Тони Гордону, – твердо сказала Карла женщине на ресепшене.

Та взглянула на лежавший перед ней лист бумаги:

– Но вас нет в списке посетителей.

Карла призвала на помощь одну из самых очаровательных своих улыбок.

– Я старая знакомая, ненадолго приехала из Италии. Буду вам очень благодарна.

Женщина улыбнулась в ответ. Улыбка заразительна – мама научила этому Карлу много лет назад.

– Тони сейчас отдыхает, но на несколько минут можете войти. Только учтите, поговорить с ним вряд ли удастся... Волонтер вас проводит.

Карла с опаской пошла по коридору, поглядывая в палаты через открытые двери. Вот молодая женщина лежит на спине с открытым ртом, шумно дыша во сне... Волонтер остановился:

– Вам сюда.

Неужели это Ларри с блестящей машиной? Ларри, который всегда был таким высоким и солидным?

Карла смотрела на лежавшего на спине старика с серой кожей. Шляпы, естественно, не было. Волос на голове не осталось. К горлу подсоединена странная коробочка. Глаза Тони были закрыты, но, когда Карла подошла, он внезапно поднял веки – и замер.

– Ларри, – жестко произнесла Карла.

– Его зовут Тони, – прошептал за ее спиной молодой волонтер.

Карла обернулась.

– Оставьте нас одних, пожалуйста, – твердо сказала она. – Это личный разговор.

Волонтер кивнул и прикрыл за собой дверь.

Карла смотрела на Ларри в упор. Его взгляд застыл, как ей показалось, от страха. Это хорошо.

– Да, это я. – Она заставила себя коснуться коробочки на его горле. –

Мне сказали, вы не можете говорить из-за рака горла. Значит, будете слушать. – Ее голос стал чужим. Жестоким. Как у уличного хулигана. Как у тех, кто издевался над ней в школе. – Ларри, вы обещали моей матери будущее и не выполнили обещания. Вы понимаете, что это значит?

Больные, мутные глаза смотрели на нее с испугом.

– Это значит, что ей, униженной и всеми презируемой, пришлось вернуться в Италию, потому что у нее был ребенок и не было мужа. Мама потратила свои лучшие годы, ожидая, пока вы уйдете от жены. Но вы этого не сделали, потому что вам нравилось сидеть на двух стульях, как говорят англичане.

Ларри шевельнулся – движение показалось почти неуловимым, но остановившийся взгляд был устремлен на Карлу. Девушка почти чувствовала запах его страха, но это не принесло ожидаемого удовлетворения. Ей было почти жалко этого сморщенного, высохшего старика.

– Мама отправила меня сюда. – Руки Карлы в карманах жакета вцепились в подкладку, сжавшись в кулаки. – Просила передать, что по-прежнему любит вас и хочет увидеться, если вы приедете в Италию. Но, как я вижу, это невозможно.

Слеза скатилась из наружного угла левого глаза Ларри. Еще одна – из правого. Карла проглотила комок в горле. Этого она не ожидала.

– Надеюсь, вы сожалеете о своем поступке, – тихо добавила она.

Повернувшись, она вышла в коридор и быстро зашагала мимо дремавшей молодой женщины, мимо медсестры за стойкой, торопясь уйти как можно дальше от этого ада.

Четыре дня спустя зазвонил мобильный. Лили негромко сказала:

– Я решила, тебе нужно знать, Карла. Ночью скончался Тони Гордон. Ты успела его повидать?

– Нет-нет... – Карла вздрогнула. А вдруг ее обвинят в давлении на больного, причинившего вред его здоровью?

– Жаль. – В голосе Лили слышалось облегчение.

Карлу еще тогда удивило, что Лили так легко назвала адрес хосписа.

– Очень жаль. Тони не был святым, но его жизни не позавидуешь.

– В каком смысле?

– Его супруга много лет страдает рассеянным склерозом. Тони наверняка нелегко приходилось... Подумать только, она его пережила! Бедная женщина прикована к инвалидному креслу. Как она будет без него...

В душу Карлы закралось сомнение. Ларри искал то, чего не могла дать

ему жена, – смеха, веселья, компании. И не мог бросить ее, инвалида. Знала ли об этом мама?

– Похороны в следующую среду, вдруг ты захочешь прийти.

Глава 35. Лили

«И каждый день проживи, как последний...»

Слова гимна тронули меня до глубины души – спасительное напоминание о том, что прошлое было настоящим всего мгновение назад. Настоящее существует лишь миг, а потом принадлежит истории.

Тони явно сам выбрал гимны для своей панихиды.

Я незаметно поглядывала вокруг, рассматривая скорбящих и внутреннее убранство. Это была довольно красивая серая церковь, величаво возвышавшаяся рядом с оживленной Олдгейт. Я несколько раз проходила мимо, но зайти все не получалось. Теперь я об этом жалею: здесь удивительно мирно, и есть прекрасный витраж с изображением Девы Марии. Я спохватилась, что молюсь за Тома, и за Дэниэла, и за Эда, и за себя.

Мне и в голову не приходило считать Тони образцовым прихожанином, но из надгробного слова vicar я узнала, что он не пропускал ни одной воскресной службы и щедро жертвовал на благотворительность, особенно обществам, которые помогают больным рассеянным склерозом.

Мы молча смотрели на светло-серый гроб, который несли шестеро мужчин разного возраста. Друзья? Коллеги? Неужели в этом гробу лежит тело блестящего адвоката, человека острого ума, которым я когда-то безмерно восхищалась? Того, кто произвел на меня, юную и наивную, огромное впечатление? Того, кто поддерживал тайную связь с Франческой, матерью Карлы?

Воспоминание кольнуло меня, когда вдова Тони благосклонно приветствовала нас после похорон в зале, примыкавшем к церкви. Она сидела в инвалидном кресле очень прямо, высоко подняв голову, как королева на троне.

– Спасибо, что пришли, – сказала она, точно речь шла о коктейльной вечеринке. Я обратила внимание, что у миссис Гордон мелкие черты лица и почти прозрачная бледная кожа, как у какой-нибудь «красотки за шестьдесят» из статьи в глянцево-м журнале. Колени вдовы были укрыты шелковой шалью цвета фуксии (в приглашении было особо указано: «Не в черной одежде»). Я сама была в серо-голубом дизайнерском костюме с широкими белыми отворотами).

Над вдовой покровительственно склонилась молодая женщина,

видимо, дочь Тони – носом она определенно вышла в папашу.

– Иди обойди наших гостей, дорогая, – сказала ей миссис Гордон.

– Я Лили Макдональд, – представилась я. – Я раньше работала с вашим мужем.

– Знаю, он о вас рассказывал. – Взгляд вдовы стал жестким. Она огляделась – остальные гости держались на почтительном расстоянии – и подалась ко мне. – Мне известно, что мой муж совершал опрометчивые поступки. На смертном одре он рассказал мне о той итальянке. К вашему сведению, она была не первой, но жил он со мной, а это главное. Буду очень благодарна, если вы воздержитесь от сплетен.

Я была шокирована ее прямоотой. Казалось, вдова только и ждала встречи со мной для своего демарша.

– Знаете, ведь он все для меня делал, – продолжала миссис Гордон. Она приподняла руки, и я увидела, что ее пальцы сведены и скрючены, как когти. – Когда я уже не могла резать то, что у меня на тарелке, Тони делал это за меня. – На губах вдовы Тони играла улыбка, но взгляд остался ледяным. – По утрам он меня одевал, каждый вечер наливал ванну и помогал мне в нее лечь.

Мне живо вспомнилась комната для посещений, Джо Томас, любивший наливать ванну Саре, и мелькнувшая у меня мысль о том, что Тони Гордон не стал бы набирать ванну своей жене. Как сильно можно ошибаться...

– Я вас понимаю, – сказала я, не покривив душой.

В каждом браке есть свои солнечные и ненастные дни, но все равно можно найти способ быть счастливым. Взять хоть нас с Эдом.

– Спасибо. – Вдова наклонила голову.

Тут же, будто по неслышному зову, подошла ее дочь, и миссис Гордон поехала по залу – общаться с другими гостями, с достоинством благодарить их, гадая, кто из них еще знает о похождениях ее покойного мужа, твердо придерживаясь собственной версии верности Тони. Как легко мы себя обманываем...

На выходе из церкви я столкнулась с высоким человеком в темном костюме, ходившим туда-сюда по тротуару. По спине у меня пробежал холодок. Темно-карие глаза. Волосы короче, чем в прошлую встречу, – почти как армейский «ежик».

– Что вы здесь делаете? – От страха я охрипла.

– А почему мне нельзя здесь быть? – Его слова прозвучали жестче, чем гладкие, отрепетированные речи других гостей. – Мы с Тони были добрыми друзьями.

Я хотела отойти, но толпа была слишком плотной. Казалось, весь мир собрался отдать дань уважения покойному.

– Он был вашим адвокатом и вытащил вас на свободу, хотя вам полагалось гнить за решеткой до самой смерти, вот и все.

– Пожалуйста. – Он взял меня за руку повыше локтя. – Не так громко.

Я попыталась стряхнуть руку Джо, но его хватка вдруг стала железной.

– Да как вы смее? – задохнулась я.

Джо ухмыльнулся. Так же как ухмылялся после вынесения вердикта, когда мы вышли из здания суда под вспышки камер и вопросы осаждавших лестницу журналистов.

– «Сметь» имеет общий корень со смелостью, не правда ли? Вот вы, допустим, отважны. Иногда даже задиристы.

«С меня достаточно», – подумала я.

– Прекратите играть со мной в шарады.

– Я только хочу кое-что прояснить, вот и все. Это для вашей же пользы, Лили, я убежден, что вы не захотите обнародовать это перед публикой.

– Что обнародовать?

Мы подошли к самому краю тротуара. Мимо с шумом проносились машины. Мне захотелось убежать и спрятаться.

– Я много помогал Тони после освобождения. Это была моя благодарность.

– Не понимаю. – На самом деле я понимала. Вернее, начинала понимать.

– Я подбрасывал Тони информацию по делам, которые он вел. – Джо Томас потер нос сбоку. – Не в последнюю очередь поэтому он так бился за меня. Я обещал быть ему полезным и сдержал слово. Я много чего узнал, пока сидел. Кое-какие мои знания оказались просто бесценными.

– Что конкретно?

– Я не могу сказать, что конкретно, Лили, вы не можете этого не понимать. И не делайте вид оскорбленной невинности – вы тоже не в убытке.

– Что?!

– Бросьте! Вспомните анонимного информатора в деле водителя грузовика!

Я похолодела. У нас не было никакой уверенности, что мы добьемся оправдания подзащитного, пока в бюро не поступило анонимное письмо в конверте без марки. Там было только имя дилера, продававшего наркотики

погибшей девочке-подростку. Это стало главной уликой, поколебавшей жюри. Я тогда еще убеждала себя, что анонимные информаторы не редкость и что помочь мог кто угодно, необязательно связанный с моим прошлым.

– Откуда вам известно, над каким делом я работала?

Он опять коснулся носа:

– Может, я встречаюсь с одной из секретарш?

– С какой же?

Джо принял мой вопрос за интерес.

– Не все ли равно? – Он пожал плечами. – Она для меня ничего не значит. Она просто средство.

– Вы ведь жили за границей!

– Не постоянно.

Я смотрела на Джо в упор.

– Зачем вы это делали?

– Потому что вы вытащили меня из тюрьмы. Хотелось вас отблагодарить. Я не терял вас из виду. Узнал, что у вас проблемы с этим делом, и решил протянуть вам руку помощи.

– Откуда узнали?

– Не скажу.

Не «не могу сказать», а «не скажу».

– Кроме того, есть же еще и Том, – продолжал он. – Помогая вам, я помогал ему.

– Мне не нужна ваша помощь, – сказала я, вновь почувствовав давнее ощущение – почти магнетическое притяжение к человеку, которого я презираю, однако побороть влечение к которому не могу.

– А я считаю, нужна. – Лицо Джо Томаса оказалось так близко, что мы едва не касались друг друга. – Признайте, между нами что-то есть.

Я чувствовала его дыхание. Запах его кожи. От него пахло опасностью, но я не могла шевельнуться.

– Я хочу знать, Лили, – продолжал он, едва не касаясь губами моего рта, – как там наш сын?

Наш сын?! Я отпрянула.

– Я вам уже сказала, он не ваш.

И я торопливо пошла прочь, забыв о высоких каблуках. По улице, мимо супермаркета и кинотеатра, где обычные люди проводили часть своей жизни. Стремясь максимально увеличить расстояние между мною и Джо Томасом, прежде чем совершу какую-нибудь глупость. Снова.

Глава 36. Карла

РУБРИКА «НЕКРОЛОГИ»:

Известный адвокат Тони Гордон скончался 22 ноября после длительной борьбы с тяжелой болезнью. Верный и любящий муж и отец...

Дорогая мама, мне нужно тебе кое-что рассказать...

Нет, не так.

Мамуля, хочу сообщить тебе, что я нашла Ларри...

Нет, это может пробудить в ней надежду.

Мамочка, любимая, моя новость может тебя огорчить...

Это хоть немного ее подготовит.

Тони Гордон, которого мы знали как Ларри, недавно умер. Мне удалось повидать его перед самым концом и передать твои слова. Он тебя не стоил, мама. Бог наказал его за грехи ранней смертью. Теперь мы наконец можем навсегда вычеркнуть Ларри из нашей жизни.

Затолкав газетную вырезку с некрологом в конверт и наскоро его запечатав, Карла опустила письмо в почтовый ящик, торопясь в церковь.

– Похороны в следующую среду, если вдруг захочешь пойти, – сказала Лили по телефону.

– Нет, спасибо, – отозвалась Карла, не покривив душой. Но в последний момент отменили лекцию о правонарушениях, и у нее появилось время сходить на панихиду и вернуться к следующей паре. Можно сказать, судьба.

Карла стояла в дверях церкви (свободных мест не осталось). Вокруг низким гулом вибрировали слова священника, говорившего в микрофон:

– Прекрасный семьянин... столп нашей общины... непоколебимый поборник правосудия...

Какое лицемерие! Подумать только, ведь Карле достаточно

протолкнуться сквозь набившихся в церковь провожающих, одним прыжком оказаться на кафедре и рассказать собравшимся всю правду о Тони!

– Правда противно? – сказал высокий человек, втиснувшийся рядом с ней.

Карла обратила внимание на очень короткую стрижку и отрывистую речь.

– Знали бы они правду!

Девушка вздрогнула от удивления. Но человек, обращаясь к ней, смотрел куда-то вперед, на заполненные до отказа скамьи, где сидела женщина в безупречно скроенном жакете, подчеркивавшем фигуру и оттенявшем золотистые волосы.

Лили! Неужели этот человек ее знает? Или она символ всего, что он так явно презирает?

– О чем вы говорите? – шепотом спросила Карла.

Темные глаза незнакомца повернулись в глазницах:

– Я думаю, вы прекрасно понимаете. – Он держался свободно, как старый знакомый.

– Но... – заинтригованная, начала девушка.

На них зашикали, и не успела Карла ничего спросить, как коротко стриженный человек выскользнул за массивную дверь так же беззвучно, как и вошел.

– Карла, а что ты делаешь на Рождество?

Этот вопрос задавали все – от ярко-рыжего юноши с длинной челкой, который ходил за Карлой по всему институту, до Лили, когда Карла, огорченная, что «старая подруга» не звонит ей после похорон, позвонила сама – уточнить почтовый индекс, «чтобы прислать вам с Эдом открытку». Девушка рассчитывала напроситься на новое приглашение.

– Что я делаю на Рождество? – повторила она, эффектно выдержав паузу. – Я надеялась съездить в Италию, но мама гостит у овдовевшей тетки в Неаполе и считает, что мне лучше остаться здесь.

Карле не пришлось подделывать грустные нотки в голосе: у нее заболело в груди, когда мама написала ей о своих планах. Они еще никогда не проводили Рождество порознь! При виде петлистого почерка мамы Карле отчаянно захотелось домой – прижаться щекой к мягкой маминой щеке, каждый день говорить на родном языке, есть домашний хлеб *нонны* и много чего еще. Но у нее нет денег! Учиться за границей очень дорого, от скромной суммы, выданной дедом, практически ничего не осталось. Если

бы не тысяча фунтов от Эда и Лили, Карле нечем было бы платить за хостел и еду. Что будет, когда закончатся и эти деньги?

– Тогда ты обязательно должна поехать с нами к моим родителям в Девон.

Да! Однако что-то в тоне Лили подсказывало Карле, что приглашает она нехотя, из вежливости. Эд, не сомневалась девушка, отнесся бы теплее. В последний раз из них двоих он держался гораздо дружелюбнее.

– Только одно «но», – добавила Лили. – Наш сын, Том... Он немного... не такой, как все, я уже говорила. Невозможно предсказать, как он поведет себя в присутствии незнакомых людей, так что будь готова.

Не такой, как все? Карла знала, что такое выделяться на общем фоне. Разве в школе она не чувствовала себя чужой, несмотря на все старания не отличаться от других?

Сидя в поезде, увозящем ее из Лондона, она отвечала на расспросы соседей. Пассажиры, что необычно для англичан, оживленно болтали, спрашивая, куда она едет на Рождество и согласна ли, что иллюминация на Оксфорд-стрит просто великолепна.

С собой девушка везла скромные подарки – вышитую сумку для Лили, альбом для набросков Эду и сборную модель самолета для Тома. Все умные люди делают покупки в благотворительном «секонде» в Кингс-Кросс. Карла была особенно довольна моделью самолета: для мальчика вообще трудно подобрать подарок, а она к тому же не помнила, сколько Тому лет. Даже если ему не понравится, дорог не подарок, а внимание. Расслабившись в кресле, Карла смотрела на проносившиеся за окном зеленые поля.

– Дом стоит у самого моря, – говорила Лили. – Тебе там обязательно понравится.

«Обязательно попроси у них еще денег», – учила мама в последнем письме, которое пришло перед самым отъездом Карлы из Лондона.

Это как-то неловко, думала девушка, открывая учебник и начиная читать, хотя вагон сильно раскачивался. Как бы поднять эту тему? «Придумается что-нибудь, – сказал ей поезд, который, покачиваясь, шел вперед. – Придумается...»

– Но почему он не летает? – настойчиво спрашивал высокий тощий мальчишка, расстроено размахивая руками.

– Том, я же тебе сказал, это модель.

– Но на фотографии на коробке он в воздухе!

– Это для красоты, – простонал Эд.

– Раз не летает, то и нечего показывать, что летает, правильно? Мы должны пожаловаться в комитет рекламных стандартов!

– В логике тебе не откажешь, – с уважением сказала Карла. – Надо тебе стать юристом, как мама.

– Боже упаси, – сgrimасничал Эд. – Хватит нам одного юриста на семью... То есть я не хотел тебя обидеть.

Карла улыбнулась:

– Ничего.

До этой вспышки возмущения подаренная ею модель самолета была принята на ура: Том собрал ее минут за десять, хотя это было значительно труднее, чем Карле показалось при покупке. Трудности начались после сборки: сколько же вопросов у мальчишки! И ведь сразу не ответишь. Он замучил всех, включая родителей Лили, которые вели себя с Карлой как сама доброта.

Увидев дом, девушка была поражена до глубины души. Ее безмерно восхитила квартира в Лондоне, но здесь было нечто выдающееся, с огромными раздвижными окнами, просторным холлом, в котором могла поселиться целая семья, и большой оранжереей, откуда открывался вид на обширный газон. Как раз о таком доме мечтала сама Карла.

– Здесь жили мои дедушка с бабушкой, – объяснила Лили.

Должно быть, они были настоящие богачи, раз позволили себе такой дворец. Дом стоял на вершине скалы над морем, и вид из окна ее комнаты открывался восхитительный. Внизу мигали огоньки города, совсем как на холмах Флоренции. Но Карла, поборов приступ ностальгии, сосредоточилась на огромной елке в холле, приятно пахнувшей хвоей, и сложенных под ней подарках. Там даже было несколько коробок с ее именем!

Гостиная, как называла залу мать Лили, была отделана со вкусом: на полу серо-зеленый ковер, старая мебель красного дерева, едва ощутимо пахнувшая лавандовой полиролью. На стенах картины – не Эда, а старинные, с изображенными на них полями и закатами.

– Копии, – пренебрежительно бросил Эд, когда Карла начала ими восхищаться, но сказал это тихо, чтобы никто больше не услышал.

В доме повсюду были фотографии – на каминной полке, на тумбочках. Детские снимки Лили и мальчика повыше ее ростом.

– Это Дэниэл, – приподнятым тоном сказала мама Лили.

Карле смутно вспомнился разговор о Дэниэле много лет назад, когда они с мамой жили в Англии. «Я не хочу о нем говорить». Разве не так сказала Лили?

– А он приедет на Рождество? – начала Карла, но ее вопрос потонул в суматохе: Том начал шумно открывать свои подарки, хотя семья еще не ходила к праздничной службе.

Потом он устроил скандал, потому что модель самолета оказалась нелетающей. Атмосфера ощутимо накалялась. Том расстраивался все сильнее, дергая себя за волосы так, что они частично оставались в руках. Лили едва сдерживалась – она уже была на взводе, приехав за Карлой на станцию. Девушка не помнила, чтобы десять лет назад Лили была такой раздражительной. Ее мать, очень похожая на дочь, такого же роста и тоже с золотистыми волосами, многословно извинялась перед гостьей.

Он другой, сказала Лили. «Наш сын Том не такой, как все». За такой фразой обычно кроется смущение от этой непохожести. Но никто не задумывается, как чувствует себя этот «другой», сознавая, что его стесняются.

Единственный выход – развеять тревогу Тома, сделать так, чтобы он был доволен собой. Поскольку никто этим не занимался – Лили не поднимала носа от своих досье, – эта задача естественным образом легла на Карлу.

– Вообще-то, – начала она, – Леонардо да Винчи делал модели, которые летали.

Она ожидала вопроса, кто такой Леонардо да Винчи. Но лицо Тома прояснилось.

– Это художник, который нарисовал Христа, как часы?

– Точно. – В детстве Карла точно так же воспринимала рисунок витрувианского человека: похожая на Христа фигура с расставленными, будто часовые стрелки, руками и ногами. – Кстати, ты знаешь, что он создал один из первых аэропланов?

Том покачал головой:

– Еще не прочитал. Я только недавно взял книгу в библиотеке...

– Я не знала, что ты изучаешь Леонардо в школе, дорогой, – сказала Лили, неожиданно выходя из кабинета.

Выражение ее лица напомнило Карле мамино много лет назад, когда та пыталась помочь ей понять математику.

– А я не изучаю. Мне понравилась картинка на обложке. – Том нахмурился: – Если у Леонардо модели летали, почему мои не летают?

– То были другие модели. – Карла присела на пол рядом с Томом. – Давай утром попробуем придумать собственные.

Том снова нахмурился:

– Как?

– Из бумаги.

– Бумага непрочная, нас не выдержит.

«Так ведь на моделях не летают», – чуть не сказала Карла. Но она уже поняла, что Том рассуждает не как другие дети, которых она знала в Италии.

– Тогда я буду учить тебя итальянскому, – вдруг сказала она.

– Итальянскому? – повеселел Том. – Я согласен. Тогда я смогу сказать человеку в пиццерии, что не люблю помидоры. Он послушает, если я буду говорить на его языке. Знаешь, я сам изучаю китайский. Купил учебник.

– Изумительно!

– Спасибо, – сказал Эд, когда все собрались в столовой, где стоял огромный дубовый стол со сверкающим столовым серебром, красными салфетками, хрустальными бокалами для вина и декоративным венком из остролиста в центре. – С твоей стороны очень любезно заняться Томом.

Карла, словно согретая изнутри, одарила Эда своей лучшей улыбкой.

– Мне нравится с ним общаться, – ответила она, позволив Эду отодвинуть для нее стул. – Я понимаю, что он чувствует.

– Откуда? – Эд пристально смотрел на нее, и Карла догадалась, что мысленно он делает с нее наброски.

– Потому что в детстве я тоже чувствовала себя не такой, как все, и знаю, каково это.

Эд не сводил с нее глаз.

– Мне очень нравится, когда на твоем лице проявляется страсть, вот как сейчас. – Он вертел в пальцах вилку и нож, будто сангиновые палочки. – Я тут подумал, не согласишься ли ты...

– Чтобы вы меня снова рисовали?

Лицо Эда дернулось, будто он очнулся ото сна.

Карла зарделась от волнения. Еще бы она возражала!

– Это честь для меня.

Эд восторженно схватил ее за руки. Карле его руки показались большими и горячими.

– Спасибо!

Краем глаза она видела, что Лили за ними наблюдает.

– Кто со мной завтра гулять по пляжу перед рождественским ужином? – спросил отец Лили с другого конца стола.

– Я, я! – Том сорвался с места. – Я и Карла. – Его лицо сморщилось от тревоги: – Но я не умею строить песчаные замки – мне не нравится ощущение мокрого песка.

Бедный ребенок...

– Я тоже не люблю мокрый песок, – сказала Карла. – От него руки пачкаются, да?

Том закивал – так усердно, что девушка испугалась, как бы он не ушиб подбородок.

– Вот именно.

Карла покосилась на Лили. По лицу той было видно, что она задета. Обижена. Карле бы порадоваться, однако ей было искренне жаль эту женщину.

Ночью она не могла заснуть. Вот бы позвонить маме, пожелать ей счастливого Рождества... Но у тетки нет телефона, а мобильные *нонно* считал ненужной роскошью.

Не находя себе покоя, Карла выбралась из кровати и пошла к окну. Луна остановилась точно на линии горизонта, на границе неба и моря, будто балансируя на дорожке. Может, пойти пройтись? Набросив пальто, девушка на цыпочках вышла на лестничную площадку. Свет в доме был выключен, светилась только узкая полоска под дверью спальни Эда и Лили. Что это они? Не в силах удержаться, Карла остановилась и прислушалась.

Они ссорились.

– Ты должна была подарить Карле денег на Рождество, – сердито говорил Эд.

– А где их взять? У нас и так большой перерасход по счету!

– Тысячи фунтов недостаточно, и ты это знаешь!

– Да спустись же с небес на землю! Это больше, чем она заслуживает! Ее письма были такими напористыми, наглыми...

Карла чуть не ахнула вслух.

– Так, значит, она все-таки нам писала? – негодуяще повысил голос Эд. – Ты же сказала, что писем не было! Почему ты от меня скрыла?

Лили умоляюще отвечала:

– Потому что ты был не в том состоянии. А еще потому, что, как я пытаюсь тебе втолковать, нам это не по средствам. Приоритет для нас – Том. Тебе нужно продавать больше картин.

– Как мне их продавать, если ты уничтожила мое вдохновение?

– Эд, ты несправедлив!

Карла услышала звон разбитого стекла и злой голос Эда:

– Видишь, до чего ты меня довела?

Девушка попыталась раствориться в темноте, когда Лили выскочила из спальни – к счастью, она пошла в другую сторону. Карла, дрожа, поспешила скрыться в своей комнате. Значит, интуиция ее не обманула: Лили получила письма. Она солгала. А насчет перерасхода Карла не

поверила. С таким-то домом и чтобы не было денег?!

Если раньше она еще колебалась, теперь от сомнений не осталось и следа.

Глава 37. Лили

Какое облегчение вернуться домой! Лондон. Работа. Может, кому-то это покажется странным, но и в сонные дни между Рождеством и Новым годом у юристов работа не кончается. Наконец-то я могу вздохнуть спокойно.

В Девоне я беспрестанно была на взводе. Резко отвечала всем, включая нашу гостью. Я и без замечания Эда понимала, что была похожа на кошку на раскаленной крыше – подскакивала от каждого телефонного звонка или стука в дверь. Я все еще ругаю себя за то, что проговорила о письмах Карлы: у нас с Эдом произошла одна из худших ссор за всю совместную жизнь.

Неудивительно, что я так себя вела: ведь я могла думать только о встрече с Джо Томасом на похоронах Тони. Все годы после того громкого процесса я грелась в лучах славы адвоката по уголовным делам, выигрывавшего девяносто пять процентов дел, и все это, как оказалось, благодаря помощи, полученной от преступника! Человека, которого весь мир считает невиновным благодаря мне.

Однако что на самом деле заставило меня вскидываться на каждый шорох, так это его притязания на Тома. Я каждую минуту ожидала, что бывший клиент позвонит или, того хуже, запросто войдет в дверь и примется настаивать, с основаниями или без, что Том его ребенок. Ведь Джо известен адрес моих родителей!

Я была не просто нервной, а на грани истерики. Несколько раз я чуть не проговорила обо всем мужу, но удержалась. Эд не поймет. Никто не поймет. Если бы мне не было жаль мою бедную мать, которой и так несладко, я бы доверилась ей. Но один взгляд на ее усталое лицо, осунувшееся от забот о нашем сыне, который, по сути, – наша ответственность, остановил меня. С этой проблемой я обязана разобраться сама.

В некотором смысле присутствие Карлы принесло облегчение. Посторонний человек в непонятно на чем держащейся семье, где все на ножах друг с другом, заставляет вести себя прилично, особенно в такой праздник, когда весь мир должен быть счастлив (поэтому я, кстати, ее и позвала).

Эд ухватился за мое предложение, и я знаю почему. Можно подумать, я не поняла еще тогда, в галерее, что Карла может нас спасти! Эд должен ее

нарисовать, это сдвинет его карьеру с мертвой точки. В Девоне я видела, как за столом он осыпал Карлу горячими благодарностями.

– Мне даже просить не пришлось, – восторженно сообщил он после обеда. – Она сама подсказала. В январе договоримся о сеансах. Пойми, Лили, это может означать новый этап в моей жизни!

Он был в таком приподнятом настроении, что мы почти перестали ссориться из-за Тома и моей работы. Я, естественно, проверяла электронную почту («Да, мама, даже во время праздников»), но это у нас в порядке вещей. Еще была пара неприятных моментов, когда Карла спросила о Дэниэле.

– Почему ты не скажешь ей, что он умер? – в конце концов спросил Эд.

Мне захотелось на него закричать. Как он не может понять? Дэниэл мой брат. А Карла пусть не сует нос не в свое дело.

Когда случился отвратительный скандал из-за писем Карлы с требованием денег, Эд обвинил меня в том, что я уничтожила его вдохновение.

– Надеюсь, вы хорошо провели Рождество? – спросила моя секретарша, когда я уселась за рабочий стол.

– Да, спасибо, – машинально ответила я и взглянула на сверкающий бриллиант у нее на левой руке: – Как я понимаю, вас можно поздравить?

Девушка радостно кивнула:

– Самой не верится. Он положил кольцо в рождественский пудинг! Я его чуть не проглотила, но...

Зазвонил телефон. Звонила чья-то мамаша, бывшая в истерике: сына арестовали за вождение в пьяном виде, сейчас он в камере, не можем ли мы помочь?

Слава богу, есть работа, которая позволяет обо всем забыть. Запечатывает щели, через которые просачивается газ. Помогает не думать, что вот сейчас мама морально готовит Тома к первой неделе учебы после каникул, когда ему придется ложиться спать без бабушкиного поцелуя на ночь.

– Да, и еще, – сказала секретарша. – Когда я пришла, это лежало в лотке для входящих документов.

Фотография. В конверте, на котором от руки крупно написано мое имя и слово «ЛИЧНО».

На фотографии четко виден Т-образный перекресток без дорожных знаков.

Ночной дежурный, как раз сдававший смену, подтвердил мои худшие

опасения: конверт вчера вечером принес коротко стриженный человек.

Я медленно порвала фотографию на мелкие кусочки и подала секретарше.

- В мусорную корзину для конфиденциальных материалов.
- Вам не нужна эта информация?
- Нет. – Отныне я буду выигрывать дела сама.

Глава 38. Карла

Проснувшись в День открытия подарков, Карла узнала, что Лили уже уехала в Лондон утренним поездом в шесть ноль три.

– Очередной клиент требует внимания, – буркнул Эд.

С отъездом Лили все заметно расслабились: больше не слышно было ехидных комментариев или замечаний вроде: «Пожалуйста, Том, посиди спокойно хоть минуту!»

Однако и без колкостей Лили Карла чувствовала: в этом доме что-то не так. Мать Лили вела себя с ней особенно любезно, как бывает, когда что-то стараются скрыть. Карла подозревала, что это как-то связано с Дэниэлом, братом Лили, о котором никто не хочет говорить.

Может, они не общаются? Карле вспомнилась Италия, где многие соседи до сих пор попрекают ее незаконным происхождением, хотя «падение» ее матери произошло четверть века назад.

В последний день каникул в Девоне Карла гуляла с Эдом и Томом по пляжу – это было важно для подготовки следующего хода. Прогулка вышла прекрасной: Карла уделяла Тому особое внимание, научив его нескольким итальянским фразам, и с удовольствием отметила, что понравилась мальчику. Том все схватывал на лету, хоть и хлопал ладонью по колену всякий раз, повторив фразу правильно.

– Это один из его ритуалов, – прошептал Эд, будто зная, что она поймет.

Карла всячески старалась очаровать родителей Лили.

– Том всю неделю в специальной школе, – сказал его дед, когда Карла прощалась, готовясь ехать на станцию. – Нам всем с ним трудно, но у вас, я гляжу, ловко получается.

– Приезжайте еще, – сказала мать Лили, по странному английскому обычаю прижимаясь щекой к лицу Карлы. – Вы на нас хорошо влияете.

Карле совсем не хотелось уезжать. В поезде она сидела как на иголках. Они с Эдом договорились о встрече, чтобы обсудить, как и когда она будет позировать.

– Жду с нетерпением, – сказал он, стиснув ей руку на прощание.

Хостел встретил ее холодом и пустотой. Несмотря на множество молодых постояльцев, Карла ни с кем не сошлась: девицы с уродливыми татуировками и кольцами в носу были не ее круга. Они тоже ее

сторонились: никто из хостела даже не пригласил ее на общую новогоднюю вечеринку. Впрочем, Карла бы и не пошла. Укутавшись в одеяло, она стала изучать новые прецеденты.

Маме она уже позвонила. Звонок был непозволительной роскошью, но девушке очень хотелось услышать родной голос. Слышно было плохо.

– Я люблю тебя, *sara mia*, – едва разобрала она.

– Я тебя тоже люблю, мама.

Лежа на узкой кровати, Карла закурила сигарету и со вздохом подвела итог. Уже январь, а она так и не добилась намеченных целей. Что-то должно произойти, чтобы события сдвинулись с мертвой точки.

Она методично обдумывала следующий шаг, когда за стенкой оглушительно загремела музыка. Девушка из соседней комнаты уши не жалела, ни свои, ни чужие. Как прикажете что-нибудь обдумывать под такой грохот? Сходить, что ли, в душ, успокоиться... Взяв пакет со всем необходимым и накинув халат, Карла заперла комнату и пошла в конец коридора. Она не пробыла в душевой и пяти минут, как в дверь забарабанили:

– Пожар! Пожар! Всем выйти из здания!

Я еще могу ощущать запахи.

Говорят, обоняние покидает умирающего последним.

Стало быть, еще не все потеряно.

Еще не все.

Это хорошая новость.

Плохая новость – что-то горит.

Еще хуже – в комнате нет красных туфель.

Глава 39. Лили

Сегодня Новый год. Мы с Эдом встречаем его тихо, вдвоем. Отчего-то ни у одного из нас не хватило сил пойти на вечеринку, куда нас пригласил старший сотрудник нашего бюро. Некрасиво получилось, но иногда, сказала я себе, на первое место нужно ставить семью.

Стол завален набросками – в основном с последних выходных в Девоне. Карла смеется. Карла склонилась к Тому. Карла с расширенными глазами. Задумчивая Карла, обеими руками держащая бокал с вином. Не хватает только самой модели во плоти.

Зазвонил телефон.

– Возьми, пожалуйста, трубку! – окликнула я мужа.

В кастрюле на плите закипала вода. Я убавила огонь. Зеленые бобы казались склизкими. Я обернулась к Эду, который кого-то уговаривал успокоиться. Мою мать? Том, видимо, в очередной раз что-то выкинул. Опять.

– Какой ужас, – вырвалось у Эда.

У меня сжалось сердце. Я так и знала. Не нужно было нам уезжать. Мне надо бросить работу и...

– Бедняжка!

Обычно Эд не называет мою мать бедняжкой. Я подошла к телефону, пытаюсь понять, что происходит.

– Ну конечно, ты правильно сделала, что позвонила. Приезжай к нам. Или нет, я сам за тобой приеду. Какой там адрес? – Муж подхватил свою куртку. – Это Карла. В хостеле пожар, она сейчас стоит на улице в одном халате.

– Она не пострадала?

– Слава богу, нет. Только сильно напугана.

– Если хочешь, я съезжу.

– Нет, все нормально. – Он был уже у двери. – Ты лучше постели ей в комнате Тома.

А что, правильная мысль.

Приехала Карла с осунувшимся оливково-смуглым личиком. Дрожа от холода в красивом розовом халатике, она так стискивала руки, что побелели суставы пальцев.

– Было очень страшно, когда пришлось спускаться по пожарной лестнице на наружной стене! Я уже думала – все, сейчас упаду...

В новостях на канале «Эл-би-си» уже упоминали о пожаре: пострадавших нет, причины выясняются.

Эд принес девушке стакан с виски.

– Держи, сейчас станет легче.

Любой предлог годится, чтобы выпить за компанию. Я едва не вспылила, но вспомнила о своей роли хозяйки.

– Присаживайся, пожалуйста. Теперь ты в безопасности.

– Но у меня же ничего нет, вся одежда сгорела, – зарыдала Карла, держа стакан в изящных пальцах. – И учебники!

– Ну, это всегда можно купить, – ободряюще сказала я, взяв ее за руки.

Хотя на Рождество у меня была прекрасная возможность рассмотреть девушку, я в очередной раз поразилась, как же она хороша собой. Темные миндалевидные глаза и широкие густые черные брови показались бы неженственными на бледном лице англичанки, но Карле только добавляли очарования. Она была красива даже в таком жалком виде.

Пожалуй, если пригласить Карлу пожить у нас, мы с Эдом не будем ссориться. Наша гостя будет буфером, как в детстве.

– Все наладится, – сказала я.

Карла подняла голову, и на секунду я увидела безутешную маленькую девочку с огромным синяком на лице, которую встретила у квартиры ее матери.

– Вы так добры, что приютили меня! Спасибо!

По спине у меня вдруг пробежал холодок. Только временно, хотелось мне уточнить. Но это прозвучало бы не приветливо – и как-то бессердечно, что ли. И я сказала себе, что странное предчувствие ничего не значит. Присутствие Карлы нам только на пользу.

Волноваться надо из-за Джо Томаса.

– Не расстраивайтесь так, – сказал один из партнеров фирмы, когда через несколько недель я вернулась из суда.

Как же не расстраиваться, подумала я. Если бы я воспользовалась фотографией, присланной Джо Томасом, мы смогли бы доказать, что в тот день, когда мой клиент не сбросил скорость на Т-образном перекрестке, там не было дорожной разметки. Теперь-то ее, конечно, обновили. Я вне себя: да, его все равно осудили бы за вождение в нетрезвом виде, но приговор не оказался бы столь суровым, докажи я, что знака «Уступи дорогу» в тот день не было.

Дорожная разметка имеет свойство стираться, а когда случаются аварии, на месте чудесным образом появляется муниципальный

грузовичок, и нужные линии подрисовываются. Спросите любого адвоката. Проблема в том, что не всегда удастся добыть фотодоказательства.

Вот так я умею добиваться нужных вердиктов без посторонней помощи. Может, поэтому я не удивилась, когда на другой день принесли письмо, в котором было всего две фразы: «Имея фотографию, вы бы выиграли дело. Как Том?»

Некоторое время я сидела и смотрела на листок, а потом подвинула к себе телефон.

– У вас найдется время выпить со мной бокал вина?

Судя по голосу, Росс был одновременно удивлен и польщен:

– С удовольствием.

Мы встретились в моем любимом итальянском бистро возле Ковент-Гарден. Я говорю «любимом», хотя у меня почти нет времени ходить по кафе. Я из тех людей, которые затрудняются ответить на вопрос о хобби. Если ты адвокат, тебя не хватает ни на что другое. Я продолжаю выходить по утрам на пробежку, но считаю это частью сборов на работу.

– Что случилось? – спросил Росс.

Я посмотрела на нашего старого друга, сидевшего за столиком в твидовом пиджаке и джинсах. Человек противоположностей – вот что такое Росс. Давний знакомый Эда, он вскоре стал и моим другом, стал тогда, когда мне нужно было посоветоваться по поводу моего мужа, который, по словам Росса, часто ведет себя как законченный идиот. Идиот, которого мы оба любим.

Я иногда гадаю: а может, он гей, наш Росс? Он никогда не был женат, и подружки у него нет и не было, насколько мне известно. Но я стараюсь не проявлять любопытства.

– У меня проблема, – сказала я, нервно выкручивая кисти рук под столом. Никогда еще я не испытывала такого желания кому-то довериться и рассказать о Джо и той «полезной информации», которую он мне посылал. Я чувствовала: если я с кем-нибудь не поговорю, меня просто на части разорвет. Естественно, в беседе с Россом некоторые детали я опущу.

– Ого, – сказал Росс, выслушав до конца. – Бедняжка. В какое невозможное положение вы попали...

Я хотела услышать от Росса, что все будет в порядке – надо лишь что-нибудь предпринять, и все прекратится.

– Как бы то ни было, я считаю, вы поступили правильно, разорвав фотографию, – сказал он.

– Правда?

– Целиком и полностью, – твердо заверил Росс. – Вы способны

работать самостоятельно, Лили, вы делали это много лет. Да, иногда этот человек вам помогал, но не позволяйте ему лишить вас уверенности в своих силах. Вы хороший адвокат.

Я хотела рассказать ему и о другом, но не могла. Мысленно я снова оказалась в том пабе, когда Джо взял меня за руку, и между нами словно пробежала электрическая искра. Влечение, которое не имело права на существование. И чувство вины постфактум: я тогда немного перебрала и не вполне за себя отвечала. Это была истинная причина моего обета «больше ни капли в жизни».

– Вы не скажете Эду? Никому не скажете? – Меня охватила паника, что Росс с кем-нибудь поделится своими догадками (я имею в виду анонимных информаторов. О Хампстед-хит я никому не могу рассказать).

– Буду нем, как рыба. – Росс взглянул на часы. – Боюсь, мне пора возвращаться.

Вот еще один штришок к портрету Росса: когда мы познакомились, он был актуарием. Прирожденный математик, он помог мне разгадать головоломки Джо Томаса. Но после рождения Тома, когда мы предложили Россу стать крестным, он сменил работу. Сказал, что наш случай заставил его по-другому взглянуть на жизнь. Сейчас он возглавляет крупную компанию по сбору средств для благотворительных организаций. Он хороший человек.

Когда я вернулась домой – снова поздно вечером, – Эд и Карла уже поужинали и сидели у стола. Перед Эдом лежал альбом для набросков.

– Простите, – виновато сказала Карла. – Я хотела вас дождаться, но...

– Это я виноват, – улыбнулся мне Эд.

Такой улыбки у него я не видела уже много лет и знаю почему.

– Твой ужин в духовке, дорогая.

Он уже давно не называл меня «дорогая».

– Наверняка еще съедобно. Карла, я попрошу тебя чуть наклонить голову в сторону. Подбородок немного ниже. Взгляд влево... Идеально!

Эд счастлив, потому что он снова рисует Карлу. И не устает мне напоминать, что она сама вызвалась. Словно ему это льстит.

Честно признаться, у меня словно камень с души упал. Значит, можно без помех подумать о том, что делать с Джо.

Глава 40. Карла

Февраль 2014 года

Карла проснулась, как весь последний месяц, в уютной комнате, окно которой выходило на сад за домом. Никакого сравнения с хостелом. Что бы Лили ни говорила об овердрафте, она наверняка очень хорошо зарабатывает, раз смогла позволить себе такой особняк. И ведь они его не снимают, он их собственный! Правда, Эд не устает сетовать на «грабительскую ипотеку».

Это одна из основных тем споров между Эдом и Лили, которые Карле слышно через стену.

– Ты злишься из-за того, что я зарабатываю меньше тебя, – твердил Эд.

– Когда же ты избавишься от старых комплексов? – не оставалась в долгу Лили.

Когда Карле доводилось бывать у них в гостях, она обращала внимание на странное напряжение и язвительные насмешки, но жить в их доме было все равно что пробираться между вражескими позициями. Любая мелочь выводила их из себя, особенно Лили.

– Пожалуйста, ставь молоко в холодильник, – накинулась она на Карлу позавчера вечером. – Иначе скиснет, как на прошлой неделе!

Эд только вытаращил глаза, не сумев сгладить неловкость.

– Не бери в голову, она сейчас работает над крупным делом, – объяснил он, когда Лили шумно удалилась к себе в кабинет. Он снял очки, словно они вдруг начали ему мешать. – Прошлый процесс она проиграла, поэтому ей необходимо выиграть этот.

Он слегка насмешливо выговорил «необходимо», надел очки и снова взялся за кисть:

– Не могла бы ты обхватить обеими руками чашку с кофе и устремить взгляд в пространство, словно о чем-то задумавшись? Так-так, отлично!

Карле это было нетрудно. Вот-вот начнется расследование пожара в хостеле. Все постояльцы получили официальное письмо, где спрашивалось, курили они в тот вечер в своих комнатах или нет. Разумеется, Карла отметила галочкой квадратик под словом «Нет».

– Не хочешь выпить кофе после лекций? – спросил юноша с длинной неровной челкой, который постоянно приглашал Карлу на ужин. У него были неестественно длинные для парня огненно-рыжие ресницы – и

странная для высокого красавца робость и неуверенность. Руперт словно не сознавал своей привлекательности – не только внешней, но и своих прекрасных манер и умения слушать.

Большинство студентов были самовлюбленными, громогласными и обожали звук собственного голоса. Руперт был другой. Возможно, пора сделать исключение.

– С удовольствием. – Карла подняла голову от учебника. – Спасибо.

Кто-то шикнул на них с другого конца читального зала, и они понимающе улыбнулись друг другу, как сообщники.

– Что получила за последнее эссе? – спросил Руперт в студенческом кафе за латте с обезжиренным молоком.

– Семьдесят пять процентов, – с гордостью ответила Карла.

Его глаза расширились.

– Ничего себе!

– А ты?

– Ох, не спрашивай, – простонал Руперт. – Помогла бы мне с этим жутким эссе о контрактах! Обсудим за ужином?

– Каким еще ужином?

– Карла, мы же не первый день знакомы. Я не кусаюсь, клянусь.

Он повел ее в маленький итальянский ресторан на площади Сохо. Девушка ожидала, что, заказывая блюда, Руперт начнет запинаться, как все англичане, пытающиеся говорить на ее родном языке, однако произношение у юноши было безукоризненным.

– Ты бывал на моей родине? – не утерпев, спросила она, когда официант отошел.

Руперт пожал плечами:

– Родители хотели, чтобы мы бегло говорили по-французски и по-итальянски. Каждые каникулы нас отправляли за границу улучшать языки. Честно говоря, мне кажется, родителям не нравилось, что мы путаемся под ногами, при том что учились мы в интернате.

Совсем как бедный Том... Незаметно для себя Карла разговорилась, рассказав этому красивому интеллигентному юноше о Томе, Лили и Эде.

– То есть ты живешь у Эда Макдональда, художника?

– Да. А ты знаком с его творчеством?

– Это тот самый автор «Маленькой итальянки», которая ушла за большие деньги анонимному покупателю?

Карла покраснела:

– Ты и это знаешь?

– Я люблю искусство – мать всю жизнь таскает меня по разным

выставкам... – Глаза Руперта расширились. – Только не говори, что моделью ему послужила... Слушай, это же ты позировала!

Карла кивнула, смущенная, но довольная.

– Я бы с удовольствием с ним познакомился, – взволнованно сказал Руперт. – Разумеется, если это удобно...

– Сделаю, что смогу, – пообещала Карла.

Она выждала несколько недель, не желая беспокоить своих хозяев. Эд был занят ее портретом – он трудился над ним, даже когда Карла не позировала. А Лили сутками пропадала на работе. Иногда Карла, уже лежа в кровати, слышала, что она вернулась: обычно за стенкой начинался тихий невнятный диалог, в котором отчетливо слышались недовольные реплики Эда.

Но в конце концов Карла набралась смелости и завела разговор с Лили, которая неожиданно положительно отнеслась к ее идее.

– Лили приглашает тебя на ужин на следующей неделе, – сказала Карла, когда они с Рупертом пили латте в своем излюбленном кафе.

Юноша просиял:

– Спасибо, с радостью!

Не стоит благодарности. Руперт может ей очень пригодиться.

Когда Карла вернулась в дом к Эду и Лили, на столике в холле ее ждало письмо. Это была копия отчета об официальном расследовании пожара – хостел разослал их всем бывшим жильцам. Причиной пожара, говорилось в письме, скорее всего, стала непотушенная сигарета, однако установить конкретного виновника не представляется возможным из-за обширной площади возгорания и того факта, что многие постояльцы признались в курении в номерах.

Это хорошо. Теперь страховая компания оплатит Карле одежду и учебники. Девушка слегка зависила их стоимость – страховщики не разорятся.

В заключение говорилось, что хостел не будет работать впредь до особого уведомления. Жизнь несомненно налаживалась.

– Это просто мой друг, – уверяла Карла. – Парень с юридического, который с самого начала был ко мне добр.

Но едва они с Рупертом переступили порог, как Карла почувствовала враждебность Эда.

– Стало быть, вы и есть тот самый Руперт, о котором Карла столько говорила?

Карла вспыхнула, когда Эд подчеркнул слова «тот самый». А «столько

говорила» – прозрачный намек на ее влюбленность. Что подумает Руперт? Карла засомневалась, правильно ли сделала, приведя его на ужин.

– Приятно слышать, сэр, – сказал Руперт, пожав руку Эда и бросив взгляд на Лили.

К счастью, Лили, которая в последнее время держалась отстраненно, заметила смущение Карлы и непринужденно перевела разговор на другую тему, однако весь ужин Эд был сам не свой. Его раздражало, когда речь заходила о жене («Нам несказанно повезло, что Лили снизошла до нашей компании: обычно она в это время на работе»), он отпускал колкости насчет Руперта и его колледжа («Туда пошел один из моих кузенов, которого не взяли в Итон»).

Карла видела – гость Эду не нравится. Бедняга Руперт и сам это заметил.

После ужина они спустились в цокольный этаж посмотреть картины. Эд, скрестив руки на груди, начал:

– Карла говорила, вы любите искусство?

– Так и есть, сэр. Эти работы прекрасны.

– Отстой. – Эд презрительно оглядел портреты старух и молодых женщин – цветочницы, табачницы, молодой мамы в парке. – Ни одна не имела успеха. Единственное, что выстрелило, – портрет нашей красавицы Карлы.

Ай! Эд так стиснул ее плечо, что Карле стало больно. От него разило вином: за ужином он один прикончил целую бутылку. Лили тоже это заметила.

– Я ее снова пишу, она вам говорила? – Эд подошел к Руперту почти вплотную.

Карла едва сдерживала торжество, но при этом испытывала мучительную неловкость.

– Нет, сэр, не говорила.

– Стало быть, вы посвящены не во все, что происходит в прелестной головке нашей Карлы?

– Эд, довольно. – Лили поспешно подошла и взяла его под руку. – Пора ложиться спать.

– Чепуха. Небось молодому человеку хочется увидеть мою новую картину?

Руперт стоял такой же красный, как Карла.

– Только если это не доставит вам хлопот, сэр.

– Не доставит! А знаешь почему? Потому что я никогда не показываю незаконченных работ. Никогда! – Он развернулся и, стуча ногами, поднялся

по ступенькам.

– Прошу прощения. – Лили покачала головой. – Эд устал, сейчас у него ответственный период. Он надеется на новый старт в карьере благодаря портрету Карлы. На этот раз Эд работает пастелью – совершенно новое для него направление.

– Понимаю. – Руперт уже овладел собой и вспомнил о манерах. – Артистический темперамент. Благодарю вас за прекрасный вечер.

Но вечер не был прекрасным, и все это понимали. Ночью Карла слушала через стену одну из самых громких ссор Эда и Лили.

– Почему ты был таким грубым? Будто ревновал мальчика к тому, что он по уши влюблен в Карлу!

– Ерунда, мне просто не нравится, когда какой-то щенок пялится на мои работы, отпуская снисходительные комментарии!

– Ничего подобного, он образец воспитанности!

– Я знаю, что он такое! Да и вообще, тебе-то какое дело? Тебя никогда не бывает дома!

– Может, Карле лучше съехать от нас? Разве в Лондоне мало хостелов? Почему ты предложил ей остаться? Изначально речь шла о том, что это на время.

– Ах, значит, теперь, когда ко мне вернулось вдохновение, ты хочешь вышвырнуть мою модель на улицу? Желаешь мне неудачи?!

По-лу-чи-лось, торжествовала Карла, крепко сжимая колени.

Однако утром супруги вели себя так, будто и не ссорились.

– Хочешь поехать с нами в Девон? – спросила Лили.

Карла покачала головой:

– Я бы лучше осталась, если вы не против.

– Правда? – разочарованно спросил Эд. – Том огорчится, не увидев тебя. Может, он об этом не скажет, но я-то пойму. «Мне тоже будет грустно», – говорили его глаза.

Отлично.

– К сожалению, мне необходимо поработать над домашним заданием.

– Конечно, конечно, – в голосе Эда послышалась обида. – Мне бы очень хотелось, чтобы ты еще мне попозировала, когда я вернусь.

Карла залилась краской.

– Обязательно.

Глава 41. Лили

Работа над портретом тянулась недели и месяцы. Пролетела Пасха с кивающими желтыми нарциссами, и уже расцвели ранние летние розы на маленьком клочке земли за домом. Расцвела и Карла.

Я с возрастающим удивлением и уважением смотрела, как на холсте Эда проступает наша «постоялица». Рука моего мужа, давно утратившая твердость – отчасти из-за неуверенности, отчасти, будем честны, из-за пьянства, – будто обрела собственную, отдельную верность и точность.

Прекрасные миндалевидные глаза Карлы на ангельском личике непрестанно следили за мной, стоило взглянуть на мольберт. Теперь она все время была рядом – неперенный живой атрибут студии с окном в сад, потому что там больше света, и домашний дух, который принимает мое пальто, когда я прихожу с работы, сообщает, что ужин почти готов, – и вызывает повышенный интерес.

– Вы снова пишете эту итальянскую девочку? – спросил журналист, зашедший взять интервью «в домашней обстановке» (подсуетился агент Эда).

Я стояла у холста, который муж демонстративно оставил на виду, хотя обычно прячет неоконченные работы.

– Да, – с деланой небрежностью ответил Эд. – Соседская малышка, за которой мы с женой присматривали, когда еще только поженились, вернулась в нашу жизнь. Карле сейчас двадцать четыре года, она, кстати, учится на юриста и любезно разрешила ее снова нарисовать.

После выхода интервью слухи распространились как пожар. Телефон не умолкал – не только потому, что миру искусства (и журналистам) понравилась история о маленькой модели, которая выросла, но и оттого, что картина Эда была прекрасна. Карла на ней как живая, словно вот-вот шагнет с холста в комнату. Гладкая прическа, контрастирующая с буйными детскими кудрями, дает понять, что перед нами стильная молодая женщина, а с приоткрытых губ, кажется, в следующий миг сорвется фраза: «Вот и я. Я вернулась».

Иногда фраза звучит резче: «Как можно быть такой никудышной женой? И перестань третировать Тома!»

В последние недели во мне крепнет ощущение, что я ей не нравлюсь, хотя Карла по-прежнему заботливо принимает у меня пальто и каждый вечер готовит ужин (по собственной инициативе). Она не одобряет, что Том

не живет с нами.

– Разве вам не жаль уезжать от него каждое воскресенье? – не раз говорила она.

– Жаль, конечно. Но у Тома особые потребности, которые его школа в состоянии удовлетворить лучше, чем мы.

Эти вопросы задает не только Карла. Только родители такого же ребенка, как наш, могут понять нестерпимую боль от невозможности что-то улучшить и искреннее желание поступить правильно.

Эд ни разу меня не поддержал, молчаливо соглашаясь с Карлой. Хотя Том отлично обжился на пятидневке и инцидентов с нападением на учителей больше не случалось, мужу не нравится, что его сын всю неделю находится, по его выражению, в «казарме».

Но ведь это совсем не так – я видела уютную комнату с прекрасными кроватями и гордо выставленными напоказ плюшевыми мишками (один из одноклассников Тома наотрез отказался ехать в интернат без своих игрушек, хотя парню почти тринадцать. Он бредит плюшевыми мишками и усаживает их на кровати вдоль стены. Не дай бог их тронуть – у мальчика начинается форменная истерика). Обостренная реакция Эда берет начало в его детских переживаниях, когда он тоже учился в интернате и очень тосковал по дому.

Неодобрение Карлы вызывает у меня иронию, учитывая, сколько я для нее сделала.

– Карле нужен контракт на профессиональное обучение, она уже заканчивает курс, – заявил муж однажды за ужином. – Я обещал, что ты поможешь.

Мы ели итальянское блюдо – вкуснейшую смесь белой фасоли и салата, которая обычно похожа на кукурузную кашу, но в руках Карлы превратилась во что-то необыкновенное. Я помогу?! Пусть я один из партнеров фирмы, но разве что мой муж может нафантазировать, будто я в состоянии повлиять на подбор стажера: у меня целая страница имейлов от желающих.

– У нас очень много заявлений, – сдержанно ответила я, – но я посмотрю, что можно сделать.

Это будет нелегко – в последнее время мою работу блестящей не назовешь. За год я проиграла не меньше трети дел, причем как те, с которыми выступала в суде сама, так и те, где только готовила защиту. Очень хочется свалить вину на барристеров, но это неправда. Если я не предоставлю адвокату нужную информацию или достаточно доказательств, ему не с чем будет выступить в суде.

Я убеждаю себя, что снижение результатов не связано с анонимными подсказками, которые я получаю по почте и продолжаю игнорировать. Я стараюсь даже не смотреть на них, но не могу не проверить, от него письмо или нет. Послания Джо Томаса неизменно заканчиваются вопросом: «Как там Том?».

Сколько бы полезными ни были его сведения, я отправляю их в шредер, говоря себе, что обойдусь и без Джо Томаса. Не хочу знать, как он добывает свои улики, но мне интересно, откуда он все знает. С кем из секретарей он встречается? Или это ложь и информацию ему сливает кто-то другой? От мысли, что Джо следит за мной, мне не по себе.

Поэтому, когда Эд пригласил Карлу в Девон на выходные, а она отказалась, я ощутила немалое облегчение: это возможность побыть вдвоем с мужем, снова привлечь Эда на свою сторону.

Глава 42. Карла

Май 2014 года

– Что делаешь в выходные? – спросил Руперт.

– Работаю.

После ужина у Эда с Лили, обернувшегося такой неловкостью, она избегала своего приятеля, но сегодня Руперт ждал ее у аудитории.

– Все выходные?

Карла посмотрела на него:

– Все выходные.

– Жаль. – Руперт пошел рядом с ней. – Твои друзья держались... необычно.

– Лили бывает резкой, но она хорошая, а вот Эд повел себя грубо. Мне очень неловко.

– Не извиняйся. – Руперт мягко коснулся руки Карлы, когда они свернули за угол. – Я еще тогда сказал – артистический темперамент. Признаться, у меня возникло ощущение, что ты меня избегаешь, поэтому я решился спросить, все ли между нами в порядке.

Карла невольно почувствовала себя польщенной, но ей необходимо было расставить все точки над i.

– Конечно в порядке. Ты мой очень хороший друг.

– Друг? – Руперт испытующе посмотрел на нее, будто надеялся на большее. – Тогда можно пригласить тебя на ужин?

Искушение было велико, но ситуация и так усложнилась до предела.

– Извини, мне нужно два эссе написать. Эд и Лили уехали до вечера воскресенья, и я планирую спокойно позаниматься.

Карла сдержала слово и всю субботу корпела над книгами. Однако в воскресенье ближе к обеду в дверь постучали. Лили и Эд не предупреждали, что кого-то ждут. Значит, явился очередной продавец или сосед. Но на пороге стоял Руперт.

– Я тут шел мимо... – Он протянул ей букет, красиво перевязанный соломенным бантом.

Фрезии. Одни из ее любимых цветов. Удивительно, как такие маленькие бутоны способны источать столь сильный аромат.

– Как мило с твоей стороны!

– Не хочешь погулять? Пойдем, мозгу тоже нужен отдых.

– Ну, разве что недолго... – Погода стояла прекрасная. – Но только до

парка и обратно.

Гулять с ним было удивительно хорошо. На улице оказалось много парочек, которые смеялись и держались за руки. Со странным стеснением в груди Карла поняла, что еще никогда не ходила на прогулку с молодым человеком, который ей нравится.

– Мне хорошо с тобой, Карла. – Руперт потянулся взять ее за руку.

Ну уж нет. Девушка проворно убрала руку в карман.

– Мне с тобой тоже хорошо, Руперт. – Сосчитав про себя до пяти, она договорила: – Но я уже сказала, ты нравишься мне как друг.

Руперт либо не заметил отказа, либо сделал вид, что не заметил.

– Ты не такая, как другие, Карла. Ты не отвлекаешься на пустяки. Словно у тебя есть какая-то цель, и ты к ней идешь. Большинство моих знакомых ищут только развлечений.

Карла подумала о взбалмошных студентках, которые вечно увивались за Рупертом и другими студентами курса.

– У меня нет времени на развлечения.

– Правда? – В голосе Руперта слышалось искреннее огорчение.

Карла пожалала плечами. Они уже возвращались к дому Лили и Эда.

– Мама материально зависит от меня. Моя задача – заработать денег, чтобы мы с ней могли жить достойно.

– Ничего себе! Не знал. Я восхищен тобой.

– Мне пора, иначе с рефератом не успею.

– У тебя точно не найдется минутки выпить чая?

– Не знаю...

– Решайся. – В глазах Руперта заиграли искорки. – Для друзей это обычное дело!

Они подошли к лестнице: красивые белые с черным ступени вели к внушительной черной двери. Карла чувствовала, что отказать будет невежливо.

Пригласив Руперта присесть, она отодвинула учебники в сторону, чтобы очистить место на столе; просторная кухня служила иногда и гостиной. На диване, с раздражением заметила девушка, настоящий кавардак из одеял и подушек.

– Что скажешь о... – начала она.

Руперт вдруг оказался совсем рядом и смело, но очень нежно обвел ее полные губы указательным пальцем.

– Ты очень красивая, Карла, – пробормотал он. – Ты знаешь об этом? – И привлек ее к себе.

Карла колебалась. Руперт очень красив и любезен, настоящий

джентльмен, но она не может позволить себе отклоняться от цели. Девушка уже хотела отстраниться, когда в замке повернулся ключ.

Эд! Карла с испугом следила за его взглядом, скользнувшим по беспорядку на диване. От Эда не укрылось, как быстро Руперт отошел от Карлы. Лицо художника пошло пятнами.

– Так вот почему ты не хотела ехать в Девон – чтобы воспользоваться нашим домом как местом свиданий? Да как ты посмела? Вот как чувствовал, раньше вернулся!

Карлу бросило сразу в жар и в холод.

– Нет, вы все неправильно поняли!

Но голос Эда заглушил ее возражения. Он крикнул Руперту:

– Вон отсюда!

Пораженная, Карла смотрела, как Руперт уходит. Он должен остаться и оправдаться!

– Как вы смеете! – яростно заорала она Эду. – Я ничего плохого не делала, а вы позорите меня перед знакомым!

Теперь Эд и ее выставит, сказала она себе. Жить ей негде, и никогда не добиться того, что она задумала.

Но Эд, сломленный, вдруг упал к ее ногам:

– Прости меня, Карла, умоляю! Это не выходные, а черт-те что. Как жаль, что ты с нами не поехала – ты бы успокоила Тома! Знаешь, чем он сейчас увлекся? Какой-то компьютерной игрой, сидит за ней ночи напролет, практически не спит. Когда мы попытались забрать у него игрушку, он просто обезумел. Мы поссорились. Мать Лили настаивала, чтобы мы ему уступили – боится, что он закончит, как Дэниэл...

– Да что с этим Дэниэлом?

– Он давным-давно умер. – Эд презрительно взмахнул руками. – А ведь и не скажешь, послушав, как о нем говорят в этой семейке. Дэниэла много лет уже нет.

– Не понимаю.

Эд крепко схватил Карлу за руку, чтобы удержать ее.

– Дэниэл был приемным братом Лили. Он с самого детства был не в себе, несчастный дурачок.

Пришла очередь Карлы удерживать руку Эда, когда из него хлынули ужасные признания. Ссора Лили с братом. Конюшня. Как его нашли. Подробностей Эд не знал («Лили не может об этом говорить»), но одно было очевидно: Лили сказала нечто такое, из-за чего ее брат ушел и покончил с собой.

– Между нами вечно стоит эта история – Лили ни разу не была со

мной откровенна. – Зарыдав, Эд повалился на диван.

Какой ужас! Бедняга, почему он должен страдать из-за поступка своей жены? Лили скверно с ним обращается, не ухаживает, как положено за мужем. Что это за женщина, которая не готовит супругу ужин или приходит в постель через несколько часов после него? Мама учила Карлу важности таких вещей, какими бы старомодными они ни казались.

Но чему тут удивляться, Лили же адвокат. Хладнокровная и невозмутимая, привыкшая добиваться свободы для убийц и насильников.

Каким-то образом Карле удалось успокоить безутешного Эда: дружеская ладонь на плече, виски пополам с горячей водой – немного, на доньшке стакана. А потом, хотя руки художника еще дрожали, Карла убедила его сесть за мольберт.

«Спасибо, Руперт», – думала она, сидя перед Эдом («Карла, лицо чуть влево, пожалуйста»). Может, все еще сложится удачно.

Глава 43. Лили

Несмотря на неудачи в суде и мои тайные сомнения, партнеры фирмы согласились оказать мне услугу, и Карла начала работать у меня в середине июля.

– Вы подыскивали способного стажера, – сказал мне один из коллег в конце недели. – Красавица, но не без мозгов.

Он сказал это так, будто красивая внешность – недостаток. Отчасти это правда: женщин с яркой внешностью, особенно в таких сферах, как юриспруденция, не всегда готовы воспринимать всерьез. Я сознаю, что меня никогда не будут считать красавицей, но нахожу удовлетворение в том, что наконец обрела уверенность в себе. Наверное, это даже важнее.

Карла привлекала восхищенное внимание повсюду, куда бы ни пошла, и не только своей красотой или профессионализмом: Эд наконец закончил портрет. После одного из выходных в Девоне, для разнообразия проведенного без Карлы, все вроде бы успокоилось. Мы поссорились, и Эд уехал рано, но, видимо, наши разногласия его только подстегивают. Когда я вернулась, он работал над самым сложным – глазами.

Теперь картину берут на важную лондонскую осеннюю выставку, и об этом проводили крупные издания. Карла вдруг появилась повсюду – в женских журналах, в посвященном искусству разделе «Таймс», в приглашениях на коктейльные вечеринки, куда нас начали активно звать. Конечно, всем хотелось узнать, как мы встретились с Карлой спустя столько лет – вернее, как она нас нашла. Открыв один журнал, я обнаружила, что Карла умудрилась рассказать свою историю, практически не упомянув обо мне, будто это Эд приютил ее после пожара в хостеле, взял под крылышко в адвокатском бюро и не устает восхищаться тем, как прекрасно Карла ладит с его сыном, учеником специального интерната в Девоне. Карла никак не обозначила, что вообще-то Том живет у моих родителей. Да как она смеет?

– Ты не имела права упоминать о Томе, – еле сдерживаясь, сказала я Карле.

Мы быстрым шагом шли на работу. Мне вспомнилось, как много лет назад мать тащила маленькую Карлу к автобусной остановке.

– Это наша сугубо личная, частная жизнь, – продолжала я, кипя от ярости после оскорбительной статьи.

– Извините, – процедила Карла. В ее тоне не слышалось ни малейшего

сожаления. Она выпятила подбородок, казавшийся острее обычного, почти как у кошки. – Но ведь это же правда!

– Том находится там, где ему лучше, – сказала я, с трудом сохраняя самообладание.

Карла дернула плечиком:

– Мы в Италии держимся семьей, независимо от обстоятельств. Я считаю, так правильнее.

– Ты сейчас живешь в Великобритании. – Я даже поперхнулась от ее наглости.

Мы уже входили в офис, и я не могла продолжать этот разговор, но через несколько часов получила записку от сотрудника:

К СЧАСТЬЮ, НЕ УСПЕЛИ ОТПРАВИТЬ КЛИЕНТУ – СТАЖЕР ЗАМЕТИЛ ОШИБКУ. ПОЖАЛУЙСТА, ИСПРАВЬТЕ ПОДЧЕРКНУТОЕ.

Я допустила ошибку, оформляя документы о мошенничестве одной компании, – небольшую, но довольно серьезную. А внимательный стажер, согласно инициалам под исправлением, оказалась нашей итальянской «гостьей».

Вечером на меня налетел Эд:

– Почему ты так отвратительно говорила с Карлой о Томе?

Внутри у меня все похолодело. Я почувствовала себя старостой в школе, получивший выговор от учителя за то, что настучала на девчонку, курившую в туалете. Почему меня винят за поведение Карлы?!

– Потому что она не должна была упоминать о Томе, равно как и о том, что он находится в специальной школе. Это наше частное дело.

– То есть наш сын относится к категории «Не открывать»? Ты его стесняешься, что ли?

Такая несправедливость вывела меня из себя.

– Ты прекрасно знаешь, что нет! Как, по-твоему, ты бы смог работать, если бы Том жил здесь? Ты бы смог сосредоточиться, если бы он ходил по студии и спрашивал, почему краску называют краской, или выдавал познавательную информацию по Моне Лизе или Джону Сингеру Сардженту?

Эд сел и включил в спальне свет. В его глазах была печаль. Я понимала, что мои слова звучали эгоистично, и ненавидела себя за это, но слишком легко вскипать обидой по каждому поводу, разбивая тщательно созданную оболочку внешнего благополучия. Эд тоже это понимал, но куда проще взваливать всю вину на меня.

– Просто мне кажется, – медленно сказал Эд, словно читая мои мысли, – что, когда у тебя ребенок вроде Тома, ты обязан поступать правильно, вот и все.

Он выключил свет, предоставив мне до утра метаться в кровати без сна. Говорить себе, что отделить наше существование от жизни Тома, как запутавшиеся шелковые нити, лучше, чем жить вместе с сыном. Я годами практически ходила за Дэниэлом по пятам, оберегая его от него самого, и в итоге не выдержала – сказала такое, чего не должна была говорить, совершила то, чего не должна была совершать. И это подтолкнуло моего брата к отчаянному поступку.

Если не ходить за Томом по пятам, появится шанс, что он чего-нибудь в жизни добьется. Мое постоянное присутствие ему не поможет. Наоборот, оно способно его убить.

Однажды вечером, пытаясь работать дома и сражаясь с наплывом мыслей, мешавшим сосредоточиться, я позвонила Россу.

– Лили! – Глубокий сочный баритон Росса сразу успокаивал. Появлялась иррациональная уверенность, что в конце концов все обязательно наладится. – Я думал, у вас сегодня торжественное событие? – В его голосе звучало удивление.

– Почему? Какое событие?

– Видимо, я что-то недопонял. Эд говорил, что вы вместе идете на открытие выставки.

– Он меня звал, но я не смогла из-за занятости. К тому же всех интересует Карла. Ах, ах, художник и его модель, маленькая итальянка. – Я даже не старалась скрыть раздражение.

Уходя сегодня с моим мужем, Карла была ослепительна: гладкое сияющее каре, безукоризненный макияж. Невозможно поверить, что всего за полчаса до выхода она корпела над учебниками.

Эд тоже выглядел неплохо, и дело не только в новой полосатой голубой рубашке. Он иначе держится, стал бодрым и жизнерадостным. Успех ему к лицу – всегда так было. Мой муж, как я уже поняла, из тех, кому жизненно необходимо преуспевать – хотя бы ради спокойствия близких. Эд сейчас пьет меньше виски и даже стал нормально общаться со мной. Он это заслужил, сказала я себе, попрощавшись с Россом (мы договорились вместе пообедать через пару недель), пусть наслаждается заслуженным триумфом.

Август 2014 года

Через три недели я задержалась в офисе. Эд был на очередном коктейле, Карла сидела дома. Утром она не пошла со мной в офис.

– Мне что-то плохо, – пожаловалась она, свернувшись на постели, как котенок.

Почти в десять часов, когда все давно разошлись по домам, зазвонил телефон на моем столе. Я поняла, что это Джо, еще до того, как услышала голос. Я его чувствую через телефонную линию.

– Лили, только не кладите трубку. Идите скорее.

Волоски у меня на руке поднялись сами собой.

– Куда?

Он назвал отель возле Стрэнда. Неужели снова анонимная наводка, которую лучше проигнорировать?

– Это связано с вашим мужем. Я слежу за ним уже некоторое время. – Джо чуть повысил голос и заговорил настойчивее: – Да, я за вами присматриваю и оберегаю вас! Идите туда сейчас же.

Задрожав, я положила трубку. Надевая плащ и прощаясь с охранником, я убеждала себя, что пойду домой. Что не стану искать эту гостиницу и стремиться увидеть то, что мне нужно или не нужно видеть.

Эд такого не сделает, Эд в жизни так со мной не поступит, неотступно билось в голове. Но мне тут же вспомнились перепады его настроения и то, как он загорался и остывал за годы нашего брака. Нашего поспешного брака, заключенного из-за желания получить наследство, о чем он пытался умолчать. Брака, который мы сохранили ради Тома. Но у нас же стерпелось-слюбилось, не так ли?

Выходя из такси, я заметила на тротуаре фигуру. Нет, это была парочка. Женщина положила голову на плечо мужчине! Ее короткие волосы блестели в свете уличного фонаря. Мужчина был высокий и слегка сутулился, словно по многу часов проводил за мольбертом.

Я побежала к ним. Они стояли под фонарем. Мужчина нагнул голову, чтобы поцеловать девушку, – и заметил меня.

– Лили? – опешил мой муж. У него даже рот приоткрылся. Словно не веря своим глазам, он повторил: – Лили?

Рядом сверкнула вспышка света, словно нас сфотографировали. Перед моим лицом кто-то помахал удостоверением журналиста.

– Миссис Макдональд, как вы прокомментируете слухи, что у вашего мужа роман?

Запах гари стал слабее.

Это хорошо. Но в воздухе висит предчувствие беды.

Неужели потерял мой последний шанс?

Что еще она задумала?

Что она собирается делать?

Глава 44. Карла

Конечно, шумиха вокруг новой картины сыграла не последнюю роль в их сближении: история, похожая на сказку, как окрестила ее одна газета. Маленькая итальянка выросла. Статьи в журналах. Объятия с Эдом перед камерами. Легкий поцелуй в щеку – у самых губ – после особенно гламурной коктейльной вечеринки. Карле даже не пришлось особо стараться.

Но ничего более интимного не происходило до того вечера, когда Лили в очередной раз задержалась на работе, а Карла позировала в гостиной для новой картины. Окно было открыто – вечер выдался душным. Девушка нарочно не стала подкрашиваться, зная, что Эду так больше нравится. От жары на верхней губе у нее выступили бисеринки пота.

– Немного левее... Теперь правее.

Неожиданно Эд вышел из-за мольберта и направился к Карле. Опустившись на колени, он нежно, очень нежно убрал маленькую прядку волос с ее лба.

– Ты самое красивое создание, какое я видел в жизни, – сказал он и поцеловал Карлу. А она не противилась.

Ей отчего-то вспомнился сосед по креслу в самолете, которому она отказала из-за обручального кольца. Разве она не твердила себе с самого детства, что никогда не позволит унижить себя, как унижали маму?

Но, позволив уложить себя на мягкий ковер гостиной, Карла думала, как хорошо иметь бойфрендом знаменитого художника плюс собственный дом и собственные деньги (которыми она, разумеется, поделится с мамой) – словом, положение, которое оценили бы даже соседи в Италии. Им придется стать полубезнее с Франческой, тем более что у Эда скоро выставка в Риме.

Отныне они занимались любовью, где и когда только могли. Лучше в гостиницах, говорил Эд, там спокойнее.

Однако он явно получал больше наслаждения, чем Карла. Эд не был тем любовником, каким девушка его воображала. Опыт у нее, разумеется, был: в университете, освободившись наконец от строгого надзора *нонно*, она флиртвала с мальчиками, приглашавшими ее на ужин. Иногда она позволяла флирту зайти довольно далеко – скажем, получить новое платье за выходные в Сорренто. Карла всегда предохранялась, и не только физически. «Я сейчас думаю об учебе, а не о любви», – говорила она своим

кавалерам. На самом деле Карла не хотела повторить мамину судьбу. Ей хотелось финансовой стабильности брака, а не роли любовницы.

И вот пожалуйста – любовница.

– Я уйду от Лили, – всякий раз обещал Эд. – Нужно только выбрать момент, когда ей сказать. Для меня это не просто секс.

«С выбором момента я могу помочь», – подумала Карла.

Через несколько недель после того, как они начали спать друг с другом, Карла позвонила из номера отеля на круглосуточную горячую линию журнала светских сплетен, пока Эд был в душе. Женщина на другом конце провода очень заинтересовалась информацией. Карла говорила быстро и повесила трубку, не назвавшись. Вскоре после этого Лили их нашла.

Странно. Несмотря на то что ее план удался, Карла не получила ожидаемого мстительного удовлетворения. Вместо этого она чувствовала себя грязной дешевкой.

В свете уличного фонаря лицо Лили было белым, а глаза горели, как у дикого животного. Карла испугалась. Эд это заметил и покровительственно обнял ее за плечи, хотя и его потряхивало – Карла ощущала эту дрожь.

– Мы любим друг друга, – повторял он. – И хотим всегда быть вместе.

– Мы не смогли справиться с чувством, – заикаясь, добавила Карла.

Лили зарычала. Буквально.

– Еще как могли! – И тут она заплакала, что было еще хуже. – Я тебе столько помогала, а ты мне вот так отплатила?

– Отплатила? – голос Карлы зазвенел в ночном воздухе. Прохожие оборачивались на них с любопытством. – Это за вами был немалый должок! Я слышала в Девоне, как вы сказали Эду, что проигнорировали мои письма из Италии!

– Я...

– Не пытайтесь пустить в ход свои адвокатские уловки, я их все наперечет знаю! – Карла вспотела от негодования. – Если бы вы не заставили Ларри бросить мою мать, у нас бы все было в порядке!

Смех Лили был нервный, ломкий.

– Ты правда так считаешь, глупая девчонка?

– Я не...

– Слушай меня!

Несколько секунд казалось, что Лили вот-вот вцепится Карле в горло.

– Если Тони обманывал свою жену, почему ты считаешь, что он не мог обманывать и твою мамашу?

Карле вспомнилась блондинка с яркой помадой в машине.

– Поверь, я оказала тебе услугу. Совсем как ты сейчас оказала услугу мне. – Лили развернулась к Эду: – Если бы не Том, я бы ушла от тебя много лет назад. Забирай этого ребенка, – она показала на Карлу, – и пошел вон. А ты, – бросила она Карле, – скоро раскусишь и поймешь, что он такое. И если ты рассчитывала вытянуть из всего этого денег, ты жестоко просчиталась.

Рука Эда напряглась. Хватка была не менее сильной, чем волны страха, теснившие грудь Карлы.

– Я не собираюсь это слушать, – сказал он. – Пойдем, Карла. Мы уходим.

– Нет. – Голос Лили прозвучал громче, чем Карле доводилось слышать за все время их знакомства. – Это я ухожу. Неужели ты думаешь, что я вернусь в этот дом, зная, что вы трахались там как кролики, пока я работала? К тому же его все равно теперь придется продать. Держи, – она бросила Карле ключи. – Бери мой комплект. За вещами я пришлю. Скройте с глаз моих, вы оба.

«Погодите, – чуть не сказала Карла, – я совсем не так себе это представляла!» Но Эд, больно сжав ее руку, остановил такси, и они поехали домой.

– Куда пойдет Лили? – спросила Карла, когда они вошли. Повсюду были вещи хозяйки: белое пальто висело на крючке в прихожей, туфли на шпильках аккуратно стояли у двери.

– С ней все будет в порядке, – сказал Эд, притянув к себе Карлу. – Она сильнее, чем кажется. Смотри, как она нас выследила!

– Правда? – с деланой наивностью спросила Карла.

– А как же, по-твоему, она нас нашла?

Но Карла не могла заснуть от волнения. Вдруг Лили выкинет какую-нибудь глупость, прыгнет с моста, как один бедолага всего неделю назад? «Тебе-то что за печаль?» – сказала бы мама Франческа, но Карле было неспокойно. Она впервые задумалась: может, Лили была права, говоря, что оказала им услугу, избавив от Ларри? И еще девушке не давала покоя последняя брошенная ею фраза: «Если ты рассчитывала занять посредством всего этого денег, ты жестоко просчиталась».

Всю ночь Карла ворочалась и металась. Проснувшись утром, она увидела, что Эд спит, положив голову ей на грудь – будто ребенок, ищущий утешения, – и снова испытала недоброе предчувствие. Эд открыл глаза, улыбнулся и потянулся на широкой постели под лучами солнца, пробивавшегося сквозь кремовые жалюзи.

– Поразительно, правда? – сказал он, обводя ее грудь указательным пальцем. – Сама судьба свела нас. Теперь мы всегда будем вместе.

Разве не этого она хотела? Но Карла могла думать только о седых волосах на груди Эда, о наметившейся плечи у него на макушке и о залитом слезами лице Лили вчера вечером.

Заголовки не замедлили появиться:

ХУДОЖНИК БРОСАЕТ ЖЕНУ РАДИ ПОЗИРОВАВШЕЙ ЕМУ
СЕКСУАЛЬНОЙ ИТАЛЬЯНСКОЙ МОДЕЛИ;

ХУДОЖНИК ПЯТНАЕТ ХОЛСТ СЕМЕЙНОЙ ЖИЗНИ ИЗ-ЗА
ПОВЗРОСЛЕВШЕЙ «МАЛЕНЬКОЙ ИТАЛЬЯНКИ»

– Я намерен сохранить дом, – сказал Эд. – Займу денег и выкуплю долю Лили. Она уедет из Лондона и откроет практику в Девоне, поближе к Тому. Так будет лучше для всех.

– Но на что мы будем жить? – спросила девушка.

Эд обнял ее:

– Об этом не волнуйся.

Карла набрала в грудь воздуха и призналась:

– У меня ничего нет, Эд.

– Не беспокойся. – Он поцеловал ее в макушку. – Я о тебе позабочусь.

– Но у меня нет ни пенни...

Он сунул руку в задний карман и отсчитал несколько банкнот:

– Этого хватит?

Сердце Карлы окатило волной облегчения.

– Спасибо.

Разумеется, большую часть она отнесла в банк и перевела маме.

Через несколько недель сомнения Карлы начали утихать. Жить с известным художником оказалось весьма приятно: они ходили в прекрасные рестораны с вышколенными официантами. Они были презентабельной парой, их все знали.

Теперь можно было не беспокоиться об оплате счетов. Эдвард – иногда ей нравилось называть его полным именем – купил ей много прекрасной одежды. Значит, Лили все-таки лгала насчет денег! Карле даже удалось сохранить работу: увольнять ее не за что, а значит, противозаконно. К счастью, Лили из бюро ушла.

Вначале сотрудники холодно относились к ней, но Эд уверял, что человеческая память коротка, – и не ошибся: через пару месяцев лед начал таять, особенно когда один из партнеров фирмы ушел от жены к

секретарше и у всех появилась новая тема для разговоров.

Эд был к ней как нельзя более внимательным – иногда даже чересчур. Однажды Карла получила письмо от Руперта. Красивым почерком с сильным наклоном было выведено чернилами:

РАД, ЧТО У ТЕБЯ ВСЕ ТАК ХОРОШО

– Кто тебе пишет? – спросил Эд, прочитав письмо из-за ее плеча.

– Знакомый с юридического.

– Тот парень, что приходил сюда?

Карле вспомнилась неловкая ситуация, когда Эд застал ее и Руперта в доме.

– Да.

Эд ничего не сказал. Но позже, когда Карла что-то выбрасывала, она увидела среди мусора письмо Руперта, изорванное в мелкие клочки.

– Зачем ты это сделал? – спросила она Эда.

Он закрыл ей рот страстным поцелуем и занялся с ней любовью с пылом, которого уже давно не было.

Разорванное письмо того стоило, говорила она себе, задыхаясь, лежа на простынях. Все стало как в самом начале, когда Эд был для нее запретным плодом. Девушка подозревала, что и Эд ощущает то же самое.

Ничто не влечет сильнее, чем недоступное. Впервые за много лет Карле вспомнился пенал, который она украла у мальчишки в школе. Как она о нем мечтала! Но едва пенал оказался у нее, мания приобретательства переключилась на что-то еще. Что с ней не так? – гадала Карла, на ощупь пробираясь в ванную, чтобы не беспокоить Эда. Почему ей вечно хочется большего?

Глава 45. Лили

– Теперь я не могу ею есть. – Том яростно уставился на меня. – Ты ее передвинула. Смотри! – Он сердито указал на вилку, которую я сдвинула на пару дюймов влево, чтобы освободить место для еще одного прибора. Я уже давно общаюсь с Томом, чтобы усвоить – этого делать нельзя, но время от времени забываю. Результаты бывают весьма зрелищными, вот как сейчас.

Треск... Мы с мамой подскочили на стульях, схватившись друг за друга. Со стола слетела не только вилка, но и соседняя тарелка и красивый бокал для вина из набора, подаренного нам на свадьбу.

Когда мы с Эдом расстались и начали делить имущество (рвать надвое свое сердце несравненно тяжелее), я не могла не усмехнуться иронии судьбы: свадебные подарки пережили сам брак.

К моему ужасу, от слез защипало глаза. Слезы я обычно сдерживаю на том основании, что ни к чему хорошему они не приводят. Да и кому нужны неверные мужья? Вот хорошие бокалы для вина куда полезнее.

– Зачем ты это сделал? – заорала я, не обращая внимание на предупреждающий взгляд мамы «не спрашивай и не спорь – его не переспорить». Во время развода, который произошел с неприличной поспешностью (совсем как свидание в гостинице), Эд заявил, что с адвокатом спорить «бесполезно». То есть такие, как я, все равно не слушают других, у них на все свои ответы.

Может, это у меня Том перенял свою способность видеть только собственную точку зрения и больше ничью?

– Ты трогала мой нож, – деловито констатировал он, щурясь сквозь новые очки в толстой оправе. – А я тебе уже говорил – не люблю.

Нагнувшись, я заметала осколки.

– Ведешь себя, как трехлетний, – пробормотала я.

– Ш-ш-ш, – поспешила сгладить ситуацию мама.

Обычно я не поднимаю шума. Вернувшись в Девон, поближе к Тому, я решила терпеть. Но время от времени я взрываюсь – что-то срабатывает, как спусковой крючок. Сегодня это был лишний прибор на столе. Напоминание о прежней жизни, которая закончилась, когда я увидела Эда и Карлу целующимися возле отеля на Стрэнде. Даже сейчас меня передергивает, если при мне произносят слово «отель». Оно отбрасывает меня в тот момент, от него у меня сжимается под ложечкой, вызывая

рвотные спазмы, – вырвало же меня тогда на тротуар от ощущения предательства и нереальности происходящего.

Как ни странно, после первых болезненных моментов гнева во мне не осталось. И до сих пор нет никакой злости. Если бы я злилась, мне было бы легче. Мама говорит, это я до сих пор не разобралась со своими чувствами. Может, она права, но даже если так, когда же я с ними разберусь? Прошло уже несколько месяцев, а больно так, словно все случилось вчера.

Ночь я провела в профессиональной организации, членом которой являюсь, – в университетском женском клубе, где случайно нашла свободная комната, а на следующий день позвонила в бюро и сказалась больной. Мне не выдержать встречи с Карлой, а с нее станется заявиться в офис как ни в чем не бывало.

Днем у меня зазвонил мобильный.

Эд. Эд?!

– Нам надо поговорить, – сказал он. Доброжелательно, не вызывающим тоном, который был у него накануне. Может, потому, что он сейчас один?

– Карла там?

– Нет.

Значит, он может говорить без помех. Надежда распирала горло, словно в нем встал воздушный шар. Эд хочет, чтобы я вернулась. Ну конечно! У нас же общий ребенок, особенный, не такой, как большинство детей. И сейчас, в отрезвляющем свете дня, Эд понял, что нам нужно быть вместе ради Тома.

У меня нет своих ключей, спохватилась я, поднявшись по лестнице. Пришлось звонить, чувствуя себя посторонней на собственном крыльце. Эд встретил меня с бокалом виски в руке, хотя не было еще и десяти утра.

Я сразу перешла к делу:

– Слушай, мне очень обидно из-за Карлы, но я готова простить тебя ради Тома. Давай начнем все заново. – И с отчаянием добавила: – Один раз у нас это получилось!

Эд потрепал меня по руке, будто маленькую девочку.

– Да ладно, Лили. Понятно, что тебе страшно. – Глаза его поблескивали, как у шалуна, которого застали с рукой в банке с конфетами.

Он в эйфории – без сомнения, подогретой виски. Это мы проходили много раз: вскоре эйфория сменится глубокой депрессией.

Видите? Я знаю его лучше, чем Карла. Ну вот как она справится?

– Ты еще достаточно молода, чтобы начать все заново, Лили. Ты зарабатываешь куда больше меня и...

– Как ты можешь говорить о деньгах? – Я встала и направилась в кухню, к одной из висящих там картин. Маленький белый отель, в котором мы жили в медовый месяц.

Эту картину Эд помог мне скопировать, показав, как нужно смешивать краски, чтобы получить неуловимый оттенок синего, переходящего в зеленый. Я хорошо помню, как он водил моей рукой и его прикосновение вызывало в теле щекочущее волнение.

– Неплохо, – говорил он, гордясь моими стараниями, и в поощрение повесил мою картину на стену рядом со своей.

– Давай поговорим о практических материях, – продолжал он. – Я хочу оставить за собой дом и выкупить твою половину.

– На какие средства?

Эд всегда был беспомощен, когда дело касалось денег.

– У меня же скоро выставка! А ты себе что-нибудь подыщешь. В Девон к Тому будем ездить по очереди...

– Я смотрю, вы все продумали, – пытаюсь справиться со страхом, перебила я. – Ты и твоя итальянская сучка.

Лицо Эда потемнело.

– Не называй ее так! Я от тебя много лет не видел любви, тебя только твоя работа интересует!

Ложь! Я действительно с ног валюсь после рабочего дня, но ведь так все живут! А когда в воскресенье утром я начинала ласкаться, Эд всякий раз отодвигался, говоря, что у него спина болит или что мы разбудим Карлу, спящую за тонкой перегородкой. Как я могла быть такой дурой?

Мне снова вспомнилась Карла в Клэпхеме. Девочка, попросившая солгать о пенале. Ребенок, чья мамаша кувыркалась с «Ларри», наврав, что идет на работу. Яблоко от яблони...

– Ты что творишь? – заорал Эд.

Я плохо сознавала, что делаю. Позже я смутно вспомнила, как подбежала к стене, к картинам с изображением отеля для новобрачных. Схватив картину Эда, я швырнула ее на пол и принялась топтать ногами. Оттолкнув мужа, я в слезах выбежала из дома и плакала на бегу всю дорогу.

На следующий день в офис с посыльным доставили письмо о начале процедуры развода на основании моего «неприемлемого поведения».

Но было и кое-что еще, о чем я начала думать только сейчас. Если честно, у нас с Эдом давно не ладилось, но я не могла уйти от него из-за Тома. Может, я безотчетно отказывалась замечать знаки привязанности между итальянской «гостьей» и моим мужем? Может, подсознательно мне

хотелось, чтобы между ними что-то произошло и я получила бы обоснованный пропуск на выход из брака?

Не так уж нелогично вывести «неприемлемое поведение» из слов «не принимать».

Глава 46. Карла

Теперь раз в две недели Карла с Эдом ездили в Девон повидать Тома. Сначала девушка нервничала: что, если мальчик откажется с ней разговаривать? Между ними действительно возникла некая близость – общий язык двух вечных изгоев. Однако, когда Эд забирал его из дома (они решили, что Карле лучше подождать в машине), Том подбежал к ней – длинный, тощий, как паук-долгоножка, блестя зубами от возбуждения.

– Карла, – кивнул он ей. – Ты здесь.

Карла не позволяла себе думать о Лили, которая осталась в доме. О матери, вынужденной на день отдавать сына другой женщине. Лили это заслужила, говорила себе девушка. Она пренебрегла Томом ради карьеры. Она и мужем пренебрегала. Только этими уговорами Карла могла справиться с противным тоненьким голоском совести, которому вторили письма мамы Франчески.

«Надеюсь, ты знаешь, что делаешь, дочка, – писала она. – Оглядываясь назад, я сожалею о боли, которую причинила жене Ларри. Будь осторожна».

И вот однажды утром в воскресенье, когда они с Эдом лежали в постели, под дверь подсунули записку. К счастью, Карла увидела ее первой.

ТЫ ЗА ЭТО ЗАПЛАТИШЬ

Больше на листке ничего не было.

Речь явно шла о том, что она разрушила брак Эда и Лили. Написана записка была тонкими, но крупными печатными буквами. Кто ее отправил? Лили? Нет, это не в ее стиле. Кто-то из бюро? Сотрудники уже держались с ней дружелюбнее, но многие по-прежнему с большой теплотой отзывались о бывшей коллеге. Лили открыла новый офис фирмы (с гибким графиком работы) и с особенным рвением берется защищать клиентов, у которых есть особенные дети. Она «заслуживает всяческих успехов», как сказала бывшая секретарша Лили, многозначительно посмотрев на Карлу.

Неужели записку подбросил кто-то из них? Карла перечитала послание: «Ты за это заплатишь».

Девушке хотелось показать листок Эду, чтобы он развеял ее страхи, сказал, что все в порядке. Но вдруг это разбудит в нем угрызения совести, усилит чувство вины? Карле уже случалось заставить Эда, когда он

задумчиво и невесело смотрел на фотографии Тома, и с ним всегда трудно общаться после воскресных визитов в Девон. Неужели Эд сожалеет, что оставил ради нее сына? Что, если он ее бросит и вернется к Лили?

Какое это будет унижение! Она не желает закончить, как мама Франческа. Поэтому, ничего не сказав Эду, Карла изорвала записку на мелкие клочки, а чтобы Эд не нашел их, как письмо Руперта, выбросила в уличную урну.

Некоторое время Карле было не по себе: она нервно озиралась, идя в офис, пыталась смутить пристальным взглядом секретаршу. Но ничего не происходило.

Влюбленность Эда сделала его навязчивым и властным.

– Где ты была? – требовательно спросил он, когда Карла вернулась с работы позже обычного, разобравшись со срочным контрактом на приобретение земли. – Я тебе звонил, но ты не отвечала.

– Я выключила телефон, чтобы не отвлекаться.

Но, когда она вышла из душа, Эд поспешно сунул мобильный обратно к ней в сумку, будто только что читал сообщения и проверял звонки.

– Мне нечего от тебя скрывать, – с раздражением сказала она.

– Конечно, дорогая. – Он обнял Карлу за плечи. – Мне просто показалось, телефон зажужжал. Смотри, у тебя сообщение. – Эд округлил глаза. – Снова по работе.

Он буквально душил ее постоянным вниманием.

Вскоре один важный клиент отменил заказ на портрет своей супруги.

– Видимо, ей не понравилась шумиха в прессе вокруг нас. – Эд пожал плечами. – Ничего, заказы приходят и уходят. Главное, что у меня есть ты. Понимаешь, мне всю жизнь казалось, что Лили не совсем со мной. Она вечно думала то о Дэниэле, то о Томе, то о карьере...

Бутылки вина исчезали из подвала с пугающей скоростью.

– В галерею отнес, – ответил Эд на вопрос Карлы.

Но через пару дней она нашла бутылки на дне мусорного контейнера за домом.

Прекрасное настроение после составления информационной записки для адвоката по делу, которое практически лежало у них в кармане выигранным, стремительно сменялось досадой и какой-то безысходностью. Неужели и Лили ощущала нечто подобное?

В воскресенье, когда Эд ушел делать наброски (опять!), Карла затеяла генеральную уборку, отчасти чтобы изгнать неистребимое присутствие Лили. Кабинет Эда был святая святых – никто, кроме хозяина, не имел права туда входить, но Карла, заглянув в дверь, увидела, что письменный

стол был завален бумагами, по углам под потолком трепетала паутина, и повсюду стояли грязные кружки. Не помешало бы хоть немного прибраться.

Под незаконченными набросками оказалась груда нераспечатанной корреспонденции. На некоторых конвертах стоял штамп «Срочно», на других «Вскрыть немедленно». Так Карла и сделала.

И ошеломленно опустилась в кресло, потому что у нее подкосились ноги. Эд задолжал несколько тысяч по кредитной карте. Ипотека не выплачивалась уже два месяца – в письме говорилось о предоставлении трехмесячной отсрочки «по вашей просьбе». Но потом деньги необходимо будет заплатить.

– Все уладится, – сказал Эд, когда Карла налетела на него, едва он переступил порог. – Это вопрос притока и оттока наличных денег. У меня скоро новая выставка, мой агент настроен очень оптимистично. Я продам картины и выручу больше чем достаточно... Он смотрел на Карлу разочарованно, словно это она проштрафилась. – Пожалуйста, не заходи больше в мой кабинет. Поверь, я ничего от тебя не скрываю.

На следующий день Карла обнаружила, что письма исчезли.

Открытие выставки почти отвлекло девушку от усиливавшихся сомнений: так престижно и весело было фотографироваться под руку с Эдом, таким красивым в смокинге!

– Прикажете назвать вас подругой мистера Макдональда? – спросил Карлу один из журналистов.

Эд наклонился над ее плечом:

– Пишите – невеста.

Карла вздрогнула. Даже речи об этом не было! А Эд говорил так, словно у них все решено.

– Зачем ты так сказал? – спросила она по дороге домой.

Рука Эда, державшая ее руку, сжалась.

– Я думал, ты будешь рада.

– Я рада.

Но Карла вовсе не была в этом уверена. Когда они впервые занялись любовью, ей очень понравилась импульсивность Эда, но сейчас ей казалось, что он обращается с ней, как с ребенком, каким она была при их первом знакомстве. Эд принимал за нее все решения, в том числе важные, где ей тоже полагалось право голоса. Хочется ли ей замуж? Брак привлекал Карлу уже значительно меньше.

Назавтра, когда она вновь задерживалась в офисе, позвонил Эд.

– Читала «Телеграф»? – отрывисто спросил он.

Карлу кольнуло нехорошее предчувствие.

– Нет.

– Прочитай.

Номер «Телеграф» нашелся на ресепшене, среди газет для клиентов. Карла быстро пролистала его до раздела, посвященного искусству. Боже милостивый!

НОВАЯ ВЫСТАВКА РАЗОЧАРОВАЛА ЛЮБИТЕЛЕЙ ИСКУССТВА.

Художник Эдвард Макдональд не оправдал ожиданий публики...

– Извините, – сказала она одному из старших сотрудников, – мне нужно срочно уйти.

Тот приподнял бровь:

– Вы уже написали записку по делу?

– Не до конца, но у меня чрезвычайные обстоятельства.

– Появятся еще одни, если утром все не будет готово.

– Будет.

Когда она прибежала домой, Эд, сгорбившись, сидел на диване.

– Все наладится, – сказала Карла, нагибаясь и целуя его в лоб.

– Наладится ли? Галерею придется продать – у меня нет средств на ее содержание.

Впервые в жизни Карла видела плачущего мужчину.

– Я уверена...

Он раскрыл объятия и прижал ее к груди. От него пахло виски, рот был мокрый, когда он повалил Карлу на диван.

– Не надо, Эд, не надо, это рискованно...

Но он продолжал целовать ее, и оказалось легче сдаться, чем протестовать.

Через неделю она получила письмо от мамы.

«Кара миа,

Ты не поверишь, что случилось! Ларри оставил мне небольшое наследство. Я только что узнала. Его вдова всячески старалась оспорить этот пункт, но судья постановил, что деньги мои по праву. Перед самым концом мой Ларри изменил завещание. Все-таки какой хороший был человек!

Значит, визит в хоспис все-таки принес пользу. Но Карле буквально

стало дурно. Судя по упомянутой сумме, за финансовое положение мамы можно больше не волноваться – неудивительно, что вдова была против. Но тогда выходит, что она, Карла, напрасно связалась с Эдом? Пожалуй, пора разорвать эту связь.

Глава 47. Лили

Февраль 2015 года

– Он уже близко, он уже близко! – Том бежит по комнате взад-вперед, хлопая руками по коленкам, будто играя на барабане.

Это обусловлено его заболеванием: физическая активность, говорят специалисты, успокаивает больного (и треплет нервы окружающим).

– Вон его машина! Мам, вон машина!

Присутствие Росса всегда производит на мальчика такой эффект. Если мы с Эдом и сделали что-то правильно, так это выбрали крестного для Тома.

Меня немного успокоило то, как Росс был шокирован новостью, что Эд бросил меня ради Карлы, да еще и потребовал дом.

– Насчет неприемлемого поведения – это бред, – сказал он, когда я зашла к нему на следующий день с опухшим лицом (слезы текли рекой).

Я пожала плечами, незаметно оглядывая квартиру. Стиральная машинка с оторванной дверцей лежала на боку на кухонном столе, будто ожидая, чтобы кто-то вызвал мастера. В мойке громоздились тарелки, на полу у мусорного ведра высилась стопка газет. Наполовину пустая бутылка «Джек Дэниэлс» стояла в стороне. При этом сам Росс всегда был одет в стильный костюм с модным галстуком. Мне в сотый раз пришло в голову, что никто по-настоящему не знает другого человека и еще меньше знает себя. Каждый из нас – ходячий клубок противоречий.

– На каком основании он ссылается на неприемлемое поведение? – спросил Росс.

– Постоянно задерживаюсь на работе, не беру отпуск и тому подобное, – криво усмехнулась я. – Неприемлемое поведение имеет очень широкий спектр значений. У меня одна клиентка добилась развода, потому что муж перекопал ее огород, не спросив разрешения. – Я схватилась за край кремовой столешницы. Представляю, что начнется, если адвокаты Эда узнают правду... Нет, приказала я себе, не думай об этом.

– Что вы намерены делать? – спросил Росс, подходя ближе.

Мне показалось, он хочет меня обнять. До сих пор мы лишь обменивались дежурными поцелуями в щеку. Я отступила на шаг назад со странным чувством.

– Не знаю. – Я могла думать только о геометрическом узоре на терракотовом полу. Со вчерашнего вечера маленькие детали казались очень

важными – может, так мозг борется со стрессом?

– У меня идея. – Росс подошел к окну и стал смотреть на улицу. Он живет в Холлоуэе, и вид из окна здесь не так хорош, как из нашего дома в Ноттинг-Хилл. «Нашего» скоро превратится в «их»...

– Уезжайте из Лондона. Начните все заново. Откройте практику в Девоне, будьте поближе к Тому. Вы ведь с Эдом, кажется, когда-то говорили об этом?

Я вздрогнула при имени мужа.

– Это серьезный шаг. А если клиенты не захотят ездить ко мне в Девон?

По лицу Росса я видела, что такую возможность исключать нельзя.

– А вы сообщите своей фирме, что хотели бы открыть «дочку» на юго-западе Англии, тогда они сами предложат вам взять у них часть дел.

Я колебалась. Уехать из Лондона? Поселиться в городке, куда я поклялась не возвращаться после смерти Дэниэла? Однако доводы Росса не лишены логики. Между мною и Этой Женщиной образуется дистанция. Мне удастся облегчить бремя, лежащее на моих родителях. Учиться Том по-прежнему будет в интернате, но не могу же я требовать от папы с мамой до бесконечности приглядывать за ним по выходным!

Вот так все и произошло. Даже сейчас, когда я вымыла особые нож и вилку Тома и положила их обратно на стол под его бдительным взглядом, я не совсем понимала, как нам удалось справиться в первые недели. Компания пошла мне навстречу: как Росс и предполагал, их заинтересовало предложение открыть филиал на юго-западе страны. Родители радушно приняли меня под свой кров, хоть мне и странно было вернуться в свою старую комнату, где в ящике стола все еще лежали бордовые с синим декоративные розетки Пони-клуба.

– Только пока я не подыщу себе жилье, – сказала я.

Однако легче оказалось остаться, жить в коконе родительской заботы. Под их защитой. В надежде, что уж теперь-то Джо Томас оставит меня в покое.

Никто, сказала я себе, не должен знать правды.

Стук дверного кольца вывел меня из задумчивости, когда я помешивала суп. Тыквенный. Из мускатной тыквы. Успокаивающий. Умиротворяющий. В Девоне зимой гораздо темнее и холоднее, чем в Лондоне, но я понемногу привыкаю. Мне по душе заведенный порядок, когда прилив сменяется отливом с неизменной регулярностью: это успокаивает, как ровное тиканье напольных часов.

Я всегда любила море. Том его тоже любит. Когда он приезжает домой

на выходные, мы по несколько часов гуляем по пляжу, ища выброшенный на берег топляк. Мама купила внуку собаку, маленького шнауцера, похожего на старичка с бородой. Том часами говорит с Сэмми, совсем как Дэниэл говорил с Мерлином. Иногда я спохватываюсь, что тоже разговариваю с собакой.

– Он здесь, он здесь! – радостно кричал Том, прыгая вокруг меня.

«Он никогда не устраивает такой суматохи, когда приезжает его отец», – подумала я, пересекая холл. Когда Эд приезжает к Тому, я отступаю на задний план. После постановления о разводе наши встречи сводятся к краткому кивку у дверей, когда Эд забирает сына на весь остаток дня.

Могу только представить, чем они занимаются в эти часы: разведенному родителю достаточно трудно развлекать детей вне дома, а с таким ребенком, как Том, еще сложнее. Интересно, как дела у Карлы? Надеюсь, не очень хорошо. Несмотря на слухи о помолвке – один из партнеров фирмы смущенно показал мне таблоид, – объявления о свадьбе еще не появилось.

Я восприняла это с облегчением, хотя и сержусь на себя за это. Эд наверняка колеблется, зато Карла, не сомневаюсь, не упустит шанса заполучить золотое колечко на безымянный палец.

– Забудьте о нем, – говорит Росс. – Вы слишком хороши для него.

Я понимаю, что он просто старается меня поддержать, но ценю эту попытку. В этой новой жизни Росс для нас очень важен. Том обожает, когда крестный приезжает в гости, и не в последнюю очередь потому, что тот всякий раз привозит кучу подарков, как на Рождество. Мои родители тоже его любят.

– Не понимаю, почему он не женится, – твердит моя мать.

– Привет! – сияющий Росс стоял на пороге, пошатываясь под грузом букетов и коробок. – Как тут мои самые любимые друзья?

Том нахмурился:

– Как это – самые любимые? Самый любимый может быть только один, надо говорить в единственном числе. Нельзя иметь много самых любимых, потому что тогда не будет ни одного настоящего самого любимого!

Подобные педантичные рассуждения, которым не откажешь в своеобразной логике, характерны для моего сына. Я от них устала, пусть они и неглупые, но Росс только улыбнулся. Он потянулся, чтобы взъерошить Тому волосы – по-свойски, как крестный крестнику, но вовремя остановился, вспомнив, что Том ненавидит, когда касаются его

волос.

– Логично.

Сзади подошла обрадованная мама. Она сняла фартук и глазами показала мне сделать то же самое.

– Проходите, проходите же. Вы, должно быть, проголодались после поездки. Ужин почти готов.

Росс подмигнул Тому.

– Никому не говори, но я останавливался на шоссе и перехватил бургер. Но все равно голоден.

Том смеется. Этот разговор стал ритуалом, который повторяется при каждой встрече. Легенда успокаивает и меня, и моего сына, и даже моих родителей. Росс привносит в нашу семью «нормальность», о которой мы забываем, когда вдвоем пытаемся спасти Тома от него самого, отчаянно боремся, чтобы он не кончил, как Дэниэл. Это наш невысказанный страх. Наш дамоклов меч.

Никто, если у них нет такого ребенка, как Том, нас не поймет. Помню, когда Том был младше, я разговорилась с женщиной в очереди в супермаркете. Ее сын – лет десяти, с длинными тощими руками, которыми он беспрестанно размахивал, – сидел в инвалидном кресле. Люди уступали им дорогу и отнеслись сочувственно, когда мальчик смахнул консервные банки с ленты у кассы.

Хотя я и в страшном сне не желала Тому оказаться в инвалидном кресле, мне невольно подумалось, что в этом случае нас хотя бы понимали окружающие. Когда Том вытворяет свои фокусы в общественных местах (недавний пример – он наступил на бокал для вина в пиццерии, чтобы показать, сколько осколков может «сделать»), на меня смотрят так, словно хотят сказать: «Почему вы не приструните этого оболтуса?», или даже: «Такого под замком держать надо». От этого я начинаю закипать.

Я читала, что, когда дети с синдромом Аспергера становятся старше и перестают быть «забавными», их скандальность и вызывающее поведение настраивают против них окружающих. На днях в газете была статья о том, как владелец кафе вышвырнул за дверь подростка с аутизмом, когда тот устроил скандал: ему принесли кофе с молоком, а он заказывал черный. Подросток неловко упал и сломал руку.

Я бы своими руками убила того, кто попытался бы причинить вред моему сыну.

После ужина мы с Россом пошли гулять с собакой. Это тоже ритуал. Том обычно тоже просится с нами, но я боюсь его брать. Камни на краю пляжа очень высокие, и при свете луны трудно разглядеть, не лезет ли Том

на один из валунов, откуда легко сорваться. Сегодня, к моему облегчению, сын объявил, что устал. Душ он примет утром (ванну он ненавидит), и если его особое полотенце с эмблемой «Манчестер юнайтед» не будет наготове, об этом услышит весь дом. Я понемногу привыкаю к этим «правилам», словно высеченным в граните.

Конечно, он сложный ребенок, но иногда я думаю, что мне повезло в том смысле, который не все поймут. Пусть Том необычный, зато с ним не соскучишься. У него пытливый ум. Он смотрит на жизнь так, как не умеют другие.

– Ты знала, что средний человек вырабатывает за жизнь достаточно слюны, чтобы наполнить два плавательных бассейна? – выдал он позавчера.

– Как вы? – спросил Росс, когда мы проходили под нависающей скалой, глядя на мигающие огоньки кораблей на горизонте. Мир словно становился другим, в котором мы жили нормальной жизнью.

– Спасибо, потихоньку. В школе Томом, тьфу-тьфу, довольны. У меня собирается весьма приличная клиентская база. Еще я записалась на велоаэробiku, чтобы выкроить время для себя, как вы и предлагали.

Росс кивнул:

– Хорошо.

Что-то случилось, я чувствовала.

– Как вы сами, как работа?

– О'кей, хотя мне кажется, что и за стенами офиса существует жизнь.

– Как я вас понимаю...

Мы не спеша прошли мимо толстой чайки, клевавшей брошенный кем-то пакет чипсов. Навстречу нам попались двое молодых людей, идущих под руку. Они многозначительно кивнули: думают, что мы тоже пара. От этого я показалась себе мошенницей. Нужно успокоить Росса, чтобы он не думал, будто у меня к нему романтический интерес.

– Я очень ценю ваше внимательное отношение к Тому... – начала я.

– Я не только из-за Тома.

Я затаила дыхание.

– Я волнуюсь и за вас, Лили. – Он взял меня за руку, и я почувствовала, как по спине медленно растеклось тепло.

Я убеждаю себя, что научилась жить без Эда. Порой мне кажется, что Эд был в прошлой жизни, а иногда – что мы расстались только вчера. В такие дни мне хочется, чтобы он был рядом. Со мной.

– В этом нет нужды, – сказала я. – Все прекрасно, жизнь продолжается.

Это прозвучало настолько фальшиво, что даже море мне не поверило и сердито плеснуло волной о прибрежные скалы. Лгунья. Лгунья.

– Мне нужно кое-что вам сказать, – произнес Росс.

Из моря взметнулся султан пены. Мы побежали вперед – Росс тянул меня за руку, – но шальная волна оказалась быстрее, а я не из тех женщин, которым идут мокрые волосы.

Росс погладил меня по руке, как родитель, пытающийся успокоить ребенка.

– Эд и Карла назначили дату свадьбы.

Неужели он это сказал? Или это шум моря? Ш-ш-ш, ш-ш-ш, повторяли волны, словно напевая колыбельную.

– Что? Я не расслышала.

Росс посмотрел на меня. Как глупо с моей стороны: на его лице была написана жалость, а не восхищение.

– Эд женится на Карле.

Эд. Карла. Свадьба. Не просто помолвка, которую можно разорвать в любой момент.

Значит, она его все-таки заполучила, как получает все, чего захочет.

– И еще кое-что...

Меня начала бить дрожь от холода, мокрых волос и нехорошего предчувствия.

– Она беременна, Лили. Карла ждет ребенка.

Странно, но от новости Росса мне стало легче. Точно так же было, когда я застала Эда и Карлу у отеля. Шок не прошел до сих пор, однако я хотя бы получила наглядное подтверждение того, что не придумала пренебрежительного отношения ко мне Эда.

Предупреждение Росса о свадьбе – скоро об этом будут трубить все таблоиды – расставило все по своим местам. Заставило меня понять, что нам с Эдом не быть вместе, даже если бы я этого хотела. А я не хочу.

Есть и другая странность в завершении нашего долгого брака (по крайней мере, для меня): как бы плохо мы ни жили, бывали и хорошие моменты, и я лучше помню именно их. Не спрашивайте почему. Я не заикливаюсь на ссорах, когда Эд бывал мрачен или пьян, или на том, как он выходил из себя, что я зарабатываю гораздо больше его, и закатывал истерики, если я поздно возвращалась с работы.

Нет. Я думаю о том, что было между ссорами и скандалами: как мы лежали на диване и смотрели любимый сериал или подолгу гуляли вдоль моря с нашим малышом, останавливаясь, чтобы показать Тому какую-

нибудь особенную ракушку или краба, удирающего боком под камень.

У меня разрывается сердце при мысли, что Эд теперь занимается этим с Ней. Однажды я читала статью о женщине, чей бывший супруг женился снова. Меня поразили две вещи: во-первых, она была не в состоянии произнести имя его второй жены и называла ее исключительно «она». «Ее имя застревает у меня в горле, – пояснила героиня статьи. – Она начинает казаться слишком реальной». Это я могу понять.

А во-вторых, у экс-супруги никак не укладывалось в голове, как это другая взяла себе ту же фамилию и разделила те же привычки с прежде столь близким ей человеком.

Именно это я и ощущала. Удивительно странно, когда у твоего мужа другая жена. Карла скоро будет Карлой Макдональд. Мы обе будем миссис Макдональд. Она станет женой моего мужа: даже если официально Эд мне теперь не муж, пятнадцать лет брака не сотрешь, как мел с доски. Листок бумаги – это не ластик и не пузырек корректирующей жидкости. С юридической точки зрения он способен аннулировать «контракт» между двумя сторонами, но ему не под силу вытравить из памяти воспоминания, семейные традиции и привычки, каким бы удачным – или неудачным – ни оказался новый брак.

Это больно. Да, мне больно знать, что они с Эдом создают свои, новые традиции и привычки. Наверное, теперь Карла обвивает Эда ногами, когда они смотрят нашумевший новый телесериал. Они ходят на долгие прогулки вдоль полосы прибоя с моим сыном, пока я сижу в доме, говоря себе, что Тому нужно видаться с папой. При мысли о другой женщине, играющей в «маму», мне становится дурно. Временами Том такой наивный... А еще он запросто переносит привязанность на другой объект. После одного из визитов отца с его новой женой он постоянно говорил о ее волосах.

– Почему твои волосы не блестят, как у Карлы? – допытывался у меня сын. – Почему не у всех волосы, как у нее? А волосы вообще из чего?

Ну, понеслось... Один вопрос у него всегда обрушивает настоящую лавину последующих. Но я запнулась уже на первом. Я не хочу думать о волосах Карлы и о чем бы то ни было, связанном с ней.

Но сильнее всего меня задела последняя новость. Их общий ребенок. Ребенок, который, без сомнения, родится «нормальным». Ребенок, за которым не нужно будет следить двадцать четыре часа в сутки из опасения, что он навредит себе, а то и сделает что похуже. Ребенок, который не окажет чудовищного давления на их брак. Это несправедливо...

После откровенности Росса меня вдруг охватил гнев, который, согласно книгам о разводах из серии «Помоги себе сам», мне давно

полагалось испытать. Эд поступил подло, однако он снова на коне: нашел себе другую, приезжает к сыну и берет его на несколько часов, пока Том в сносном состоянии. После его посещений мальчик всегда бывает перевозбужден, то есть мне, скорее всего, утром придется менять ему постель (вот уж чего не ждали. В одном исследовании пишут, что это распространенное явление у детей с синдромом Аспергера, хотя обычно все «само проходит» годам к десяти. Ну, будем надеяться).

А еще Эд счастливо избежал таких проблем, какие есть у меня. Например, с Джо Томасом.

Июнь

Шли месяцы. Первое время после переезда в Девон я была как на иголках: вдруг Джо попытается на меня выйти? Я даже решила предупредить маму, сказав, что один бывший клиент меня раньше преследовал и если он вдруг появится на пороге, его нельзя впускать ни под каким предлогом. Естественно, мама разволновалась.

– Но почему ты не заявишь в полицию? – спросила она дрожащим от беспокойства голосом. – Они-то с ним разберутся.

Признание вертелось у меня на языке, но это было бы чересчур – я и так свалилась родителям как снег на голову.

– Ты так считаешь? – переспросила я. – Да что они могут сделать...

Это правда. Когда-то я вела дело клиентки, которую преследовал бывший бойфренд, так вот нам удалось убедить полицию отнестись к этому серьезно, только наняв частного детектива и собрав доказательства, что с другими женщинами этот тип вел себя точно так же. И даже после этого он отделался предупреждением. Закон иногда диктует странные решения.

Признаться, мне только легче от того, что Джо не пытается нас найти. При мысли о бедном Мерлине мне до сих пор становится не по себе. Если Джо смог организовать такое, сидя в тюрьме, на что же он способен сейчас?

Страхи я прогоняла работой. Работа, работа и еще раз работа – это был единственный способ достичь относительного душевного равновесия, блокировав стресс от помолвки Эда и из-за Тома.

Первое время я боялась, что не наберу достаточно клиентов и партнеры решат, что субсидировать дополнительный офис слишком накладно. Но через пару недель ко мне обратились родители ребенка из интерната Тома. Они были убеждены, что эпилептические припадки у их ребенка вызваны грязной водой из старого колодца, которая попадает в

водопровод. Знакомый специалист ответил мне, что это в принципе не исключено. Дело пошло в суд, и мы выиграли иск о возмещении ущерба – немного, но достаточно, чтобы доказать, что осложнения у «особенных детей» не всегда являются неизбежным следствием основного заболевания, их можно предотвратить.

Затем один папаша из той же школы попросил меня разобраться в загадочном исчезновении записей из медицинской карты его сына. Роды у его жены протекали с осложнениями, пуповина туго обвилась вокруг шеи ребенка, а специалиста на месте не оказалось. Исчезнувшие записи мы так и не нашли (наверняка их сразу же уничтожили), но нам удалось выявить несколько аналогичных случаев, и все произошло, когда дежурил один и тот же врач-консультант. Был подан коллективный иск, и компенсацию получил не только мой клиент, но и другие семьи.

«Вы скоро станете знаменитой, Лили, – написал мне на электронную почту мой самый первый шеф. Он давно удалился на заслуженный отдых, но мы переписываемся. – Хорошая работа».

Мне хотелось спросить, как дела у Карлы, останется ли она в бюро после рождения ребенка. Но у меня не хватило духу поднять эту тему.

Однажды утром, выйдя на пробежку, я услышала, что кто-то бежит сзади. Дело обычное, мало ли народу бегают в шесть утра. Мы все друг друга знаем. Есть даже молодая мамаша с опухшими от недосыпания глазами – она бежит прямо с коляской.

Но я интуитивно почувствовала: здесь что-то не так. Человек принаравливался к моему темпу. Замедлял шаги, когда я сбрасывала скорость, и ускорялся, когда я бежала быстрее.

– Лили, – послышался сзади голос, который я знала слишком хорошо. – Лили, подождите, пожалуйста. Я не причиню вам вреда.

Глава 48. Карла

Июнь 2015 года

Карла смотрела на свое тело в мыльной пене. Четвертая ванна за четыре дня, но больше по вечерам заняться нечем. Кроме того, так можно запереть дверь и побыть одной.

Узнав о ее беременности, Эд и пальцем не позволял ей шевельнуть. Достаточно того, заявил он, что она не хочет уходить из бюро. Ей надо отдыхать. Ничего, как-нибудь проживут, несмотря на требования банка. Он ее любит. Он о ней позаботится.

Прежде Карле очень понравилось бы такое внимание, но жизнь с Эдом оказалась совсем не такой, какой она себе ее представляла. Дело не только в его пьянстве, депрессии из-за непроданных картин или напоминаний банка о просроченных платежах, и даже не в поведении Тома во время «родительских» выходных, которое расстраивало Эда и не лучшим образом сказывалось на их отношениях, особенно после того, как Карла высказалась в том смысле, что «наказывать надо чаще, сразу научится себя вести». И не в последней угрожающей записке, которую Карла утаила от Эда: «*Ходи, да оглядывайся*».

Нет. На самом деле больше всего Карлу тяготило обручальное кольцо на пальце. Если бы не ребенок, она бы ни за что на это не согласилась. «Забота» Эда обернулась мелочным контролем, но Карла попала в ловушку своей беременности. Разве можно допустить, чтобы ребенок рос без отца, как она сама? Нет, ее дитя не будет изгоем – посмотрите, к чему это привело саму Карлу.

Состоялась свадьба – по настоянию невесты, очень скромная: только новобрачные и два свидетеля с улицы. Карла поставила условие, что они распишутся в Великобритании, в офисе регистрации: в Италии тамошние матроны наметанным глазом сразу разглядят округлившийся живот.

– Как это старомодно, – сказал Эд, целуя ее в макушку, словно малышку, которую знал много лет назад. Порой Карла гадала: может, Эд предпочитает, чтобы она оставалась маленькой и ею можно было командовать?

– По-моему, это очень трогательно, – сказала одна из девушек на курсах подготовки к родам, когда Карла призналась, что муж не дает ей заниматься хозяйством.

Карла не стала уточнять, что он не позволяет ей выносить пустые

бутылки. Эд теперь пил гораздо больше, и однажды это обернулось громким скандалом на вечеринке у одного критика в присутствии многочисленных гостей. Потом Эд, разумеется, каялся и рассыпался в извинениях.

– Я выпью за двоих, – пошутил он, накрыв ладонью бокал Карлы, когда она потянулась к бутылке. – Тебе нельзя, и мне все равно, что там показали новейшие исследования, – так называемые эксперты постоянно меняют свое мнение. Куда лучше побережись и полностью воздержаться от алкоголя во время беременности. – Эд погладил ее живот. – Ты носишь моего ребенка, – благоговейно сказал он. – Обещаю, я о вас позабочусь. Уже недолго осталось, дорогая.

Шесть недель. Но каждый день тянулся так медленно! Как ей было некомфортно, как тяжело! Карла с отвращением отворачивалась от зеркала, хотя Эд, дыша перегаром, уверял, что она прекрасна. И еще Карла не выносила прикосновений к своему животу: Эду хотелось почувствовать, как ребенок, будто какой-то монстр, бьется внутри нее.

Намылив груди (заметно налившиеся и с такими темными сосками, что казались чужими), Карла вспомнила, как столкнулась с Рупертом вскоре после свадьбы.

– Как поживаешь? – спросил он.

Они стояли в здании суда – Карла пришла помогать барристеру. По иронии судьбы, Руперт был свидетелем обвинения: слушалось дело клерка, который напился на офисной вечеринке и начал заигрывать с начальницей, за что вылетел с работы.

Карла едва могла сосредоточиться на прениях – она то и дело оглядывалась в зал, где сидел старый знакомый. Руперт тоже на нее посматривал. Во время перерыва они нашли друг друга.

– Я... – начала Карла и замолчала. Ее глаза наполнились слезами. – Я вышла замуж за банкрота и пьяницу и жду от него ребенка.

Глаза Руперта расширились.

– О свадьбе я слышал, – тихо сказал он, – но о прочем не подозревал. По-моему, после вынесения вердикта нам стоит выпить кофе.

Карла не собиралась откровенничать – слова вылетели сами. Абсолютный контроль со стороны Эда, выдаваемый за стремление окружить жену заботой. Постоянная тревога из-за денег (по настоящему банка, дом был выставлен на продажу, но мало кто приходил его смотреть). Неприятное ощущение, что она, Карла, живет в доме другой женщины.

– Лили оставила буквально все, даже свою одежду, будто намекая, что мне ее не заменить.

А еще непонятно откуда взявшаяся записка без подписи: ей угрожают за то, что она оскорбила Лили.

Было видно, что Руперт шокирован.

– А что говорят в полиции?

– Я не обращалась.

– Как так?

Глаза Карлы снова повлажнели.

– Потому что Эд поднимет шум и не пустит меня на работу. Будет держать дома, как птичку в клетке, из опасения, что на меня кто-нибудь нападет.

Руперт взял ее за руку.

– Карла, но это же ужасно. Нельзя так жить.

– Знаю. – Она опустила глаза на уже хорошо наметившийся живот. – Но что мне остается?

– Да по-разному можно решить. Можно уехать в...

– Нет, – яростно перебила Карла, – уехать я не могу. Не хочу жить, как моя мать. Не допущу, чтобы мой ребенок рос без отца, как я.

Руперт убрал руку. «Не отпускай меня, – чуть не закричала Карла, – не отпускай!»

Он полез во внутренний карман пиджака и вынул визитную карточку.

– Тут номер моего личного мобильного – я поменял номер со времени нашей последней встречи. Звони в любое время. Помогу, чем смогу. Моя невеста будет рада с тобой познакомиться.

– Невеста?!

Руперт залился краской.

– Мы с Кэти обручились в прошлом месяце. Несколько поспешно, но мы очень счастливы.

Так, значит, все эти пожатия ручек и румянец на его лице... Карла все неправильно поняла: Руперт ей только друг, и не более того.

Карла сохранила визитку. Она часто думала позвонить Руперту, но всякий раз ее останавливала фраза: «Моя невеста будет рада с тобой познакомиться».

Карлу передернуло. Хватит красть чужое. Эта нестерпимая, невозможная ситуация – кара ей за то, что она увела у Лили мужа.

– Карла! – в дверь настойчиво постучали. – Дорогая, ты в порядке?

– В полном, – ответила Карла и открыла краны, чтобы не слышать Эда. Она опустилась пониже, так что голова оказалась наполовину под водой и можно было спокойно думать, не слушая Эда, барабанившего в дверь ванной.

Глава 49. Лили

Я остановилась, схватившись за перила на краю дорожки, и попыталась вернуть самообладание, глядя на море. Освещенная яхта, стоявшая на якоре, покачивалась на фоне абрикосового восхода.

Наконец я обернулась.

Джо Томас ничем не походил на бывшего заключенного. Он казался гораздо старше, чем в нашу последнюю встречу. Впрочем, это ему только шло – придавало солидности. Он отрастил усы, хотя стригся по-прежнему очень коротко.

Не изменились только глаза – темно-карие, почти черные, сверлившие меня насквозь.

– Нам нужно поговорить.

Я вздрогнула:

– Мне нечего вам сказать.

Он потянулся ко мне. Мне показалось, что он хочет схватить меня за плечи, и я отшатнулась. Мимо пробежал один из моих малознакомых утренних бегунов.

Джо выждал несколько секунд:

– Мне нужно вам кое-что сказать. Пожалуйста!

Он буквально умолял, и я смягчилась.

– Не здесь. – Поколебавшись, я повела его через дорогу к столам и стульям, составленным у кафе, открывавшегося, согласно табличке, в девять утра.

Мы сели за стол, подальше от дорожки и случайных спортсменов.

– Ну что? – отрывисто спросила я.

Он впился в меня глазами, словно пытаясь засосать меня, или, как черными дырами.

– Вам не стоит волноваться из-за Карлы.

Это было так неожиданно, что до меня не сразу дошел смысл его слов. А осознав сказанное, я немного испугалась и, признаться, заинтересовалась.

– Вы о чем?

– Ваш бывший муж и Карла долго вместе не проживут.

Во рту у меня пересохло.

– Откуда вам знать?

– Знаю, и все. – Он подвинулся ко мне вместе со стулом.

Не глядя вниз, я чувствовала, что наши колени почти – но не совсем – соприкасаются под столом. Мимо прошел мужчина. Его собака обнюхала чипс, валявшийся на дороге, и побежала дальше. Владелец пса мог счесть нас парой бегунов, присевших отдышаться и полюбоваться видом, или туристами из прибрежного отеля, решившими прогуляться перед завтраком.

– Я понимаю, это нелегко, – сказал Джо. – Ваш муж женился на другой, а теперь у них еще будет ребенок.

– Ну так что же? Это жизнь. Меня они уже не интересуют.

Его взгляд легко смахнул паутину моего притворства.

– Вы в этом уверены?

Конечно же нет. Я хочу, чтобы Карлы никогда не существовало. Я жалею, что двенадцать лет назад не сказала ее мамаше: извините, мы не сможем присматривать за вашей дочерью по выходным.

Но это была бы не я. Во мне глубоко заложена потребность помогать людям. Искупить вину за то, что не смогла помочь своему брату. Я его подвела. И подвела себя.

– Вы за этим приехали? – спросила я. – Проверить, как мои дела?

– Отчасти. – Лоб у Джо заблестел от пота.

По моей спине пот уже тек струйками. Я ждала, как мышь перед удавом, догадываясь, к чему клонится разговор.

– Лили, я хочу сделать тест на отцовство. Я не поверил вам тогда, что Том не мой сын, и не поверю сейчас. Я слежу за вами, Лили, как всегда следил – за вами и всеми, с кем вы общаетесь, с самого своего выхода из тюрьмы.

Нелепость. Как? Где?

– Снова лжете? – резко спросила я.

Он засмеялся:

– Я даже представился Карле на похоронах Тони.

– Я вам не верю! Ее не было на похоронах.

Снова смех.

– Вы невнимательно рассматривали собравшихся. – Он придвинулся еще ближе.

Я незаметно подалась назад.

– Я рядом, когда вы забираете Тома из школы по пятницам или гуляете по пляжу с Россом. – Его рот напрягся.

Сердце у меня затрепыхалось в горле. Этого не может быть!

– А как это вы за нами шпионите, а мы не замечаем? – съязвила я, осмелев от страха.

– Шпионю? – задумчиво протянул он. – Я не Джеймс Бонд, но я же сидел в тюрьме, а там многому можно научиться. Я даже заплатил одному из своих знакомых, чтобы он собрал о вас сведения, когда решал, нанимать вас или нет. Хотел посмотреть, сможете ли вы справиться с задачей.

Я же чувствовала, что мне смотрели в спину, пока я шла от остановки к подъезду! А как я была шокирована, узнав, что Джо осведомлен о моем замужестве!

Неужели это правда? Или же больные фантазии? Но тогда как объяснить, что он действительно многое обо мне знает? О Томе, о Россе?

– Том очень похож на меня в детстве. – Лицо Джо мучительно исказилось – один из редких случаев, когда на нем были видны какие-то эмоции. – Я наблюдал за ним. Он точно так же себя ведет, ему не нравится, когда вещи в беспорядке. Я знаю, он от меня. Я дал вам время, потому что вы пережили развод, но я заслуживаю правды, вам так не кажется?

Я бы согласилась с его доводами, если бы не непреодолимый страх перед Джо Томасом. Если бы он не был убийцей.

Еще одна парочка пробежала в другую сторону, держась за руки. Я вижу их каждый день и называю про себя мистером и миссис Новобрачными. Джо проследил за моим взглядом.

– Лили, вам одиноко?

Я оказалась не готова к такому вопросу. Глаза защипало от слез. Конечно, мне одиноко. Эд, виновная сторона, нашел свое счастье, а мне в удел досталось одиночество: кто захочет взять на себя заботу о таком ребенке, как Том?

– Вам необязательно быть одной. – Джо взял меня за руки. Его ладони были теплыми и твердыми. – Я всегда любил вас, Лили, по-своему.

Крик нестерпимого одиночества заглушил голос разума. Хотелось бы сказать: я не понимала, что делаю. Но я все прекрасно понимала.

Я подалась к нему, поддавшись силе его рук. Позволила припасть губами к своей шее. От ощущения его дыхания на моей коже в паху стало горячо.

Вдалеке, у спасательной станции, показался очередной бегун. Я резко подалась назад. Глаза Джо открылись. Я в ужасе вскочила на ноги и выронила из кармана ключ. Я всегда ношу с собой этот ключ, хотя мне больше нечего им открывать. Запасной ключ от дома, где мы жили с Эдом. На курсах самообороны учили: если на вас напали, ткните бандита ключом в глаз, это даст вам время убежать. Действовать нужно ключом, говорил инструктор, или вот еще пальцем. Совет запомнился – я брала с собой ключ на пробежку и в Лондоне, и в Девоне.

Джо нагнулся, чтобы подобрать ключ. Передо мной убийца, который должен сидеть в тюрьме всю жизнь, однако в этом галантном жесте проявилась его обходительность. В этом-то все дело: Джо Томас, конечно, негодяй, но не самый худший человек в мире.

Мне хочется считать себя хорошей, но – и от этого никуда не деться – я совершала и дурные поступки. Не только в отношении себя, но и Эда, а главное, Тома.

Я перебежала дорогу, возвращаясь на старый маршрут. Море мягко колыхалось у берега, шевеля гальку, и я наконец позволила себе вспомнить вечер после вынесения вердикта по делу Джо Томаса.

Забудь об острой боли в груди, которая не дает дышать.

Ее нельзя сравнить с мукой неизвестности.

Тело сковано напряжением от мрачных предчувствий.

Я слышу ее. Она идет ко мне.

Глава 50. Карла

Боли начались на другой день, когда Карла в своем кабинете разбирала почту, – слава богу, всегда есть работа. Письмо, контракт, телефонный звонок, встреча с адвокатом – все что угодно, лишь бы забыть об Эде, ожидающим ее дома, не сводя глаз с часов и не выпуская из руки бутылки.

– Вот еще письмо, – объявила бывшая секретарша Лили, заглянув в кабинет. – Только что доставили с курьером.

У Карлы отчего-то забилось сердце, хотя мало ли какие письма передают с курьерами. Однако, взяв конверт, она увидела, что ее имя не напечатано, а выведено крупными тонкими печатными буквами. Она открыла письмо. *«Ты и твой ребенок заплатите за все».*

Ребенок в животе перевернулся с неожиданной силой.

– А кто это привез? – услышала она свой сдавленный голос.

Секретарша всем своим видом показывала, что ей неприятна преемница Лили.

– Курьер на мопеде. Из какой компании, не сказал. – Она повернулась и вышла, оставив дверь открытой.

Поднявшись, чтобы прикрыть дверь, Карла почувствовала, как по ногам потекли горячие струйки. Боже, как неловко! Она обмочилась. Неужели ее тело настолько расклеилось? Сунув анонимное письмо в сумку, Карла выбежала в коридор, прошмыгнула мимо старшего сотрудника и скрылась в дамском туалете. К ее ужасу, там сушила руки одна из секретарш.

Женщина ахнула:

– У вас отошли воды?

Разумеется, Карла знала, что если отходят воды, значит, началась родовая деятельность. Но преподаватель на курсах подготовки к родам описывала это скорее как водопад, а не как тоненькую струйку.

– У меня такое было со вторым. – Секретарша говорила ворчливо, но сочувственно. – Присядьте, я «Скорую» вызову.

Карле показалось, будто стены надвинулись на нее, грозя сомкнуться.

– Но ведь еще рано, мне еще полтора месяца ходить!

– Тем более надо в больницу. – Секретарша сказала в свой мобильный:

– Пришлите, пожалуйста, «Скорую». Срочно. – И Карле: – Хотите, я позвоню Эду? В записной книжке Лили есть его номер.

Лили, Эд – неужели это никогда не кончится? Неужели ей так и жить

всю жизнь в невозможном тройственном браке?

– Прости меня, – сказала она, когда «Скорая» везла ее по городу.

– Не за что извиняться, красавица, – отозвался голос рядом с ней. – Это наша работа.

«Я не перед вами извиняюсь, – хотела выговорить Карла, – я перед ребенком, который появляется на свет в этой чертовой суматохе, которую мы затеяли. Подожди! Побудь в утробе, где так безопасно!» Но в животе возникли странные ощущения: боль накатывала волнами, и едва отступала одна, как поднималась следующая.

– Э-э, надо это приостановить, – сказал женский голос.

Серьезные, но спокойные интонации напомнили Карле, как в детстве ее забрали в больницу. «Ты могла умереть», – строго сказал ей доктор, будто это Карла, а не ее мама предпочла не обращать внимания на симптомы аппендицита. Может, сейчас она тоже умирает? Оно и к лучшему. Какая жизнь будет у ребенка с родителями, которые ссорятся еще до его рождения?

– Карла, вы меня слышите? – окликнул ее первый голос. – Мы сейчас сделаем вам укольчик, чтобы ребенок побыл в мамочке еще немного. Договорились?

И затем наступила темнота.

Глава 51. Лили

– Пойдемте пройдемся, – сказал Джо, когда двенадцать лет назад мы выиграли апелляцию. Совершенно невинное предложение.

Мы шли по Хампстед-хит, наслаждаясь вечерней прохладой после духоты в зале суда.

– А вы помните, – спросил Джо, глядя прямо перед собой, – как в тюрьме наши руки соприкоснулись?

Такое не забывается... Он тогда еще представил случившееся в таком свете, будто это я делала ему авансы, а не наоборот.

– Знаете, – продолжал Джо, не дожидаясь ответа, – в мире очень мало людей, чье прикосновение я могу стерпеть. Это у меня с детства.

Его рука, сильная и твердая, взяла мою, и мы пошли в темноту, оставив освещенный паб позади.

Конечно, мне следовало попроситься еще тогда – извиниться и пойти домой, но меня переполняло ликование после победы в суде и обида на Эда. Взглянем правде в глаза: я не интересую своего мужа. Ему куда больше подходит Давина. Это на ней ему нужно было жениться, а не на мне.

Но в мире очень мало людей, к которым Джо готов прикоснуться, он сам так сказал. При этом я вхожу в их число. Мне это льстило. А что? Рядом шагал человек, который, как я искренне считала, был несправедливо осужден. Он заслуживал жалости и в то же время восхищения, не в последнюю очередь потому, что решил не требовать денежной компенсации. Джо заявил в суде: «бедную» Сару Эванс ему никто не вернет, поэтому все, чего он хочет, – правосудия. И свободы.

– Вы плачете, – сказал Джо, когда я спохватилась, что сжимаю его руку в ответ.

И тут я рассказала ему все о своем браке, забыв обычную осторожность. Хотелось бы свалить все на двойной виски на пустой желудок – обычно я не пью – или на приятный туман в голове после первого громкого выигранного дела, но истина в том, что Джо был человеком, с которым я могла поговорить.

Как я успела узнать, пребывание в тюрьме иногда вызывает такой эффект. Она связывает людей странными узами. Сам факт пребывания в учреждении, которого все боятся, заставляет почувствовать себя иначе. Тюрьма создает невероятные пары: мошенник и его сокамерник-насильник,

учительница и убийца, адвокат и ее клиент.

И было еще кое-что, к чему неприменимы законы и правила, – физическое притяжение, от которого воздух между нами ощутимо дрожал. Наэлектризованность, которую я впервые ощутила в камере для свиданий под постером «Надежда». То, что никогда не должно возникать между заключенным и адвокатом. Но Джо уже не заключенный, он свободный человек. Мы оба свободны делать то, что хотим.

Я даже не назвала бы это изнасилованием, хотя несколько мгновений я сопротивлялась: просто я словно провалилась куда-то. Не стану внушать себе, что это была любовь, потому что это было куда лучше. Почему? Любовь слишком хрупка, ее ничего не стоит разрушить. Порок более живуч и крепок – и приносит немедленное удовлетворение. Разве я не усвоила этот урок из моего прошлого?

Когда Джо повалил меня на траву и распахнул на мне блузку, я узнала, как порок и вождение необъяснимым образом пропускает через вас напряжение в миллион вольт, так что вы одновременно горите и плавитесь. Упоение, когда кто-то разрешает вам нарушить все правила, особенно когда этот кто-то – вы сами. Наконец-то я освободилась!

– Быстрее, – сказал Джо, когда все закончилось, – кто-то идет.

Я поднялась на ноги.

Только увидев отвращение на лице мужчины, гулявшего с собакой, я ощутила запоздалый стыд. Стыд, который мог спасти меня, если бы проснулся раньше.

– Уходите, – сказала я, дрожащими пальцами застегивая блузку. – Уходите и больше не возвращайтесь.

Я кинулась бежать. Я бежала через Хампстед-хит, догадываясь, что выгляжу черт знает как. Спустилась в метро и прижалась к другим потным телам, сознавая, что от меня пахнет пороком. Мне безумно хотелось домой, под душ. Подольше постоять под горячими струями, чтобы смыть с себя Джо Томаса.

– Это надо отметить! – сказал Эд, когда я вошла в квартиру. – Откроем бутылочку... – И добавил напряженным голосом: – А потом поговорим, ты обещала.

При виде мужа меня захлестнуло такое чувство вины, что я вызвалась сама сходить за вином, лишь бы хоть ненадолго выбраться из дома.

А в коридоре произошел скандал с Тони и Франческой. Вот почему я так налетела на Тони. Да, мне было жаль его несчастную жену, но на самом деле я кричала на себя и свою моральную нестойкость. Я презирала Тони, потому что презирала себя.

Следующим вечером, когда разговор с Эдом откладывать было уже нельзя, я сидела в ванной и решала, уходить от него или нет.

Если книга откроется на нечетной странице, я уйду. А на четной – останусь.

Страница семьдесят три. Нечетная.

На странице была фотография счастливого семейства за столом. Изображение и строчки поплыли перед глазами. Воскресные обеды. Нормальная жизнь. Какой заслуживали мои родители. Какая может быть у нас с Эдом, если мы перестанем лгать.

Необязательно подчиняться нечетному числу – Дэниэл тоже часто поступал по-своему, если выпадала решка.

– В глубине души ты понимаешь, чего хочешь, еще до того, как монета упадет, – говорил он. – Именно поэтому бросить монетку – отличный способ принятия решений.

Я в глубине души знала, что, несмотря на наши с Эдом поступки, по-прежнему люблю своего мужа. Джо – это вожделение, порок. Я не должна была заходить так далеко. Эд – мой шанс вернуть жизнь в нормальное русло. Вот что я должна сегодня сделать – на тот маловероятный случай, если семя Джо Томаса даст во мне всходы. Я вышла из ванной, взяла Эда за руку и повела в спальню.

Через месяц я узнала, что беременна. Так что отцом Тома может быть любой из них.

Глава 52. Карла

– Карла! Карла, ты меня слышишь?

Казалось, всего минуту назад ей задавали этот вопрос в машине «Скорой помощи». Но сейчас говорил Эд.

Первой мыслью было, что он обнаружил записку, выведенную тонким крупным почерком. Карла же сунула конверт в сумку, и Эд мог на него наткнуться – он уже не раз рылся в ее сумке под тем предлогом, что ему понадобилась мелочь.

– Все хорошо, Карла, я уже здесь. У нас родилась прелестная девочка!

Девочка?! Только не это! Девочка может допустить те же ошибки, что и ее мама. Это никогда не закончится!

– Такая крошка, всего несколько фунтов, но врачи говорят, с ней все будет в порядке.

Разве так бывает? Карла даже не помнит, как рожала. Эд лжет! Раньше он лгал Лили. Отчего бы ему не солгать и ей?

В поле зрения появилось лицо Эда. Он нагнулся к ней и поцеловал в щеку. От его прикосновения Карлу передернуло.

– Ты нас ужасно напугала, дорогая!

– Я не виновата, – удалось выговорить Карле.

Голос Эда дрогнул.

– Я едва не потерял вас обоих!

– А что случилось? – с трудом пробормотала она.

– Ребенок решил появиться на свет раньше срока, – произнес другой голос.

Карла попыталась обернуться и посмотреть, откуда он исходит, но у нее все болело.

– Но это даже хорошо. Оказалось, у вас была низко расположена плацента, потребовалось экстренное кесарево сечение. Задали вы нам хлопот! Хотите увидеть свою малышку?

Какую малышку? Младенца не было видно – и слышно. Так она и знала: случилось что-то ужасное!

– Интенсивная терапия здесь, за углом. – Перед глазами Карлы появилась медсестра в зеленом костюме. – Ноги не слушаются, да? Тогда усадим вас в кресло.

– Ребенок здоров? – слабым голосом спросила Карла.

– Наша девочка, – подчеркнул Эд, – настоящий боец.

Но Карла заметила его взгляд, брошенный на медсестру. В нем был страх.

– Вот уже и приехали, дорогая.

Это и есть ее ребенок? Карла расширенными глазами смотрела в инкубатор. Внутри лежал маленький крысеныш с бледной полупрозрачной кожей, как у мертвого птенца, которого Карла нашла возле дома, когда они жили по соседству с Лили и Эдом. «Брось эту гадость!» – завизжала мама Франческа и повела Карлу прочь, к автобусной остановке.

Существо уместилось бы на ладони Эда. Из него торчали трубки. Глазки были закрыты, а ниже лицо, если это можно так назвать, скрывалось под кислородной маской.

– Сейчас она на аппарате искусственного дыхания, – мягко пояснила медсестра. – Надеемся, через несколько недель она сможет дышать сама.

Недель?!

– Домой ее забрать вы пока не сможете, но с ней можно говорить.

– Младенцы слышат все, что им говорят, – влез в разговор Эд, компетентно и не без самодовольства: он же по сравнению с Карлой был знатоком. – Мы с Томом постоянно говорили.

– Как же ребенок может слышать, если он так слаб?

– А вот удивительная штука, дорогая. Тебя выпишут через несколько дней – хирург отлично справился со своей задачей, только тебе нужно будет побольше отдыхать и не поднимать ничего тяжелого. Малышку можно навещать днем и вечером. – Он вздохнул. – Когда мы рожали Тома, в больнице была комната для родителей, но, боюсь, с тех пор прошли сокращения...

Едва слушая, Карла не отрывала взгляда от крысенка. Вздутый животик поднимался и опускался со странной ритмичной регулярностью. Остальное едва угадывалось под маской и проводами. Это ее кара за то, что увела чужого мужа. Теперь ей никуда не деться. Как она вернется на работу? Эд и так всячески возражал, а с больным ребенком это и вовсе невозможно.

Она яростно повернулась к Эду.

– Зачем ты сделал меня беременной?!

– Ну-ну, – потрепала ее по плечу медсестра. – Вы не поверите, сколько женщин это говорят! Вы еще передумаете, когда получше узнаете свою малышку.

Эд потрясенно смотрел на Карлу:

– Карла, возьми себя в руки! Нужно быть мужественной ради нашей девочки.

Но существо в инкубаторе не походило на девочку, оно вообще не было похоже на человека!

– Я не хочу ее видеть. – Голос Карлы перешел на истерический визг. – Уберите ее! Я хочу мою маму. Почему ее нет? Дайте мне телефон. Немедленно! Я хочу с ней поговорить!

– Карла...

– Прекрати мною командовать! Дай свой мобильный!

Эд с медсестрой снова переглянулись. Что происходит?

– Карла, дорогая, послушай. – Муж обнял ее за плечи. – Я не хотел тебе говорить, пока ты не поправишься, но, когда тебе делали операцию, позвонила твоя бабушка. Боюсь, твоя мама больна.

Карла окаменела:

– Насколько серьезно?

– Она уже некоторое время проходит лечение от рака. На Рождество она не гостила у тети, а лежала в больнице. С зимы ее то клали туда, то отпускали.

Во рту у Карлы пересохло.

– Но сейчас ей лучше? Она приедет повидать свою внучку?

Эд попытался ее обнять, но она оттолкнула его руки.

– Скажи мне правду. Скажи!!!

Его веки повлажнели от слез. Стоявшая рядом медсестра тоже вытирала глаза.

– Карла, твоя мама умерла. Буквально в тот день и час, когда родилась наша девочка. Мне очень жаль.

Глава 53. Лили

Я убегала от Джо вдоль берега моря. Над головой кричали чайки. Только теперь до меня дошло нечто настолько очевидное, что непонятно, как я не сообразила раньше. Если удастся доказать, что Том не сын Эда, это явится основанием для прекращения его визитов! А настоящего отца мальчику знать необязательно. Главное, что новая жена моего мужа носа здесь не покажется. Это шанс отвоевать частичку своей жизни, ни с кем не делить своего ребенка.

Однако если анализ покажет совпадение с ДНК Джо Томаса, значит, отец моего мальчика убийца.

Вдалеке на волнах покачивалась лодка... И тут мне в голову пришла идея. Гораздо лучше прежней.

Глава 54. Карла

Мама испустила дух, а Карла не сидела у ее постели?!

– Но я даже не попрощалась, – всхлипывала она в телефон.

Нонна тоже плакала.

– Она не хотела тебя огорчать.

В трубке слышались протяжные горестные вопли. *Нонно*. Значит, он все-таки ее любил?

Оказалось, от нее скрывали. Только теперь Карла вспомнила мамину худобу и постоянную усталость (тогда рак только обнаружили), и ее слабый голос в трубке, и настояния, что письма лучше дорогих телефонных звонков, и обещание приехать в Англию, когда ребенок родится, но пока она «занята».

В довершение всего, будто ей и так мало горя, Карле приходится мириться с этим комочком. С этим... существом.

– Ты почувствуешь себя совсем иначе, когда тебе разрешат ее поддержать, – наперебой твердили Эд и медсестры.

Но когда крысеныша наконец положили Карле на руки, аппарат издал громкий электронный писк.

– Все нормально, милая, – сказала медсестра. – Это значит, что ребенок еще не умеет дышать самостоятельно.

Карлу все это очень пугало. Как же брать это существо домой, если оно не научилось дышать?

– На это нужно время, – поспешно сказал молодой врач.

– Я все время твержу ей то же самое, – заявил Эд тоном опытного медика.

Карла чувствовала себя ребенком, который все время говорит невпопад. Вот бы мама была рядом! Уж она бы знала, что делать...

Иногда ей казалось, что ее настоящего ребенка украли и подменили: крысеныш ничуть не походил ни на нее, ни на Эда. А тут еще врачи сказали, что у недоношенных часто бывают «проблемы с развитием», которые порой проявляются не сразу. И как ей жить с этой неопределенностью?

Через пять недель, когда Карла (по настоянию Эда) нехотя явилась в больницу с ежедневным визитом, она увидела вокруг инкубатора небольшую толпу. Карла не удивилась: студентов-медиков постоянно

приводили полюбоваться самым крошечным младенцем года, но слышались непривычные тревожные сигналы, и экран рядом с инкубатором точно обезумел.

– Мы пытались с вами связаться, – затараторила медсестра, – но у вас с супругом выключены телефоны. Вы уже придумали ей имя?

С самого рождения крысеныша все только об этом и спрашивали, но Карла еще во время беременности отклоняла все предложенные Эдом имена, будто не желая признавать, что беременна. Теперь, когда это существо лежало в инкубаторе, Карла по-прежнему не хотела давать ей имя: это значило бы признать, что крысеныш пришел в их жизнь надолго.

– Не хотите ее окрестить? – странным голосом спросила медсестра, держа какой-то бланк с записями. – Здесь сказано, что вы католичка. Священник пришел, можете с ним поговорить.

– Но я не понимаю...

– Дочь моя. – Тучный молодой человек в белом римском воротничке взял ее за руки, как старую знакомую. – Медицинская сестра пытается донести до вас, что младенцу стало хуже. Давайте же подготовим девочку к ожидающей ее вечной жизни.

Крысеныш умрет? Это же решение всех проблем! Но отчего-то в Карле росло смятение.

– Быть этого не может.

– Дорогая моя, планы Господа не всегда совпадают с нашими ожиданиями...

– А вы не хотите взять ее на руки?

«Нет. Еще уроню, этого еще не хватало», – подумала Карла.

Один из врачей кивнул медсестре, и крысеныша вместе с проводами положили на руки Карле. Глазки-бусинки. Неожиданно длинный, почти аристократический нос. И тут Карла разглядела крошечный рыжий волосок на лысой головенке.

– Поппи^[22], – прошептала она. – Ее будут звать Поппи. Поппи Франческа.

Чудесным образом за ночь Поппи выкарабкалась, как выразились врачи.

– Могла бы со мной посоветоваться, прежде чем давать имя, – сказал Эд, который наконец появился в больнице, дыша перегаром.

– Посоветовалась бы, если б ты был здесь, – отрезала Карла, не сводя глаз с дочери, снова помещенной в инкубатор.

– Я вообще-то продавал картину!

– Это все неважно, – вмешалась медсестра. – Если хотите мое мнение, Поппи получила, что хотела, – понежилась на руках у мамочки. Врачи, конечно, возразят, что это их искусство заставило дышать ее легкие, но в таких случаях главное – любовь. Кстати, имя прелестное – у нас уже давно не было Поппи.

– Своеобразное, – пробурчал Эд. – Забавно, как масть передается через поколения – мой дед был ярко-рыжим.

Невероятно, но Поппи день ото дня набиралась сил. Однако любовь, охватившая Карлу в тот страшный день – да, истинная любовь! – слабела с каждым часом, уступая место страху. «Нет!» – готова была крикнуть Карла, услышав, что Поппи «почти можно» забрать домой. Как она справится с таким слабеньким ребенком?

– Я понимаю, тебе трудно, но все будет прекрасно, – сказал Эд, прижимая малышку к груди.

Ему-то хорошо, он умеет обращаться с младенцами, но у Карлы опускались руки. После смерти матери ей казалось, что ее лишили рук. Зачем только она уехала из Италии...

– Это послеродовая депрессия, – сказала патронажная сестра, застав Карлу в слезах. – Самая естественная вещь, особенно после трудных родов. Если затянется, сообщите.

Естественная? Да это полное, законченное сумасшествие! С одной стороны, Карла смертельно боялась оставить дочку одну – вдруг Поппи перестанет дышать! Но тогда – какая ужасная мысль! – Карла освободится от чудовищной, непомерной ответственности.

Если бы ей как следует выспаться, может, она бы и пришла в себя, но Поппи дремала минут по пятнадцать, а не спала по два-три часа, как пишут в пособиях по уходу за новорожденными. Стоило Карле прикрыть глаза, как малышка уже снова кричала. Это как самолету лететь круглые сутки без дозаправки, день за днем, неделю за неделей.

– Она плохо набирает вес, – заметила патронажная сестра. – Попробуйте прикармливать из бутылочки.

Значит, у нее мало молока? И снова Карла прочла на лице Эда, что она неудачница. Поразительно яркие голубые глазки Поппи неотрывно следили за мамашей, как дополнительный упрек.

– Вы уже были в детской группе? – спросила медсестра в другой раз.

К счастью, Эд находился в галерее.

– Да, – солгала Карла.

На самом деле она ужасно боялась – вдруг Поппи что-нибудь подцепит от других младенцев, ведь там столько страшных микробов!

Интересно, мама Франческа тоже боялась? Если бы можно было ее спросить...

Тем временем они с Эдом могли в любой момент лишиться крыши над головой. Терпение у банка иссякло – они отберут дом, если его никто не купит. Так говорилось в адресованных Эду письмах, которые он от Карлы прятал, а она находила.

Но Карла не хотела нового скандала. Когда Эд впадал в депрессию, он становился страшен, особенно сейчас, когда пил больше, чем раньше. Глаза у него вечно были красные, тело неконтролируемо тряслось. Он начал поговаривать о том, чтобы получить опеку над Томом («Я тут намекнул Лили...»).

– Я не справлюсь, – возразила Карла.

– Прояви же хоть немного сочувствия! Он мой сын, я хочу, чтобы Том жил с нами!

Куда делся прежний Эд? При этом он был сама мягкость, когда нужно было успокоить Поппи, чьи легкие теперь работали на полную мощность, днем и ночью.

– Поспи, – самодовольно говорил он, радуясь, что Поппи успокаивается на руках у него, а не у Карлы.

Но девушка не могла уснуть. Она ворочалась в кровати и думала, какой была бы ее жизнь, если бы они с мамой никогда не жили по соседству с проклятыми Эдом и Лили.

Чтобы полюбить ребенка, порой нужно время, прочла Карла в одной из книг о новорожденных, целый ящик которых остался после рождения Тома. Но всякий раз, прикладывая этот крошечный комочек к груди (единственное, что успокаивало Поппи), Карла чувствовала неодолимую панику.

На смену страхам, что Поппи умрет, пришел другой: в суматохе преждевременных родов Карла совсем забыла о письме с тонкими крупными буквами: *«Ты и твой ребенок заплатите за все»*.

После выписки из больницы Карла, к своему облегчению, нашла письмо в сумке. Значит, Эд его не читал.

– Это будет наш с тобой секрет, – сказала Карла ребенку, до крови терзавшему ее соски. – Смотри не проговоришься.

Что касается автора анонимных писем, Карла была убеждена, что почерк женский. Какая-то подруга Лили, решившая отомстить. Прежняя секретарша, например, ненадолго подобревшая, когда у Карлы отошли воды. Никому нельзя доверять!

– Ты меня беспокоишь, – твердил Эд. – Ты плохо ешь, и Поппи не получает достаточно молока.

Ну, значит, они обе умрут. Погибнут от недоедания и попадут в рай к маме Франческе.

– Во сне она все время твердит о каком-то письме, – услышала Карла слова Эда, говорившего с патронажной сестрой, которую вызвали ее осмотреть. Карла всегда подслушивала под дверью, когда они думали, что она лежит в кровати.

– Роды, к вашему сведению, – серьезная психологическая травма, – последовал твердый ответ. – Это вполне нормально, что она иногда видит кошмарные сны.

Сны? Да они и понятия не имеют, какой кавардак у нее в голове! Срочно нужно что-то придумать, но что? Выхода нет, впереди бесконечная чернота, которая засасывает и душит Карлу. В газете на днях было сообщение о женщине, задушившей своего ребенка. Ее осудили на десять лет. Дали бы и больше, если бы у нее не диагностировали послеродовую депрессию. Но у Карлы нет депрессии – Эд сказал, что это миф. Вот с Лили же после Тома все было нормально! Когда у тебя появляется ребенок, надо смириться с тем, что жизнь изменилась, и приспособливаться к новой ситуации.

То есть поступать, как хочет он.

– Я приготовил нам курочку. – Эд взял Карлу за локоть и повел к столу. – Курятина тебе полезна. Ну же, дорогая, это твой любимый рецепт.

Разве она может что-нибудь проглотить?

Эд налил себе еще вина.

– Тебе не хватит? – не выдержала Карла.

– А что ты сделаешь? Снова ударишь меня, как в тот раз в присутствии Тома?

– Я тебя не била, – Карлу раздражало, что Эд часто припоминает ей тот случай. Она только протянула руку, чтобы не дать ему открыть новую бутылку, а Эд, как нарочно, повернул голову. Видит Бог, хоть одному из них нужно быть в трезвом уме, когда с ними сын Лили.

– А вот я нарочно выпью еще стакан, в честь дня рождения. Имениннику можно. Что, забыла, да?

Понятно, почему он сердится. Но ведь Поппи отнимает все ее время! Она уже ничего не помнит.

Карла подошла к раковине и натянула резиновые перчатки, дрожа от страха и гнева. «Всегда береги руки!» – говорила ей мама.

– Не возись со сковородками, пока мы не поели! Я же сказал, я сам

потом вымою!

Карла пустила горячую воду, яростно выдавив жидкое мыло в кастрюлю.

От звонка в дверь у нее упало сердце. Неужели опять сосед? Он уже жаловался на скандалы.

– Явился не запыхался!

С соседом Эд не стал бы так грубо разговаривать.

– Руперт! – Карла вспыхнула, увидев, кто пришел.

– Прости, что явился без приглашения, но я случайно проезжал мимо... – Он протянул красиво упакованный подарок – серебряная бумага и завитые ленты.

Карла вспотела от страха, любопытства, ужаса и надежды, смешавшихся невероятным образом.

– Можно взглянуть на вашу дочку? У вас же дочка?

– Да, – твердо сказал Эд. – Но мы собирались ужинать, так что...

– Она здесь, – перебила Карла.

Матерь Божья, муж уставился на огненно-рыжие волосы Руперта! Не думает же он...

Лицо Руперта словно осветилось.

– Какая красавица! Я и не знал, что они такие маленькие! А...

– Я уже сказал, мы собирались ужинать!

Как же отвратительно Эд себя ведет! Взволнованная Карла попыталась стянуть резиновые перчатки, но у нее не получалось.

– Не хочешь поужинать с нами? – вылетело у нее. – Пожалуйста, – хотела она добавить, – пожалуйста, Руперт, ты мне нужен. Когда ты уйдешь, Эд заведется, будет новый скандал...

– Пожалуй, мне пора, – сказал Руперт, взглянув на потемневшее лицо Эда. – Меня ждет моя невеста, Кэти.

Значит, невеста никуда не делась. Все надежды, все отчаянные, безумные мысли, зародившиеся у Карлы при виде Руперта, пропали.

– Невеста? – фыркнул Эд, едва дверь за гостем закрылась. – Ну да, как же! И часто этот щенок сюда приходит?

От его голоса Поппи завозила в переносной колыбельке в углу кухни (Эд не оставлял ее без присмотра).

– Ты о чем?

Лицо Эда оказалось совсем близко.

– Я видел, как ты покраснела, когда он вошел. Ты пыталась с ним говорить как ни в чем не бывало. – Из его рта вылетали брызги слюны. – У него волосы такого же цвета, как у нашей дочери! Если она наша дочь!

– Не будь смешным, ты же сам сказал, что твой дед был рыжий! Ты еще удивился, как масть передается через поколение!

Он схватил ее за запястья и сжал их.

– Как удобно! Но разве мы не знаем твою нравственность!

Вырываясь, Карла бросила ему:

– А твою? Ты не постеснялся бросить жену!

– А ты не постеснялась соблазнить меня и увести у нее!

Что было дальше? Что было дальше? Сколько раз ей задавали этот вопрос в следующие несколько дней, недель, месяцев...

Карла помнила только, что все произошло внезапно. Режущий уши вопль – Поппи зашла в своей переносной колыбельке. И другой крик – ее собственный, когда Эд тряс ее за плечи.

Большой нож. Разделочный нож с зеленой ручкой, принадлежавший Лили. Его она тоже не забрала. Ужасный, леденящий кровь стон. Кровь.

И – бег через парк. Мысли мечутся в голове, отскакивая из стороны в сторону. Ненавижу его. Ненавижу его.

Мама! Где же ты?

Вот бы начать все заново!

Глава 55. Лили

Октябрь 2015 года

– ...Мужчина найден зарезанным в своем доме в западной части Лондона. Полагают, что...

Крик Тома заглушил радио:

– Мама, ты должна сделать это первой, я тебе уже говорил!

Как глупо с моей стороны. Я же прекрасно знаю: Тому необходимо, чтобы я пристегнула свой ремень безопасности раньше него. Ровно на четыре секунды – он следит по своим часам. Это тоже его ритуал, который совсем несложно соблюдать.

Но сегодня я какая-то дерганая. Возможно, еще не отошла от вчерашней поездки в Лондон. Или на меня так действует вызов к директрисе интерната в связи с недавним «инцидентом». Или потому, что мне предстоит непростой разговор с представителем системы медобслуживания населения по поводу исчезновения записей из карты новорожденного с гипоксией. Или я в бешенстве от наглости Эда, потребовавшего полной опеки над нашим сыном.

Я завела мотор, говоря себе, что на западе Лондона живет масса народа и каждый день кого-нибудь закалывают. Нет решительно никакой причины, почему это должен быть кто-то из моих знакомых. Но кожа у меня покрылась мурашками. На Т-образном перекрестке я повернула налево и остановилась за линией, чудом разминувшись с мотоциклом, который несли с явным превышением скорости, решив успеть передо мной.

– Мотоциклист мог погибнуть, если бы ты не остановилась, – деловито заявил Том.

Вот спасибо, сынок.

– Он мог остаться с половиной мозга, как Стивен, – продолжал мой сын. – А ты знаешь, что твоя кожа весит вдвое больше мозга?

Наверное, он прав. Обычно Том всегда бывает прав. Стивен – новенький в его классе. Его коляску сбил грузовик, когда Стивену не было и года, – у водителя за рулем случился инфаркт. Никто его не винит, даже Стивен, который вполне счастлив в собственном мире, даже родители Стивена, верующие христиане, которые сочли трагедию ниспосланным им испытанием. Глядя на них, остальным остается краснеть от стыда.

И в первую очередь Эду. Почему ему в голову взбрело требовать единоличной опеки? Он и на воскресные посещения еле-еле выбирается,

часто отменяя приезд в последнюю минуту. Это просто вошло в систему после того, как Карла родила, – с ней там явно не все в порядке.

– Осторожно, – резко сказал Том.

Его слова заглушил гудок грузовика на встрече. Да что со мной такое? Я сегодня отвратительно веду, и занесло меня не на мокрых осенних листьях – я совершенно не могу сосредоточиться. Хотя когда жена твоего мужа рождает ребенка, и не такое происходит. Прежде у нас с Эдом было что-то (кто-то) общее и уникальное, и это накрепко нас связывало. Но теперь он будет лежать в обнимку с Карлой и с благоговением смотреть на их ребенка – девочку, сказал мне Росс, – как когда-то мы с ним смотрели на Тома. И будет говорить Карле, как говорил мне, какая она храбрая. И будет обещать, как обещал мне, что станет лучшим в мире отцом.

Ночью он будет вставать к плачущему ребенку (Эд всегда на этом настаивал – приносил Тома к нам в кровать, чтобы я его покормила, и устраивал между подушек). Он станет – я так это и вижу – кормить новорожденную дочку из бутылочки, в которую Карла станет сцеживаться, чтобы выспаться. И еще он будет их рисовать, делая массу набросков, пока они спят, любовно и нежно водя углем по листу.

Как же это несправедливо! Я всегда хотела дочку, чтобы ее наряжать, брать с собой в магазины, делиться секретами. Но Эд больше не хотел заводить детей после диагноза Тома.

Соберись. Мы почти приехали. Том, который до этого момента вел себя на редкость хладнокровно, учитывая, что он натворил, занервничал. Это было легко заметить – он начал выдергивать волоски у себя на руке. Некоторое время назад я взяла один из вырванных волосков для ДНК-анализа.

Въехав на парковку, я повернулась к Тому. Мой сын. Мой мальчик. Мой особенный мальчик, которого я буду защищать до последнего вздоха.

– Мы такое уже делали, Том, – сказала я, глядя ему в глаза и произнося слова медленно и спокойно, как советовал психолог. – Нам нужно объяснить директрисе, почему ты ударил Стивена.

Том замкнут. На его лице нет раскаяния.

– Я тебе уже сказал: он пихнул ногой мои кеды, и они встали неровно.

– Он же не нарочно.

– Мне все равно. Он это сделал. Никому нельзя трогать мои вещи.

Можно подумать, я не знаю. Мне приходится покупать множество запасных вещей, потому что рано или поздно Том неизбежно отказывается ими пользоваться. Запасную обувь. Запасные джемперы. Запасные расчески.

Я протянула руку, чтобы выключить радио. Пожалуйста, Господи, молилась я про себя, пусть Тому не вынесут второго предупреждения. Мой палец завис над кнопкой, но я медлила. После выпуска новостей прошло уже полчаса. Через минуту их повторят.

– ...Мужчина найден зарезанным в своем доме в западной части Лондона, – почти зашебетала дикторша. – По подозрению в совершении преступления задержана женщина...

И тут зазвонил мой телефон.

– Тебе некогда говорить. – Том постучал по часам. – Мы уже опоздали на тридцать секунд.

Номер не определен.

Обычно это бывает в тех нечастых случаях, когда Эд, а изредка и Карла, звонят, чтобы о чем-то договориться относительно уик-энда с Томом. Эд стал скрывать свой номер, потому что я иногда не отвечала на его звонки. Если что-то срочное, решила я, Эд – или кто-то другой – перезвонят. Я взяла свои записи, хотя все помнила наизусть, и пошла через спортплощадку со своим сыном, который на ходу ковырялся в отобранном у меня телефоне. В любое другое время я бы забрала у него мобильный, но сейчас могла думать только о предстоящей встрече.

– Спасибо, что пришли, – сказала директриса.

Лицо у нее доброе, но вид непрезентабельный. Одна из тех, думала я, пока Том выравнивал свой стул в одну линию с моим, кто носит шерстяные платья до колен и ботинки на плоской подошве. Она считает себя экспертом по синдрому Аспергера, но иногда у меня возникает ощущение, что она не понимает Тома, потому что обращается к нему с вопросами, основанными на эмоциях. А я уже усвоила (довольно дорогой ценой), что эта идея ведет в тупик.

– Перейду прямо к делу, – начала директриса. – Том, расскажи еще раз, почему ты ударил Стивена, хотя мы не терпим насилия в стенах нашей школы.

Том посмотрел на нее, как на идиотку.

– Я же уже объяснял: он пнул мои кеды, и они встали криво.

Я говорила, что Том не понимает эмоций? Однако глаза у него на мокром месте, и на шее выступили пятна. Трогать и передвигать вещи, по его убеждению, противозаконно. Согласно его закону. Единственному закону, который Том признает.

Директриса что-то записала. Я тоже. Наши ручки соревновались в скорости. Мой сын против этой безвкусно одетой женщины.

– Но это не причина кого-то бить.

– Карла ударила папу неделю назад. Он хотел еще выпить, а она не позволяла.

Настала тишина. Наши ручки замерли одновременно.

– А кто такая Карла? – спросила директриса обманчиво ровным голосом.

– Жена моего мужа, – неожиданно для себя ответила я.

Директриса высоко подняла брови. «Такие брови необходимо поправлять, – подумала я, – слишком широкие, и много седых волосков».

– Вторая супруга моего бывшего мужа, – пояснила я.

Мне до сих пор странно это произносить. Как кто-то еще может быть женой Эда? Как это возможно, что Карла носит надетое им обручальное кольцо? Делить постель – одно дело, но брак? С ребенком, когда-то жившим по соседству?

Директриса вкрадчиво начала:

– Том, тебе тяжело оттого, что папа женился на другой женщине?

Я встала и положила руку сыну на плечо.

– Простите, но вы не можете задавать подобные вопросы без присутствия дипломированного психиатра.

Наши взгляды скрестились, и я угадала стальную волю за старомодной юбкой и почти мужскими ботинками. Как же я сразу этого не почувствовала? Я сама тоже раньше была непривлекательной.

Вдруг в кабинете раздался собачий вой. Сначала я не поняла, в чем дело, но потом вспомнила, как Том копался в моем телефоне, пока мы шли через площадку. Видимо, сменил рингтон. Опять. Мобильный выл собакой Баскервией. Росс.

Директриса смотрела неодобрительно. Том качался на стуле, явно очень возбужденный.

– Простите, – сказала я, пытаюсь побыстрее выключить телефон, но вместо этого нажала на громкую связь.

– Лили?

– Можно, я тебе перезвоню? – Я с извиняющимся видом посмотрела на директрису и выключила динамик. – Я на встрече.

– Боюсь, что дело не терпит отлагательств.

Мне стало страшно. Что-то случилось. Я так и знала!

– У меня плохие новости.

Директриса смотрела на меня во все глаза. Том раскачивался на стуле, чудом не опрокидываясь.

– С Эдом... плохо. Я, честно говоря, не знаю, как это смягчить... Он

умер. Его убили.

– Умер? – громко повторила я.

Том опустил стул всеми ножками на пол и начал яростно ковырять в зубах указательным пальцем – признак стресса.

– Убит? – прошептала я.

– Да.

По ноге у меня потекла струйка мочи. Господи, только не в кабинете директрисы школы! Нелепость, но это взволновало меня сильнее ужасной новости.

Я же слышала по радио, когда мы парковались: «Мужчина найден зарезанным в своем доме в западной части Лондона...»

Нет. Нет! Те, кого упоминают по радио, никак не связаны с живыми, реальными людьми. Жертвы дорожных аварий или убийств в Стоквелле – все они чужие родственники. Не мои. Это не мой муж, который мне уже не муж.

– Карлу арестовали, – как-то недоверчиво добавил Росс, словно до сих пор не мог в это поверить.

В голове эхом отдалось: «По подозрению в совершении преступления задержана женщина...»

Том уже тянул меня за рукав.

– Мам, почему у тебя такое смешное лицо?

– Подожди минуту, Том. – Прикрыв телефон ладонью, я отвернулась от директрисы и своего сына.

– Она... это она сделала? – прошептала я. Слова крошились и осыпались.

Я почувствовала, как Росс кивнул. Он будто стоял рядом, пытаясь справиться с собой.

– Она в полиции, в изоляторе. Но это не все...

Чего ж еще-то? – хотелось мне сказать. Что мне предстоит выслушать, черт побери?

– Лили, Карла просит о встрече с тобой.

Станный звук.

Будто кто-то съехал на пол, протяжно выдохнув.

Если не знать ее, можно подумать, что в этом вздохе слышатся усталость и безнадежность.

Слушай, хотелось мне сказать, ну давай попробуем все уладить?

Но произнести слова не получается.

Не хватает воздуха.

*Что, если я уже умру, когда меня найдут?
Узнают ли они, что произошло на самом деле?*

Глава 56. Карла

Без комментариев.

Адвокаты просят клиентов в случае ареста говорить эту фразу. Одна из немногих деталей уголовного права, отложившаяся у Карлы в памяти.

– Без комментариев, – повторяла она, словно рефрен в такт своему пульсу. На висках отчетливо бились жилки.

– Расскажите, что случилось, – попросил кто-то. Голос был женский и исходил от темно-синего костюма, сидевшего напротив Карлы за столом. Но туда смотреть нельзя. Если взглянуть, есть опасность сказать что-нибудь лишнее.

Дыши глубже.

Без комментариев.

В мыслях Карлы снова и снова крутились события последних часов, все ускоряя темп.

Визит Руперта.

Крики Эда.

Нож.

Кровь.

Вопль Поппи.

Животный стон Эда.

Лицо. Лицо мужчины.

И бег.

Неожиданное осознание того, что она оставила дома Поппи одну.

Мамин голос, звучащий в ушах. Подсказывающий ей избавиться от перчаток.

Рука на ее запястье. Твердая хватка.

Сирены.

Наручники.

Взгляды людей.

Позорное усаживание в полицейскую машину.

Без комментариев.

Ступеньки ведут куда-то вниз.

Матрас.

Утро.

Стол. Резкий голос напротив.

Без комментариев.

Облегчение.

Вот кто поверит ее версии событий!

Только тогда Карла подняла лицо и посмотрела на женщину в темно-синем костюме. На правой щеке у той была большая родинка, торчащая как третий глаз.

Карла обратилась к родинке. Находи слабые места у каждого, недостатки, непохожесть. Так с ней поступали в школе. Будет только справедливо применить этот подход к другим. Это путь к победе.

– У меня есть право на адвоката, – твердо сказала Карла родинке. – Вот телефон, ей передадут.

– Ей? – переспросил голос.

– Лили Макдональд.

Темно-синий костюм взглянул в лежавшие на столе бумаги.

– У вас одинаковая фамилия?

Карла кивнула.

– Да, одинаковая. – И затем, будто кто-то другой двигал ее губами, добавила: – Это жена моего мужа, первая.

Глава 57. Лили

– Сахар, скотч, колюще-режущие предметы, жвачка?

А что случилось с чипсами? Или теперь заключенных подкупают жвачкой? Или жвачку используют для иных целей? Давненько я не приезжала к клиенту в полицию – в Девоне моя работа в основном крутится вокруг родителей вроде меня, семей, чья жизнь превратилась в сплошные попытки обеспечить своих детей, непохожих на других. Тех, кто не получил от системы то, на что имеет законное право. И речь не только о детях с родовой травмой, чьи больничные записи «исчезают» из карт, но и о ребятах вроде Тома, когда близкие вынуждены отвоевывать их право ходить в нужную школу и выбивать у государства пособие.

Дела об убийствах, кражах, банкротстве, отмывании денег – все, с чем я имела дело во время практики в Лондоне, казалось, остались в другой жизни.

Я уже предъявляю удостоверение личности женщине-полицейскому на контроле, но до сих пор не могу удовлетворительно объяснить себе, зачем я здесь. Почему я не дома с сыном (директриса отстранила его от занятий на неделю «ввиду обстоятельств»). Почему я оставила его на маму (хотя Том удивительно деловито отнесся к произошедшему и задает вопросы вроде «А что будет с папиным мозгом теперь, когда папа умер?»). Почему я приехала в это отделение полиции. И иду на свидание к жене моего мужа.

Много воды утекло с того вечера, когда я застала их у лондонской гостиницы: развод, новость о том, что Карла в положении, рождение дочери Эда и Карлы, смерть Эда. Все это казалось настолько нереальным, что мне пришлось повторить это несколько раз.

Все произошло скоро, болезненно скоро, словно по хитроумной таблице расчета фертильных дней. Рождение. Смерть. Две противоположности, между которыми больше общего, чем мы осознаем. И то и другое – это начало и конец, истинное и непознаваемое чудо.

Вот почему я здесь. Меня заставила приехать не просьба Карлы (когда я не ответила на ее звонок, она набрала Росса. Видимо, это она была «неизвестным номером»). Нет. Я здесь, чтобы взглянуть ей в глаза. Спросить, ее ли это рук дело. Сообщить, что она сломала три жизни. Что она дрянь, положившая глаз на моего мужа с первой встречи. Ребенок с нутром прожженной стервы.

Да, я хотела, чтобы Эду было плохо, но чтобы такое... Я скорбела о

рыжеватом молодом человеке, который взял меня за руку на вечеринке много лет назад. Мне не верилось, что он мертв или что понадобилась его смерть, чтобы я поняла: я до сих пор люблю его, хоть и не знаю, за что.

В нашем бюро работала женщина, которая однажды пришла на работу с покрасневшими глазами.

– Скончался ее бывший муж, – шепнула мне одна из секретарш.

Я тогда еще недоумевала, почему она так расстроена. Теперь понимаю. Сознание, что у тебя нет права горевать о том, с кем прежде была общая жизнь, только усиливает боль.

Мы спустились в цокольный этаж. Каменные ступени звенели под моими каблуками. Когда я только начинала работать, обстановка изолятора состояла из лежащего на полу матраса с пятнами, окошка, зарешеченного толстыми прутьями, и, если повезет, пластикового стаканчика с водой.

Здесь было окно без решетки и стоял кулер с водой. На кровати, болтая ногами с видом пресыщенной супермодели, которая ожидает своей очереди выйти на подиум, сидела Карла. Я сказала «супермодель», однако волосы у нее были спутаны, а обычно блестящие от помады губы бледны. От нее пахло потом.

Однако даже сейчас в ней была какая-то притягательность. Манящее очарование, которое чувствовалось и в этой убогой обстановке. Манера держаться, прозрачно намекающая, что у девушки есть дела поинтереснее, чем париться в камере.

– Я этого не делала, – сказала Карла хриплым контральто. В ее голосе угадывался вызов.

– Спасибо, что пришли, Лили, – начала я, словно уча манерам трудного подростка. – Спасибо, что приехали в такую даль из Девона на встречу с женщиной, убившей вашего мужа.

Карла наклонила голову под неким очень удачным углом. Теперь она еще больше походила на оцетинившегося тинейджера.

– Я вам сказала. – Ее глаза твердо смотрели прямо на меня.

И ведь не моргнет. И голос спокойный, даже более уверенный, чем секунду назад.

– Произошла ошибка. Я этого не делала.

Я расхохоталась. Карла говорила точь-в-точь как в детстве – маленькая итальянка с глазами-озерами и невинной улыбкой: «Мама на работе. Пенал мой». Ложь. Все ложь.

Вскипевший гнев выплеснулся у меня изо рта.

– Надеюсь, ты не ждешь, что я этому поверю?

Карла пожала плечами, словно я сказала, что она не там свернула с

шоссе.

– Но это правда.

– Тогда кто это сделал?

Она снова передернула плечиками и принялась внимательно изучать свои ногти.

– Откуда мне знать? Кажется, я кого-то видела. Мужчину какого-то.

Я ощутила смутное беспокойство. Это ее очередная выдумка?

Сидя на краешке стула, я наклонилась к ней:

– Карла, мой муж мертв. Том расстроен, потому что его отца убили.

Она подняла глаза и уставилась на меня невозмутимым, как у кошки, взглядом.

– Вы ошибаетесь.

В душе плеснулась безумная надежда: Эд не умер? Произошла какая-то накладка?!

– Он уже не ваш муж, а мой.

Я презрительно выдохнула воздух одними губами:

– Я была за ним замужем пятнадцать лет. Мы вместе вырастили сына... – Я замолчала, вспомнив о тесте на отцовство, но подавила чувство вины и продолжала: – А ты была игрушкой, пустым местом. Ты прожила с ним всего ничего, это и браком нельзя назвать.

– В глазах закона можно. И не забывайте, у нас тоже ребенок. – У нее сжались кулаки. – Мою дочь отдали в приемную семью. Я хочу, чтобы вы помогли мне ее вернуть.

Во мне шевельнулось сочувствие, которого она не заслуживала.

– Твоя дочь еще младенец, – отрезала я. – Ты в самом начале пути. Ты не прошла столько, сколько я. Тебе не пришлось всем пожертвовать, чтобы присматривать за трудным ребенком, пока Эд...

– Ха! – яростно перебила Карла. – Не будьте ханжой, я с ним тоже хлебнула! Как муж Эд был не подарок: постоянное пьянство, ложь, перепады настроения, ревность, темперамент этот артистический...

Значит, он и с ней так себя вел?! Я ощутила несказанное удовольствие. Однако, выслушивая все это от нее, я поймала себя на мысли, что хочу заступиться за Эда: ему тоже было нелегко, он привык все принимать близко к сердцу... Почему о бывшем муже я стараюсь помнить лучшее, забывая недостатки? Однако я вынуждена согласиться: Эд не подарок.

– Он постоянно лез меня контролировать, – скривилась Карла, – а с вами вообще поступил как козел.

Меня ее слова немного покоробили, но я невольно кивнула – и тут же взяла себя в руки. Надо вести себя профессиональнее.

– Контролировал? – повторила я. – Поэтому ты его и убила?

Карла подалась вперед, сжав руки в маленькие кулачки. Я ощутила запах ее дыхания – мятный. Внушающий страх.

– Там был кто-то еще. Я же вам сказала, я видела мужчину!

– Как удобно. А как он выглядел?

– Я не помню. – Она села на кровати поглубже, вплотную к стене, и подтянула ноги. Хладнокровна. Слишком хладнокровна.

– Я не должна здесь находиться, у меня шок. А у вас расчески не найдется?

Расчески? Она серьезно?

– Я тоже не должна здесь находиться, – сказала я, вставая. Это правда, я должна была поехать в морг на опознание, а не соглашаться, чтобы это сделал Росс.

– Нет! Пожалуйста, останьтесь! – Она схватила меня за руку. Ее пальцы были холодны как лед. Я попыталась освободиться, но Карла жала мне руку, как истинная жительница континента^[23] – будто мы встретились на званом обеде и обнаружили, что у нас есть общий знакомый.

– Лили, вы мне нужны. Я хочу, чтобы вы стали моим адвокатом!

– Ты с ума сошла? С какой стати мне тебе помогать? Ты увела у меня мужа!

– Вот именно! Если вы возьметесь меня защищать, всем без слов станет ясно: даже женщина, перед которой я виновата, считает, что я не убивала. Барристер, которого вы подберете, вам поверит. Вы хороший человек, у вас репутация защитницы слабых и несчастных. – У Карлы заблестели глаза. – А я сейчас именно такая.

Уверенная в себе молодая женщина исчезла, и я снова увидела перед собой заброшенного ребенка. Но я еще ничего не решила.

– Предположим, ты говоришь правду. Но мне-то какая от этого выгода? Почему я должна помогать особе, разбившей мою семью?

– Потому что до переезда из Лондона вы проиграли много дел.

Ого. Передо мной снова сидела взрослая Карла.

– Вы уверенно разделяетесь со случаями преступной халатности, а тут прекрасный шанс доказать, что вы справитесь и с убийствами.

Она безошибочно попала по моему больному месту.

– Лили, пожалуйста! Согласитесь хоть ради Поппи, если не хотите для меня!

– Для кого?

– Для моей дочери. Нашей с Эдом дочери.

Я не знала имени ребенка – нарочно попросила Росса не говорить. Так

девочка казалась менее реальной.

– Если меня посадят в тюрьму, я потеряю дочь. – Глаза Карлы наполнились слезами. – Я... Я не сразу оправилась после родов. Я не была... хорошей матерью. Но ведь моя мама умерла...

Этого я не знала.

– Мне очень жаль, – пробормотала я. – А причина?

– Рак. – Карла подняла на меня карие глазищи. – Я ужасно тоскую по ней и не могу допустить, чтобы и Поппи так тосковала по мне. Пожалуйста, Лили, вы ведь и сами мать. Помогите мне!

– А может, – сказала я с жестоким удовольствием, – ей будет лучше в приемной семье?

Карла пристально посмотрела на меня:

– Вы это не всерьез, Лили. Я знаю, что вы не такая.

Черт бы ее побрал! Она права. Речь идет о ребенке, о младенце, который будет надрываться криком, потому что ни от кого не пахнет мамой. Дети, сколько бы лет им ни было, нуждаются в родителях. Как бы Том жил, не будь меня рядом?

– Но я пока не верю, что ты невиновна.

– Вы должны поверить. – Пальцы Карлы сжались сильнее.

Она снова превратилась в маленькую девочку. Я старше. Для сестры слишком взрослая, для матери – молодая, однако у нас много общего. Жизнь Карлы нераздельно переплетена с моей, и сколько бы я ни старалась ее прогнать, Карла всегда будет рядом. Зловещая тень? Или непонятый ребенок?

Я провела пальцами по волосам.

– Почему ты считаешь, что я не провалю защиту – нарочно, чтобы тебя осудили? В отместку?

В ее глазах читалось доверие.

– Потому что вы слишком нравственный человек и не лишены честолюбия. Подумайте, Лили, вы можете войти в историю как адвокат, которая помогла оправдать новую жену своего мужа.

Должна признаться, это задело в моей душе чувствительные струнки. Однако в ее версии много дыр и белых пятен. Карла упорно называла меня по имени, но этому юристов специально учат, это такая тактика, чтобы клиент раскрылся.

– Остается маленький вопрос: кто же убил Эда, если не ты?

Произнося эти слова, я чувствовала, будто участвую в какой-то дикой мистификации. Мой муж – а я не считаю Эда кем-то еще – не мог умереть, он дома (в моем прежнем доме), делает наброски, живой и здоровый.

Хватка у Карлы оказалась неожиданно сильной для такого субтильного существа. Я попыталась высвободить руку, но девица вцепилась в меня, как утопающий в спасательный круг.

– Эд был в долгах по самые уши. Мне кажется, он далеко не всегда занимал деньги в официальных местах. Может, кто-то потребовал вернуть должок – пусть полиция расследует! Я чуть не столкнулась в дверях с незнакомым человеком. Наверняка его заметил кто-то еще!

Карла говорила очень уверенно. У меня задрожали ноги, будто их кто-то тряс.

– И еще, я уже некоторое время получаю анонимные письма. – Карла неотрывно смотрела мне в глаза. – С намеками, что нам с Поппи будет плохо из-за того, что я вам сделала.

Меня бросило одновременно в жар и в холод.

– Ты сохранила письма?

– Только последнее. Его я тоже потом разорвала – боялась, что Эд станет скандалить. Но я узнала почерк.

Почерк? По моему телу пробежала мучительная дрожь, стягивая кожу мурашками дюйм за дюймом.

– Мои услуги тебе не по карману. – Я уже цеплялась за соломинку. – Бесплатно работать не стану, наша фирма выставит тебе счет!

Глаза у Карлы заблестели – она поняла, что победила.

– Есть рисунки, которые Эд подарил мне еще на старой квартире! Сейчас они немало стоят. Я их продам и на эти деньги докажу свою невиновность!

Должна признаться, в этом был привкус тонкой иронии.

Глава 58. Карла

Конечно, Карла не всерьез говорила о невыносимой тоске по Поппи: ей нужно было любой ценой добиться от Лили согласия.

Впервые за много месяцев она чувствовала себя почти прежней. Со смертью Эда Карла перестала быть ребенком, который все делает неправильно. Теперь ей не приходилось круглые сутки слушать вопли Поппи, от которых звенело в ушах: дочь была лишь неприятным напоминанием (будто оно ей требовалось), что, не забеременев, Карла сохранила бы свободу. Она стала лучше высыпаться, хотя ей постоянно снилась мама. Иногда посреди ночи Карла резко садилась в кровати, уверенная, что Франческа жива, и лишь через несколько мгновений все вспоминала. Девушка плакала горячими слезами, жалея, что не повидалась с ней перед смертью! Но сейчас ей предстояло убедить судью в своей невиновности.

Нелегко быть ответчиком, а не адвокатом, как вскоре осознала безутешная Карла. Хоть бы разбираться в том, что происходит! Ну почему она не выбрала специальностью уголовное право, а пошла на гражданское?

Пока Лили готовилась к слушанию о залоге, где решится, останется ли Карла в тюрьме до суда, девушка пыталась припомнить все дела об убийствах, которые изучала в колледже.

– Мне же только и надо, что заявить «невиновна», – говорила она, сидя в изоляторе.

– Все не так просто. – Лили посмотрела в свои записи. – Судья рассмотрит доказательства – на дверях парадного и черного ходов нет следов взлома – и решит, представляешь ты опасность или нет.

– Опасность? – обиделась Карла. – Кому?

– Так ведь судья тебя не сто лет знает, ему лишь известно, что ты убила своего мужа. Обвиняемых в убийстве редко выпускают под залог, хотя такие случаи бывали.

Лили начала раздражаться. Карла это уловила и сочла за лучшее не давить. Ей до сих пор не верилось, что Лили согласилась взяться за ее дело. Ей очень повезло – по крайней мере, так сказала Лили, – что слушание о залоге назначили так скоро.

Когда Карла предстанет перед судьей, он увидит, что она никакая не убийца: Лили снабдила ее шампунем, феном и расческой, правда, узкой и круглой вместо привычной массажной. Еще Лили принесла ей скучную

коричневую юбку до середины икры, хотя Карла подробно объяснила, что именно хочет надеть из своего гардероба.

– Эта уместнее, – отрезала Лили. – Сейчас каждая мелочь имеет значение.

Старается, с неохотой признала Карла. Неужели ей удалось пробудить в Лили сочувствие, назвав Эда козлом и рассказав жалостливую историю о младенце? Или решающую роль сыграл аргумент, что этот процесс поможет ее карьере? Или все понемногу?

Было бы куда проще, если бы Лили была любезнее, а не такой грубоватой и резкой. Холодной... Тело Эда уже остыло... Это казалось невозможным. Все случившееся казалось невозможным. Карла надеялась, что вот-вот проснется в своей комнате – не в доме Эда и Лили, а у себя дома. В Италии.

Солнечный свет льется сквозь ставни. Слышно, как дети идут мимо дома в школу. Живущий по соседству старик ворчит на туристов, и мама, красавица мама, зовет ее певучим голосом: «Карла! Карла!»

– Карла Джилиана Макдональд, вы признаете себя виновной?

Они уже стоят перед судьей? Карла оглядела зал. Как легко унести мыслями в другую страну... Как легко отгородиться от действительности...

Все смотрели на нее. Издалека. Вблизи. Взгляды то наплывали, то удалялись. Комната покачивалась. Перекладина перед местом обвиняемого была скользкой – у Карлы вспотели ладони. В ушах звенело.

– Я невиновна, – через силу ответила она.

Комната заплесала, будто кто-то ее ритмично растягивал, как концертину, на которой играл какой-то старик у фонтана в Италии...

Открыв глаза, Карла увидела Лили в красивом темно-синем костюме, который казался почти черным, если не приглядываться.

– Удачно вышло, – сказала Лили.

Трудно было понять, сарказм это или нет. Карла огляделась, выигрывая время. Они не в камере и не в зале суда. Комната напоминала офис.

– Тебе удалось вызвать сочувствие судьи своим драматическим обмороком. К счастью, твой дед внес залог.

Нонно? Карлу бросило в пот.

– Дедушка уже знает?

– А это было в новостях. Вся городская пресса сейчас у здания суда, караулят с фотокамерами.

Глаза у Лили буквально горели – светились, как у животного, но Карла не могла понять, идет она по следу или сама уходит от погони. От этой мысли ей стало не по себе.

– «*Menage á trois*^[24] в зале суда», так они это назвали. Кто-то пронюхал, что у нас один муж на двоих. – Лили хрипло засмеялась. – Я бы не прочь поправить, что в разное время... но тут у нас неувязочка вышла.

– Простите меня.

– Ты что-то сказала? – Лили стояла над Карлой, как учительница. – Я не расслышала. Повтори!

– Я сказала, простите меня. Мне очень жаль.

Лили склонила голову набок:

– Неужели ты надеешься искупить вину одним извинением? Загладить развал в моей семье и то, как это сказалось на моем сыне?

– Замужем за Эдом тоже было несладко!

– Если будешь твердить это, как попугай, то все, включая меня, поверят, что Эда убила ты, – резко сказала Лили, но Карла чувствовала, что задела ее за живое. Для начала неплохо. Тише едешь, дальше будешь – этому она научилась, изучая гражданское законодательство. Начни с того, чтобы расположить к себе оппонента, особенно если это твой адвокат...

– Так. Пошли, пора. Когда выйдем, головой не вертеть, глядеть только перед собой и, что бы ни случилось, никому ничего не говорить. Готова?

Лили уверенно пошла первой – мимо полицейского у дверей зала суда, через вестибюль и на улицу. Сперва Карле показалось, что светит ослепительное солнце, но, опустив руку, она разглядела вспышки. Камеры. Море лиц. Хор голосов.

– Карла, это правда, что ваш адвокат раньше была замужем за вашим супругом?

– Карла, а кто убил вашего мужа, если не вы?

– Лили, почему вы взялись защищать новую жену вашего экс-супруга? Вы что, всегда были подругами?

Карла вздрогнула, когда Лили схватила ее выше локтя и сжала крепко.

– В машину. Быстрей.

Им удалось пробиться сквозь толпу, спуститься по ступенькам и сесть в поджидавшую серебристую машину.

– У вас все схвачено, – с невольным восхищением сказала Карла.

Лили, сидя впереди, смотрела куда-то вбок, вглядываясь в людское море. Вдруг она словно окаменела на мгновение.

– Что? – забеспокоилась Карла.

Лили порозовела.

– Ничего, – бросила она и отвернулась.

«Лили кого-то увидела среди собравшихся, – сказала себе Карла. – Кого?» Она обвела толпу глазами, но машина тронулась с места и набрала

скорость, плавно петляя в плотном потоке выезжавших из Лондона автомобилей.

Лили сказала, что будет лучше, если Карла пока поживет в Девоне. Там спокойнее, меньше назойливых журналистов. Они смогут работать над делом вместе. Если Карла захочет, можно даже подать прошение, чтобы Поппи разрешили жить с ними.

– Вы сделаете это для меня? Чтобы ребенок Эда жил с нами?

У Карлы упало сердце: Поппи с ее ярко-голубыми, все замечающими глазками – последнее, что ей сейчас нужно. С ней Карла снова может стать сама не своя.

– Отчего же нет? Малышка ни в чем не виновата.

У Лили все продумано. Знала бы она...

Глава 59. Лили

Должна признать, страхи Карлы небеспочвенны. Проще простого выстроить откровенно слабую защиту, чтобы заведомо засадить жену моего мужа. Но так не годится.

– Скажу сразу, – начала я, когда мы сидели в гостиной моих родителей, окна которой выходят на море.

Карла устроилась в моем кресле – розовом, бархатном. Я сидела в нем в детстве, а Карле как по мерке подошло. Глядя на нее, можно было подумать, что она в отпуске – потягивается в солнечных лучах, льющих через венецианские окна, ведет себя как гостя, а не как клиент, дело которого (к удивлению моей матери) я веду.

– Ты должна рассказать все как было, без утайки. А я сделаю все возможное, чтобы тебя вытащить.

Карла сузила глаза:

– Откуда мне знать, что вы говорите искренно? А вдруг вы действительно решили упечь меня за решетку?

– Если ты мне не доверяешь, зачем обратилась?

– Я же вам сказала: потому что вы знаете, каким был Эд, а люди вам верят.

Эд. От этого имени мне до сих пор больно. Отчего я горюю о том, кто так со мной поступил?

– А я тебе говорю, Карла, что, если я берусь за дело, я вкладываю в него все силы. – Я помолчала, глядя на море, по которому плыла вереница яхт, качаясь на волнах, как утки.

По субботам занятия яхт-клуба. Том обожает за ними наблюдать – правда, он задает вопрос за вопросом, почему яхты не тонут, а рыбы живут в воде. Сейчас он на берегу с моей мамой – и с Поппи, которую уложили в старую коляску «Сильвер кросс» (мама где-то откопала). Поппи – одна из причин, почему я вообще на все это согласилась.

Я не хочу любить ребенка Эда, правда не хочу. Но едва я увидела малышку с прелестной рыжей головенкой и короткими, совсем как у моего мужа, пальчиками, во мне что-то встрепенулось. Это дочь, которую мы могли бы родить. Ребенок, который мог бы появиться, не будь у нас столько хлопот с Томом.

Дело облегчало то, что Поппи почти ничем не напоминает свою мамашу. Странно, что она вопит, стоит Карле взять ее на руки. А Карла

вздрагивает всякий раз, взяв на руки дочь.

– Ну конечно, я вам все расскажу, – прервала мои мысли Карла. – Зачем мне что-то утаивать?

Иногда мне трудно поверить, что эта женщина так умна, как все считают.

– Потому что люди, как правило, что-то скрывают.

– Я скрывать не стану. – Карла уставилась мне прямо в глаза. – Я говорю вам только правду.

«Я говорю вам правду», – сказал Джо Томас в нашу первую встречу. Я видела его в толпе, окружавшей здание суда, – он смотрел на меня.

Я отвернулась и устремила взгляд на море. Вдали виднелись скалы – красные, точно раскаленные. Уже несколько лет от них откалываются и падают в море крупные куски – местные жители понемногу теряют свои сады.

Куда хуже потерять мужа. Неважно, что Эд женился на другой женщине, – я была его первой женой. Значит, моя очередь первая.

– Однажды у меня был клиент, который мне солгал, – коротко усмехнулась я. – Другие, наверное, тоже лгали, но этот после вердикта признался. Мы подавали апелляцию. Он уже отсидел несколько лет в тюрьме, но я его вытащила. И тогда он рассказал, что все-таки совершил это преступление.

Карла смотрела на меня во все глаза.

– Его опять посадили?

Я покачала головой:

– Стоило бы, но дважды за одно преступление не судят.

Зазвонил телефон. Это был барристер, я ждала его звонка. Вместо того чтобы брать на себя всю ответственность, я предпочла роль консультанта. Как я объяснила Карле, судьи порой недолюбливают поверенных, выступающих адвокатами в делах об убийстве, несмотря на наши расширенные полномочия и право выступать в суде.

Мы переговорили, я положила трубку и повернулась к Карле:

– Придется поторопиться – рассмотрение перенесли на более ранний срок. Похоже, твое дело у суда в приоритете. Нам дали чуть больше двух месяцев на подготовку.

– Лили, я верю, вы сможете. Вы всегда были лучшей в процессуальном праве. – Карла гибко потянулась, изящно скрестив стройные ноги, словно демонстрируя мне свое тело. Этими ногами она обвивала торс моего мужа...

– Зачем ты ее сюда привезла? – постоянно спрашивает моя мать. – В

толк не возьму.

Разумеется, не из-за Поппи с ее беззубой улыбкой. Мне хотелось заставить Карлу страдать. Я хотела, чтобы она пожила в окружении наших с Эдом фотографий. После развода я их сняла, а теперь снова развесила.

Я хотела, чтобы она пожила с прежней женой своего мужа, послушала, как я говорю о тех временах, когда ее еще и рядом не было. Я хотела, чтобы Карла ловила на себе неодобрительные взгляды моих родителей.

Но больше всего я хотела ткнуть ее носом в то, что такое жить с Томом, чья жизнь навсегда изменилась после того, как Карла украла у него отца.

Мой план удался, я видела это по ее глазам. Как бы мне ни хотелось верить, что «маленькая итальянка» порочна до кончиков ногтей, подозреваю, что она способна чувствовать вину не меньше остальных.

Глава 60. Карла

Апрель 2016 года

– Так расскажите мне, Карла, что конкретно вы помните из того вечера, когда был убит Эд Макдональд?

Карла знала ответ назубок. Несколько недель они с Лили заучивали его в библиотеке, пока мама Лили присматривала за Поппи.

Она предпочла бы сейчас оказаться там, а не на скамье подсудимых. Государственный обвинитель, задавший вопрос, смотрел на нее с ледяным презрением. Журналисты у здания суда заранее назвали ее виновной. Взглянув на галерею, Карла увидела женщину с длинными темными локонами и чуть не вскрикнула: «Мама!» Но женщина повернула голову, и Карла увидела, что это не ее мать.

– На процесс часто приходят незнакомые люди, – предупредила Лили. – Им просто любопытно.

Как ни странно, справиться с горем в Девоне Карле помогла мать Лили («Зовите меня Дженни»).

– Я знаю, что такое пережить потерю, – сказала она, постепенно меняя гнев на милость после прохладного приема. – Но вы должны помнить, что вы теперь мать. Мы, матери, обязаны быть сильными.

От Дженни Карла узнала, что Поппи иногда перестает оглушительно кричать от шума пылесоса (кто бы мог подумать!) и что дети гораздо сильнее, чем она думала.

– Вы боитесь брать ее на руки, потому что вначале она была маленькой и слабенькой, – говорила Дженни. – Но сейчас-то Поппи просто расцвела! Какая у нее чудесная улыбка!

Том тоже помог, сам того не зная. Большой неуклюжий пасынок, задававший странные вопросы и вытворявший странные вещи, был просто заморожен Поппи. Карла опасалась, что он чем-нибудь навредит ребенку, но его неуклюжие попытки сунуть ей в рот полную ложку каши – при этом Поппи заливисто смеялась – заставили Карлу поверить, что дети действительно крепче, чем кажутся.

Все выказывали ей поразительную доброту, несмотря на то что она увела у Лили мужа.

– Они считают, что Эду следовало вести себя более ответственно, – коротко сказала Лили.

Карла начала на многое смотреть по-новому. Например, Эд не спешил

знакомить ее со своей семьей.

– Мы сейчас мало общаемся, – проронил он однажды.

Но, может, ему просто было неловко, что он бросил жену и сына? И сейчас Карла не знала, пришли ли на суд его родственники. Может, это те люди в первом ряду, которые смотрят на нее в упор?

Выпрямившись на стуле, Карла отвернулась, но внутри словно образовался ледяной камень. Кто будет растить Поппи, если ее упекут в тюрьму? Дедушка с бабушкой слишком старые, у них не хватило сил даже приехать на слушание. «Мы тебя очень любим, – написала *нонна*. – Дед этого не показывает, потому что он гордый, но мы верим – ты не могла совершить это ужасное преступление. Тебя обязательно отпустят».

Отпустят ли? Карла уже сомневалась, что правильно сделала, наняв Лили. Тогда это казалось ловким ходом, но сейчас, на скамье подсудимых, она боролась с жестокими сомнениями. Прежде Лили заслуженно пользовалась прекрасной репутацией, но она же отошла от таких дел! А какого барристера она выбрала? То и дело пишет ему записки – что-то не сказал или упустил. Карла хотела, чтобы ее защищала сама Лили, но та отрезала: ей лучше выступить в роли помощника. Сам факт, что она взялась за дело Карлы, вызвал острый интерес как в прессе, так и в суде. Судья вначале даже уточнил:

– Если я не ошибаюсь, вы представляете вторую жену вашего мужа. Не кроется ли здесь конфликт интересов?

Лили предупредила Карлу, что об этом обязательно спросят, и явно хорошо продумала ответ.

– Абсолютно нет, ваша честь. Моя клиентка сама просила меня представлять ее. Ей кажется, что у нас есть нечто общее.

На галерее засмеялись, хотя это не было остротой. Это была правда.

Но надо отвечать на вопрос обвинения – что она помнит о том вечере, когда был убит Эд.

– Я это уже указала в своем заявлении!

Лили нахмурилась. «Веди себя уважительно, – говорила она. – Будь готова снова и снова повторять факты».

Карла овладела собой.

– Простите, я просто очень устала. – Она сверкнула улыбкой – одной из своих лучших – молодому присяжному, не сводившему с нее глаз с начала процесса. Он был на ее стороне.

«Оденься разумно», – просила Лили, но Карла не смогла заставить себя надеть предложенные ей ужасные вещи и выбрала шикарный жакет и свою любимую черную облегающую юбку. Она видела, что ее наряд

привлек внимание.

– Можно мне давать показания сидя?

Судья коротко кивнул. Слава богу, судья – мужчина. Больше шансов привлечь его на свою сторону, если она правильно разыграет карту.

– Мы с Эдом были дома. Он снова напился. – Карла зажмурилась. – Начал кричать на меня. Заявил, что наш ребенок не от него... – На ее глазах выступили слезы.

– А Эд Макдональд является отцом вашего ребенка?

Карла вздернула подбородок.

– Конечно! Я любила своего мужа и не изменяла ему. Я готова на анализ ДНК, если понадобится.

Обвинитель прошелся перед присяжными.

– Но разве в вечер убийства ваш бывший бойфренд Руперт Харрис не приходил к вам домой? Вы собирались уйти к нему от мужа?

Карла была настолько шокирована, что не сразу нашлась с ответом. Ее адвокат тоже опешил. Это был молодой человек, постоянно сверявшийся со своими записями, будто боясь что-нибудь забыть, однако Лили уверяла, что он «отлично подходит для этого дела».

– Нет, – выговорила она наконец. – Руперт просто мой знакомый из колледжа. К тому же он помолвлен.

Бестактный обвинитель только поднял брови, будто намекая, что Карлу вряд ли остановили бы такие мелочи.

– Пожалуйста, расскажите нам, что было дальше, миссис Макдональд.

Карла взглянула на жюри. Среди присяжных была женщина с узким, заостренным лицом, сидевшая рядом с проникшимся сочувствием молодым человеком. Карла заговорила, обращаясь к ней:

– Эд кричал на меня, начал трясти за плечи... Впился пальцами так, что мне стало больно. Я очень испугалась... – Она перевела дыхание и прижала руку к груди. – Я его оттолкнула, он налетел на стену и упал. Он был совсем пьян и не стоял на ногах. Разбил голову. Я увидела кровь, и мне стало ужасно стыдно. Я попыталась промокнуть ему голову салфеткой, но он меня оттолкнул, яростно сверкнув глазами... – Карла снова сделала паузу. Они должны ей поверить. Обязаны. – Затем... затем он взял большой нож для мяса, которым только что резал курицу... – Карла схватилась за горло, будто Эд непосредственно сейчас размахивал ножом у нее перед носом. – Я думала, он хочет меня убить.

В зале стало очень тихо.

– Тут я услышала, как открылась дверь...

– Вы в этом уверены?

– *Per certo.*

– Пожалуйста, по-английски, миссис Макдональд!

– Простите. Да, уверена.

Карла облизала губы. Сейчас будет сложный момент. Лили предупреждала – к этой части рассказа жюри может отнестись без сочувствия.

– Я выбежала в прихожую. Там стоял человек. Я не понимала, что происходит. Я решила, что и он хочет меня убить. Я потеряла голову от страха... – у Карлы вырвалась рыдание, – и бросилась бежать.

Лицо обвинителя осталось бесстрастным.

– Вы можете описать этого человека?

– Я попробую. – Голос Карлы задрожал. – Довольно высокий, с темными волосами, карие глаза. Больше ничего сказать не могу, не помню, к сожалению.

– Мы все об этом сожалеем, миссис Макдональд.

По совету Лили (та сказала, это лишь напустит туману) Карла умолчала, что чем больше она думала, тем сильнее проникалась уверенностью – она его уже где-то видела.

– Вы взяли с собой своего ребенка, когда так отчаянно кинулись бежать?

Это нечестно, он же знает, что не взяла!

– Нет, – прошептала Карла и расплакалась.

Присяжные неодобрительно зашептались.

Так не пойдет. Надо до них донести, через что она прошла. Карла с усилием подняла залитое слезами лицо.

– У меня была послеродовая депрессия, я говорила адвокату. – Судорожное рыдание. – Моя мать умерла в Италии от рака в тот самый день, когда я рожала. У меня даже не было возможности с ней попрощаться. Я понимаю, что не должна была убегать и оставлять Поппи, но в тот момент я ничего не соображала... – Карла закрыла лицо руками, поглядывая на жюри сквозь расставленные пальцы.

Вместо презрения или недоверия женщина с узким лицом тихо плакала в платочек. Неужели и она когда-то прошла через что-то подобное?

Карла, тщательно подбирая слова, заговорила сквозь слезы:

– На улице было сыро и холодно. Я хотела вернуться за ребенком, но мне показалось, что по парку за мной кто-то идет – слышались шаги. Я побежала в паб за помощью, кто-то вызвал полицию, но арестовали-то меня! За убийство! – Карла уже билась в настоящей истерике.

Среди присяжных послышался сочувственный гул. Кто-то подал ей

стакан воды. Ноги Карлы отказывались ей служить.

– Пожалуй, – мягко сказал судья, – мы сделаем перерыв.

Раскрасневшийся от волнения барристер сказал, что она все сделала хорошо, очень хорошо. Кажется, присяжные на ее стороне, но предсказать наверняка невозможно...

– Он точно хороший адвокат? – спросила Карла у Лили, улучив минуту.

– Карла, я тебе что сказала? Доверься мне.

Заседания суда продолжались. Лили что-то говорила о шести днях, но шел уже десятый.

Хуже всего было, когда после ее показаний вызвали Руперта.

– Да, когда-то я был неравнодушен к Карле, – сказал он, – но теперь я счастливо женат. Супруга уже была моей невестой, когда я зашел с подарком для новорожденной дочки Карлы и Эда. Меня удивила напряженная атмосфера в доме. Эд явно много выпил и ясно дал понять, что не рад моему приходу, поэтому через несколько минут я ушел. – Руперт говорил быстро, поглядывая на блондинку, сидевшую на галерее. Карла чувствовала, что он разрывается надвое. Он не мог отзывать о Карле слишком хорошо, иначе жена заподозрит интрижку. Карла вздохнула с облегчением, когда Руперт вернулся в зал, виновато посмотрев на нее.

Приглашенный эксперт указал, что небольшое количество крови на одежде Карлы не доказывает, что это она нанесла Эду удар ножом. Скорее, кровь там действительно от ссадины на голове, полученной во время падения, когда Карла оттолкнула мужа, защищаясь. Этот факт подтверждался результатами вскрытия. На ноже не нашлось других отпечатков, кроме отпечатков Эда.

У Карлы голова шла кругом: люди говорили такие вещи, будто сто лет ее знают! Эксперт по симптомокомплексу, вызванному потерей близкого человека, еще эксперт по послеродовой депрессии и ее связи со стрессом от преждевременных родов. Обвинение использовало их показания, чтобы заявить: Карла могла повести себя непредсказуемо. Защита устроила перекрестный допрос и пришла к выводу, что именно поэтому воспоминания Карлы о той ночи такие неясные и путанные. Адвокат, который, к счастью, с каждым днем становился увереннее, пригласил арт-дилера, и тот подтвердил, что у Эда случались «резкие перепады настроения». Был представлен медицинский отчет о его алкоголизме, справка из банка о его долгах. Фотографии ужасной резаной раны на теле Эда. Нож для мяса.

Карла чувствовала странное эмоциональное опустошение, будто все это происходило не с ней, а с кем-то другим.

Наконец все закончилось. Пока они сидели в соседней комнате в ожидании вердикта, Лили молчала. Адвокат вышел позвонить.

Разве можно, чтобы ее дальнейшую судьбу, ее будущее решала кучка незнакомцев? У Карлы судорогой свело колено. Она словно снова оказалась в начальной школе, когда ее «отправили в Ковентри». Карла Спаголетти.

– Присяжные вернулись. – В комнату заглянул барристер. Лицо у него было напряженное. – Что-то они быстро. Нас приглашают в зал суда.

Глава 61. Лили

Я уже потеряла счет, сколько раз в своей жизни ждала вынесения вердикта. Иногда мне кажется, это то же самое, что ждать результата теста на беременность – или анализа ДНК.

Говоришь себе, что сделала все, что могла, и все обернется в твою пользу, но в то же время знаешь, что никакой гарантии нет. Убеждаешь себя, что в случае чего это не конец света, но в глубине души осознаешь, что это неправда.

Проигранное дело означает подрыв твоей репутации – и куда более серьезные последствия для других людей.

В нормальных обстоятельствах я и не посмотрела бы на этого барристера – слишком молод и неопытен. Но, как я объяснила Карле, в присяжных иногда пробуждается неприязнь к напористому, самоуверенному, расхаживающему перед ними защитнику. Этот мальчик расположил меня к себе, заявив, что мы должны действовать мягко.

– Главный аргумент защиты в том, что имеются лишь косвенные улики, – сказал он, заливаясь краской. Он, как и я, легко краснеет. – Ничего определенного. Нет свидетелей, которые застали бы Карлу за чем-то более серьезным, чем беготня по парку. На ноже нет изобличающих ее отпечатков, а у дверей она видела злоумышленника...

– А вот это не доказано, – перебила я.

Румянец на щеках молоденького адвоката стал гуще.

– Карла красивая женщина. Держу пари, мужская часть жюри ей поверит, а это минимум пятьдесят голосов из ста.

Тут бы мне и сказать ему о письме, полученном вскоре после ареста Карлы: конверт, надписанный знакомым тонким крупным почерком, доставили, по словам ночного дежурного, в несусветную рань. О том самом письме, которое я не должна была открывать.

Естественно, я знала, что в конверте подсказка. Утром Джо позвонил мне и сказал:

– Лили, я хочу вам помочь.

Я чуть не бросила трубку.

– Джо, я вас уже просила больше меня не беспокоить. Я сделала то, что вы просили, – тест на отцовство. Между нами больше ничего нет.

– Я вам не верю, вы мне солгали, – голос стал ниже, отчего у меня по спине пробежала дрожь. – Вы просто испуганы. Это я могу понять. Судя по

вашему голосу, вы не открывали конверта, который я вам прислал. Там кое-что по вашему делу. Откройте его скорее. Ради нашей былой дружбы.

Былой дружбы? Можно подумать, у нас были отношения. Хотя, получается, были. Отношения, о которых никто не должен знать. Отношения, которыми он всегда может меня шантажировать. Представляете газетные заголовки «Адвокат и убийца-кипятильщик»? Не хочу даже думать об этом – это погубит не только мою карьеру, но и моих родных, и Джо это понимает.

– Том не ваш сын, Джо.

– Я уже сказал, я этому не верю. Лили, я люблю вас.

Меня затошнило. В меня влюблен убийца? Я с грохотом положила трубку и убедилась, что конверт по-прежнему лежит в дальнем углу ящика стола. Надо было разорвать его сразу после получения, но он остался. В качестве страховки. Плана «Б».

А пока я жду, что скажет жюри. Карлу (я уже могу спокойно произносить ее имя) трясет. Меня забавляет ее ужас: сейчас она ничего не может поделать, никого не может подкупить, ни с кем не может переспать, чтобы подтасовать результаты.

И меня ей винить не в чем: юридически я сделала все возможное, чтобы ее вытащить, ей-богу. Я даже пустила ее пожить к себе в дом, чтобы натаскать перед процессом (хотя она вопиюще пренебрегла моим требованием одеться пристойнее). Вместе нам удалось очернить Эда, выставив моего бывшего мужа пьяницей и развратником. Как видите, я далеко не такая порядочная, какой кажусь.

В зале царит напряжение. Все ждут.

– Вы вынесли вердикт?

Председатель жюри присяжных открыл рот. У меня мгновенно вспотели ладони: я готова поклясться, что Эд рядом и тянет меня за рукав! Обернувшись, я увидела, что зацепилась темно-синим шелковым жакетом за скамью.

– Невиновна.

Я не поверила своим ушам. Стены зала суда дрогнули. Зрители ахнули. С галереи раздался детский плач: Поппи? Дочь, которой у меня никогда не было... Карла падает на пол. Притворяется? Полицейский помогает ей подняться. Адвокат поглядывает на меня не без самодовольства: ай да мы! Меня все поздравляют. Один из следователей горячо говорит о чем-то с коллегой. Меня кольнуло дурное предчувствие: теперь они начнут охоту за настоящим убийцей. И тут наверху, на галерее, я кое-кого замечаю.

Высокий, чисто выбритый мужчина. Короткая стрижка. Смотрит на

меня в упор. Одет в темно-зеленый твидовый пиджак с поднятым бежевым замшевым воротником. Через мгновение мужчина скрывается в толпе.

Телефон зазвонил, едва я вошла в кабинет.

– Почему вы не использовали мою улику? – Голос Джо Томаса кажется разочарованным.

Я выдвинула ящик и взяла конверт. Он по-прежнему заклеен. Я долго колебалась, открывать его или нет. Это значительно облегчило бы мою задачу – Джо Томас никогда не давал осечек. Как он неоднократно подчеркивал, мне бы не продвинуться в карьере так далеко без его помощи.

– Это была моя страховка, – сказала я.

– Не понял?

– На случай, если бы вердикт оказался не таким, как я надеялась, – произнося это, я вспомнила, что Карла едва поблагодарила меня после суда. Выпятила подбородок, будто оправдательный приговор – ее законное право, и все тут. Ее сразу поглотила толпа бывших в истерике журналистов – все наперебой просили об эксклюзивном интервью, предлагая заплатить больше других.

– Больше ею нельзя воспользоваться, – с упреком сказал Джо. – Процесс завершен. Полиция уже ищет кого-нибудь, чтобы повесить на него убийство Эда.

Я вздрогнула. Даже сейчас мне не верится, что моего бывшего мужа больше нет. Мне его не хватает. В памяти постоянно возникают лучшие моменты: как мы в обнимку лежим на диване, как держим на руках маленького Тома, как радуемся, когда картину Эда приобрел анонимный коллекционер.

Но тут же вспоминается та пробежка рано утром по берегу моря, когда Джо потребовал теста на отцовство. В тот период я была эмоционально раздавлена. Меня возмущало, что Эд получил все, что хотел. Я ревновала из-за того, что Карла общается с моим сыном каждый второй уик-энд. Я была одинока, напугана, смущена тем, что меня по-прежнему влечет к Джо.

Только сейчас я позволила себе подумать о ключе, который держала при себе для самообороны. Который выпал у меня из кармана. Который подобрал Джо. И не вернул.

– Это запасной ключ от дома, – сказала я тогда с горечью. – От моего дома, который Карла забрала у меня вместе с моим мужем и любовью моего сына. Том только о ней и говорит.

– Я могу ее проучить, – тихо сказал Джо.

Меня охватил страх, смешанный с радостью.

- Я не хочу что-то ей делать. Да и ему тоже.
- Ну, тогда просто напугать.
- Это можно, – услышала я свой голос.

Именно тогда я кинулась бежать через дорогу к морю, потрясенная собственным поведением. Неужели я позволила себе преступить закон? В помрачении рассудка помогла опасному преступнику проникнуть в дом, где живут Эд и Карла? Это же подстрекательство к совершению преступления!

Я развернулась и, задыхаясь, бросилась обратно к уличному кафе. Но Джо как сквозь землю провалился.

Время шло, и ничего не происходило. Я немного успокоилось. Чем дольше не объявлялся Джо, тем легче было выбросить из головы мысли о ДНК-тесте. Может, Джо передумал или они сменили замки. Но затем пришло шокирующее известие об убийстве Эда. Когда мне позвонил Росс, я решила (как и весь остальной мир), что это дело рук Карлы. Но она сказала, что открылась дверь и на пороге стоял человек. Оказывается, были и письма с угрозами.

Вот почему я взялась вести ее дело. Мне нужно было отправить ее за решетку, потому что в противном случае полиция может выйти на след настоящего убийцы. Джо.

А он скажет, что ключ ему дала я. И меня посадят в тюрьму. И я потеряю Тома.

Это страшно себе представить. Ради сына я пойду на все. Предстояло выработать самую трудную стратегию защиты в моей практике: как подвести Карлу под длительный срок, но чтобы не казалось, будто я пустила дело на самотек.

Выстроить слабую защиту, чтобы наверняка ее утопить? Но это было бы шито белыми нитками. Я так себе и сказала, когда Карла попросила меня взяться за ее дело. Нужно было действовать более осмотрительно. Я решила прибегнуть к реверсивной психологии.

Почему я не стала сама защищать ее в суде? Не только потому, что судьи недолголюбивают поверенных с полномочиями адвоката. Мы вызвали больше доверия, когда я привлекла к защите другого юриста. Судьи меня знают, они знают мой стиль, и если бы защита была выстроена топорно, они бы немедленно почуяли подвох и обвинили меня в конфликте интересов.

Жена моего мужа.

Гораздо умнее было найти молоденького нервного адвоката, который благополучно заперет дело. Карле я сказала, что присяжные иногда проникаются неприязнью к самоуверенному, выдавшему виды барристеру

(так действительно бывает, но это скорее исключение из правил). Но мне везло как утопленнику: члены жюри сочувственно отнеслись к моему неловкому, заикающемуся мальчику-адвокату, начали ему доверять – и в какой-то момент проиграть стало невозможно.

Я знала, что, если потребовать от Карлы «одеться прилично», она из тщеславия разоденется в пух и прах, однако и тут я ошиблась в расчетах: на лицах присяжных – как мужчин, так и женщин – было написано восхищение ее вкусом.

Почему они не видели Карлу такой, какой видела ее я? Маленький манипулятор, который вырос в интриганку, соблазнительницу чужих мужей?

– Не надо было этого делать, – сказала я Джо, осипнув от шока и сознания собственной вины.

– У меня создалось впечатление, что Эд вам уже не дорог, – невозмутимо ответил Джо.

– Вы обещали только напугать Карлу, – прошептала я, – а не убивать моего мужа.

– Бывшего мужа, – поправил Джо. – А кто говорит, что я его убил? Откройте-ка конверт. Сейчас же.

Руки послушно сделали то, что запрещал им делать мой разум.

Внутри лежал запечатанный полиэтиленовый пакет. А в нем – пара резиновых перчаток, в каких моют посуду. Голубые. Маленького размера. На них следы крови. Крови и земли. Я ахнула.

– Теперь понимаете? – спросил Джо.

Я не могла в это поверить.

– Так, значит, это все-таки сделала Карла?!

– А кто же еще? – самодовольно и не без торжества произнес Джо.

– Откуда они у вас?

– Ходил вокруг дома, искал, прикидывал...

– Что вы собирались делать? – прошептала я.

– Не знаю. Никогда не знаешь заранее, пока это не начнется.

Мне вспомнилась фотография несчастной Сары.

– Я был там в тот вечер. Из дома с расстроенным видом вышел какой-то молодой верзила. Я слушал под дверь. Они скандалили, орали – короче, разошлись. Я решил, что сейчас им не до меня, и вошел.

Открыв дверь ключом. Моим ключом!

– Карла выбежала мне навстречу в перчатках, перемазанных кровью. Мое появление шокировало ее не меньше, чем меня – ее вид. Я выбежал за ней и увидел, как она бросила перчатки в кусты на другой стороне улицы.

Я не стал ее преследовать и подобрал перчатки, чтобы вы использовали их в качестве улики. Но вы этого не сделали.

Не сделала. Хотела справиться сама, без помощи преступника.

– Ну, и как теперь, Лили? – Голос Джо вернул меня к насущным вопросам. – Суд позади, клиентка оправдана. Но мы-то с вами знаем, что она виновна. А полиция уже ищет другого виновника – меня.

– Вы им о нас расскажете? – Мой голос прозвучал неожиданно жалобно.

– Смотря что и как. – В его ровном голосе слышалась угроза. – Не расскажу, если вы назовете настоящие результаты анализа ДНК.

– Я уже сказала, отец не вы.

– А я вам не верю. – Голос Джо стал жестче. – Закажите новый анализ, иначе... – Он не договорил, но все было ясно и без слов.

– Это шантаж?

– А хоть бы и так.

Я положила трубку. Руки у меня дрожали. Джо не просто убийца, он загнан в угол и опасен. И не только он. Что мне делать? Что мне теперь делать?

В одной из перчаток лежало что-то твердое. Ключ. Ключ, который я сразу узнала. По здравом размышлении, надо сейчас же идти в полицию и отдать им перчатки. Но сперва я нанесу визит ей. Жене моего мужа.

Глава 62. Карла

Карла паковала чемоданы – быстро, яростно. Нет, красные туфли она класть не будет, она в них поедет. Любимые духи – на удачу. Сначала в гостиницу, на эксклюзивное интервью, обещанное газете. Аванс пойдет на то, чтобы начать новую жизнь. Она свободна. Свободна!

Все получилось лучше, чем она смела мечтать. Бедненькая наивная Лили! Верит, что мир можно сделать лучше. Карла ее почти жалела. С другой стороны, Лили заслужила то, что с ней произошло. Пусть усвоит этот урок.

Присяжные ей поверили – Карла хорошо сыграла роль, однако в ее словах были вкрапления правды. Эд, разгоряченный вином и ревностью, схватился за нож. Она действительно его оттолкнула. Эд не удержался на ногах и упал, приложившись головой о стену. Карла схватила нож, защищаясь, и ударила, не целясь. Нож вошел Эду глубоко в бедро – из брючины торчала только зеленая ручка. А потом Карла бросилась бежать, на ходу зашвырнув перчатки в кусты.

Если бы она могла чистосердечно признаться в суде, что это была самооборона! Но многие знали, что они с Эдом не ладят – взять хоть последний громкий скандал на многолюдной вечеринке! А если бы ей не поверили? Нет, история о неизвестном злоумышленнике надежнее. Ведь это тоже правда – в дверях стоял мужчина, Карла смутно помнила, как пробежала мимо.

«Спасибо, что ты там стоял, незнакомец, – думала она. – Теперь на тебя можно повесить всю кровь и ужас».

Думать об этом было невыносимо. Единственный способ справиться с воспоминаниями – убедить себя, что все произошло так, как она рассказала на процессе. Жить своей жизнью. Она вместе с Поппи уедет в Штаты и построит жизнь заново вдали от любопытных итальянских и английских глаз. Юриспруденцию забросит – хватит с нее судов.

– Эй, ты!

Карла подскочила.

– Лили? Как вы сюда вошли?

Лили подбрасывала на ладони ключ, словно дразня Карлу.

– У меня есть запасной ключ. Это же раньше был мой дом, забыла? Прежде чем ты украла его и увела моего мужа. Надо было вам с Эдом сменить замки.

Карлу затрясло.

– У вас остался ключ?

Лили улыбнулась:

– Я одолжила его другу. Его-то ты и видела в дверях. Он сказал, что ты выбросила окровавленные перчатки, а он их подобрал в качестве улики.

– Вы лжете!

– Нет, – Лили говорила хладнокровно и с ужасающей уверенностью. – Не лгу.

Лили

Я приподняла пакет с перчатками.

– Видишь? Экспертиза подтвердит, что на них кровь Эда. И здесь ее куда больше, чем было у тебя на одежде. А еще на них осталась земля – ты пыталась избавиться от улики. Подозрительно, не правда ли?

– Вы не сможете ничего сделать! – засмеялась Карла. – Их нельзя использовать. Суд-то закончился!

– А ты, как я погляжу, не следишь за изменениями в уголовном кодексе. Видимо, гражданское право – твой потолок. Закон изменился уже несколько лет назад. Отчасти после того процесса, о котором я тебе рассказала – нарочно, к твоему сведению. Правило «дважды за одно преступление не судят» применяется теперь не всегда, особенно в случае появления новых улик. Например, ДНК. Все, что нужно, – отнести перчатки в полицию, и тебя будут судить снова. И на этот раз дадут пожизненное.

– Если вы так уверены, почему не пошли в полицию? – насмешливо спросила Карла.

Я уже понимала, что совершила ошибку.

– Хотела посмотреть тебе в глаза. Сказать, что я на самом деле о тебе думаю. – На глазах у меня выступили слезы. – Бедный Эд! Он не заслужил такой смерти, и ты заплатишь за это, Карла, пусть это будет последнее, что я сделаю в жи...

С горящими глазами она бросилась на меня с силой, которой я от нее не ожидала. Я оттолкнула ее, но споткнулась о стул красного дерева с плетеной спинкой, купленный мной когда-то на аукционе. Его Карла у меня тоже забрала.

Защищаясь, я резко выставила руки вперед – ключ и перчатки полетели в разные стороны.

Высверк металла.

Оглушительный грохот в ушах.

– Сейчас пять часов, и в эфире выпуск новостей...

Радиоприемник весело тараторит с соснового комода, заставленного фотографиями (отпуск, выпускной, свадьба). Рядом – красивое голубое с розовым блюдо и недопитая бутылка «Джека Дэниэлса» за поздравительной открыткой.

Пронзившая меня боль была настолько острой, что казалась нереальной. В мыслях промелькнула целая череда вопросов: что будет с Томом, если я умру? Кто его поймет? Как мама с папой переживут смерть второго ребенка?

Надо мной на стене висела картина с белым итальянским домиком, который очень украшают карабкающиеся по стенам бугенвиллеи, – память о медовом месяце. Эту картину мне помог нарисовать Эд.

Прошел уже час, а я по-прежнему лежу у стены. Ноги онемели. Я истекаю кровью и жду. Кровь струйкой стекает с головы, разбитой о стену. В груди страшно болит – неужели еще и инфаркт? Серебряный браслет, подаренный Эдом в медовый месяц, – вопреки всякой логике я ношу его не снимая – впился в тело, потому что я неловко упала. Подвернутая щиколотка, которая вначале только ныла, разболелась не на шутку.

Запах гари стал слабее. Горит что-то резиновое – так пахнет, когда жгут покрышки. Неужели она сожгла перчатки?

Если Карла их сожгла, доказательств больше нет. А если Джо расскажет про ключ, посадят скорее меня, чем ее.

Карла

От толчка Лили Карла налетела на кухонный стол – упавшее блюдо разлетелось на осколки. Падение ее оглушило, но не помешало снова толкнуть Лили. На этот раз там, где Лили ударилась о стену головой, осталась трещина.

Карла смутно помнила, как дошла до раковины и попыталась избавиться от перчаток. Изобличающая улика – это определение много раз попадалось ей в уголовных делах. Ее необходимо уничтожить.

Перчатки горели плохо, поэтому Карла изрезала их на мелкие кусочки

и спустила в унитаз. Обессилов, она сползла по стене в прихожей, под одним из набросков углем к самой первой «Маленькой итальянке».

Здесь можно было передохнуть. Серьезных травм она не получила, но психика уже не выдерживала.

Отсюда Карле были слышны стоны Лили. Кто бы мог подумать, что из головы может вытечь столько крови?

Если бы ее слушались ноги, Карла, может, и помогла бы Лили. У нее было время одуматься после первого шока при виде окровавленных перчаток. Странно, но она не испытывала к Лили ненависти за то, что та попыталась вернуть ее в тюрьму. На ее месте Карла поступила бы точно так же.

Всю жизнь она желала получить чужое – пенал в виде гусеницы, красивую одежду, отца. Ведь даже ее мать принадлежала Ларри! И Эда, пока наконец не заполучила его и не поняла, что он такое.

Карла напомнила себе, что не собиралась убивать Эда, а только защищалась. Она смертельно испугалась, когда нож вошел ему в бедро – легко, почти не встретив сопротивления. От этого воспоминания Карлу замутило.

«Я заслуживаю тюрьмы», – сказала она себе. Все зашло слишком далеко. Ее блуждающий взгляд упал на фотографию Эда с Томом. Отец с сыном сидели в обнимку и широко улыбались из рамки.

Поппи. Как ее дочка проживет без матери? Матери должны защищать своих детей. Теперь Карла понимала, почему мама Франческа в свое время лгала, что отец Карлы умер, а позже скрыла, что у нее рак. Карла не имеет права обречь Поппи на страдания, угодив в тюрьму. В детстве ей казалось, что нет ничего хуже, когда мать говорит с иностранным акцентом и пропадает на работе. Но для Поппи все обернется куда страшнее: в классе она будет изгоем с большой буквы И. Сомневаться в этом не приходилось.

Надо справиться со своим непослушным телом, встать и уйти. Хотя бы ради Поппи. Карла начала понимать, что сильно рискует, медля в прихожей. Кольцо бабки Эда поможет им с Поппи продержаться несколько недель.

Раздался стон. Карла сказала себе, что вовсе не желает Лили смерти, особенно теперь, когда перчаток больше нет. Она ее всего лишь толкнула (хотя трещина в стене производила шокирующее впечатление). Но и помогать Лили, рискуя собственной свободой, она тоже не намерена. Если на улице попадется телефонная будка, она сделает анонимный звонок о пострадавшей женщине.

– Лили?

Шаги. Кто-то идет по коридору. Карла в ужасе осознала, что Лили, наверное, оставила дверь открытой.

– Где моя Лили? Что ты с ней сделала?

Карла подняла глаза, и страх сдавил ей горло. Это он! Мужчина, который проник к ним в дом в тот вечер! При виде почти черных глаз в ней шевельнулось и более далекое воспоминание – это незнакомец, заговоривший с ней на похоронах Тони!

Он пробежал мимо Карлы к Лили.

– Дорогая, все в порядке, я уже здесь...

Но ответа Лили Карла не услышала.

От его приближавшихся шагов завибрировал пол. В руке сверкнул металл. Карлу охватило странное спокойствие.

– Ты ее ранила! – закричал он. – Ты ранила Лили!

Последнее, что слышала Карла, – это свист воздуха, разрезаемого летевшим в нее лезвием.

Глава 63. Лили

В себя я приходила долго. Не только физически, но и эмоционально. Все случившееся казалось нереальным.

Когда понимаешь, что все-таки не умрешь, тебя охватывает эйфория.

– Вам несказанно повезло, – твердили все.

Звучала и еще одна фраза:

– Хороший у вас ангел-хранитель!

И ты в это веришь, действительно веришь. Смотришь в больничное окно, как по улице ходят люди, подъезжают «Скорые», выкатывают пациентов в инвалидных креслах, кто-то ковыляет на костылях. Одни понуро опустили головы, другие смеются от облегчения. И ты понимаешь: настоящая реальность здесь, потому что здесь спасают жизни, а не там, за пределами больницы, где негодяи пытаются эти жизни отнять.

Когда заново освоишься в реальном мире, в душе начинают копошиться сомнения. В голову лезут мысли: что, если бы я не вышла за Эда, если бы шеф не поручил мне, молодой и неопытной, апелляцию Джо, если бы я не поддалась чувствам, если бы не познакомилась с Карлой и ее матерью, если бы не сидела тогда с Джо в хайгейтском пабе, если бы не уронила ключ, если бы не взялась защищать Карлу, если бы не открыла тот конверт?..

– Не надо думать о всяких «если бы», – говорит Росс.

Он регулярно навещает меня в Девоне, куда я приехала сразу после выписки. Сбоку на голове у меня навсегда останется шрам, хотя, когда волосы отрастут, он будет не так заметен. Сломанные ребра (поэтому так болело в груди) уже срослись, но запястье никак не проходит, и я пока не могу носить браслет, оказавшийся между мною и стеной, когда произошел удар. Сломанная при падении щиколотка почти в порядке.

– «Если бы» сведут вас с ума. Вы прекрасно себя проявили от и до, а если и допустили пару ошибок, так это жизнь, что поделаешь.

Вошла мама, неся на подносе кофе для нашего гостя, и услышала конец фразы. Она перехватила мой взгляд и отвела глаза, но я уже поняла, о чем она думает. Если я действительно хочу исцелиться, я должна рассказать правду. Свою последнюю тайну. То, о чем я не рассказывала мужу и больничному психологу.

Росс настоящий друг, я перед ним в долгу. А еще я в долгу перед собой.

Мне было одиннадцать лет, когда родители взяли к нам Дэниэла. Они уже не в первый раз приводили домой чужих детей. Помните, как папа обещал, что у меня вот-вот появится братик или сестричка? Позже я узнала, что у мамы выкидыш следовал за выкидышем и родители решили кого-нибудь усыновить – мне «для компании».

Конечно, это было достойное и высокоморальное решение, но мне в то время так не казалось.

Одни дети были более-менее, другие просто невыносимы. Несколько раз я возвращалась из школы и заставляла маму играющей с очередным трехлетним малышом. Мне хотелось рассказать, как прошел день, но она была слишком занята: то должен прийти с проверкой социальный работник, то ей надо отвести ребенка к доктору, потому что у него хрипы в груди.

Я все понимала, но это же не были мои родные братья и сестры. Они отнимали у меня родителей и заставляли чувствовать себя чужой. В школе считали странным способ моих социально гиперответственных родителей подбирать себе приемного ребенка: дети жили у нас от нескольких дней до года, а потом их отдавали обратно и брали других.

Наконец родителям пришло известие.

– У тебя будет постоянный братик, – объявил однажды отец.

Я хорошо помню, что мы как раз ели вареные яйца в нашем ухоженном, аккуратном лондонском доме – на две семьи, с декоративной штукатуркой. Никакой роскоши: хотя мамина семья была зажиточной, роскошь шла вразрез с социальными принципами родителей.

– У него было трудное детство, – подхватила мама. – Родители бедняжки... словом, они совершали плохие поступки. Поэтому иногда он тоже ведет себя плохо. Он побывал в нескольких приемных семьях, а мы его усыновим, дадим ему настоящий дом. – Она обняла меня. – Ты хорошо поступишь, Лили, если будешь ему заботливой старшей сестрой. Позаботься о нем вместе с нами.

И Дэниэл приехал.

Он был на год младше меня, но казался старше благодаря высокому росту, худобе и шапке спутанных черных волос. Оглядываясь, замечу, что родители могли бы тщательнее обдумать свое решение, но им хотелось сделать мир лучше – взять ребенка, с которым никто не справился. Позже я узнала, что биологическая мать Дэниэла была проституткой и героиновой наркоманкой, хотя он утверждал, что она работала цирковой акробаткой (он всегда умел приврать, чтобы привлечь к себе внимание). А отец сидел в

тюрьме за двойное убийство, совершенное под влиянием наркотиков, и о нем Дэниэл никогда не говорил.

С самого своего появления в нашей семье Дэниэл начал выкидывать номера. Нет, в школу он не пойдет. Нет, он не будет приходить домой, когда обещал. Нет, он не крал денег у мамы из кошелька. Мы что, ему не доверяем?

Сам Дэниэл доверял только одному человеку.

– Вам, – тихо сказал Росс.

Я смотрела в окно на лужайку, где Том с моим папой играли в крокет. Когда Тому удавалось провести мяч через воротца, от радости он подбрасывал молоток в воздух, совсем как Дэниэл. А промахнувшись, топал ногами. Сходство было поразительным, если учесть отсутствие кровных уз.

Природа или воспитание? Я до сих пор не поняла.

– Да, – негромко повторила я. – Дэниэл мне доверял. По какой-то причине он меня обожал, буквально не отходил от меня. А я его подвела.

Росс взял меня за руку – твердо, но ласково и без осуждения. Он помогал мне выдержать измены Эда. Как Дэниэл знал, что может мне доверять, так и я знаю: я могу всецело довериться Россу. Я не просто расскажу ему версию гибели Дэниэла, которую изложила Джо Томасу в пабе, или ту, которой ограничилась с Эдом, – в них я опускала немаловажный эпизод. Я расскажу Россу всю правду.

Все началось с девчонок из школы – они поголовно увлеклись моим новым братом. Он был хорош собой: высокий, с густыми кудрями и чуть асимметричной неотразимой улыбкой. А как он умел всех смешить! В классе он выбрал себе роль шута – огрызался, высмеивал учителей, наживал проблемы. Чем больше его отчитывали, тем хуже он себя вел. Он начал красть деньги у других учеников и истово клялся, что это не он.

Потом умер мой дед, и матери по завещанию достался дом в Девоне. Когда я устроила скандал, не желая уходить из своей школы, родители сказали: для Дэниэла это шанс начать все заново. Они не ошиблись: и Дэниэл, и я очень полюбили свой новый дом. Как необычно было жить у моря!

Я замолчала на минуту, глядя в окно на морские волны, бившиеся о скалы на дальней стороне бухты.

Родители сделали все от них зависящее, чтобы Дэниэлу было хорошо. Они купили ему Мерлина и взяли из приюта собаку. Они не обращали внимания на его плохое поведение, делая «упор на позитив». Они купили ему новую куртку, которую он захотел, зато мне не позволили приобрести

пушистый голубой свитер, на который я положила глаз (ну как же, Дэниэлу нужно, а мне, видимо, нет).

– Они меня выбрали, – гордо заявлял Дэниэл.

Но иногда маска с него слетала.

– Не хочу отличаться от других, – говорил он. – Хочу быть как ты, Лили. Как все.

Не только Дэниэл не мог разобраться в себе: я то ревновала его к своим родителям, уделявшим ему почти все внимание, то вдруг меня переполняла любовь к новому брату, и я радовалась, что у меня наконец-то появился товарищ для игр. Я невольно задумывалась, какой была бы наша жизнь, если бы родители выбрали кого-то другого.

Дэниэл по-прежнему наживал себе неприятности, как в Лондоне, и за те же самые проделки. Лгал насчет домашнего задания. Лгал насчет того, где был. Как старшая сестра, я его покрывала. Однажды следом за нами кинулся продавец магазина, крича, что Дэниэл украл пакет конфет.

– Он не крал, – настаивала я.

Но когда нас отпустили, Дэниэл достал пакет из носка.

Я вернулась в магазин и объяснила, что произошло недоразумение, а Дэниэл поклялся никогда больше так не делать:

– Я обещаю, обещаю!

В его – и моем – детстве полно таких случаев.

Когда ему исполнилось пятнадцать, одна местная девица заявила, что он с ней переспал. Об этом узнала вся школа.

– Это неправда, – засмеялся он в ответ на мой вопрос. – Сдалась она мне, она же шлюха. Есть только одна девушка, которую я хочу.

– Кто же? – насмешливо спросила я.

Его лицо вдруг потемнело, будто опустили штору.

– Не скажу.

Но вот пришел день моего первого свидания...

Краска залила лицо. Я замолчала.

...С одним мальчиком из школы. Моих подруг уже всю приглашали на свидания, но все они были красивее – стройнее.

Мама очень радовалась за меня:

– В чем же ты пойдешь?

Дэниэл впал в бешенство. Он не желал со мной разговаривать, а когда я наконец спустилась, потратив на сборы целую вечность, братец ехидно сообщил: мальчик позвонил и сказал, что он не придет. Позже я узнала, что Дэниэл подкараулил его у порога и наврал, будто я не хочу с ним никуда идти.

Росс мягко перебил:

– А вам не показалось, что...

Он не договорил.

– Нет. Со стороны это выглядит глупо, но я подумала, что Дэниэл опять взялся за старое. Создает, как всегда, проблемы. – Я глубоко вздохнула. – Но потом его рука стала невзначай задевать мою, у нас начались долгие беседы за полночь, а однажды вечером, когда мы пошли в конюшню кормить Мерлина, Дэниэл меня поцеловал.

Я прикрыла глаза. Даже сейчас я помню этот поцелуй. Он не был похож ни на какой другой – никогда в жизни меня больше так не целовали. Сознание того, что это неприлично и неправильно, лишь усиливало возбуждение. Да, я хотела, чтобы он меня целовал. Я вдруг поняла, что всегда хотела его поцелуев. Что я ревновала его к другой девице, с которой он якобы переспал. Но когда я наконец отстранилась, меня охватил стыд.

– Все нормально, – сдавленно сказал Дэниэл, часто дыша. – Мы не кровные родственники, можем делать, что захотим.

Но это не было нормально, и мы это понимали. Поцелуи становились все более смелыми. Даже сейчас, рассказывая об этом, я ощущаю преступное наслаждение.

Мама начала что-то замечать.

– Может, я все неправильно поняла, – начала она однажды с пылающими щеками. – Но, пожалуйста, будь осмотрительнее. Пусть Дэниэл тебе не родной, но он все же твой брат.

Я чуть не умерла от унижения. Мне было очень плохо. И я поступила так, как делают многие, когда их в чем-то обвиняют: начала яростно все отрицать.

– Как ты можешь допускать такие грязные мысли! – заорала я.

Мама покраснела, но стояла на своем:

– Ты говоришь мне правду о Дэниэле?

– Конечно правду! Как можно было такое подумать?

Но ее слова меня напугали. Мне уже исполнилось восемнадцать, Дэниэлу было семнадцать. «Этим», как выражались мои школьные подруги, мы еще не занимались, но все к тому шло. И подошло на опасно близкое расстояние.

Временами я так любила Дэниэла, что едва могла дышать, сидя напротив него за завтраком. Но бывали моменты, когда я с трудом заставляла себя находиться с ним в одной комнате. То же самое я позже испытывала к Джо.

В этом-то и суть: из-за Дэниэла я не чувствовала влечения к мужчине,

если с этим не было связано что-то запретное. Вот почему меня так тянуло к Джо. Вот почему медовый месяц стал настоящим мучением. Вот почему я никогда не хотела Эда.

– Затем, – с трудом продолжала я, – тот же самый мальчик снова пригласил меня на свидание (я ему объяснила, что произошло недоразумение из-за путаницы с датами). На этот раз я твердо решила не позволить Дэниэлу мне помешать. Это был шанс освободиться.

Я зажмурилась, чтобы не впускать в память свою комнату с постерами на стенах, письменный стол с разложенными на нем тетрадями и Дэниэла с бешеными глазами, разглядывавшего обтягивающий топ, который я надела на свидание. Такой серебристый (я на него долго копила), подчеркивавший фигуру...

– Если не хотите, можете не продолжать, – сказал Росс, видя мое состояние.

– Нет, хочу.

Я заставила себя рассказать, как взбесился Дэниэл. Как он ревновал к тому юноше. Как сказал, что я никогда не смогу отказаться от того, чем мы с ним занимаемся. Как он меня называл.

Шлюха. Потаскуха. Толстуха.

Крикнул, что никто другой меня не захочет.

И тогда я произнесла те роковые слова:

– Хоть бы тебя никогда не было на свете!

Дэниэл замолчал и долго смотрел на меня, а потом повернулся и вышел. Нанеся на щеки немного тонального крема, чтобы скрыть следы слез, я сбежала по лестнице...

Я замолчала, собираясь с духом перед последней частью истории.

– На выходе меня перехватила мама.

– Какая ты красивая, – сказала она, оглядывая мой топ. – Только надень пальто, на улице холодно.

Мне так отчаянно хотелось побыстрее уйти, что я забыла одеться. Я схватила пальто с вешалки.

– Ты идешь гулять с Дэниэлом? – дрожащим голосом спросила мать.

– Нет, – сердито бросила я, густо покраснев, как будто лгала, – у меня свидание с другим.

Мама была такого же цвета, что и я.

– Ты говоришь мне правду? – спросила она.

– Конечно правду. Дэниэл... куда-то ушел.

Рассказывать об этом было тяжело. Так тяжело, что слова застревали в горле. Но я должна. Я дошла до конца пути. Сейчас или никогда.

Росс держал меня за руку. Я глубоко вздохнула.

– Когда я вернулась – так получилось, что довольно рано, свидание оказалось неудачным, – мама билась в истерике. Они нашли записку Дэниэла со словами: «*Меня нет*». Не знаю ли я чего? Он что, убежал из дому? Только тут я догадалась: он отправился на наше место. Наше особое, тайное место.

Росс крепче сжал мою руку, и я говорила, не останавливаясь, изливая душу:

– Он висел под балкой конюшни в своей красной куртке, а Мерлин обнюхивал его ноги. А знаете, что было на замерзшей земле?

Росс покачал головой.

– Моя кукла. Моя старая кукла! Я в детстве с ней не расставалась. Амелия. Должно быть, он вернулся в дом, взял куклу из моей комнаты и написал записку. Понимаете, с Амелией ему казалось, будто я рядом до последнего мгновения...

Помню, маленькая Карла спросила про мою куклу, когда я везла ее на такси из больницы:

– Она до сих пор у вас?

– Нет, – ответила я ей, и это была правда.

Я попросила положить куклу в гроб Дэниэлу.

Горе, нахлынувшее от наконец-то позволенных себе воспоминаний, захлестывало меня, сдавливая горло. Дыхание стало судорожным, рваным. Я видела отца, рыдавшего над гробом не в силах поверить в то, что он видит. Видела мать, обхватившую себя руками и раскачивавшуюся, сидя на земле, повторяя одну и ту же фразу:

– Это наверняка какая-то ошибка...

Я повернулась к Россу:

– Разве вы не понимаете? Это же я виновата! Если бы я не пошла на свидание с тем мальчиком, Дэниэл не покончил бы с собой. Поэтому я больше не ходила на свидания. Только когда мы праздновали миллениум, папа потихоньку намекнул: пора двигаться дальше, жизнь продолжается.

– А вы уже встретили Эда, – тихо сказал Росс.

– Вот именно. Я и на юридический поэтому пошла – не в мире порядок наводить, а скорее в себе, если на то пошло. Мне хотелось иметь гарантию, что я никогда больше не совершу ошибки. – Я замолчала.

– А потом... – осторожно начал Росс.

– А потом я встретила Джо Томаса.

Глава 64. Лили

«Дорогая Лили!

Я искренне сожалею обо всем. Я совершила поступки, которые не должна была совершать, и не делала того, что мне приписывают. В любом случае сейчас я расплачиваюсь за них...»

Да-да, у этой истории есть постскриптум.

Никто не понимает, как Карла выжила: ярость Джо Томаса была чудовищна. Женщину-присяжную без чувств вынесли из зала суда, когда она увидела фотографии.

Одно можно сказать наверняка: «Маленькой итальянки» больше нет. Вместо атласной кожи у Карлы теперь шрам на шраме, один глаз уже никогда не откроется, угол рта сполз вниз. Только великолепные блестящие волосы остались прежними. Пожизненное заключение – это надолго, особенно когда красота уже не на твоей стороне.

ПРЕСТУПЛЕНИЕ НА ПОЧВЕ СТРАСТИ!

БЫВШИЙ ЗАКЛЮЧЕННЫЙ И ЕГО АДВОКАТ В СМЕРТЕЛЬНОЙ ГОЛОВОЛОМКЕ!

ВДОВА ХУДОЖНИКА ЗАМЕШАНА В ГРОМКОМ УБИЙСТВЕ!

Газеты много дней выходили с такими заголовками. Состоялись два громких процесса – над Джо и Карлой.

К счастью для последней, судьба снова подбросила ей рыцаря на белом коне – настоящего отца, который прежде не желал ее знать, потому что у него была другая семья. Но теперь его дети выросли, он развелся и нанял частного сыщика, чтобы разыскать свою дочь. Карла тогда еще жила в Италии. Папаша решил не форсировать события, но, охваченный сентиментальными чувствами, приобрел портрет, который детектив отыскал в лондонской галерее. Картина называлась «Маленькая итальянка», однако в сопроводительных документах упоминалось имя модели – Карла Каволетти.

Какое-то время папаше хватало портрета, но, когда он прочитал о первом суде над Карлой и смерти Франчески, в нем проснулась совесть. Он

внес залог, заставив деда Карлы сказать, что это их сбережения.

Когда Карла получила срок за нападение на меня и убийство Эда, у ее отца хватило смелости вмешаться открыто. Пресса снова получила сенсацию: «Отец “Маленькой итальянки” обещает позаботиться о своей внучке».

Я рада, что Поппи с ее чудесной беззубой улыбкой будет жить у родственников, пока мамаша отбывает срок, но стараюсь об этом не думать, занимаясь своими обычными делами.

Работы мне более чем хватает: я открыла юридическую консультацию по семейным вопросам, и от клиентов нет отбоя. Математические способности Тома сделали бы честь студенту университета, но он по-прежнему закатывает истерики, если его ботинки сдвинуты с места. Мне приходится напоминать себе, что, как советуют эксперты, лучше говорить «потеря самообладания», а не «истерика», потому что последнее слово несет в себе оттенок злонамеренности, а Том объективно не может ничего с собой поделать.

Зато на него умеет повлиять Элис, его школьная подруга. Нам она очень нравится. Диагноз у Элис приблизительно такой же, как у моего сына, поэтому они понимают друг друга. Возможно, однажды они станут больше чем друзьями.

А пока у меня есть мама и папа, которые стареют и поговаривают о продаже дома. И, конечно, Росс. Он стал у нас частым гостем – не навязывается, не надоедает, просто регулярно приезжает. Даже после моей исповеди.

Сегодня он привез мне письмо от Карлы. Я глубоко вздохнула и дочитала до конца:

...Я пишу, чтобы сообщить, что снова выйду замуж, как только Руперт получит развод. Свадьба будет в тюрьме, но это неважно. Руперта не останавливает то, что мое лицо изменилось. Он любит Поппи, как родную дочь (подчеркиваю, она не его). Мой адвокат говорит, что пожизненное не всегда на всю жизнь.

Пожалуйста, простите меня.

Надеюсь, вы найдете в своем сердце великодушие, чтобы пожелать мне счастья.

Искренне ваша,

Карла.

Я положила письмо на траву. Листок затрепетал и через мгновение

сорвался с места, подхваченный ветром. Я не стала его ловить. Письмо ничего не значит – Карла всегда была искусной лгуньей. Однако что-то до сих пор не дает мне покоя: есть во всем этом какая-то неправильность...

– Жвачка, клейкая лента, ножницы, колюще-режущие предметы?

Я снова пришла на свидание в тюрьму, на этот раз в другую. И не в качестве адвоката, а как частное лицо.

– Поднимите руки, пожалуйста.

Меня обыскивают – проворно, но тщательно. Мимо проходит кинолог с собакой. Пес, не обратив внимания на меня, молча садится возле девушки рядом за мной. Девушку уводят. Видимо, так работают «нюхачи»: не рычат, не лают, а просто садятся рядом.

– Зачем вы пришли?

Я сидела за столом, когда вошел Джо Томас. Он похудел и кажется меньше ростом. Смотрит на меня с каменным лицом. Мне бы испугаться, но я не боюсь. Вокруг много людей.

– Я хочу узнать правду о том, что произошло.

Он садится на стул, наклоняется ко мне и смеется:

– Я же вам рассказал. Все рассказал на суде.

Карлу приговорили за убийство Эда и покушение на меня, а несколькими днями позже состоялся второй процесс: Джо дали срок за нападение на Карлу и соучастие в убийстве Эда. Невероятная история, не правда ли?

Но именно так все и было. Давая показания на процессе Карлы, Джо заявил, что познакомился с ней на похоронах Тони Гордона (один из гостей подтвердил под присягой, что видел, как они разговаривали) и что они с тех пор не теряли друг друга из виду. Джо поклялся, что Карла, зная о его криминальном прошлом, наняла его в качестве киллера, пообещав заплатить из страховки Эда. Они договорились, что он явится в условленный вечер. Но, придя, он застал ее в ужасном состоянии и тут же увидел почему. Карла уже заколола Эда собственноручно. Попала в бедро – и убежала, оставив его, Джо, на месте преступления в качестве основного подозреваемого.

Карла все яростно отрицала, да и я чувствовала, что это неправда: такие, как она, киллеров не нанимают. Но государственный обвинитель прекрасно знал свое дело. Один жесткий допрос – и Карла сломалась, признавшись: да, она ударила Эда ножом. Он первый схватился за нож, всхлипывала она, ей показалось, что он хочет ее изуродовать из ревности к Руперту. Это была самооборона! Но она не нанимала Джо, это наглая ложь!

С новым жюри присяжных это не прошло, причем не последнюю роль сыграло то, что раньше Карла уже лгала под присягой.

Я похолодела от ужаса при мысли, что Джо назовет мое имя, но как только он заявил, что его наняла Карла, я поняла: он меня выгораживает. Видимо, ключ, который он мне вернул в перчатке Карлы, должен был стать еще одной уликой, но я решила, что он подталкивает меня к мести.

Я до сих пор гадаю, не выписал ли он мне тогда «пропуск на выход» из тюрьмы.

Свое второе появление в доме Эда и Карлы Джо объяснил желанием потребовать причитавшиеся ему деньги. И там, по его словам, он увидел меня без сознания после нападения Карлы.

Но я знаю: он пришел из-за меня. Видимо, догадался, что, открыв конверт с перчатками, я захочу лично разобраться с Карлой. Он хотел проверить, все ли со мной в порядке.

Меня мучает сознание, что, если бы Джо рассказал о любом из этих фактов, сидеть бы мне сейчас в соседней камере с Карлой. Но в этом и заключается проблема с ложью. Как я уже говорила, все начинается с невинной лжи, которая растет, множится и в конце концов становится такой же гнусной, как и ее прародительница. При этом ложь Джо Томаса меня спасла.

Поразительно, но присяжные ему поверили. Помогло и то обстоятельство, что в ночь убийства Эда на дверях не было никаких признаков насильственного проникновения. Получается, Карла самапустила Джо.

Он получил пожизненное за сговор с целью убийства Эда и покушение на жизнь Карлы. Столько же, сколько дали Карле за убийство Эда. Столько же, сколько сам Джо должен был сидеть за убийство Сары Эванс.

Кто-то скажет: правосудие свершилось, но я бы поспорила. За этим я и пришла – узнать истину.

– Как раз правду вы и не сказали. Я хочу знать, как все было на самом деле.

Джо ухмыльнулся, будто мы снова играли в игру, как во время подготовки апелляции, когда он загадывал загадки про бойлерную статистику.

– Дотроньтесь до меня, – сказал он так тихо, что я еле разобрала слова. – Дотроньтесь, тогда скажу.

Я огляделась. Охранники стояли со скрещенными руками. Женщины увлеченно говорили со своими визави. Некоторые пары молчали.

– Я не могу.

– Посмотрите вправо, только незаметно, – сказал Джо, не сводя с меня глаз.

Я посмотрела. Женщина, сидевшая справа от меня, шевелила пальцами вытянутой ноги в паху своего партнера.

Я вспыхнула до корней волос. Меня бросило в жар.

– Я не стану этого делать!

– Тогда я вам не скажу. – Это был шантаж, совсем как с анализом ДНК и ключом.

Я снова покосилась вправо. Ближайшая к нам охранница направилась к столу нарушительницы. На нас она не смотрела.

– Быстрее, – сказал Джо.

Сердце у меня забилося часто-часто, как тогда, на берегу моря, когда Джо подобрал мой ключ. Желание медленно разгоралось внизу живота, хоть я и старалась ему не поддаваться.

Мне вспомнились висящий в петле Дэниэл с длинной шеей, кукла Амелия, лежавшая у него под ногами, и Мерлин с озадаченным выражением на своей всезнающей милой старой морде. Мерлин, отравленный убийцей Сары Эванс в попытке меня запугать. Это заставило меня очнуться, встряхнуло и вернуло здравый рассудок.

– Нет, – твердо сказала я, не отрывая ног от пола. – Не буду. Я в эти игры больше не играю. Игры закончились, Джо.

Его лицо помрачнело, и он разочарованно пожал плечами, точно говоря – ну, если вы так хотите... Он попытался встать, но передумал.

– Вам повезло, я сегодня добрый. Я дам вам подсказку.

– Я же вам сказала. – Я едва не ударила кулаком по столу. – Игры закончились!

– Но эта игра в ваших интересах, Лили. Она даст вам душевный покой. – От его улыбки меня пробрала дрожь. – Следите за моим пальцем, внимательнее. – Он быстро вывел на столешнице какие-то цифры.

Ноль, пять и, кажется, шесть.

– Не понимаю, – от слез у меня защипало глаза. Мне стало дурно. Время свидания почти истекло. Я шла сюда за душевным равновесием, а получается, что пытаюсь добиться чего-то вразумительного от сумасшедшего.

– Смотрите еще раз.

Ноль. Определенно ноль. Пять. По крайней мере, очень похоже. Шесть. 056.

– Пять минут, – громко сказала охранница за моей спиной.

Джо бросил взгляд на часы. Это и есть подсказка?

Напрягись, сказала я себе. Думай об этом ребусе, как умеет думать твой сын. Взгляни на него под другим углом.

– Не знаю я, – всхлипнула я. – Не знаю!

Другие заключенные начали на нас поглядывать. Джо это тоже заметил.

Он заговорил медленно и твердо, как родитель, успокаивающий ребенка:

– Тогда я вам скажу. Это ничего не значит. Иногда мы видим подсказки там, где их нет. Истина, Лили, в том, что вы хороший человек, но в то утро вы были слабой. Ранимой. Испуганной. Поэтому и позволили мне взять ключ. Я знал, что, если с его помощью сделаю что-то плохое, вы никогда себя не простите. Можете вздохнуть спокойно: я не обманывал, сказав, что ключ мне не понадобился. Поэтому я и передал его вам в конверте.

Во мне затеплилась надежда.

– Честно?

До меня впервые дошло, что я совсем не знаю этого человека – и никогда не знала. Пусть он внешне напоминает Дэниэла и говорит, как Дэниэл, но он совсем другой. Он убийца. И лжец.

Джо ухмыльнулся:

– Карла действительно распахнула дверь, прежде чем я успел достать ваш ключ. Она явно собиралась сбежать.

– Значит, это не моя вина, что Эд погиб?

Джо отрицательно покачал головой.

– Но для чего вы заявили, что она вас наняла?

Он снова ухмыльнулся:

– Я знал, что меня все равно осудят за нападение на Карлу, и решил забрать ее с собой.

– Но это означало более долгий срок, – прошептала я.

– Ну что ж. – Джо неловко пожал плечами. – Назовем это предпоследним поступком ради любви к женщине, которая никогда не будет моей.

– Предпоследним? – прошептала я.

– Да. А вот и последний. – Он подался вперед. – Карлу посадили за убийство Эда, потому что она ударила его ножом, так?

Я кивнула.

– Но нож-то нашли на полу.

В суде поднимали этот вопрос. Да, призналась наконец Карла, она ударила Эда ножом. А что было потом, не помнит. У нее в голове так все перемешалось...

– Когда я зашел в дом, Лили, ручка ножа торчала из ноги Эда. – Джо говорил очень медленно, обдумывая каждое слово. – Эта глупая девка просто пырнула его и убежала. Вы в курсе, что нельзя вынимать нож из раны, а нужно ждать медиков, иначе можно серьезно навредить раненому?

Я слушала не дыша.

– Я вышел следом, увидел, куда Карла выбросила перчатки, и вернулся в дом. Мне нужно было выяснить, нет ли там чего, что могут мне инкриминировать. Некоторое время я ждал снаружи, стоя за изгородью, но никто не замечал приоткрытой двери. В этом и прелесть частных домов – они стоят в стороне от оживленных улиц. Идеальное место для грабителей. – Это прозвучало так легкомысленно, что меня передернуло.

– Я вошел – очень хотел на него посмотреть. Оказалось, он еще дышит. Я хорошо помнил, сколько боли он вам причинил, поэтому выдернул нож. Кровь хлынула. Эд издал странный булькающий звук...

Я отвела глаза, задыхаясь от горя.

– Ну а потом я сделал ноги. Сжег одежду и перчатки – я, естественно, захватил с собой собственные. Все ждал, когда за мной придет полиция. – Джо криво улыбнулся. – Очень удивился, когда арестовали... эту. Вскоре я узнал, что вы взялись ее защищать. Сперва я подумал, что вы решили обыграть систему: вроде как пытаетесь ее оправдать, а зеленый балбес-адвокат запретит все дело, и ей дадут приличный срок. Я послал вам в помощь перчатки, но вы не вскрыли конверт вовремя, и ее отпустили.

– Значит, Эда все-таки убили вы, – медленно произнесла я.

– Можно сказать, мы убили его втроем. – Черные глаза Джо смотрели уверенно.

Я вздрогнула. Джо протянул мне руки. После краткого колебания я кончиком пальца дотронулась до края его ладони – на одно мгновение. Сколько бы я ни спорила с собой, мы с Джо навсегда связаны общей историей. Мы встретились, когда он находился в тюрьме, а я на воле и только начинала знакомиться с новым, пугающим миром двойных запертых дверей, длинных коридоров и охранников. Но я старалась его оттуда вытащить, и мне казалось, что мы с Джо Томасом вдвоем против целого мира.

Прибавьте сюда наше глупое свидание в Хампстед-хит, рождение Тома, убийство Эда, приговор Карле. Вот почему граница между правдой и ложью кажется такой размытой.

– Я люблю вас, – сказал Джо, сверля меня черными глазами. – Люблю, потому что вы меня понимаете.

Дэниэл говорил то же самое, но вспомните, что получилось.

– Я не могу... – начала я.

– Знаю. – Джо взял мою руку. Я попыталась ее высвободить. – В вас больше силы, чем вы сознаете, Лили, – сказал он почти весело. Затем его лицо погрузнело. – Позаботьтесь о моем сыне.

Я вспомнила о прекрасных рисунках Тома, о его особом взгляде на вещи, которые появляются на бумаге. Это для нас новость: я и не знала, что он так хорошо рисует, пока в интернат не пришел новый учитель рисования, только-только после колледжа. Поразительно, каких результатов может добиться доброжелательный педагог, который понимает детей, – как с синдромом Аспергера, так и без него.

Учитель сказал, что способности к рисованию обычно передаются по наследству.

Джо продолжал смотреть на меня.

– Я много думал... Я не хочу нового анализа ДНК. Лучше буду думать, что Том от меня. Это поможет мне жить дальше. И не волнуйтесь обо мне – вполне справедливо, что я здесь.

– Время истекло!

Джо отпустил мою руку, и секундное ощущение потери тут же сменилось всепоглощающей волной свободы.

– Не приходите больше, Лили, – уже другим голосом сказал он, глядя на меня, будто хотел запомнить каждую черточку моего лица. – Не просите свиданий. Это будет нечестно по отношению к нам обоим. Живите как можно лучше. – Черные глаза в последний раз заглянули мне в душу. – Вы этого заслуживаете.

Эпилог

Лето 2017 года

РАЗДЕЛ «БРАКОСОЧЕТАНИЯ»

Скромная свадьба Лили Макдональд и Росса Эдвардса состоялась 12 июля...

– Ты счастлива? – спросил Росс, когда мы возвращались домой из церкви.

Да, мы с Россом поженились. Это произошло настолько естественно, что я не понимаю, почему не сделала этого раньше.

Мама нарядилась в розовый шелковый костюм. Лицо у нее потрясенное и восторженное. Том держит за руку Элис – их отношения крепнут. Мой сын очень похож на Эда в таком же возрасте, если судить по альбомам с фотографиями, которые мне завещала покойная свекровь. Я уже увереннее чувствую себя с сыном и перестала бояться довести его до крайности, как Дэниэла. Папа хлопочет у барбекю.

Мы всего лишь очередная пара, соединившая свои судьбы, уже пройдя полжизни. Таких много.

Не только Карла сочеталась браком в тюрьме – Джо, похоже, тоже решил не отстать. В газете напечатали фотографию его невесты, в которой я узнала свою прежнюю секретаршу, столь радостно объявившую о помолвке, помахивая левой рукой со сверкающим бриллиантом («Он положил кольцо в рождественский пудинг! Я его чуть не проглотила»). Значит, вот кто был поставщиком информации Джо! Все время, пока он признавался в горячей любви ко мне, он играл и на ее чувствах. Очевидно, женщина решила, что все равно его любит, хоть он и убийца.

Это лишнее доказательство того, что мне пора начать жить своей жизнью. Передо мной чистый лист. Я каждый день обещаю себе отпустить прошлое. Однако чувство вины вновь настигает в ночных кошмарах.

Если бы я сказала полиции, что нож из раны вытащил Джо, Карле сократили бы срок. Но Джо непредсказуем, и, если назначат пересмотр дела, он вполне может рассказать суду о ключе и заявить, что это я наняла его киллером, как прежде говорил про Карлу.

О таком сценарии я даже думать не хочу. Как Том будет без меня? Как я выдержу без него? Значит, Карла останется в тюрьме. Сын для меня важнее.

Поверьте, эти сомнения – нелегкое бремя.

С тех пор как мы с Россом сошлись, я много думаю. Он помог мне простить себя, юную, за роман с Дэниэлом. Я уже поняла, что совершила ошибку из-за молодости и закомплексованности. Дэниэл поддерживал меня, когда надо мной издевались в школе из-за полноты, но при этом, как мягко напомнил Росс, мой названный братец и сам был не прочь поиздеваться.

– Порой трудно разобраться в себе, – говорил он мне. – Особенно если любишь. И тяжелое детство, прежде чем Дэниэл попал к вам, тоже сказалось не лучшим образом.

Это точно. Иногда люди просто не такие, как все, и навешенный на них ярлык – вроде того же синдрома Аспергера.

Росс помог мне примириться со случившимся в Хампстед-хит.

– Тебя опьянил триумф, – сказал он. – Ты считала, что у вас с Эдом нет будущего, а Джо напомнил тебе Дэниэла.

Росс хороший человек, он всегда видит в людях лучшее.

Но я не рассказала ему о последнем признании Джо в том, что Карла его не нанимала и что именно он выдернул нож, спровоцировав фатальное кровотечение. Боюсь, Росс сочтет, что я обязана сообщить об этом в полицию независимо от последствий.

Когда мне нужно найти себе оправдание (а это случается нередко), я вспоминаю слова преподавательницы с юридического: «Хотите верьте, хотите нет, но возмездие не всегда бывает заслуженным. Иногда преступникам все сходит с рук. Других же сажают за то, чего они не совершали, но при этом они избегают ответственности за ранее совершенные преступления. Так что в конечном итоге некий баланс все же существует».

Может, она и права. Джо должен был пожизненно сидеть за убийство Сары Эванс, а вместо этого отбывает срок за Карлу и Эда. Карла, по сути, не понесет полной ответственности за смерть Эда, но, возможно, ее приговор – наказание за убийство моего брака. За привычку брать то, что ей не принадлежит.

Впрочем, как справедливо заметил ее адвокат, сейчас пожизненный приговор не означает, что преступнику действительно придется сидеть всю жизнь. Не исключено, что Карла выйдет на свободу еще в расцвете сил.

А вот мой приговор останется со мной до смертного часа. Такой уж я человек – стараюсь быть хорошей, но это мне не всегда удается.

– Готова? – спросил Росс и галантно подхватил меня на руки, чтобы перенести через порог модернизированного амбара, который мама с папой

заново отделали, чтобы обеспечить нам некоторую приватность.

Гости бросали конфетти и выкрикивали добрые пожелания, и я поклялась себе, что отныне моя жизнь будет совершенно другой.

– Я люблю тебя, – сказал Росс и нежно приблизил свои губы к моим.

Я тоже его люблю, но, как ни странно, мне по-прежнему немного не хватает Эда. Я помню все мелочи: например, что Эд любил некрепкий чай – так, чтобы буквально пару раз окунуть чайный пакетик в чашку. А он знал, что я люблю хрустящие рисовые хлопья без молока. Эти крупицы знания друг друга, скопившиеся за годы брака, образуют нерасторжимую связь.

Кроме того, у нас есть сын, и неважно, что я не проводила анализ ДНК (не представляю, как в случае чего быть с результатами). Права я или нет, но мне легче жить, не зная, от кого у меня мой Том – от Эда или от Джо.

Эд воспитывал Тома как своего (пусть у него и не было оснований подозревать иное), а теперь Росс пообещал делать то же самое.

– Я никогда его не оставлю, Лили. И тебя тоже.

Я не заслуживаю такого мужа – по крайней мере, его не заслуживает моя темная сторона. Но, может, у каждого в душе добро соседствует со злом? В каждом перемешаны правда и ложь?

Когда мы с Россом приготовились разрезать свадебный торт – друзья и родственники собрались вокруг, а Том встал рядом со мной, – одно я знала точно: я уже не миссис Эд Макдональд. Я жена своего нового мужа. И в горе, и в радости.

Выражение признательности

Я многим обязана моему литературному агенту Кейт Ходерн, которая прониклась к моей книге искренней симпатией и давала мне ценные советы. Ты настоящий капитан!

Я благословляю день, когда познакомилась с Кэти Лофтус, замечательным редактором издательства «Пингвин», которая поняла моих персонажей так же глубоко, как я сама. Ее профессиональный опыт и вклад в создание книги можно по праву назвать бесценными.

В «Пингвин» меня приняли просто великолепно: я встретила там всемерную поддержку, профессиональную помощь – и неожиданную веру в меня. Я шла в редакцию, как на праздник. Мне помогали слишком многие, чтобы перечислить всех поименно, но я обязательно назову Энни Холландс, Поппи Норт, Роуз Пул, Стефани Ноллз и великолепную команду юристов, сопровождавших меня с самого начала сотрудничества. Спасибо фотографу Джастину Стоддарту, который под проливным дождем блестяще справился с моей не желавшей сотрудничать челкой, и редактору-корректору Каролине Притти, которая очень помогла с хронологией романа.

Отдельно упомяну легендарную Бетти Шварц, которая помогла мне преодолеть первую ступеньку литературного творчества: мы давно дружим семьями с Бетти и ее добрым и остроумным супругом Ронни.

Мне пришлось порядком потрудиться, чтобы грамотно описать юридические тонкости. В связи с этим огромная благодарность Ричарду Джиббсу, отставному судье и моему партнеру по теннису, и стряпчему Йену Килси из «Килси и Холл солиситорс», к которому меня любезно направила ассоциация юристов. Только не подумайте, что перед вами учебник юриспруденции – просто основная сюжетная линия тесно переплетается с судебной практикой.

Я многим обязана Питеру Беннетту, бывшему начальнику тюрьмы, где я, писательница, три года преподавала литературу. Замечу, что в мои намерения не входило вывести под видом Брейквильской тюрьмы ее величества пенитенциарное заведение, где я работала, однако в итоге я научилась воспринимать тюрьму с разных точек зрения. Тюремные порядки и субкультура всегда вызывают интерес и не перестают удивлять.

Неоценимую помощь в работе над книгой оказало Национальное аутистическое общество. Подробную информацию можно найти на сайте

www.autism.org.uk.

Некоторым из моих персонажей предстояло умереть, но я и не подозревала, насколько сложно кого-то убить, пока не пообщалась с доктором Элизабет Суало, патологоанатомом-консультантом, почетным старшим преподавателем-лектором клинической хирургии при больнице Оксфордского университета под патронажем Национальной службы здравоохранения Великобритании. Спасибо, Элизабет, что терпели мои поздние звонки и разбирали со мной разные сценарии типа «а вот такое бывает?».

Как автор, я знаю, насколько плотно заполнен день литератора, поэтому искренне благодарю писателей, не пожалевших своего времени, чтобы прочитать «Жену моего мужа».

Многим писателям кажется, что единомышленников у них нет и быть не может, но, к счастью, жизнь свела меня с людьми, разделяющими мои взгляды и вкусы. Хочу поблагодарить своих подруг Кейт Фёрниволл, Розанну Ли, Бев Дэвис и всю «Фриланс медиа групп», а также новое явление – феерических «Прайм райтерс». Спасибо, что приняли меня в свои ряды.

И, наконец, хочу поблагодарить тысячелетний институт брака. Обручальное кольцо можно любить или ненавидеть, но порой оно приводит к невероятным событиям.

От автора

Придя в первый день на новую работу, я, обмирая от страха, поглядывала на витки колючей проволоки поверх высокой бетонной стены. Куда меня несет, черт побери? Что я, с ума сошла, решив отозваться на вакансию (и получить работу) в мужской тюрьме строгого режима? Как я выдержу два дня в неделю в обществе преступников и психопатов? И вообще, это безопасно?

Я привыкла считать, что тюрьмы существуют для людей, совершивших чудовищные преступления, поэтому меня ни разу не посещала мысль оказаться здесь – в качестве нарушителя закона или его слуги. Но расторжение моего первого брака совпало с окончанием десятилетнего контракта на ведение колонки в женском еженедельном журнале (сменился редактор, и это повлекло за собой определенные изменения). В газете я увидела объявление, что в тюрьму, расположенную недалеко от моего дома, требуется писатель, чтобы преподавать литературу. Я очень нуждалась в работе, и это была единственная вакансия, которую я смогла найти.

«Попав в тюрьму», я открыла для себя мир, который невозможно себе представить, не побывав в этой среде. Мир, где никто не является тем, кем кажется. Мир, к которому я научилась приспосабливаться. Мир, которым я увлеклась и который, не побоюсь этого слова, полюбила, хотя меня никогда не отпускали тайный страх и неизвестность.

В тюрьме уживаются невероятные противоречия. Там бывают смех и слезы. Встречается доброта, но также и агрессия. С одними охранниками я сдружилась, другие отнеслись к «добренькой» литераторше с вполне понятным недоверием. Однажды меня заподозрили в попытке пронести чипсы с целью «подкупа» заключенных, обыскали и нашли один пакетик чипсов с сыром и луком для личного употребления. Я пожаловалась, и больше никто не совал нос в мой контейнер с ланчем.

Еще я узнала, что доверие завоевывается ценой определенного риска. На моих семинарах и даже на индивидуальных занятиях тюремная охрана не присутствовала. Однажды для нас не нашлось свободного помещения, и мои мужчины предложили провести занятие наверху, где располагались камеры. В принципе, это было запрещено, но охрана позволила – на мой страх и риск. Я оказалась в щекотливой ситуации: если со мной что-то случится, пресса катком проедется по незадачливой писательнице, которая

сама подвела себя под монастырь. Если отказаться, мои ученики решат, что я им не доверяю. Наверх я поднималась с трепыхавшимся в горле сердцем... но все обошлось. В целом заключенные были со мной очень вежливы и с большим энтузиазмом учились писать биографии, романы, короткие рассказы и стихи. Это, как мне объяснили, положительно влияет на их самооценку и снижает риск рецидива.

И все же внешность бывает обманчива: недосчитавшись иных «студентов», я узнавала, что им в двадцать четыре часа «сменили хату» (перевели в другую тюрьму) за хранение наркотиков или владение мобильным телефоном. Между заключенными случались жестокие стычки (один из них убил сокамерника как раз в тот период, когда я работала в тюрьме). А еще мне рассказывали местные легенды о романах между охранниками и заключенными.

В первые дни я сгорала от любопытства, какие же преступления совершили мои «студенты». По неписаным тюремным законам, расспрашивать заключенных «западло», но иногда их тянуло на откровенность: один признался, что он насильник, другой оказался убийцей. Как я потом жалела, что они не промолчали! Насколько проще было воспринимать их просто как людей, которые хотят научиться писать книги! В конце концов, слово – универсальный инструмент социального равенства.

Все это – и не только – вдохновило меня на создание «Жены моего мужа». Надеюсь, вы прочли роман с удовольствием.

notes

Примечания

1

Соответствует 48–50-му российскому размеру.

Дорогая моя (*ит.*). – Здесь и далее *примеч. пер.*

3

Линия метро, пересекающая лондонский регион с запада на восток.

4

Дело, за ведение которого адвокат не получает гонорара (*лат.*).

Средневековый замок в Германии.

6

Я не знаю (*ит.*).

Моя малютка! (*ит.*)

Весьма сожалею! (*ит.*)

Спасибо, спасибо! (*ит.*)

Петух в вине (*фр.*).

Ироническое прозвище жителя Нью-Йорка.

Одна из форм аутизма.

Строка из «Сонета к Вестминстерскому мосту» У. Вордсворта (*пер. В. Левика*).

«Золотая сокровищница английской поэзии» – поэтическая антология, изданная Ф. Палгрейвом.

Стихотворение У. Блейка (*пер. К. Бальмонта*).

Симпатичные, красивые (*um.*).

Отмечается 26 декабря.

От англ. *bastard* – незаконнорожденный, выродок.

Адвокат (*um.*).

20

Соответствует 44-му российскому размеру.

Солиситоры и барристеры – две категории судебных юристов в Великобритании. Барристеры, в отличие от солиситоров, имеют привилегию выступления в высших судах, но могут также вести дела и в низших.

От англ. porru – мак.

В Британии принято слабое рукопожатие.

Любовь втроем (*фр.*).